

- [Николай Васильевич Гоголь](#)
 - [ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ](#)
 - [НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ](#)
 - [НОС](#)
 - [I. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК](#)
 - [II. ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ](#)
 - [III. ЭПИЛОГ В “СОВРЕМЕННОМ”](#)
 - [ПОРТРЕТ](#)
 - [РЕДАКЦИЯ “АРАБЕСОК”](#)
 - [ШИНЕЛЬ](#)
 - [I. ПОВЕСТЬ О ЧИНОВНИКЕ КРАДУЩЕМ ШИНЕЛИ](#)
 - [II. ОТРЫВКИ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ](#)
 - [III. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ЭПИЛОГА](#)
 - [КОЛЯСКА](#)
 - [РИМ](#)
 - [ВАРИАНТЫ](#)
 - [НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ](#)
 - [НОС](#)
 - [ПОРТРЕТ](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [ЧАСТЬ II](#)
 - [ШИНЕЛЬ](#)
 - [КОЛЯСКА](#)
 - [ЗАПИСКИ СУМАШЕДШЕГО](#)
 - [РИМ](#)
 - [КОММЕНТАРИИ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ](#)
 - [НОС](#)
 - [ПОРТРЕТ](#)
 - [ШИНЕЛЬ](#)
 - [КОЛЯСКА](#)
 - [ЗАПИСКИ СУМАШЕДШЕГО](#)
 - [РИМ](#)
-

Николай Васильевич Гоголь

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Повести

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге. Чудный Невский проспект! Единственный Невский проспект! Улица-красавица нашей столицы! Гм! Я знаю, что бледный чиновник, житель ее, ни за что не отдаст Невского проспекта, не только кто имеет 25 лет от роду, прекрасный и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, [Далее начато: кому] у кого показывается белый волос <на> подбородке и голова гладка как серебряная лоханка, и тот <в> восторге тоже <от> Невского проспекта. [Невский проспект единственная улица] в Петербурге, где [сколько-нибудь показывается наше таинственное] общество, в многолюдной массе [Далее начато: которое] пользующееся самую бесцветною славою, заставляющею даже [заставляющею даже его] подозревать [Далее начато: все] и сомневаться в его существовании. Тут оно иногда высыпается из карет своих. Но живописец характеров, резкий наблюдатель [живописец, резкий наблюдатель] отличий, лопнет с досады, если захочет его изобразить в живых огненных чертах. Никакой резкой особенности! Никакого признака индивидуальности! А дамы! о, дамам еще больше приятен Невский проспект. [А дамы без ума от Невского проспекта.] Да и кому он не приятен? Чуть только взойдешь на Невский проспект, так уже и пахнет гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь <дело>, но, взошедши на него, верно, позабудешь.

Тут только могут столкнуться различные классы общества. [все классы нашего общества.]

Единственное место, <где> показываются люди не по необходимости, куда их не загнала [<где> можно видеть людей, которых, не за<гнала>] надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, встреченный человек на Невском проспекте меньше эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где интерес и надобность и жадность выражаются [видна] в едущих и летящих [в едущих и идущих] на дрожках и в каретах.

Я готов клясться, что половина жителей Петербурга без ума от Невского проспекта. Да как и не быть без ума? Жилец какой-нибудь Петербургской или Выборгской части, который десять лет [который в

продолжение <десяти лет?>] не выставляет своего носа <к> знакомому [<к> приятелю] своему на Песках или у Московской заставы, здесь он встретится с ним прежде нежели думает. Никакой адрес-курант и справочное место не доставит такого верного известия, [такого верного местожительства] как Невский проспект. [Далее начато: Чудный] Всемогуший Невский проспект: единственное развлечение [единственное развлечение и гулянье] бедного на гулянья Петербурга. Как чисто подметены его тротуары, и, боже, сколько ног всякого народу оставляет на нем следы [сколько ног всякого народу пройдет по нем] в один день! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под которым трескается даже гранит, и миниатюрный легкий как дым башмачек молоденькой дамочки, оборачивающей свою головку [оборачивающей точно подсолнечник свою милую головку к солнцу] к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика [и сабля прапорщика], оставляющая на нем резкую царапину, всё вымещает на нем [всё показывает следы свои] могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантазмогория в течение только одного дня! [Далее начато: в один день сколько]

Сколько вытерпит он перемен в один день! Начнем с самого раннего утра, [Начнем с утра] как весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами <и> наполнен старушками в салопах, в изодранных платьях, [Далее начато: спешащих] совершающих свои наезды на церкви и сострадательных прохожих.

Тогда Невский проспект пуст. Плотные содержатели магазинов [и] их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку [или мылят щеку] и пьют кофий. Нищие собираются у дверей кондиторских, где сонный ганимед, [где безобразный ганимед с метлою] летавший вчера, как муха с шеколадом, вылезает [выпив вылезает] с метлой в руке без галстука, и швыряет [и выбр<асывает>] им черствые пироги и объедки. По улицам плетется нужный народ, иногда переходят русские мужики, спешащие на работу в сапогах, [спешащие в сапогах] запачканных известию, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотой, не в состоянии был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они не услышат ни в магазинах, ни в театрах. [а. каких они может быть даже никогда не слышали б. каких они не услышат ни в магазинах ни в концертах.]

Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем в таком случае, [особливо в таком случае] когда [Далее начато: к департа<менту>] через Невский проспект лежит дорога в его департамент. В это время и до 12 часов можно сказать решительно, что Невский проспект не составляет ни для кого цели. Он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем. Русский мужик говорит о гривне или семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками, и говорят [или говорят] сами <с> собою, иногда с жаром [часто с жаром] и самыми разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах с пустыми штофами [с ш<тофами>] или готовыми сапогами в руках, бегущих молнией по Невскому проспекту. [Далее начато: Тут]

В это время что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы вы воротничок слишком много высунули из вашего галстука, — никто этого не заметит.

В 12 часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские джонсы и французские коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению <питомцами> и с приличною солидностью изъясняют [и назидательно изъясняют] им, что вывески делаются для того над магазинами, чтобы можно было через них узнать, [чтобы узнать] что находится в самих магазинах. Гувернантки, бледные мисс [Мисс, мадам] и розовые мадемуазель, [мамзель, мадам] идут величаво [величаво держа в струнку] позади своих легоньких вертлявых девчонок, приказывая [направляя их издалека или приказывая] поднять несколько левое плечо или держаться прямее. [держаться ровн<ее>] Короче сказать, в это время Невский проспект — педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем [тем более] уменьшается число гувер<нанток?>, педагогов и детей; они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами. [а. с своими пестрыми, разноцветными, слабыми подругами б. с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными и томными подругами] Мало-по-малу присоединяются к их составу все [Далее начато: неимеющие уже в это время] окончившие довольно важные домашние занятия, как то поговорившие с своим доктором о погоде и небольшом прыщике,

вскочившем на носу, узнавшие о здоровья лошадей и детей своих, показывающих большие дарования, [и показывающих большие дарования детей] прочитавшие афишу <и> важную статью в газетах о приезжающих [отъезжающих] и наконец выпившие чашку кофию и чаю; к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным местом [а. благословенным местом в газетах б. благословенным заняти<ем>] чиновников по особым поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии, [Далее начато: боже, какие] отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы, как они возвышают и услаждают душу! Но, увы, я не служу и лишен удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличия. Мужчины в длинных сюртуках с заложенными в карман руками, дамы — в щегольских шляпках.

Вы встретите здесь бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстух, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболев или уголь, но, увы, почти принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах; они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие! Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые; усы, которым [посвящена] лучшая половина жизни, предмет долгих бдений среди дня, как и ночи. Усы, на которые излились лучшие восхитительнейшие духи и ароматы и [Далее начато: помазан<ные>] которые умастили все редчайшие и драгоценнейшие сорта помад. Усы, которые заворачиваются на ночь одою известного писателя; усы, к которым дышет самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие. [Далее начато: На Невском проспекте вы увидите дам и вы встретите<те>] Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, поясов пестрых, легких, к которым иногда на целые два дни сохраняется привязанность их владельцев, ослепит хоть кого на Невском проспекте. [а. Тысячи ~ поясов осле<пительных>, легких [что все] б. Тысячи ~ поясов пестрых, легких так ослепят вас в. Тысячи ~ их владельцев, ослепит вас всех] Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось разом со стебелька и волнуется морем над черными жуками мужского пола. Вы встретите здесь такие талии, какие вам не снились никогда, талии тоненькие, узенькие, талии никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно пройдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем;

сердцем овладеет робость и страх, чтобы каким-нибудь образом это прелестнейшее произведение природы и искусства не переломилось. А какие встретите дамские рукава на Невском проспекте! [а. [Вы] А дамские рукава, эти роскош<ные> б. А какие ~ на Невском проспекте! Кажется, вообразишь себе, что] Ах, какая прелесть!

Они несколько похожи на два воздухоплавательных шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы ее не поддерживал мужчина, потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, <на>полненный шампанским. [Далее начато: На Невском проспекте] При встрече нигде так непринужденно благородно не раскланиваются, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, chef-d'oeuvre [В рукописи: chef devre] искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что вы увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете <ее>. [Далее начато: Вы увидите] Здесь встретите разговаривающих о концерте или о погоде [разговаривающих о погоде или театр<е>] с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. [Далее начато: Боже как есть <1 нрзб.>] Да, странные характеры встречаются на Невском проспекте. [Далее начато: Вообразите] Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно [которые, непр<еменно>] посмотрят на сапоги ваши, и когда вы пройдете, они оборотятся [пово<ротятся>] непременно назад, посмотрят на спину вашу. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но нет, после решил, [но после уверился] что они большею частию служат по разным департаментам и многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казенного места в другое, или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет в кондитерских, словом, большею частию всё порядочные люди. В это благословенное время от 2 до 3 часов, которое может назваться движущею<ся> столицей Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека: один показывает сюртук [прекрасный сюртук] с бобром из сукна, другой — греческий прекрасный <нос>, третий несет превосходные [благо<родные?>] бакенбарды, четвертая — пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстух, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление.

[Далее начато: а. За три часа б. Но к <трем часам>] Но бьет 3 часа, и выставка оканчивается, толпы редуют.

В три часа настает на Невском проспекте весна. Он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные и <1 нрзб.> надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. [столен<ачальники> и другие начальники бегут, ускоряют ход свой.] Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари еще стараются воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающие, что они вовсе не сидели 6 часов в присутствии.

Но старые коллежские секретари и титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову. Им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих. Они еще не вполне оторвались от забот своих, в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел, им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.

С 4-х часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит чрез Невский проспект с коробкою в руках. Какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого понытчика, пущенная по миру во фризовой шинеле, какой-нибудь заезжий чудаков, которому все часы равны. [Далее начато: Какой-нибудь артельщик с узенькой боро<дой>] Какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикулом и книжкой в руках. Какой-нибудь артельщик, русской человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородкою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором всё шевелится: спина и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару; иногда низкой ремесленник, — больше никого вы не встретите в это время на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на дома и улицы, и будочник, на<де>вший рогожу, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низких окошек выглянут те эстампы, которые не смеют показываться среди дня, так уж [то уж] Невский проспект опять оживает и шевелится. [Невский проспект в одно мгновение наполняется гуляющими, но эти гуляющие молодые люди в] Настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый чрезвычайно свет. Вы встретите очень много

[чрезвычайно] много] молодых людей, большею частью холостых, в их теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель или лучше похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное, шаги всех ускоряются и толкаются, вообще очень неровны, длинные тени мелькают и чуть не достают головами Полицейского моста.

Молодые губернские регистраторы, губернские и коллежские секретари очень долго прохаживаются, но старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большею частью сидят дома или потому, что это [что они] народ женатый, или им очень хорошо готовят кушанья живущие у них на домах кухарки-немки. [живущие у них на домах немки.] Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались [расхаживали] в 2 часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной даме, которой толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами, так по душе многим гуляющим, но еще больше сидельцам и приказчикам, ходящим всегда в немецких сюртуках, под руку.

“Стой!” закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и в плаще: “видел?”

“Видел. Чудная, чудная, совершенная Перуджинова Бианка”.

“Да ты об какой говоришь?”

“Об ней, о той, что с темными волосами. И какие глаза! боже, какие глаза и какие ресницы, и оклад лица чудесный!”

“Я говорю об блондинке, что прошла моей стороной. [что прошла <в мою> сторону.] Что ж ты не идешь за брюнеткою, когда она тебе так понравилась?”

“О, как можно”, — вскрикнул, почти покрасневшись, молодой человек во фраке: “как будто она из тех, которые ходят ввечеру по Невскому проспекту. Один плащ на ней стоит больше 300 рублей; это должна быть какая-нибудь дама высшего...”

“Простак!” закричал поручик Пирогов, толкнувши его в ту сторону,

<г>де далеко уже развевался щегольский яркой плащ красавицы...
“Ступай, простофиля, прозеваешь, а я пойду за блондинкою”.

Оба приятеля расстались. “Знаем мы всех их”, — прибавил он с самодовольною и самонадеянною улыбкою, уверенный, что нет красоты, осмелившей<ся> ему противиться.

Молодой человек во фраке и плаще с робким и трепещущим движением поворотил в ту сторону, где развевался вдали пестрый плащ, беспрестанно [вдруг] то окидывавший<ся> ярким блеском по мере приближения к свету фонаря, то покрыва<вшийся> темнотою по удалении от него. Сердце его билось и он ускорил шаг свой. Он не смел и думать о том, чтобы иметь какое-нибудь право <на> внимание улетающей вдали красавицы; тем более допустить такую черную мысль, какую только что объявил поручик Пирогов. Но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет свое жилище это прелестное существо, которое, казалось, сорвалось с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит опять неизвестно куда. Он ускорил шаги свои [Он ускорил шаги свои сколько можно было ускорить] и, казалось, летел и, не глядя, сталкивал солидных господ с черными и поседевшими бакенбардами.

Этот мелодий человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас странное явление и вовсе не принадлежит к гражданам Петербурга, [а. который принадле<жит?> б. который не принадлежит к [какому] гражданам Петербурга, он представляет какое<то> маленькое, легонькое исключение] так же как лицо, являющееся нам в сновидении, не принадлеж<ит> к существенному миру. Это небольшое сословие чрезвычайно странно [Далее начато: между тем] в том городе, где все или чиновники, или купцы, или ремесленники-немцы. [или немцы мастеровые.] Это сословие художников. Какое странное явление: художники петербургские! Художники северные! Художники в стране финнов, где всё мокро, гладко, [где всё гладко, серо] ровно, бледно, серо, туманно. — Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и ее небо.

Петербургские художники совершенно другое. Это большею частью добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий пить с двумя приятелями своими в маленькой комнате чай и скромно потолковать об любимом предмете. Он [Далее начато: любит] вечно зазовет к себе каку-

нибудь нищую старуху и заставит ее просидеть битых часов шесть, [Далее начато: за что в качестве натурщицы] с тем, чтобы перевести на полотно ее жалкую бесчувственную рожу; он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякий художественный вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные станки, опрокинутую палитру, стены, запачканные [палитру, пол запачкан<ный>] красками, с растворенным окном, в котором мелькает бледная Нева и бледные рыбаки в красных рубашках. [Далее начато: они почти с любов<ью>]

У них всегда почти на всем серенький смутный колорит— неизгладимая печать севера, — но при всем том они с истинным желанием и даже <с> наслаждением трудятся над своими картинами. Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только пахнул на них свежий пламенный воздух Италии, он бы, верно, развился вольно, ярко и широко [истинный талант, которому недостает только пламенной Италии, чтобы развернуться смело, вольно, широко и ярко] так, как растение, которое из теплицы выносят наконец, на вольный воздух. Они вообще робки; их звезда и толстый эполет в такое приводит замешательство, что они невольно понижают цену своим произведениям. Они любят иногда пощеголять, но щегольство это кажется на них слишком резко и как-то несколько похоже [и несколько похоже] на заплату. На них вы встретите иногда отличный [прекрасный] фрак — и запачканный плащ, дорогой бархатный жилет — и <1 нрзб.> фрак весь в красках. Таким же самым образом на недоконченном их пейзаже вы увидите опрокинутую вниз головою нимфу, которую он от рассеянности и не желая искать нового грунта [порожного грунта] наметал на прежней когда <то> им с наслаждением писанной [с наслаждением рисов<анной>] картине. Он никогда не глядит вам прямо [Далее начато: мутно] в глаза; если же глядит, то как-то мутно неопределенно и не вонзает в вас ястребиного взора наблюдателя или соколиного [орлиного] взгляда кавалерийского офицера, [взгляда военного] потому что он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь геркулеса, стоящего в его комнате, или ему представляется [представляется та] <2 нрзб.> картина, за которую он готовится приняться, и от этого [и потому] отвечает он часто несвязно и вовсе невпопад, и эти мешающиеся в его голове предметы еще больше увеличивают его робость. К такому роду принадлежал описываемый нами молодой человек Палитрин, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший огонек, готовый при удобном случае превратиться в пламень. С

тайным трепетом спешил <он> за предметом, так сильно его поразившим и, казалось, дивился своей дерзости. Существо, к которому прикованы были [к которому устремились] его глаза, мысли, чувства, вдруг оборотилось на повороте улицы и взглянуло на Палитрина. Боже, какие божественные черты! Ослепительной белизны [лоб], прелестнейший <лоб> надвинут был прекрасными как агат волосами. Они вились, эти прекрасные волосы, и один [прелестный] [локон] упал из-под шляпы и коснулся щеки, тонко тронутый свежим румянцем, [вечерним румянцем] проступившим от вечернего холода. Уста были замкнуты целым роем прелестнейших <?> грез, что́ остается от воспоминания о детстве, что́ доставляет мечтание и тихое вдохновение в священный час ночи при тихой лампаде поэта. Боже, всё это, казалось, совокупилось, слилось, отразилось в ее гармонических устах. [отразилось в ее божественных чертах.] Она взглянула на Палитрина, и при этом взгляде казалось упало, задрожало сердце. Она взглянула сурово, чувство негодования проступило у ней на лице при виде такого наглого преследования; но на этом прекрасном лице самый гнев [но на этом прекрасном лице черты] был обворожителен. Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза. Но как утратить это божество, не узнать даже того святого места земли, где [того святого места, где] оно решилось гостить? Такие мысли пришли в голову молодому мечтателю, и он решился преследовать. Но чтобы не дать этого заметить, он отдалился на далекое расстояние, беспечно глядел по сторонам и рассматривал вывески, а между тем не упускал из виду ни одного шага чудной незнакомки. Проходящие реже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась и встретила [встретила глазами] с потупленными глазами Палитрина. Легкая улыбка сверкнула [улыбка блеснула] на губах и молнией сверкнула на его сердце. Он задрожал, он не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим дал на лицо ее подобие улыбки, нет, это собственные мечты [а. нет, это [глаза] напряженные глаза б. нет, это взор] его смеются над ним... Но дыхание занялось [но дыхание казалось улетело] в его груди, всё обратилось в нем в неопределенный трепет, все чувства его горели, [все чувства его превратились] и всё перед ними окунулось каким-то туманом. [и всё перед ним смешалось.] Тротуар несясь под ним, кареты со скачущими лошадьми были неподвижны, <мост> растягивался и ломался на своей <арке>, [ломался на своей опро<кинутой? > <арке>] дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу и алебарда ее командира <?>, вместе с золотыми словами вывески [алебарда ее командира блестела вместе с вывескою] и нарисованными ножницами, блестела, казалось, на самой реснице его глаз, и всё это произвел один

взгляд, один поворот хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, он неся по легким воздушным следам прекрасных ножек, по временам только стараясь умерить быстроту своего <шага>, бежавшего [ступа<вшего>] под такт сердца. Иногда овладевало им сомнение: действительно ли выражение лица ее лишено было гнева [выражение лица ее изображало <гнев>], и тогда он на минуту останавливался, но сердечное биение, непреодолимая сила и тревога всех чувств стремилась его вперед. Он не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный <дом>, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули [все четыре ряда окон глянули] разом на него и перилы [и решетка] у подъезда [Далее начато: ударили] противопоставили ему железный толчек свой. Он видел, как незнакомка летела по лестнице, оглянулась, положила на губы палец и дала знак следовать за собою. Колени его дрожали; чувства, мысли горели. [Далее начато: Нет, это уже не мечта] Молния радости нестерпимым острием ударила в сердце. Нет, это уже не мечта! Боже, столько счастья! [а. Боже, столько счастья в один б. Боже, столько счастья в течении] Такая чудесная жизнь в двух минутах!

Но не во сне ли это всё? Ужели та, за один небесный взор которой он бы готов был отдать всю жизнь, приблизиться к жилищу которой уже он почитал за неизъяснимое блаженство, ужели та была сию минуту так благосклонна и внимательна к нему? Он взлетел на лестницу. Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, [Далее начато: это доверие к нему еще <болае>] как девственный юноша, еще дышущий неопределенною духовною потребностью любви, и то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие мысли, [дерзкие страсти] то, напротив того, еще более освятило <ее>. Это доверие, которое оказало [которое удостоило] слабое прекрасное существо, наложило [доставило] на него обет строгости рыцарской, обет самоотвержения, обет рабски исполнять [обет следова<ть>] все повеления и он только желал, [и произвело только желание] чтобы эти веления были как можно труднее и неудобоисполнимее, чтобы с большим напряжением сил лететь преодолевать их. Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему ввериться, что от него, верно, будут требоваться какие-нибудь великие услуги, и он чувствовал уже в себе непреодолимую силу отважиться на всё. Лестница вилась выше и вместе с нею вились его мечты. “Идите осторожно” — зазвучал прелестный голос и наполнил его новым эдемом. В темной вышине

четвертого этажа незнакомка постучала в дверь — она отворилась и [Далее начато: вме<сте> проникла и] они вошли вместе. Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечою в руке, но так странно и нагло посмотрела на Палитрина, что он опустил глаза. Они вошли в комнату. [Далее начато: возле окна] Три женские фигуры в разных углах комнаты представились его глазам. Одна раскладывала карты, другая сидела за фортепьяно и играла двумя пальцами [другая [бренчала] играла двумя пальцами] какой-то пошлый полонез; третья сидела перед зеркалом, расчесывала гребнем свои длинные волосы и вовсе ни мало не думала оста[вить] [и ни одна не остави<ла?>] свой туалет при входе [при внезапном приходе] незнакомца. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, <царствовал во всем>. Комнаты [Кресла] довольно хорошие были покрыты пылью; паук застилал [затыкал] своею паутиною лепной карниз. Две двери, одна против другой, вели в другие комнаты. [Далее начато: одна] Около непритворенной двери другой комнаты блеснул сапог со шпорой и краснела выпушка мундира; [блестела военная <выпушка>] мужской голос и женский смех лились сквозь непритворенные <двери>. Боже, куда зашел он! Он сначала не верил и начал пристальнее всматриваться в предметы, наполнявшие комнаты. Но голые стены и окна без занавесей не показывали никакого присутствия заботливого наблюдения [заботливого правления] хозяйки, поношенные лица этих жалких созданий, из которых одна села почти перед носом и так же спокойно его рассматривала, как пятно на чужом платье, всё это уверило <его>, что он зашел в тот отвратительный приют где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною [разврат, образован<ный> наружною] образованностью и страшным многолюдством столицы. Тот приют, где человек святотатственно подавил всё чистое и посмеялся над всем свят<ым>, скрашивающим мир, [над всем укра<шающим мир?>] где женщина, эта [Далее начато: залетевшая] красавица мира, обратилась в какое-то странное двусмысленное существо, где она — картина, правильно написанная и лишенная внутренней поэзии, где она лишилась всего женского вместе с чистотою души и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем грациозным [тем кротким], тем так отличным от нас существом. Картина <написанная> правильно, но лишенная поэзии. Палитрин мерил ее с ног до головы выпученными от удивления глазами как бы желая увериться, та ли это, которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте. Но она стояла перед ним так же хороша, ее волосы были так же прекрасны; глаза казались всё еще небесными. Она была

свежа; ей было только 17 лет; [Далее начато: еще разврат] видно было, что еще недавно ужасный разврат ее настигнул, он еще не смел коснуться к ее щекам. Они были свежи и легко оттенены тонким румянцем. Она была прекрасна. Он стоял неподвижно перед нею и уже готов был так же простодушно позабыться, как позабылся прежде. Но красавица наскучила таким долгим молчанием и значительно улыбнулась [и улыб<нулась>] глядя ему прямо в глаза, но эта улыбка <была> так невыразимо несносна, так исполнена какой-то жалкой наглости, так шла к ее лицу, как идет выражение [как идет чувство] набожности на роже взяточника или скряги, <как> поэту идет мундир или бухгалтерская книга. Он содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькие уста и стала говорить, но всё это было так глупо, так пошло, как будто бы вместе с непорочностью оставляет и ум человека. Он уже ничего не хотел слышать, он был чрезвычайно смешон и прост. Вместо того, чтобы воспользоваться благосклонностью, вместо того чтобы обрадоваться такому случаю, какому бы верно обрадовался на его месте всякий другой, <он> бросился вдруг со всех ног как дикая сайга [дикая коза] и выбежал на улицу. Повесивши голову и опустивши руки сидел он в своей комнате как бедняк нашедший бесценную жемчужину и тут же уронивший [бедняк нашедший бесценную жемчужину и в то же самое время от нечаянной радости уронивший] ее в море. Такая красавица! такие божественные черты и где же? В таком презренном омуте! Эти восклицания вырвались у него прежде всего. [Эти восклицания прежде всего вырвались у него]

В самом деле, никогда жалость так сильно не овладевает нами [никогда так сильно не овладевает нами чувство жалости], как при виде красоты, тронутой тлетворным дыханием разврата. Пусть он навеки остается с безобразием; если безобразие погружается <в него>, мы не жалеем, хотя должны бы жалеть по чувству человечества. Но красота нежная, нам кажется, должна быть каким-то божеством непорочности и чистоты. [Черты лица этой] красавицы, так околдовавшей нашего бедного мечтателя, были действительно чудесны, появление ее в этом презренном кругу еще более казалось чудесным. Черты лица ее были так чисты, как образовано всё выражение прекрасного лица ее, которое означено <было> каким-то прекр<асным> благородств<ом>, [а. носило какое-то благородство б. означено было той прекр<асной?>] что никак бы нельзя было думать, чтобы разврат уже распустил над нею страшные свои когти. Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, всё богатство страстного [верного] супруга; она была бы тихой звездой в незаметном [всё

в незаметном] семейном кругу и одним движением прекрасных уст своих давала бы сладкие приказания. Она бы составила божество в многолюдном зале на зеркальном паркете при блеске свечей, при безмолвной благоговейной толпе поверженных поклонников. Но, увы, она была какою<то> ужасною волею злого духа, смеющегося над всем святым и прекрасным, жаждущего везде рассеять гармонию мира и произвести расстройство естества, она была волею этого злого духа с хохотом [с смехом] брошена в эту страшную пучину.

Проникнутый разрывающей [Проникнутый яд<овитой?>] жалостью сидел он перед нагоревшею свечею. Уже и полночь давно минула, [давно возвещена] колокол башенки бил половину первого. Он сидел неподвижный [Далее начато: нак<онец>] без сна, без деятельного бдения [без бдения.]. Дремота, соскучившись его неподвижностью, начала тихонько одолевать <его>, уже комната [комната и све<ча>] начала исчезать, один только огонь свечи еще просвечивал сквозь одолевавшие его грезы, как вдруг стук в двери заставил его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась и вошел лакей в богатой ливрее. В его уединенную комнату никогда не заглядывала такая богатая ливрея и при том в такой необыкновенный <час> [Далее начато: чувство [. Он недоумевал и с нетерпеливым любопытством смотрел в оба на пришедшего лакея [Далее начато: Позвольте узнать].

“Та барыня” [Та барыня, у которой], начал лакей, “у которой вы [вы сегодня] изволили быть за несколько часов перед сим, приказала просить и прислала за вами карету”.

Палитрин стоял в безмолвном удивлении: карету, лакей в ливрее... Нет, здесь верно какая-нибудь ошибка... “Послушайте, любезный”, — сказал он с робостью, — “вы, верно, не туда изволили зайти. Это ваша барыня, без сомнения, <за> кем-нибудь другим, а не за мною прислала вас.

— Нет, я, сударь, не ошибся. Ведь вы изволили проводить барыню пешком до дома в Литейную, в комнату четвертого этажа?

— Я.

— Ну, так пожалуйста же скорее, барыня непременно желает видеть вас и просит вас уже в собственный дом свой.

Палитрин сбежал с лестницы [сбежал под вор<ота>]. На дворе, точно, стояла карета. Он вошел, за ним дверцы хлопнули, камни мостовой загремели под колесами и копытами и перспектива домов с фонарями и вывеска<ми> понеслась мимо его по обеим сторонам каретных окон. Палитрин думал всю дорогу [Далее начато: об этом своем]. Собственный дом, карета, лакей в богатой ливрее... он ничего не мог вывести из этого. [ничего не мог понять.]

Карета остановилась перед ярко освещенным подъездом и его разом поразили говор кучеров, ряд экипажей, глухо вылетающие слова, яркие окна, звуки музыки. Лакей в богатой ливрее высадил его из кареты и почтительно проводил в сени с мрамор<ными> колоннами, с облитым золотом швейцаром, с разбросанными плащами и шубами, [Далее начато: с сидящ<ими?>] с яркой лампою. Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматом, неслась вверх. Он уже был на ней, уже взошел в первую залу, испугавшись и попятившись при первом шаге от ужасного многолюдства. Ужасная пестрота привела его в страшное замешательство; ему казалось, что [ему казалось, что всё качалось перед <ним>] какой-то демон искромсал весь мир на множество разных кусков и все эти куски без толку смешал вместе. Ослепительные дамские плечи и черные фраки, люстры, лампы [свечи, лампы], воздушные летящие газы и эфирные ленты, толстый смычок контрабаса, выглядывавший из-за перил великолепных хоров. Он увидел за одним разом столько почтенных стариков [почтенных сед<ых> стариков] и полустариков с звездами на груди, дам так легко, гордо [так легко, вольно] и грациозно [Далее начато: а. казавшихся б. всходивших] выступавших по паркету и сидевших рядами, что растерялся совершенно. И в самом деле, молодые люди в черных фраках были исполнены такого благородства, с таким достоинством говорили и молчали, так не умели сказать ничего лишнего, так величаво шутили, так почтительно улыбались, такие превосходные носили бакенбарды, так искусно умели показывать отличные руки, поправляя галстух [умели выставлять свои зубы и руки украшенные перстнями носи<ли?>] ... Там так <дамы> были воздушны, так погружены в совершенное самодовольство и упоение, так умели очаровательно улыбаться, но нечего говорить более, всё клонилось к тому, чтобы совершенно [словом всё со<вершенно> Фраза не дописана.] ... Но толпа обступила танцующую группу. Они неслись, увитые прозрачным газом и <в> платье<ях>, сотканны<х> из самого воздуха, небрежно касались паркета

и были более эфирны, нежели если бы вовсе не касались его. Но одна между ними всех лучше, всех роскошнее одета. Невыразимое, самое тонкое сочетание вкуса разлилось во всем ее уборе и как будто она вовсе о нем не заботилась, но оно как бы невольно вылилось само. Она и глядела и не глядела на толпу плясавших и зрителей, прекрасные длинные ресницы опустились и чистая [и стыдливая ее] белизна лица еще ослепительнее [еще ярче] бросилась в глаза, особенно когда при наклоне головы ее легкая тень осенила [при наклоне головы ее осенила] очаровательный лоб. Пискарев продрался [продрался сквозь] ближе. Боже, это она! Она подняла свои полные безграничного и невыразимого блаженства ресницы и глянула своим ясным взглядом. О! как хороша! мог только он выговорить с захваченным почти дыханием. Она обвела своими глазами весь круг [Далее начато: утомлены и не внимате<льно?> на всё], который наперерыв жаждал остановить [жаждал пере<хватить?>] на себе ее взор, но с каким<то> утомлением тихо отворачивала его [отворачивала свой], с каким-то невниманием опускала его и встретила с глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! дай силы, создатель, перенести этого. [перенести всё его] Жизнь не может вместить, он разрушит ее, он исторгнет и унесет душу. Она подала знак не рукою, не наклоном головы, нет, в ее сокрушительных глазах выразился этот знак таким тонким незаметным выражением, что никогда бы не заметил его, но он заметил. [но он заметил его.] Танец длился долго. [Далее начато: а. утомленная музыка казалось б. горло его] О, как нетерпеливо он ожидал, утомленная <музыка>, казалось вовсе погасала и замирала и опять вырывалась, визжала и гремела; наконец, [Далее начато: она последним звуком <1 нрзб.>] танец кончился. Она села, усталая грудь ее вздымалась [грудь ее [вол<новалась>] утомилась] под тонким дымом газа; рука ее [Далее начато: она бы<ла>] (боже, какие руки!) упала на колени, измявши [Далее начато: сжала] под собою ее воздушное платье и платье под нею, казалось, стало дышать [стало дышать ровнее.]; отделка и тонкий сиреневый цвет его еще прелестнее означал эту божественную форм<у> этой прекрасной руки. Коснуться бы только и ничего больше, никаких других желаний — они все дерзки... Он стоял у ней за стулом, не смея говорить, не смея дышать. [за стулом, не смея дышать.] “Вам было скучно”, произнесли ее уста [ее очаровательные уста.]. — “Вы меня ненавидите”. — “Вас ненавидеть? мне? я...” готов был произнести он, совершенно потерявшись, и наговорил бы, верно, кучу самых несвязных слов, но в это время подошел с каким<и-то> острыми и тонкими замечаниями камергер с прекрасным завитым на голове хохлом [с прекрасным завитым хохлом.]. Он довольно приятно показывал свои зубы

и каждою остротою своею вбивал кучу игл в сердце Пискарева. Наконец какой-то камергер к нему обратился с вопросом. [Наконец он заговорил с] — “Как это скучно!” произнесла она, пользуясь временем: — “Я сяду на другом конце зала, будьте там”. — Она проскользнула между толпою и исчезла. Он, как помешанный, растолкал толпу и был уж там. Там она сидела [она сидела, она искала], как царица [как царица, как сон], всех лучше, всех прекраснее, и искала его глазами. — “Вы здесь?” произнесла [сказала] она тихо, его увидевши [увидевши и подняла их на не<го>], — и начала: “Неужели вы думаете, что я могу принадлежать к тому презренному классу творений, в котором вы встретили <меня>? Вам кажутся странными мои поступки [Вам к<ажется странным> [моя] всё что происходит и непостижимым], но я [но я сейчас] вам открою тайну... Будете ли в состоянии никогда не измениться?” — “О, буду! буду! буду!” — В это время подошел довольно пожилой человек, заговорил с ней на непонятном для Пискарева языке. Подал ей руку. Она умоляющим взором посмотрела на Пискарева и дала знак остаться на своем месте и ожидать ее прихода. Но в припадке нетерпения он не в силах был слушать никаких приказаний даже из ее уст, отправился вслед за нею, но толпа разделила их; он уже [даже] не видел сиреневого платья, с беспокойством пробирался [с беспокойством переходил] он из комнаты в комнату и толкал без милосердия всех встречных, но там были все тузы, все сидели за вистом, погруженные в мертвое обычное <молчание> [сидели за вистом, молчали], в углу комнаты [по углам] спорило несколько важных пожилых людей о преимуществе [спорило несколько ученых о каком<то>] военной службы перед штатскою, в другом молодые люди в превосходных фраках бросали легкие замечания о многотомных трудах поэта-труженика. Пискарев чувствовал, что один пожилой человек и почтенной наружности схватил за пуговицу фрака его и представлял на его суждение одно весьма справедливое его замечание, но он грубо оттолкнул его, даже не заметивши, что у него на шее был довольно значительный орден. Он перебежал в другую комнату — и там нет ее, в третью — тоже нет. “Где же она? Дайте ее мне! О, я не могу жить, не взглянув на нее! мне хочется выслушать то, что она хотела сказать”. Но все поиски его оставались тщетными. Беспокойный, утомленный [Беспокойный] он обратился в угол и смотрел на толпу, но напряженные глаза [обратился к окну, но глаза] начали ему представлять всё в каком-то неясном виде. Наконец, ему начало явственно показывать стены его комнаты. Он поднял глаза, перед ним стоял подсвечник [<стояла> свеча уже] с огнем, почти потухавшим в глубине его: свеча истаяла; сало было налито на ветхом столе [на столе] его. Так это он

спал! Боже, какой прекрасный сон! И зачем было просыпаться, зачем было минуты не подождать, — она бы наверно опять явилась! Досадный<?> свет неприятным своим тусклым сиянием глядел в его окна. Комната в таком сером, таком мутном беспорядке. О, как отвратительна действительность, что́ она против мечты! Он разделся наскоро и лег в постель, закутавшись одеялом, желая насильно призвать улетевшее сновидение. Сон, точно, не замедлил к нему явиться, снилось вовсе [Далее начато: представлялось как-то неясно] не то, что бы желал он видеть: то поручик Пирогов являлся с трубкою, то академический сторож, [то академический сторож с инструментом] то действительный статский советник, то голова чухонки, с которой он когда<то> рисовал портрет, и тому подобная дрянь. [чорт знает, какая дрянь.]

До самого полудня пролежал он в постели, желая заснуть, но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасные черты свои, хотя бы на минуту зашумела ее легкая походка, хотя бы прелестная рука грациозно мелькнула перед ним!

Всё откинувши, всё позабывши, сидел он с сокрушенным, с безнадежным видом, полный только сновидения своего; ни к чему не думал он притронуться; [Далее начато: он просто] глаза его без всякого участия, безо всякой жизни глядели в окно, обращенное во двор где гряз<ный> водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе, и козлиный голос разносчика дребезжал: — <1 нрзб.> старого платья продать, и нищие две старухи напевали во всё горло какой-то жалобный марш. Действительность вседневная странно поражала его слух. Так просидел он до самого вечера и с жадностью бросился в постель, долго боролся с бессонницей, наконец, сон пересилил его. [пересилил его опять.] Боже, какая радость! Опять она, но уже совершенно в другом мире. О, как хорошо она сидит <у> деревенского светлого домика! Наряд ее весь кажется [весь кажется проникнут] той простой тенью, которою [той скромною простотою, как<ой?>] только облекается мысль поэта. Создатель! Прическа на голове ее — создатель, как хороша! [Далее начато: в своей] Простенькая косынка была накинута [косынка завязывалась узлом] на стройной шейке и груди; всё в ней скромно, всё в ней — тайное чувство вкуса и музыки. Как чудесно [Далее начато: ее платья и башмаков] грациозна ее походка, как музыкален милый, шум ее простого платья, как хороша кисть руки, стиснутая крепко браслетом! Она говорит ему с слезой [с слезкой<?>] на глазах: “не презирайте меня, — я вовсе не та, за которую вы принимаете

меня. Поглядите на меня, взгляните пристальнее и скажите: разве я способна к тому, что вы думаете? О, нет, нет! пусть тот, кто осмелится это подумать, пусть тот...” Боже, но он проснулся. “Боже! [Боже, но он проснулся. О боже, Боже! Это ужасно как болит расстроенное бедное сердце] лучше бы ты вовсе не существовала, не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника! Я бы не отходил от холста, на котором изобразила тебя божественная кисть; я бы вечно глядел на тебя; я бы целовал тебя; я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшею мечтою, и я бы был тогда счастлив! Никаких бы желаний не простираю далее! О, тебя бы призывал я как ангела-хранителя перед сном и бдением, о тебе бы молился я, когда бы случилось мне представить божественное и святое. Но теперь <по>думай, какая ужасная жизнь! Что пользы, что она живет? Разве жизнь сумасшедшего приятна его родственникам и друзьям, некогда <его> любившим? [родственникам и друзьям, которые его любили.] — Боже, что за жизнь наша? — вечный раздор мечты с сущест<в>енностью!” Такие мы<сли> занимали его беспрестанно [Далее было: ни о чем он не думал даже в течение все<го> дня, ничего не ел почти и ожидал всё] и с этого времени жизнь его приняла странное направление. Ни о чем он не думал, даже почти не ел и [и только] <с> нетерпением, со страстью любовника ожидал вечера и желанного видения. Беспрестанное устремление мыслей к одному, наконец, взяло такую власть над всем бытием его и чувствами, что желанный образ неотразимо являлся ему каждую ночь всегда почти в положении [в виде] противоположном действительности, потому что мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка. Через это сновидение самый предмет как бы более делался чистым и мало-помалу преображался. Жажда сновидений сделалась наконец его жизнью [Далее начато: образ]. И с этого времени самая жизнь приняла странный образ; он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне [спал на яву и жил <во сне>]. Если бы его кто-нибудь видел сидящим дома или шедшим по улице, то, верно бы, принял его за лунатика [принял его за безумно задумчивого] или разрушенного крепкими напитками; взгляд его был вовсе без всякого выражения, а природная рассеянность, наконец, развилась [разрослась] и властительно вытесн<ила> [и властительно скрыла] все чувства, все движения на его лице. Он оживлялся только приближению ночи. Такое состояние неминуемо должно было расстроить его силы и самое ужасное мучение [самое ужасное наказание] для него было то, что наконец сон начал оставлять его вовсе. Желая спасти единственное свое счастье, он употреблял все средства, наводящие сон, и наконец, прибегнул к опиуму [Далее начато: а. Жизнь его опять началась б. Любимые сновидения опять

снились]. Это средство сильнее всех других помогло ему и сновидения начали ему представлять еще в лучшем виде. [начали ему представлять еще в лучшем <виде?> всё это] Они еще более раскаляли его мысли, и если когда-нибудь <был> влюбленный совершенно до безумия, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этот несчастный был он. Из всех сновидений его одно было радостнее, прекраснее для него всех; ему представилась его мастерская, картин было множество; он так прилежно и с таким наслаждением [а. он так ра<достно?> б. он так живо и рад<остно?>] сидел с кистью в руках. И она тут. Она была его женой. Она сидела возле него, облокотившись прелестным локотком на спинку его <стула> [на стол] и смотрела на его работу. В ее глазах, томных, усталых, написано было бремя блаженства; всё в комнате его дышало раем, было так светло, так убрано. Создатель! она склонилась к нему на грудь прелестную головку. Лучшего <сна> он еще никогда не видывал. Он встал после него как-то свежее и менее рассеянный, нежели прежде. В голове его родились странные мысли. Может быть, она вовлечена каким-нибудь невольным случаем в разврат; может быть, движения души ее склонны к раскаянию; может быть, она желала бы сама вырваться из ужасного своего состояния, [Далее начато: а. неужели он б. может быть она сама возвратится к добродетели] и неужели равнодушно допустить ее гибель? [и неужели должна она погибнуть] [тогда] как [Далее начато: одной] только <стоит> подать руку, чтобы спасти ее от потопления. [Далее начато: меня не <знает>] Мысли его простирались еще далее: “Меня никто не знает”, говорил он сам в себе, — “да и кому какое дело ко мне? [до <меня>] да и мне тоже нет дела ни до кого. Если она изъяснит чистое раскаяние, я женюсь на ней, я должен тогда жениться и, верно, сделаю гораздо лучше, нежели многие [нежели многие статские [действительные статские] и даже действительные советники; Пискарев уже начал, [как сами читатели заметят, немного] вольнодумствовать], которые женятся на своих ключницах и даже часто на самых презренных тварях. Мой подвиг будет велик: я возвращу миру прекраснейшее [одно прекраснейшее] его украшение”. [На полях написано: Он ждал как любовного свидания с нею; там было всё его счастье; там был его весь рай, там была вся жизнь, вся ее поэзия, всё небо.] Краска живости осенила мутное лицо его; он подошел к зеркалу и испугался сам впалых щек и бледности лица; тщательно начал он принаряжаться; приумылся, пригладил волоса, надел новый фрак, щегольский жилет, набросил плащ и вышел на улицу. Он дохнул свежим воздухом и почувствовал свежесть на сердце, как больной выздоравливающий, в первый раз решившийся выйти после [решившийся

после] своей долгой болезни.

Сердце его билось страшно [билося сильно], когда он подходил к той улице, на которой нога его не была со времени роковой встречи. Долго он искал дома, но память ему изменила; он два раза прошел улицу и не знал, перед которым остановиться. Наконец один показался ему похожим. Он взбежал на лестницу с сердцем, казалось, стремившимся вырваться из груди, постучал в дверь. Дверь отворилась — и кто же ему навстречу? Его идеал, его таинственный образ, оригинал мечтательных картин, та, которою он жил так ужасно, так страдательно, так сладко жил, — она, она сама стояла перед ним. Он задрожал; [оригинал мечтательных картин, она, она сама; он затрепетал.] он едва мог удержаться [он едва не упал] на ногах от слабости, охваченный порывом радости. Она стояла перед ним так же прекрасна, хотя глаза ее были заспаны; бледность усталости проступала на ее лице, уже не так свежем, но она всё была прекрасна. “А!” — сказала она, увидевши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа): “Зачем вы убежали тогда от меня?” Но он в изнеможении сел на стул и глядел на нее. — “А я только что теперь проснулась, меня ведь привезли совершенно без чувств, — тогда уже было 7 часов утра. Я была совсем почти пьяна”, — прибавила она с улыбкою. “О, лучше бы ты была нема и лишена вовсе языка, нежели произносить такие речи!” В этих немногих словах выразилась вся беспорядочная, вся жалкая развратная жизнь. Однакож, несмотря <на это>, он [Однакож Писка<рев>] решился попробовать, не будут ли иметь над нею действия его увещания. Собравшись с духом, он дрожащим голосом начал представлять ужасное ее положение. Она слушала его с внимательным видом и с тем чувством удивления, которое мы изъясняем при виде какой-нибудь неожиданной странности [Далее начато: или какой<-нибудь> неожиданно<сти>]. Она взглянула на сидевшую в углу свою приятельницу [на сидевшую в углу женщину], которая оставила свои карты и тоже слушала со вниманием нового проповедника, и улыбнулась. “Правда, я беден”, сказал наконец после долгого и поучительного увещания наш художник, — “но мы станем трудиться, [Далее было: труд будет нам приятен] мы станем наперерыв один перед другим стараться улучшить нашу жизнь. Нет лучше, как быть обязану во всем самому себе. Я буду сидеть над картинами, ты будешь, сидя возле меня [сидеть возле него], одушевлять мои труды, шить или заниматься другим рукоделием, и мы ни в чем не будем иметь недостатка”.

— “Как можно”, — прервала она речь: — “я не прачка и не швея,

чтобы стала заниматься работой”. Боже! в этих словах выразилась вся низкая, вся презренная жизнь, жизнь, исполненная пустоты и праздности, верных спутников разврата. — “Женитесь на мне”, — подхватила с наглым видом молчавшая дотоле в углу ее приятельница: — “Если я буду женою, я буду сидеть вот как”, — при этом она сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, причем красавица начала смеяться от души.

— “Боже! помоги мне вынести!” — произнес отчаянным голосом Пискарев и уже готов <был> собрать весь гром сильного [весь гром душевно<го>], из самой души излитого красноречия, чтобы потрясти бесчувственную, замерзшую душу красавицы, как вдруг дверь отворилась, и вошел с шумом один офицер. — “Здравствуй, Липушка”, — произнес <он>, без церемонии ударивши по плечу красавицу. — “Не мешай же нам”, сказала красавица, принимая глупо серьезный вид. — “Я выхожу замуж и сейчас должна принять предлагаемое мне сватовство”. [принять сватов<ство>] О, этого уже нет сил перенести! бросился он вон [как сумасшедший бросился он вон], потерявши и чувства, и мысли. Ум его помутился. Глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день [бродил он весь день по гор<оду>]; никто не мог знать, ночевал ли он где-нибудь или <нет>. На другой только день он каким-то глупым инстинктом зашел на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепан<ными> волосами, с признаками безумия на лице. Он заперся в своей комнате и никого не пускал, ничего не требовал. [Далее начато: так что] Четыре дня прошло, и его запертая комната ни разу не отворялась. Наконец прошла неделя и его комната всё так же была заперта. Бросились к дверям, начали звать его, но никакого не было ответа. Наконец выломали дверь и нашли труп с перерезанным горлом. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному лицу можно было заключить, что бритва была довольно тупа и что он долго еще мучился прежде нежели [прежде еще нежели] грешная душа его оставила тело. — Так погиб, жертва безумной страсти, бедный Пискарев, тихий [такой тихий], робкий, скромный, детски простодушный, носивший в себе искру таланта [носивший в себе такую любовь] и, может быть, [Далее начато: с блеском покаж<ет?> развившийся] совершивший бы когда-нибудь со славою свое поприще. Никто не поплакал над ним, никого не видно было возле его бездушного трупа, кроме обыкновенной фигуры [кроме пошлой фигуры] квартального надзирателя и равнодушного лица городского лекаря. Гроб его тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту. [а. Гроб его без утешительных обрядов религии б. Гроб его без

обрядов христианских <1 нрзб.> в. Гроб его отвезли скромно без всяких обря<дов>.] За ним идучи плакал один сторож и то потому только, что выпил по утру еще лишний штоф водки. Даже поручик Пирогов не пришел посмотреть на труп несчастного [на несчастный труп] бедняка, которому он при жизни оказывал свое высокое покровительство.

Впрочем ему было вовсе не до того [не до того чтобы вспомнить об этом]: он был занят чрезвычайным происшествием. Но обратимся к нему. Я не люблю трупов и покойников, мне всегда неприятно, когда мне переходит дорогу длинная погребальная процессия и инвалидные солдаты нюхают табак левою рукою, одетые [инвалидные солдаты одетые <?>] в черный капюшон, потому что в правой [потому что в левой] они держат дымные факелы. Но для меня еще грустнее [Но досада моя смешивается <с грустью>] когда я вижу как ломовой извозчик [как ванька] тащит красный непокрытый гроб бедняка и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется [тащится] за ним, не имея друго<го> дела. Мы оставили, кажется, Пирогова на том, как он расстался с бедным Пискаревым и устремился за блондинкою. Это было легонькое довольно интересное созданище; она останавливалась перед каждым магазином и заглядывалась на выставленные за стеклами кушаки [на всякие куш<аки>], платочки, серьги [серьги всякие] или другие безделушки, беспрестанно вертелась, глазела во все стороны и оглядывалась назад. — Ты, голубушка, уже моя, — говорил [уже говорил] с самоуверенностью Пирогов, продолжая свое преследование и закутавши лицо свое воротником [бобровым воротником] шинели, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых. Но кстати не мешает [Но кстати нужно] читателю дать известие, кто таков был поручик Пирогов. Но поручик Пирогов имел кроме этого множество талантов, собственно ему принадлежавших. Он превосходно декламировал стихи из “Дмитрия Донского”, из “Горе от ума” и имел особенное искусство, куря трубку, пускать дым кольцами так, что он мог вдруг около десяти колец нанизать одно на другое. Умел очень приятно рассказать анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Впрочем [Впрочем всех талантов] оно несколько трудно перечесть все таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Он любил поговорить об актрисе и танцовщице, но уже не так резко, как обыкновенно изъясняется об этом предмете молодой прапорщик; он был очень доволен своим чином, в который был произведен недавно, и хоть иногда, ложась на диван, говорил: “Ох, ох, ох! суета, всё суета! что из этого, что я поручик?” Но втайне его очень льстило новое достоинство, и он в разговоре часто

старался нечаянно обиняком намекнуть кое-что о себе. И один раз, когда попался ему на улице маленький кадет, жевавший крендель и проглядевший его, он остановил <его> и в немногих, но резких словах дал заметить, что он — поручик. Он тем более старался это изложить красноречивее, что в это время проходила мимо его [возле него] дама. Но довольно о качествах Пирогова. Человек такое странное существо, что никогда не можно исчислять за одним разом всех <его> достоинств [или для этого очень много нужно места и времени; потому что] всякий раз когда ни всматриваешься [когда ни глядишь на него] <в> него, встречаются беспрестанно [встречаются вечно] новые особенности и описание их было бы бесконечно. Итак, Пирогов не переставал преследовать незнакомку <и> от времени до времени занимать тонкими [занимать приятными] вопросами, на которые она отвечала очень редко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли темными воротами Казанского в Мещанскую улицу, улицу табачных и мелочных лавок немцев-ремесленников и чухонских нимф. [вечерних нимф.] Блондинка бежала скорее, впорхнула в ворота одного довольно запачканного дома. Пирогов за нею. Она взбежала по узенькой темной лестнице [взбежала на лестн<ицу>, Пирогов туда же. Она] и вошла в двери, которыми Пирогов смело вобрался в комнату. Эта большая комната с черными [стенами], закопченным потолком. Куча слесарных инструментов лежала на столе и на полу. Пирогов тотчас смекнул, что это [Пирогов догадался, что она] была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далее в дверь. Пирогов на минуту остановился, но наконец решился итти вперед, следуя русскому правилу. Он вошел в другую комнату, вовсе непохожую на переднюю, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяин был немец. И что же он увидел вошедши в комнату? Перед ним сидел “Шиллер” не тот Шиллер, который написал Валленштейна и Историю Тридцатилетней войны, но известный Шиллер, слесарный мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель [не тот] Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян и сидел на столе, топая ногою и говоря что-то с жаром. Всё это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положение обеих фигур. Шиллер сидел, выставивши свой нос довольно толстый и поднявши вверх голову, а Гофман держал его за этот толстый нос двумя пальцами и держал лезвие своего сапожнического ножа на самой его поверхности. Оба лица говорили на немецком языке, и потому поручик Пирогов, который знал только по-немецки gut Morgen, ничего не мог <понять> из всей этой истории. Впрочем, слова Шиллера заключались вот в чем: “Я не хочу, мне

не нужен нос”, говорил он, размахивая руками. “У меня на один нос выходит [выходит русского] 3 фунта табаку в месяц. И я плачу в русской скверный магазин потому, что немецкой магазин не держит русского табаку, — я плачу в русской скверный магазин за каждый фунт по 40 копеек. Это будет 120 копеек [Это будет рубль <20 копеек>]. Двенадцать раз рубль двадцать копеек... это будет 14 рублей 40 копеек. Слышишь, друг мой, Гофман, на один нос 14 рублей 40, да по праздникам я нюхаю Рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русской скверный табак. Прибл<изительно> я два фунта нюхаю Рапе в год по 2 рубли. Шесть да четырнадцать — двадцать рублей сорок копеек на один табак! Я швабский немец, у меня есть король в Германии. Я не хочу носа, режь мне нос! Вот мой нос. Я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли?” Гофман, который был пьян, отвечал утвердительно. И если бы не внезапное появление поручика Пирогова, то безо всякого сомнения Гофман отрезал бы ни за что, ни про что [отрезал бы ни за что, ни про что как подошву] Шиллеров нос, потому что он уже привел нож свой совершенно в такое положение, как бы хотел кроить подошву.

Черткову очень неприятно было такое обхождение, вовсе неприличное его чину-званию, он несколько раз останавливался на лестнице как бы желая собраться с духом и подумать, каким образом дать почувствовать Шиллеру его дерзость, но наконец рассудил, что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивом и вином; к тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и он решил, что на этот раз ему можно извинить невольное преступление. На другой день поручик Пирогов в 10 часов утра явился как снег на голову в мастерскую оловянных дел мастера. В мастерской встретила его та же хорошенькая блондинка и довольно суровым голосом, который очень шел ее личику, спросила: “что вам угодно?”

— “А, здравствуйте, моя миленькая, — вы меня не узнали? Плутувочка, какие хорошенькие глазки!” — При этом поручик Пирогов хотел очень мило поднять своим пальцем ее подбородок. Но блондинка произнесла [Но блондинка сде<лала>] пугливое восклицание и с той же суровостью спросила: [и произнесла] “что вам угодно?” — “Вас видеть, больше ничего мне не нужно”, — произнес Пирогов, довольно приятно улыбаясь и подступая ближе, но заметив, что пугливая блондинка хотела проскользнуть в двери, прибавил: — “Мне нужно, моя миленькая, заказать шпоры. [сделать шпоры] Вы можете мне сделать шпоры? Хотя для того,

чтобы любить, вовсе не нужны шпоры, скорее уздечку [нужно наложить на мои чувства, пылающие к вам]”. Поручик Пирогов всегда, очень бывал любезен [бывал мил] в изъяснениях подобного рода.

“Я сейчас позову моего мужа”, вскрикнула немка и ушла, а через несколько минут Пирогов увидел Шиллера, выходявшего с заспанными глазами, едва очнувшегося от вчерашнего похмелья. Взглянувши на офицера, он припомнил, как в смутном тумане, происшествия вчерашнего дня. Он ничего не помнил в таком же виде, как было, но чувствовал, что [чувствовал, как] сделал какую-то глупость, и потому принял офицера с очень суровым видом. — “Я за шпоры меньше не могу взять как пятнадцать рублей”, произнес он, желая отделаться от Пирогова, потому что ему, как честному немцу, очень совестно было смотреть на того, кто видел <его> в таком неприличном положении, потому что Шиллер любил пить совершенно без свидетелей с двумя-тремя приятелями [с двумя-тремя приятелями, так даже, чтобы] и запирался на это время даже от своих работников. [Далее было: но Пирогов к удивлению его согласился в ту же минуту] “Зачем же так дорого?” ласково сказал Пирогов. — “Немецкая работа!” — хладнокровно произнес Шиллер, поглаживая подбородок: “русской возьмет сделать за 2 рубли”. — “Извольте, чтобы доказать, что я люблю и желаю с вами познакомиться, я плачу 15 рублей”.

Шиллер минуту оставался в размышлении: ему, как честному немцу, сделалось несколько совестно. Желая сам отклонить его от заказывания, он объявил, что раньше двух недель не может. Но Пирогов без всякого прекословия изъяснил совершенное свое согласие. Немец задумался и стал размышлять о том, как бы лучше сделать свою работу так, чтобы она действительно стоила 15 рублей.

В это время блондинка впорхнула в мастерскую и начала рыться на столе, установленн<ом> кофейниками. Поручик воспользовался этим и, видя задумчивость Шиллера, подступил к ней и пожал ручку, обнаженную до самого плеча. Это Шиллеру очень не понравилось. “Mein Frau!” [Так в рукописи] закричал он.

“Was wollen sie doch?” отвечала блондинка.

“Gehen sie на кухня!” Блондинка удалилась. [Далее начато: Нет, я может не сделаю сам]

“Так через две недели,” — сказал Пирогов. — “Да, через две недели,” — отвечал в размышлении Шиллер: “у меня теперь очень много работы”.

— “До свидания! я к вам зайду!” — “Прощайте”, — отвечал Шиллер, запирая дверь.

Поручик Пирогов не решался оставить надежд своих, несмотря на то, что немка оказала явный отпор. [оказала сопротив<ление>] Он не мог никак понять, чтобы можно было долго ему противиться, тем более, что самая его любезность и блестящий чин, кажется, подавали [мог пода<вать>] ему полное <право> на всякое внимание прекрасного пола. [Далее начато: Чтобы зас<тавить?>] Жена Шиллера была при всей миловидности своей очень глупа, но глупость составляет особенную прелесть в хорошенькой жене. По крайней мере я знаю многих мужей, которые в восторге от глупости своих жен и видят в ней все признаки младенческой невинности. Красота производит удивительные чудеса. Все пороки душевные в красавице, вместо того чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышет в них миловидностью; но исчезни она, — и женщина становится прямо <?> демон и ей нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение.

Впрочем жена Шиллера, при всей глупости, была всегда верна своей обязанности и потому Пирогову довольно трудно [весьма трудно] было успеть в смелом своем предприятии; но блондинка становилась с каждым днем для него интереснее. [но эта интрига его стала интересовать чрезвычайно] Он начал [посещать Шиллера] довольно часто, стал осведомляться о шпорах, так что Шиллеру это наконец сделалось очень скучно. Он употребил все усилия, чтобы окончить проклятые шпоры; наконец, шпоры были готовы. — “Ах, какая отличная работа!” — закричал поручик Пирогов. “Господи, как это хорошо сделано! у нашего генерала нет эдаких шпор!” Чувство самодовольствия распустилось по душе Шиллера. Глаза его начали глядеть довольно весело и он в мыслях совершенно примирился с Пироговым. “Русской офицер умный человек”, — думал он сам про себя.

“Так вы, стало быть, можете сделать и оправу, например, к кинжалу и другим вещам?” “О, [О! о!] очень могу!” — сказал Шиллер с улыбкою. —

“Так сделайте мне оправу к кинжалу. Я вам принесу; у меня очень хороший турецкий кинжал, но оправу мне хотелось сделать другую”. Шиллера это как бомбоюхватило. Лоб его вдруг наморщился. “Вот тебе на!” — подумал он про себя, внутренне себя браня за то, что сам накликать работу. Отказаться он почитал уже бесчестным, притом же русской офицер похвалил его работу. Он несколько <раз?> почесал свою голову, изъявил свое согласие. Но поцелуй, который, уходя, Пирогов вlepил нахально в самые губки хорошенькой блондинки, поверг его в совершенное недоумение.

Я почитаю долгом познакомить читателя несколько покороче с Шиллером. Шиллер был совершенный немец в полном смысле этого слова. Еще с 20-летнего возраста, с [того] счастливого времени, в которо<е> русско<й> живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю свою будущую жизнь и никакого ни в каком случае [и никакого ни для <чего>] не делал исключения.

Он положил вставать в семь часов, обедать в два, [обедать в два, ложиться после обеда] трудиться, [трудиться по будням] быть пьяным каждое воскресенье, [весь день он по воскресеньям аккуратно <был пьян? >] а летом играть в кегли. Он положил себе в течение 10 лет составить капитал из пятидесяти тысяч и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее земля разрушится [Не дописано.] ... Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек: если цена картофеля поднималась [была дороже] против обыкновенного, он ни одной копейки не прибавлял, но уменьшал только количество и хотя оставался иногда несколько голодным, [Далее начато: но никогда] но скоро однакоже привык к этому. Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену в сутки не более как два раза и чтобы не поцеловать лишний раз, [и чтобы это не случилось] он никогда в свой суп не клал перцу более одной чайной ложечки. Впрочем, в воскресный день это правило не так строго исполнялось, потому что Шиллер выпивал тогда две бутылки пива и бутылку тминной водки, которую впрочем он всегда брал; пил он вовсе не так, как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь и нарезывается один. Напротив, он как немец пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столяром Кунцом, тоже немцем и большим пьяницею. Таков был характер благородного Шиллера, который, [Далее начато: несмотря на то, что он был <флегматик>] наконец, был приведен в чрезвычайно затруднительное положение. Хотя он был флегматик и немец,

однакож поступки Пирогова возбудил<и> в нем что-то похожее на ревность. Он не знал, [Он вовсе не знал] каким образом ему избавиться от этого русского офицера. Между тем Пирогов, куря трубку в кругу своих товарищей (потому что уже так провидение устроило, что где офицеры, там и трубка), куря трубку в кругу своих товарищей, намекал очень значительно и с приятной улыбкою об интрижке с хорошенькой немкою, с которою, по словам его, он уже совершенно был накоротке. Однакоже поручик не довольствовался одними похвалами, хотя в самом деле он готов <был> лишиться терпения. [Далее начато: а. он решился в самом деле скорее око<нчить?> б. [Непременно успеть] в оправдание слова] Наконец один день прохаживался он по Мещанской, поглядывая на дом, на котором красовалась вывеска Шиллера с кофейниками и самоварами, и к величайшей радости своей увидел голову блондинки, свесившуюся в окошко и разглядывавшую прохожих. Он остановился, сделал ей ручкою и сказал “gut Morgen”. Блондинка поклонилась ему как знакомому лицу.

— “Что́, ваш муж дома?” — “Дома”, отвечала блондинка. — “А когда он не бывает дома?” — “Он по воскресеньям не бывает,” — сказала глупенькая блондинка. “Хорошо”, подумал про себя Пирогов: “этим нужно воспользоваться”, и в воскресенье явился как снег на голову перед блондинкой. [и в воскресенье явился к квартире Шиллера] Шиллера, действительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась, но Пирогов поступил на этот раз довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показал всю красоту своего гибкого перетянутого стана. Он очень приятно и учтиво шутил, но глупенькая немка отвечала на всё односложными словами. Наконец, заходивши со всех сторон и видя, что ничто не может занять его хорошенькую [прекр<асную>] компаньонку, он предложил ей танцевать. Немка согласилась в одну минуту, потому что молоденькие немки очень любят танцевать. Притом на этом Пирогов очень много основывал надежд: во-первых, это ей уже могло доставить удовольствие, во-вторых, это могло показать всё совершенство его торнюры и ловкость в движении, в третьих, — в танцах ближе можно сойтись, несколько раз обнять хорошенькую немку без всякого с ее стороны неудовольствия; короче сказать, на этом он основывал совершенный [основывал весь свой] успех. Он начал напевать какой-то гавот, зная что с немками нужна постепенность. Молоденькая [Хорош<енькая>] немка выступила на середину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положение так восхитило Пирогова, что он схватил ее в свои объятия [что он набр<осился>] и засыпал поцелуями. [и начал

целовать] Немка начала кричать, и этим еще более увеличила свою прелесть в глазах Пирогова, который еще сильнее начал целовать. Как вдруг дверь отворилась и вошли Шиллер с Гофманом и столяром Кунцом; все эти ремесленники были пьяны, как сапожники. Но... я предоставляю самим читателям судить о гневе и негодовании Шиллера. — “Трубиан!” — закричал он в величайшем негодовании. — “Как ты смеешь целовать мою жену? Ты подлец, а не русской офицер! Чорт побери, не так ли, мой друг Гофман?” Гофман отвечал утвердительно. [Далее начато: О, я не хочу] “Я не посмотрю на то, что ты офицер. О, я не хочу иметь рога! [Далее было: Я восемь лет как живу в Рос<сии>] Бери его, мой друг Гофман, прямо за шею. Я не хочу”, — продолжал <он>, — сильно размахивая руками, при чем лицо [причем всё лицо] его было похоже на красное сукно его жилета. “Я восемь лет живу в Петербурге; у меня в Швабии живет и мать моя, и дядя. Я немец, а не рогатая говядина. Прочь [Вон] с него платье! Мой друг Гофман, держи его за руку, мой камарат, мой Кунц”, — и немцы схватили за ноги и руки Пирогова. Напрасно силился он отбиваться; эти три немца были самый дюжий народ из всех петербургских ремесленников. [Эти три немца были очень сильны.] Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек [Но он прибыл приват<но?>] в сюртучке и без эполетов. Немцы с величайшим неистовством сорвали с него всё платье <1 нрзб.>. Гофман всей тяжестью своей сел ему на ноги, Кунц схватил за голову, а Шиллер схватил в руку пук прутьев, служивших метлою. Я должен с прискорбием признаться, что поручик Пирогов был очень больно высечен.

Я уверен, что Шиллера на другой день трясла страшная лихорадка, что он дрожал, как лист, ожидая с минуты на минуту прихода полиции; что он бы бог знает что дал, чтобы всё то, что происходило вчера, происходило во сне; но что было, того уже нельзя переменить.

Но ничто не могло сравниться с гневом и негодованием самого Пирогова. Губы его сохнули и дрожали от ярости при одной мысли об этом ужасном оскорблении. Он не находил достаточного мщения. Сибирь и плети казались ему весьма легким наказанием за это ужасное бесчестие и наглое самоуправство. [бесчестие и самоуправство.] Он летел домой, чтобы оттуда прямо идти к генералу, описать [к генералу с тем чтобы описать] ему самыми разительными красками это положение. Он разом хотел подать и письменную просьбу в Главный штаб. Если же Главный

штаб определит недостаточное наказание, тогда прямо в Государственный совет, а не то самому государю.

Но всё это как-то странно кончилось. По дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из “Северной Пчелы” [прочитал Москов<ский Телеграф?>] и вышел уже не в столь гневном положении. Притом довольно приятный [Притом хор<оший>] прохладный вечер заставил его несколько далее пройти по Невскому проспекту. К 9 часам он почти совершенно успокоился и нашел, что в воскресенье нехорошо беспокоить генерала [Далее начато: который может быть]. Притом он без сомнения куда-нибудь отозван, и потому он решился идти на вечер к одному правителю контрольной комиссии, где было очень приятное собрание многих чиновников и офицеров его корпуса, и там так хорошо отличился в мазурке, [десь он так хорошо танцевал] что привел в восторг не только дам, но даже и офицеров его полку. [Далее было: Странные события случаются в свете.]

“Дивно устроен свет наш! думал я, бредя третьего дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествия. [Далее было: Тот застрелился, другого высекали. Боже, как чудно устроен свет наш, как непостижимо играет нами судьба наша, одн<ому> дается всё] “Один им<еет>”, думал я, “всё разом <1 нрзб.>, другой <2 нрзб.>. Тот стреляется по своей воле, другого секут когда он вовсе этого не желает; тому судьба дает прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая красоты <их>, тогда как другой, которого всё сердце горит лошадиной любовью, идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкивает языком, когда мимо его проводят рысака. Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленькой рот, что больше двух кусков никак не может отправить; другой имеет рот с хороший чемодан и горло [и горло как широко<е?> <1 нрзб.>], что [Далее начато: было <2 нрзб.>] мог бы проглотить пушечное ядро, но, увы, должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля. Как непостижимо играет судьба наша!”

Но страннее всего происшествия случаются на Невском проспекте [Далее было: Я никогда не гля<жу?>, я положил себе за правило никогда не глядеть на предметы, попадающиеся на Невском проспекте.]. Я всегда закутываюсь крепче своим плащом, когда всхожу на Невский проспект, и стараюсь вовсе не глядеть <на> встречающиеся предметы. [а. и стараюсь

не глядеть <на> то, на что б. и стараюсь ~ предметы. Всё обман]

Не верьте ни в чем Невскому проспекту. Всё обман, мечта. Вы думаете, что этот господин очень богат, который идет в красиво сшитом сюртучке? — Ничуть не бывало. Он весь состоит из своего сюртучка и всегда ожидает несколько часов дома, покамест стирается его белье, потому что второй переменной он не обзавелся еще. Вы воображаете, что эти два господина, остановившиеся перед лютеранскою киркою, судят об ее архитектуре? — Совсем нет: они говорят о том и удивляются, как две вороны сели очень странным образом одна против другой [они сообщают друг другу как странно]

Вы воображаете, что этот господин в несколько истертом фраке, размахивающий [что этот господин раз<махивающий>] руками, говорит о вкусном обеде или о том, что жена бросила из окна шарик в вовсе незнакомого ему гвардейского офицера? — Ничуть не бывало: он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафайета. Вы воображаете, что эти дамы говорят <об> очень, очень смешном? Совсем нет: они для того шевелят губами с приятной улыбкою, что уверены во всей грациозности такого положения. Не заглядывайте в окна магазинов на сверкающую кучу [на весь этот] ослепительных безделок; они обольстительны, но пахнут страшным количеством ассигнаций. Еще боже вас сохрани, не заглядывайте дамам <?> под шляпки. [Далее начато: пусть] Как привлекательно ни развевайся вечером вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Всё обман... Мимо фонарей! скорее сколько можно проходите, и это еще счастье, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим маслом своим. — Он опасен необыкновенно, этот Невский проспект; опасен [он опасен] для кармана, для сердца, для всего; он во всякое время лжет, обольщает, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет и отделит белые и палевые стены домов. Но огни сделают его почти транспарантом, когда весь город превратился в гром и блеск, [когда] мириады карет валятся с мостов, мелькая фонарями; фореиторы кричат и прыгают на лошадях. [фореиторы кричат и прыгают.] И когда сам демон зажигает ярко лампы [зажигает обольстительные <?> лампы] для того, чтобы всё [для того, чтобы там всё] показать не в настоящем виде.

I. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК

23 числа 1832-го года случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цирюльник, живущий в Вознесенской улице, Иван Иванович (фамилия его утратилась, по крайней мере на вывеске его изображен [даже на вывеске, на которой изображен] господин с намыленною бороδοю и подписью внизу: и кровь отворяют, выставлено [Далее начато: на этой вывеске написано вверху]: Иван Иванович, больше [и больше] ничего). Цирюльник, говорю, Иван Иванович, проснулся и натащил на себя запачканный фрак, которого воротник и клапаны испускали запах вовсе не похожий на амбре. Супруга Ивана Ивановича, которой имя [а. имени б. которой имя было какое-то] чрезвычайно трудное, начала вынимать из печки горячие хлебы. “А дай-ка я вместо кофию, да съем горячего хлебца”, сказал Иван Федорович. И хорошо, подумала про себя супруга, бывшая вовсе не прочь от <того>, чтобы самой выпить кофейник. Иван Федорович переломил хлеб и какое же было его изумление, когда он увидел сидящий там нос. Нос мужской, довольно крепкой [довольно прямой] и толстый... Изумление его решительно превзошло всякие границы, [Какие можно было положить границы его <изумлению>] когда он узнал, [увидел] что это был нос [что этот нос был] коллежского асессора Ковалева [Далее начато: он нико<гда>], — тот нос, который тербил во время бритья и упирался [на котором упирался] большим пальцем. Он не мог ошибиться: нос был [не мог не ошибиться, потому что нос был] полноват, с едва заметными тонкими [тонкими жилками] и самыми нежными жилками, потому что коллежский асессор любил после обеда выпить рюмку хорошего вина.

II. ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ

Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие: цирюльник Иван Федорович, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена и даже на вывеске его, где

изображен господин с намыленной щекою с надписью: “и кровь отворяют” [Далее было: ничего другого не напи<сано>] не выставлено никакой фамилии [Далее было: кроме Иван Федорович]). Цирюльник Иван Федорович проснулся [встал] довольно рано [Далее было: повернулся на своей кровати, привстал] и слышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала [сажала в] из печи только что выпеченные хлебы. “Сегодня я, Парасковья Осиповна, не буду пить кофию”, сказал Иван Федорович, “а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком”. То-есть Иван Федорович хотел бы и того и другого, но знал, что двух вещей совершенно невозможно требовать, ибо Парасковья Осиповна очень не любила таких прихотей [не любила этого]. “Пусть дурак ест хлеб, мне же лучше”, подумала про себя супруга. [солидная супруга] “Останется [Мне оста<нется>] кофию лишняя порция”, и бросила один хлеб на стол. Иван Федорович для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку и взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. — Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел что-то выглядыва<ющее?>, белевшее. Иван Федорович ковырнул ножом и пощупал пальцем: “холодное!”, сказал он сам про себя: “что бы это такое было?” Он засунул пальцы и вытащил довольно крепкой и мясистый нос... Вынувши его, он и руки опустил. Начал протирать глаза и щупать его, пальцем: нос, точно нос! и еще казалось как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Федоровича. Но этот ужас был ничто против того негодования, которое овладело его супругою: “Где это ты, зверь, отрезал нос” закричала она с гневом. “Мошенник, пьяница [Далее начато: Разбойник на], я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уже я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся”.

Но Иван Федорович был ни жив, ни мертв. Он узнал, что этот <нос> принадлежал коллежскому асессору Ковалеву, которого он брил каждую среду и воскресенье. “Стой, Парасковья Осиповна, я положу его, завернувши <в> тряпку, в уголок, пусть там маленечко полежит, а после его вынесу [а после я его вынесу и выкину].” “И слушать не хочу, зверь проклятый! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу? — Не будет этого, не будет! Найдут полицейские обыскивать да подумают, что я была участницею в таком. Вон его, вон! неси куда хочешь, чтобы я духу его не слышала!” Иван Федорович стоял совершенно как убитый. Он

думал и не мог придумать, каким образом это случилось. Одна мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его как отрезавшего этот нос [а. и почтут его отрезавшим <этот нос> б. и обвинят его в отрезании], приводила в ужас. [подирала его по коже.] Уже ему мерещился красный воротник, шпага [длинная шпага] и он дрожал всем телом. Наконец достал он свое исподнее платье [Далее было: напялил его] и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь, сопровождаемый нелегкими увещаниями Парасковьи Осиповны. Завернул нос в тряпку и вышел на улицу. Он хотел его куды-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить да и повернуть в переулок, но на беду ему попался какой-нибудь знакомый человек, который почел за дело спросить его: куды идешь? Или [Далее начато: а. от чего б. кого <какой> или собрался] поговорить о [Далее начато: о последствиях дороговизны] дороговизне цен. Так что Иван Федорович никак не нашелся подсунуть. Один раз он вздумал было уронить, но бутושник еще издали указал ему алебардою, сказавши: [Далее начато: Вон] “Подыми, вон ты что-то уронил”, и Иван Федорович должен был [был в<ынужден?>] поднять нос и спрятать в карман. — Отчаяние овладело им, тем более, что народу беспрестанно увеличивалось на улице по мере того как начали отпираться магазины и лавочки. Он решился итти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть ему в Неву. — Но я виноват: давно бы следовало кое-что сказать об Иване Яковлевиче [Федоровиче], человеке почтенном во многих отношениях. Иван Яковлевич, как всякой порядочный русской человек, был пьяница страшный. И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был у него вечно небрит. Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегой: то есть он был черный, но весь в коричневых, желтых и серых яблоках [в коричневых яблоках], на воротнике лоснился и вместо многих пуговиц [не было <?> пуговиц] висели только ниточки. Иван Яковлевич был большой циник: и когда коллежский ассессор Ковалев говорил [спрашивал] ему во время бритья [во время бритья вписано] по обыкновению каждый раз вечером: “У тебя, Иван Яковлевич, вечно [верно] воняют руки”, то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: “Отчего ж бы им вонять?” — “Не знаю, братец, только воняют”, говорил коллежский ассессор, и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это щёки, и под носом, и за ухом, и под бороною, и везде где только ему была охота. [Далее было: Итак Иван Яковлевич был в ужасном затруднении, как бы ему избавиться от носа.] — Этот почтенный гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он прежде всего обсмотрелся, потом нагнулся на перила, будто бы

посмотреть <как> течет вода под мост, и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал как будто бы 10 пуд разом с него свалилось. Иван Яковлевич даже усмехнулся [усмехнулся от радости] и, вместо того чтобы итти брить чиновные [служ<ебные>] подбородки, он отправился в заведение с надписью “Кушанье с чаем” спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста квартального [полице<йского>] надзирателя благородной наружности с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагою и заложным за пуговицу пальцем. — Он обмер. А между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил: “А поди сюда, любезный!”

Иван Яковлевич, зная форму, снял еще издали картуз свой и, подошедши довольно поспешно, сказал: “Желаю доброго дня вашему благородию.”

“Нет, нет, братец, не благородию, а скажи, что ты там делал на мосту.”

“Ей богу, судырь, ходил брить, да посмотрел только шибко ли река идет.”

“Врешь. Врешь. Этим не отбояришься. [Далее начато: отвечай! А вот] Изволь-ка отвечать всё!”

“Я уж вашей милости [Далее было: под праздник], как сами изволите назначить два ли раза в неделю или три [или когда и три], готов брить без всякого профиту”, отвечал Иван <Яковлевич>.

“Нет, это пустяки, приятель. Меня три цирюльника бреют, да еще и за большую честь почитают. А вот изволь-ка признаться, что там делал?..”

Иван Яковлевич побледнел... но здесь происшествие скрывается совершенно туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно.

2.

Коллежский ассессор [Коллежский проф<ессор?>] Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: брр..., что всегда он делал, когда просыпался, хотя и сам не мог растолковать [хотя совершенно и сам не мог

растолковать] по какой причине. [Далее было: Прежде всего, что делал Ковалев, это было] Потянувшись, он приказал подать к себе небольшое стоявшее на столе зеркало, чтобы взглянуть наново прыщик, который выскочил вчера вечером на его лбу [когда он очень долго прохаживался по Невскому просп<екту>]. К величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место. Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: — точно, нет носа... — Он начал щупать рукою, ущипнул себя, чтобы узнать, не спит ли он. Кажется, не спит...

Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: всё нет носа. Он велел тотчас дать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть какого рода человек был этот коллежский асессор. [Далее начато: а. Вообще коллежских б. Есть] Асессоров, которые получают это звание [Далее начато: обык<новенно>] с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнить с теми коллежскими асессорами, которые получают это звание на Кавказе. Это два совершенно особые рода. Ученые коллежские профессора... Хм... Россия такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессора от Риги до Камчатки [Далее начато: при<мут>] непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах от высших до низших. Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года еще только состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог позабыть его, а чтобы еще более облагородить его он никогда не называл себя просто коллежским асессором, но всегда майором. “Послушай, голубушка”, говорил он обыкновенно, встретив на улице бабу, продававшую манишки: “ты приходи ко мне на дом, квартира моя в Садовой [Далее начато: мож<ешь?>], спроси только [только майора Ковалева], здесь живет майор Ковалев — тебе всякой покажет.” — Если же встречал нечаянно<?> какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание и всегда повторял: “Ты спроси, душинька, квартиру майора Ковалева.” Потому самому пока будем вперед этого коллежского асессора <называть> майором.

Майор Ковалев имел обыкновение каждый почти день [каждое во<скресенье>] прохаживаться по Невскому проспекту. Воротник у него

был чрезвычайно накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских [губернских вписано] поветовых землемеров, у архитекторов и, если только они русские люди [архитекторов и у полицейских людей], также у отправляющих разные полицейские обязанности и вообще у всех тех мужей, у которых чрезвычайно полные и румяные щеки и которые хорошо играют в бостон. [которые хорошо играют в бостон вписано] Эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямехонько доходят до носа. Майор Ковалев [Далее начато: имел кажется] носил большое множество печаток сердоликовых с гербами и таких на которых только было вырезано: середина, четверг, понедельник и проч. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своего звания <места>. Если удастся [Если можно], то виц-губернатора, а не то экзекутора в каком-нибудь видном департаменте. Майор Ковалев был непрочь и жениться. Но только в таком случае, когда невеста будет иметь двести тысяч капитала. — И потому читатель может посудить теперь в полной мере, каково было положение этого майора [Ковалева], когда он увидел вместо довольно недурного, умеренного [довольно порядочного] носа, — преглупое, ровное, гладкое место.

Как на беду его, еще ни один извозчик не выезжал на улицу и он должен был итти пешком, закутавшись в свой плащ и закрывши платком <лицо>, показывая вид, как будто бы у него шла кровь. “Но авось-либо мне так представилось, не может быть, чтобы нос пропал неизвестно куда”, [не может быть ~ куда вписано] подумал он и зашел в кондитерскую нарочно, чтобы посмотреть в зеркало. [Далее начато: Осмотревши позади себя, не глядит ли какой-нибудь мальчишка, он] К счастью в кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты и расставляли стулья; некоторые с сонными глазами выносили горячие пирожки; по столам, и стульям валялись залитые кофием вчерашние газеты. [Далее было: Слава богу, никого нет, подумал Ковалев и глянул. Теперь можно поглядеть] Он робко подошел к зеркалу и глянул. “Чорт знает что, какая дрянь!” произнес он, плюнувши. “Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего”.

С досадою закусивши губы, вышел он из кондитерской [Далее начато: Но как только] и не решился глядеть ни на кого, что было он всегда делал прежде [Далее начато: очень], сопровождая это приятною улыбкою. Вдруг он остановился как вкопанный у дверей одного магазина. Перед магазином остановилась карета и из нее выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире. Ковалев с радостью и ужасом узнал, что этот господин был его

собственный нос. Он решился дожидаться его возврата в карету и стоял как в лихорадке. Через две минуты нос, действительно, вышел из магазина. Он был в модном парике [модном парике вписано] <и> мундире шитом золотом с большим стоящим воротником, на нем были замшевые [лосинные] панталоны, при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было видеть, что он считался в ранге статского советника. [Далее начато: Он посм<отрел>] Заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны и закричал кучеру: подавай! — сел и уехал. — Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал как и подумать об таком странном происшествии. [Он не знал ~ происшествии вписано] Как же можно, чтобы нос мог ездить и ходить в мундире. Он побежал за каретою, которая к счастью отъехала недалеко и остановилась перед Казанским собором. Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями только для глаз [оставившими две дыры только для глаз], над которыми он прежде так [так прежде] смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе [на проходе] в двери. Ковалев чувствовал, что он в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах [не в состоянии <?>] был молиться. Он искал господина носа по всем углам и наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос совершенно спрятал лицо свое в большой стоящий воротник и с выражением величайшей набожности молился. “Как подойти к нему?” думал Ковалев: [Далее было: Господин, совершенно господин] “Одет как господин и при том еще статский советник. Чорт его знает!” [Далее начато: как и <?>] Он начал, стоя около него, покашливать, но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвечивал поклоны. “Милостивый государь!” сказал Ковалев, стараясь ободрить себя. “Милостивый государь...” [Далее начато: Мне странно] — “Что вам угодно?”, отвечал он, оборотившись. “Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И я вас вдруг нахожу... и где же? — в церкви. Согласитесь...”

“Я не могу понять, как вы изволите говорить: объяснитесь”. “Как мне ему объяснить?” подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал: “Конечно я... впрочем я [Далее начато: <1 нрзб.> и майорский чин] ... Мне ходить без носа, согласитесь это не то что какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, — можно сидеть без него. Но для лица, получив.<шего?> губернаторского места, что без сомнения [которое мне без сомнения] последует... Я не знаю, милостивый государь!” при этом майор пожал плечами: “извините... [Далее начато: как говорят

это] Если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...”

“Ничего решительно”, отвечал нос: “изъяснитесь удовлетворительнее”.

“Милостивый государь!” сказал Ковалев с чувством достоинства: “Я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь всё дело, кажется, совершенно очевидно [Здесь очевидно] ... или вы не хотите... Ведь вы мой собственный нос... [Ведь вы [мой], если не ошибаюсь, мой собственный нос...]”

Нос посмотрел на майора и брови [лоб] его несколько нахмурились. “Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. При том между нами не может быть никаких тесных сношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить в сенате [Далее начато: Я же] или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части [служу по ученой части]”. Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.

Ковалев совершенно смешался и сконфузился. “Что тут делать?” подумал он. В это время в стороне послышался приятный шум дамского платья. Вошла пожилая дама довольно широкого размера, вся убранная кружевами, несколько походившая на готическое строение, и с нею тоненькая, в платье очень мило драпировавшемся на ее стройненьких формах, в палевой шляпке, легкой как бисквитное пирожное. За ними остановился и открыл табакерку высокий господин с большими бакенбардами и целой партией воротников.

Ковалев выступил поближе, высунул и поправил батистовый воротник манишки, поправил печатки от часов и, улыбаясь по сторонам, обратил внимание на легинокую дамку, которая как весенний цветочик слегка наклонялась и подносила руку с белинькими прозрачными пальцами ко лбу. Улыбка на лице Ковалева расширилась еще далее, когда он увидел [Далее начато: часть] из-под шляпки часть ее подбородка [щеки.] и часть щеки. — Но вдруг он отскочил, как будто бы обжегшись. Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно ничего нет. И слезы выдавились из глаз его. Он оборотился, чтобы прямо сказать этому господину, что прикинулся статским советником, что он плут и подлец и что он больше ничего кроме собственный нос. — Но носа не было. Он успел ускакать вероятно опять к

кому-нибудь с визитом. — Он вышел из церкви. Время бесподобное. Солнце светит. На Невском народу гибель. Дам так и сыплет целым водопадом. [Далее начато: а. водопадо<м> б. разноцветны<м> водопадом] Вон и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо если это случалось при посторонних. Вон и Ярыжкин, столоначальник в сенате, большой приятель, вечно обременивавшийся, когда играл в бостон восемь. — Вон и другой майор, получивший на Кавказе коллежского асессора, махает ему рукой, чтобы шел к нему.

“А, чорт возьми!” сказал Ковалев. “Ей, извозчик! вези прямо к обер-полицмейстеру”.

Ковалев сел в дрожки и только приказывал извозчику валять [ду<ть>] во всю ивановскую.

“У себя обер-полицмейстер”, вскричал он, взошедши в сени. “Никак нет”, отвечал швейцар: “только что уехали”.

“Вот тебе раз!”

“Да, уехали”, отвечал швейцар. [Далее начато: Минут<чкой> <?>] “А оно и не так давно, но уехал. Только минуточкой бы пришли раньше, то может и застали бы дома”.

Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал совершенно потерянным голосом: “пошел!”

“Куда?” сказал извозчик. “Пошел прямо”. — “Да направо или налево?”

“В управу Благодичиния, или нет, стой! в Газетную экспедицию”.

В полицию своим порядком, а между тем нужно объявить в газету [в газетную экспедицию], потому что этот плут может сегодня же как-нибудь улизнуть, — так думал [сказал] коллежский асессор и кричал извозчику: “Скорей подлец, скорей мошенник, а не то будут вытянуты из тебя на страшном суде все кишки! Пошел разбойник!” — “Эх, барин”, говорил извозчик и гнал лошадь. Они остановились и Ковалев, запыхавшись, вбежал в небольшую приемную комнату, где седой чиновник в старом

фраке и в очках сидел за столом и [Далее начато: счи<тал>], взявши в зубы перо, считал принесенные медные деньги.

“Кто здесь принимает объявления?” закричал Ковалев. “А, здравствуйте!”

“Мое почтение...” сказал седой господин, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на накладенные горки денег.

“Я желаю припечатать...” — “Позвольте, немножко прошу повременить”, произнес чиновник, ставя цифру и, смотря на бумажку, [смотря на бумажку вписано] передвигая пальцем левой руки два очка на счетах. Лакей с галунами и с довольно чистою наружностью, показывавшею его пребывание в аристокр<атическом> [богатом] доме, стоял возле стола с запискою [с бумажкою] в руках и почел приличным показать свою разговорчивость и общежительность. “Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит восьми гривен, то есть я бы за нее не дал 8 копеек. [Далее было: Пусть бы была лягавая или пудель, ну бесспорно бы эту можно держать при себе охотнику, но эта] Вечно дрянная под ноги так и лезет. [Далее было: То-есть не знаю какой вкус нашла в ней графиня.] Как-нибудь наступишь ей на лапу — куда? Графиня такой подымет крик, что описать нельзя. И вот тому, кто только отыщет эту паскудную собачонку, 100 рублей! [Далее начато: которая то есть и] Понять нельзя какой вкус нашла в ней графиня. Уж когда охотник, держи лягавую собаку или пуделя, не пожалей 500, тысячу дай, да уж чтобы была хорошая”. Почтенный чиновник слушал это с значительною миною и в то же время занимался считанием [другим делом] принесенных им денег, [принесенной им суммы] отделяя 2 рубли 33 копейки за припечатанье объявления. — По сторонам стояло множество старух, [Далее начато: сидель<цев>] купеческих сидельцев, дворников, кучеров с записками. В одной отдавался кучер трезвого поведения, в другой мало подержанная коляска, работанная за Петра, [Далее начато: в кот<орой?>] у которой не было ни одного винта целого. Там отдавалась здоровая девка 19 лет, упражнявшаяся в прачешном деле, годная и для других работ в доме, у которой уже нескольких зубов недоставало во рту; прочные дрожки без одной ресоры; молодая, горячая, в серых яблоках, лошадь 17 лет от роду. Новые полученные из Лондона семена репы [Далее начато: Там отдавалась дача] и редис, так называемый индейской редис; отличная дача со всеми [с местом] угодьями, двумя стоялками для лошадей и местом, на котором можно развести

превосходный сад. [Далее начато: Извещение] Там же было извещение о потерянном кошельке с обещанием приличного награждения [Далее начато: о прод<аже>], вызов желающих купить старые подошвы и [благо]волящих [а. благо<волящих> б. и гвоздей] явиться к переторжке в таком-то часу. — Комнатка, в которой всё то находилось, была маленькая, закопченная и воздух в ней был так густ, хоть топор повесь, потому что русские мужики имеют удивительное свойство сгущать атмосферу [воздух], и где соберутся и четыре дворника в красных рубашках и один кучер, там смело можно повесить на воздухе топор. — К счастью коллежский ассессор Ковалев не мог ничего этого услышать [заметить], потому что закрылся платком и потому что самый нос его находился бог знает в каких местах.

“Милостивый государь, позвольте вас попросить... мне очень нужно”.

“Сейчас, сейчас! [Далее начато: Три] 2 рубли 43 копейки! [Далее начато: <1 нрзб.> копеек] Рубль 60 копеек!” говорил седовласый господин, бросая в глаза старухам и дворникам записки.

“Вам что угодно?”, наконец сказал он, обратившись к Ковалеву.

“Я особенно прошу...” сказал Ковалев: “случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать. Я прошу только припечатать, что тот, кто этого подлеца [мошенника этого] ко мне представит, получит достаточное вознаграждение”.

“Гм. Позвольте узнать, как ваша фамилия?”

“Коллежский ассессор Ковалев. Впрочем [Впрочем вписано] вы можете просто написать: состоящий в майорском чине”.

“Да что, сбежавший-то был ваш дворовый человек?”

“Какой дворовый человек? Это бы еще было не такое большое мошенничество. Но это нос [Но вот это был мой нос... Далее было: И на большую сумму <ограбил он?>] ...”

“Гм. Какая странная фамилия. И на большую сумму этот Носов обокрал вас?”

“Нос, то-есть... Вы не то думаете. Нос, мой собственный нос пропал неизвестно <куда>. Сам сатана-дьявол захотел подшутить надо мною. Только этот нос разъезжает теперь господином по городу и дурачит всех. Так я вас прошу объявить, чтобы поймавший представил ко мне мошенника, подлеца, сукина... но я закашлялся и у меня пересохло в горле: я не могу ничего говорить!”

Чиновник задумался, что означали его крепко сжавшиеся губы.

“Нет, я не могу поместить такого объявления в газету”, сказал он наконец после долгого молчания.

“Как, отчего?”

“Так. Газета может потерять репутацию. Если всякой начнет писать, что у него сбежал нос или губы... И так уже говорят, что печатают [пишут] много несообразностей и ложных слухов”.

“Да когда у меня точно пропал нос”.

“Если пропал, то это дело медика. Говорят, есть такие люди, которые [Далее начато: учены в при<ставлении>] могут приставить какой угодно нос. Но впрочем я замечаю, что <вы> должны быть человек веселого нрава и любите пошутить”.

“Клянусь вам, вот как бог свят, если лгу. Хотите ли, я вам покажу?”

“Зачем беспокоиться!” продолжал чиновник, нюхая табак. “Впрочем, если вам не в беспокойство, то желательно бы взглянуть”, продолжал он с движением любопытства.

Коллежский ассессор отнял платок.

“В самом деле, чрезвычайно странно!” сказал [продол<жал>] чиновник. “Совершенно как только что выпеченный блин, место до невероятности ровное”.

“Ну что, и теперь будете говорить! Извольте же сей же час напечатать”.

“Напечатать-то, конечно, дело небольшое, только я не предвижу в этом большой пользы. [решительно никакой пользы] Если уже хотите, то вы можете дать кому-нибудь описать искусным пером, как редкое произведение натуры и напечатать занимательную статейку в Северной Пчеле...” чиновник понюхал табак: “для пользы юношества, упражняющегося в науках...” при этом он утер нос: “или так, для общего любопытства”.

Коллежский ассессор был в положении человека совершенно сраженного унынием. Он опустил глаза в лист газеты, где было извещение о спектаклях [о двух водеви<лях>] и уже лицо его готово было улыбнуться, встретивши имя актрисы, хорошинькой собою, и рука взялась за карман пощупать, есть ли синяя ассигнация, потому что штаб-офицеры, [Далее начато: должны] по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах, но мысль о носе как острый нож вонзилась в его сердце. [душу.]

Бедный Ковалев в нестерпимой тоске отправился к квартальному надзирателю, чрезвычайному охотнику до сахара. На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы. [нанесли к нему купцы.] Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все военные доспехи уже мирно развесились по углам и [Далее начато: этот] грозную трехугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сынок его, и он, после боевой, бранной жизни, готовился вкушать удовольствия мира.

Ковалев вошел к нему в то время, когда он потянулся, крикнул и сказал: “Эх, славно засну два часика”. И потому можно было <предвидеть> сначала, что приход коллежского ассессора [нового <человека>] был совершенно не вó-время. И не знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно. [то [вряд] едва <?> ли бы он был принят хорошо] Частный [Хотя впрочем частный] был большой поощритель всех искусств и мануфактурности, хотя иногда и говорил, что нет почтеннее вещи как государственная ассигнация: “места займет немного, в карман всегда поместится, уронишь — не разобьется.” Частный принял довольно сухо Ковалева, сказал, что после обеда не такое время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы человек, наевшись [нагрузив тело], немного отдохнул (из

этого [Этот] видно было, что частный пристав был философ [большой философ]) и что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам. То-есть, это уже было не в бровь, а прямо в глаз. Нужно знать, что Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог извинить, что ни говори о нем самом, но никак не извинял, если это касалось к чину и званию. Он полагал, что по театральным пиэсам можно пропускать [а. всё пропускать б. нападать] свободно всё, что относится [что ни относится] к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать. Такой прием частного его так сконфузил, что он немножко стряхнул головою и с чувством собственного достоинства сказал, расставив руки: “Признаюсь, после этаких с вашей стороны обидных замечаний... я ничего не могу прибавить...” и вышел.

Он приехал домой едва слыша в себе [под собой] душу, а под собою ноги, после всех [таких] этих душевных революций. Усталый бросился он в кресла и, отдохнувши немного, сказал: “Боже мой! Боже мой! за что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги — всё бы это лучше. Будь я без обеих ушей даже, всё сноснее, но без носа человек хоть выбрось. Если бы кто-нибудь отрезал или я сам был причиною... но вот штука — пропал сам собою. Ей богу, это невероятно. Может быть я сплю и мне всё это снится”. Коллежский — ассессор пальцем себя щипнул и сам чуть [не] вскрикнул от боли. “Нет, чорт возьми, я не сплю”. Он потихоньку приблизился к зеркалу и сначала зажмурил глаза, потом вдруг глянул — авось либо есть нос, но в ту же минуту отошел от зеркала, сказавши: “Чорт знает что, какая дрянь!” Действительно, это происшествие было до невозможности невероятно, так что его можно было совершенно назвать сновидением, если бы оно не случилось в самом деле и если бы не представлялось [не было] множество самых удовлетворительных доказательств.

Он долго передумывал, кто бы здесь был виною, и, наконец, едва ли не остановился на том, что здесь главною причиною должна быть одна вдова, тоже штаб-офицерша, которая желала, чтобы он женился на ее дочери, за которую он любил приволакивать, но всегда избегал окончательной разделки [отд<елки>] и, когда вдова объявила ему напрямик [Далее было: свое намерение], что она желает выдать ее за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами, сказавши, что еще молод и [Далее было: не может

жениться] что нужно еще прослужить [еще нужно прослужить ему] лет пяток, чтобы было ровно 42 года. И потому теперь, по его мнению, вдова хотела ему непременно отомстить и решила его испортить. И верно наняла [подгово<рила>] баб ворожей или сама, может быть, удружила. Рассуждая таким образом, он услышал в передней [Далее начато: Не здесь] голос: “Здесь живет коллежский ассессор Ковалев?”

“Войдите, майор Ковалев здесь!” сказал он, вскочивши со стула и отворяя дверь.

Это был полицейский чиновник благородной наружности, который стоял в конце Исакиевского <моста> [благородной наружности ~ Исакиевского <моста> вписано]. “Вы, кажется, изволили затерять нос свой?” — “Так точно”. — “Он теперь перехвачен”. — “Нет, что вы говорите?” закричал в величайшей радости майор. “Каким образом?..”

“Странным случаем его перехватили [Далее начато: мы на дороге] почти на дороге. Он уже садился в дилижанс и хотел уехать в Ригу. И паспорт уже давно был написан на имя Тамбовского директора училищ. И странно то, что я сам принял его за господина, но к счастью были со мною очки, и я, уже надевши их, увидел, что это был нос. Ведь я близорук и если вы передо мною станете, то я вижу только что лицо, но ни носа, ни бороды — ничего не замечу. Моя теща, т. е. мать жены моей — тоже ничего не видит”.

Ковалев был вне себя. “Где же он, где? Я сейчас побегу”.

“Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, нарочно принес его <с> собою. И странно то, что главный участник в этом деле есть мошенник цирюльник на Вознесенской улице, который сидит теперь на съезжей. Я давно, впрочем, подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он [украл он] в Гостином полдюжины жилетных пуговиц. Нос ваш совершенно таков, как был [Нос ~ как был вписано].” При этом квартальный полез в боковой карман и вытащил оттуда завернутый в бумажке нос.

“Так, он!” закричал Ковалев в радости: “Точно он! такой же самой пипочкой! <?>. Откушайте сегодня со мною чашечку чаю”.

“С большою приятностью желал бы, но не могу: занят. Очень большая теперь поднялась дороговизна на все припасы. У меня в доме живет и теща, т. е. мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды, умный мальчишка, [умный мальчишка вписано] но средств к воспитанию совершенно нет никаких”.

Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который расшаркавшись вышел [ушел] за дверь, и в ту же [почти минуту] Ковалев слышал [услышал] уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего с своею телегою как раз на бульвар. [наехавшего с своею телегою на перилы, ограждающие бульварные липы]

Коллежский ассессор, наконец, пришел в себя, [Далее начато: от и<зумления?>] потому что радость повергнула почти в беспамятство... “Ну, теперь, слава богу, что есть нос. А ну, приложим его”. Сказавши это, он начал ставить [при<ставлять>] его на свое место, но к удивлению заметил, что нос никак не приклеивался. “Ну же! ну! полезай дурак!” говорил он ему; но нос был совершенной глуп и падал прямо на стол, как только он отнимал руку.

Лицо майора слезливо искривилось. “Неужели он не пристанет?” сказал он в испуге. Но нос действительно отпадал. “Ах, боже мой! да ведь каким же <образом> он может пристать? Я и позабыл о том, что уж если что́ отрезано, то нельзя приставить”.

И бедный Ковалев вдруг из величайшей радости повергнулся в самую глубокую горесть.

Между тем слух об этом необыкновенном происшествии распространился по всей столице. И как всегда водится, не без особенных прибавлений. [с величайшими прибавлениями.] Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному. Недавно, только что занимали [только что прежде занимали] весь город опыты действия магнетизма. [опыты маг<нетизма>] Притом история о танцующих стульях в Конюшенной была свежа и потому нечего удивляться, [и оттого немудрено] что скоро начали говорить, что нос коллежского ассессора Ковалева ровно в 3 часа каждый день прогуливается по Невскому проспекту. Любопытных стекалось каждый день множество. — Этому происшествию были чрезвычайно рады

все светские и [Далее начато: любозн<ательные>] необходимые посетители раутов, любившие смешить дам, [любившие смешить дам вписано] которых запас уже совершенно истощился. Но многие слушали об этом с неудовольствием, и один господин со звездою с негодованием говорил, что он удивляется, как в нынешний просвещенный век могут распространяться такие слухи и нелепые выдумки, и что он еще более удивляется как не обратит на это внимание правительство. Этот господин был один из числа тех людей, которые бы желали впутать [чтобы] правительство во всё и даже в их домашние ссоры с своею супругою. Обо всех этих слухах бедный коллежский асессор, сам не зная каким образом узнавал, не выходя почти из своей комнаты... Он не велел никого впускать к себе; не появлялся никуда, даже в театре, [Далее начато: хоть часто] какой бы ни игрался там водевиль; не играл даже в бостон; [ни в бостон] не видал даже Ярышкина, с которым был большой приятель, и в продолжении месяца так исхудал и иссох, что был похож больше на мертвеца, нежели на человека и даже... Впрочем всё это, [Далее начато: виде<лось>] что ни описано здесь, виделось майору во сне. И когда он проснулся, то в такую пришел радость, что вскочил с кровати, подбежал к зеркалу и, увидевши всё на своих местах, бросился плясать в одной рубашке по всей комнате [танец], составленный [танец, который <состоял?>] из кадрили и мазурки вместе. И когда лакей его Иван просунул голову в двери посмотреть, что делает барин, он закричал ему: “Пошел! Что тут нашел дивного?” Через минуту он оделся и, севши на кровать, закричал: “Ей, Иван!” — “Чего изволите-с?” — “Что, не спрашивала ли [Далее начато: одна] майора Ковалева одна девчонка, такая хорошенькая собою?” — “Никак нет”. — “Гм!”, сказал майор Ковалев и посмотрел, улыбаясь, в зеркало.

III. ЭПИЛОГ В “СОВРЕМЕННОМ”

После этого, как-то странно и совершенно неизъяснимым образом случилось, что у майора Ковалева опять показался на своем месте нос. Это случилось уже в начале мая, не помню 5 или 6 числа. Майор Ковалев, проснувшись по утру, взял зеркало и увидел, что нос сидел уже где следует, между двумя щеками. В изумлении он выронил зеркало на пол, и всё щупал пальцами, действительно ли это был нос. Но уверившись, что это был точно не кто другой, как он самый, он соскочил с кровати в одной рубашке и начал плясать по всей комнате какой-то танец, составленный из мазурки, кадрили и тропака. — Потом приказал дать себе одеться, умылся, выбрил

бороду, которая уже отросла было, так что могла вместо щетки чистить платье, — и чрез несколько минут видели уже коллежского асессора на Невском проспекте, весело поглядывавшего на всех; а многие даже приметили его покупавшего в Гостином дворе узенькую орденскую ленточку, неизвестно для каких причин, потому что у него не было никакого ордена.

Чрезвычайно странная история! Я совершенно ничего не могу понять в ней. И для чего всё это? К чему это? Я уверен, что больше половины в ней неправдоподобного. Не может быть, никаким образом не может быть, чтобы нос один сам собою ездил в мундире и притом еще в ранге статского советника! И неужели в самом деле Ковалев не мог смекнуть, что чрез газетную экспедицию нельзя объявлять о носе? Я здесь не в том смысле говорю, что бы мне казалось дорого заплатить за объявление: это пустяки, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей; но неприлично, совсем неприлично, нейдет. Несообразность и больше ничего! — И цирюльник Иван Яковлевич вдруг явился и пропал, неизвестно к чему, неизвестно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, как я мог написать это? — Да и для меня вообще непонятно, как могут авторы брать такого рода сюжеты! К чему всё это ведет? Для какой цели? Что доказывает эта повесть? Не понимаю, совершенно не понимаю. — Положим, для фантазии закон не писан, и притом действительно случается в свете много совершенно неизъяснимых происшествий; но как здесь?.. Отчего нос Ковалева?.. И зачем сам Ковалев?.. Нет, не понимаю, совсем не понимаю. Для меня это так неизъяснимо, что я... Нет, этого нельзя понять!

ПОРТРЕТ (Повесть)

РЕДАКЦИЯ “АРАБЕСОК”

I.

Нигде столько не останавливалось народа, как перед картинною лавочкою на Щукином дворе. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собрание диковинок; картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленым лаком, в темножелтых мишурных рамах. Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека, — вот обыкновенные их сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах с кривыми носами. Двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками тех картин, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. На одной из них была царица Милицитриса Кирбитьевна, на другой город Иерусалим, по домам и церквам которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, но зато зрителей куча. Какой-нибудь забулдыга лакей уже, верно, зевает перед ними, держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина, который, без сомнения, будет хлебать суп не слишком горячий. Перед ними, верно, уже стоит солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика; торговка из Охты с коробкою, наполненною башмаками. Всякой восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисованными карикатурами; старые лакеи в фризových шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать; а торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту, чтобы послушать, о чём калякает народ и посмотреть, на что он смотрит. В это время невольно

остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чертков. Старая шинель и нещегоольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодежи. Он остановился перед лавкою и сперва внутренне смеялся над этими уродливыми картинами; наконец, невольно овладело им размышление: он стал думать о том, кому бы нужны были эти произведения. Что русской народ заглядывается на Ерусланов Лазаричей, на объедал и обпивал, на Фому и Ерему — это ему не казалось удивительным: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но где покупатели этих пёстрых, грязных, масляных малеваний? кому нужны эти фламандские мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показывают какое-то притязание на несколько уже высший шаг искусства, но в которых выразилось всё глубокое его унижение? Если бы это были труды ребенка, покоряющегося одному невольному желанию, если бы они совсем не имели никакой правильности, не сохраняли даже первых условий механического рисования, если бы в них было всё в карикатурном виде, но в этом карикатурном виде просвечивалось бы хотя какое-нибудь старание, какой-нибудь порыв произвести подобное природе, — но ничего этого нельзя было отыскать в них. Какое-то тупоумие старости, какая-то бессмысленная охота, или, лучше сказать, неволя, водила рукою их творцов. Кто трудился над ними? И трудился, без сомнения, один и тот же, потому что те же краски, та же манера, та же набившаяся, приобывшая рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку. Он всё так же стоял перед этими грязными картинами и глядел на них, но уже совершенно не глядя, между тем как содержатель этого живописного магазина, серенькой человек, лет пятидесяти, во фризовой шинели, с давно небритым подбородком, рассказывал ему, что “картины самый первый сорт и только что получены с биржи, еще и лак не высох и в рамки не вставлены. Смотрите сами, честью уверяю, что останетесь довольны.” Все эти заманчивые речи летели мимо ушей Черткова. Наконец, чтобы немного ободрить хозяина, он поднял с полу несколько запылившихся картин. Это были старые фамильные портреты, которых потомки вряд ли бы отыскились. Почти машинально начал он с одного из них стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лице его, краска, которая означает тайное удовольствие при чем-нибудь неожиданном. Он стал нетерпеливо тереть рукою и скоро увидел портрет, на котором ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались несколько мутными и почерневшими. Это был старик с каким-то

беспокойным и даже злобным выражением лица; в устах его была улыбка, резкая, язвительная и вместе какой-то страх; румянец болезни был тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы; но вместе с этим в них была заметна какая-то странная живость. Казалось, этот портрет изображал какого-нибудь скрягу, прошедшего жизнь над сундуком, или одного из тех несчастных, которых всю жизнь мучит счастье других. Лицо вообще, сохраняло яркий отпечаток южной физиогномии. Смуглота, черные, как смоль волосы, с пробившеюся проседью — всё это не попадает у жителей северных губерний. Во всём портрете была видна какая-то неокончателность; но если бы он приведен был в совершенное исполнение, то знаток потерял бы голову в догадках, каким образом совершеннейшее творение Вандика очутилось в России и зашло в лавочку на Щукин двор. С бьющимся сердцем, молодой художник, отложивши его в сторону, начал перебирать другие, не найдется ли еще чего подобного, но всё прочее составляло совершенно другой мир и показывало только, что этот гость глупым счастьем попал между них. Наконец, Чертков спросил о цене. Пронырливый купец, заметив по его вниманию, что портрет чего-нибудь стоит, почесал за ухом и сказал: “Да что, ведь десять рублей будет за него маловато.” Чертков протянул руку в карман.

“Я даю одиннадцать!” раздалось позади его.

Он оборотился и увидел, что народу собралась куча и что один господин в плаще долго, подобно ему, стоял перед картиною. Сердце у него сильно забилося и губы тихо задрожали, как у человека, который чувствует, что у него хотят отнять предмет его исканий. Осмотревши внимательно нового покупателя, он несколько утешился, заметив на нем костюм, нимало не уступавший его собственному, и произнес дрожащим голосом: “я дам тебе двенадцать рублей, картина моя”.

“Хозяин! картина за мною, вот тебе пятнадцать рублей!” произнес покупатель.

Лицо Черткова судорожно вздрогнуло, дух захватился и он невольно выговорил: “двадцать рублей”.

Купец потирал руки от удовольствия, видя, что покупщики сами торгуются в его пользу. Народ гуще обступил покупающих, услышав

носом, что обыкновенная продажа превратилась в аукцион, всегда имеющий сильный интерес даже для посторонних. Цену наконец набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричал Чертков: пятьдесят, вспомнив, что у него вся сумма в 50 рублях, из которых он должен, хотя часть, заплатить за квартиру и, кроме того, купить красок и еще кое-каких необходимых вещей. Противник в это время отступился, сумма, казалось, превосходила также его состояние, и картина осталась за Чертковым. Вынув из кармана ассигнацию, он бросил ее в лицо купцу и ухватился с жадностью за картину, но вдруг отскочил от нее, пораженный страхом. Темные глаза нарисованного старика глядели так живо и вместе мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, в них неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человеческие глаза. Они были неподвижны, но, верно, не были бы так ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство, не страх, но то неизъяснимое ощущение, которое мы чувствуем при появлении странности, представляющей беспорядок природы, или, лучше сказать, какое-то сумасшествие природы, — это самое чувство заставило вскрикнуть почти всех. С трепетом провел Чертков рукою по полотну, но полотно было гладко. Действие, произведенное портретом, было всеобщее: народ с каким-то ужасом отхлынул от лавки; покупатель, вошедший с ним в соперничество, боязливо удалился. Сумерки в это время сгустились, казалось, для того, чтобы сделать еще более ужасным это непостижимое явление. Чертков не в силах был оставаться более. Не смея и думать о том, чтобы взять его с собою, он выбежал на улицу. Свежий воздух, гром мостовой, говор народа, казалось, на минуту освежил его, но душа была всё еще сжата каким-то тягостным чувством. Сколько ни обращал он глаз по сторонам на окружающие предметы, но мысли его были заняты одним необыкновенным явлением. “Что это?” думал он сам про себя: “искусство, или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законов природы? Какая странная, какая непостижимая задача! или для человека есть такая черта, до которой доводит высшее познание, и чрез которую шагнув, он уже похищает несоздаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал. Отчего же этот переход за черту, положенную границею для воображения, так ужасен? или за воображением, за порывом, следует наконец действительность, та ужасная действительность, на которую соскакивает воображение с своей оси каким-то посторонним толчком, та ужасная действительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его

внутренность и видит отвратительного человека. Непостижимо! такая изумительная, такая ужасная живость! или чересчур близкое подражание природе так же приторно, как блюдо, имеющее чересчур сладкий вкус?” С такими мыслями вошел он в свою маленькую комнатку в небольшом деревянном доме на Васильевском Острове в 15 линии, в которой лежали разбросанные во всех углах ученические его начатки, копии с антиков, тщательные, точные, показывавшие в художнике старание постигнуть фундаментальные законы и внутренний размер природы. Долго рассматривал он их, и, наконец, мысли его потянулись одна за другою и стали выражаться почти словами, — так живо чувствовал он то, о чем размышлял!

“И вот год, как я тружусь над этим сухим, скелетным трудом! Стараюсь всеми силами узнать то, что так чудно дается великим творцам и кажется плодом минутного быстрого вдохновения. Только тронут они кистью, и уже является у них человек вольный, свободный, таков, каким он создан природою; движения его живы, непринужденны. Им это дано вдруг, а мне должно трудиться всю жизнь; всю жизнь исследовать скучные начала и стихии, всю жизнь отдать бесцветной не отвечающей на чувства работе. Вот мои маранья! Они верны, схожи с оригиналами; но захоти я произвести свое — и у меня выйдет совсем не то: нога не станет так верно и непринужденно; рука не подыметься так легко и свободно; поворот головы у меня вовеки не будет так естествен, как у них, а мысль, а те невыразимые явления... Нет, я не буду никогда великим художником!”

Размышления его прерваны были вошедшим его камердинером, парнем лет осьмнадцати в русской рубашке, с розовым лицом и рыжими волосами. Он без церемонии начал стягивать с Черткова сапоги, который был погружен в свои размышления. Этот парень, в красной рубашке, был его лакей, натурщик, чистил ему сапоги, зевал в маленькой его передней, тер краски и пачкал грязными ногами его пол. Взявши сапоги, он бросил ему халат и выходил уже из комнаты, как вдруг оборотил голову назад и произнес громко: “барин, свечу зажигать, или нет?” “Зажги”, отвечал рассеянно Чертков. “Да еще хозяин приходил”, примолвил кстати грязный камердинер, следуя похвальному обычаю всех людей его звания упоминать в Р. S. о том, что поважнее: “хозяин приходил и сказал, что если не заплатите денег, то вышвырнет все ваши картины за окошко вместе с кроватью.”

“Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгах”, отвечал Чертков, “я достал деньги”. При этом он обратился к карману фрака, но вдруг вспомнил, что все деньги свои оставил за портрет у лавочника. Мысленно начал он укорять себя в безрассудности, что выбежал без всякой причины из лавки, испугавшись ничтожного случая и не взял с собою ни денег, ни портрета. Завтра же решился он идти к купцу и взять деньги, почитая себя совершенно вправе отказаться от такой покупки, тем более, что его домашние обстоятельства не позволяли сделать никакой лишней издержки.

Свет луны ярким, белым окном ложился на его пол, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стене. Все предметы и картины, висевшие в его комнате, как-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вечно-прекрасного сияния. В эту минуту как-то нечаянно он взглянул на стену и увидел на ней тот же самый странный портрет, так поразивший его в лавке. Легкая дрожь невольно пробежала по его телу. Первым делом его было позвать своего камердинера и натурщика и расспросить, каким образом и кто принес к нему портрет; но камердинер-натурщик клялся, что никто не приходил, выключая хозяина, который был еще поутру и, кроме ключа, ничего не имел в своих руках. Чертков чувствовал, что волосы его зашевелились на голове. Севши возле окна, он силился себя уверить, что здесь не могло ничего быть сверхъестественного, что мальчик его мог в это время заснуть, что хозяин портрета мог его прислать, узнавши каким-нибудь особенным случаем его квартиру... Короче, он начал приводить все те плоские изъяснения, которые мы употребляем, когда хотим, чтобы случившееся случилось непременно так, как мы думаем. Он положил себе не смотреть на портрет, но голова его невольно к нему обращалась и взгляд, казалось, прикипал к странному изображению. Неподвижный взгляд старика был нестерпим; глаза совершенно светились, вбирая в себя лунный свет, и живость их до такой степени была страшна, что Чертков невольно закрыл свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на ресницах старика; светлые сумерки, в которые владычица-луна превратила ночь, увеличивали действие; полотно пропадало и страшное лицо старика выдвинулось и глядело из рам, как будто из окошка.

Приписывая это сверхъестественное действие луне, чудесный свет которой имеет в себе тайное свойство придавать предметам часть звуков и красок другого мира, он приказал подать скорее свечу, около которой копался его лакей; но выражение портрета ничуть не уменьшилось: лунный свет, слившись с сиянием свечи, придал ему еще более непостижимой и

вместе странной живости. Схвативши простыню, он начал закрывать портрет; свернул ее втрое, чтобы он не мог сквозь нее просвечивать, но при всем том, или это было следствие сильно потревоженного воображения, или собственные глаза его, утомленные сильным напряжением, получили какую-то беглую, движущуюся сноровку, только ему долго казалось, что взор старика сверкал сквозь полотно. Наконец, он решился погасить свечу и лечь в постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими от него портрет. Напрасно ожидал он сна: мысли самые неутешительные прогоняли то спокойное состояние, которое ведет за собою сон. Тоска, досада, хозяин, требующий денег, недоконченные картины — создания бессильных порывов, бедность — всё это двигалось перед ним и сменялось одно другим. И, когда на минуту удавалось ему прогнать их, то чудный портрет властительно втеснялся в его воображение и, казалось, сквозь щелку в ширмах сверкали его убийственные глаза. Никогда не чувствовал он на душе своей такого тяжелого гнета. Свет луны, который содержит в себе столько музыки, когда вторгается в одинокую спальню поэта и проносит младенчески-очаровательные полусны над его изголовьем, этот свет луны не наводил на него музыкальных мечтаний; его мечтания были болезненны. Наконец впал он не в сон, но в какое-то полузабвение, в то тягостное состояние, когда одним глазом видим приступающие грёзы сновидений, а другим — в неясном облаке окружающие предметы. Он видел, как поверхность старика отделялась и сходила с портрета, так же, как снимается с кипящей жидкости верхняя пена, подымалась на воздух и неслась к нему ближе и ближе, наконец приближалась к самой его кровати. Чертков чувствовал занимавшееся дыхание, силился приподняться, — но руки его были неподвижны. Глаза старика мутно горели и вперились в него всею магнитною своею силою.

“Не бойся”, говорил странный старик, и Чертков заметил у него на губах улыбку, которая, казалось, жалила его своим ослаблением и яркою живостью осветила тусклые морщины его лица. “Не бойся меня”, говорило странное явление: “мы с тобою никогда не разлучимся. Ты задумал весьма глупое дело: что тебе за охота целые веки корпеть за азбукою, когда ты давно можешь читать по верхам? Ты думаешь, что долгими усилиями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь”, — при этом лицо его странно исковеркалось и какой-то неподвижный смех выразился на всех его морщинах: — “ты получишь завидное право кинуться с Исакиевского моста в Неву, или, завязавши шею платком, повеситься на первом попавшемся гвозде; а труды твои, первый

маляр, накупивши их на рубль, замажет грунтом, чтобы нарисовать на нем какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Всё делается в свете для пользы. Бери же скорее кисть и рисуй портреты со всего города! бери всё, что ни закажут; но не влюбляйся в свою работу, не сиди над нею дни и ночи; время летит скоро и жизнь не останавливается. Чем более смастеришь ты в день своих картин, тем больше в кармане будет у тебя денег и славы. Брось этот чердак и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебе такие советы; я тебе и денег дам, только приходи ко мне”. При этом старик опять выразил на лице своем тот же неподвижный, страшный смех.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холодным потом на его лице. Собравши все свои усилия, он приподнял руку и, наконец, привстал с кровати. Но образ старика сделался тусклым, и он только заметил, как он ушел в свои рамы. Чертков встал с беспокойством и начал ходить по комнате. Чтобы немного освежить себя, он приблизился к окну. Лунное сияние лежало всё еще на крышах и белых стенах домов, хотя небольшие тучи стали чаще переходить по небу. Всё было тихо; изредка долетало до слуха отдаленное дребезжание дрожек извозчика, который где-нибудь в невидном переулке спал, убаюкиваемый своею ленивою клячею, поджидая запоздалого седока. Чертков уверился, наконец, что воображение его слишком расстроено и представило ему во сне творение его же возмущенных мыслей. Он подошел еще раз к портрету: простыня его совершенно скрывала от взоров и, казалось, только маленькая искра сквозила изредка сквозь неё. Наконец, он заснул и проспал до самого утра.

Проснувшись, он долго чувствовал в себе то неприятное состояние, которое овладевает человеком после угара: голова его неприятно болела. В комнате было тускло, неприятная мокрота сеялась в воздухе и проходила сквозь щели его окон, заставленных картинами или натянутым грунтом. Скоро у дверей раздался стук и вошел хозяин с квартальным надзирателем, которого появление для людей мелких также неприятно, как для богатых умильное лицо просителя. Хозяин небольшого дома, в котором жил Чертков, был одно из тех творений, какими обыкновенно бывают владельцы домов в пятнадцатой линии Васильевского Острова, на Петербургской Стороне, или в отдаленном углу Коломны; творение, каких очень много на Руси и которых характер так же трудно определить, как цвет изношенного сюртука. В молодости своей он был и капитан, и крикун, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высечь, был и расторопен, и щеголь, и

глуп, но в старости своей он слил в себе все эти резкие особенности в какую-то тусклую неопределенность. Он был уже вдов, был уже в отставке; уже не щеголял, не хвастал, не задибался; любил только пить чай и болтать за ним всякой вздор; ходил по своей комнате, поправлял сальный огарок, аккуратно по истечении каждого месяца наведывался к своим жильцам за деньгами; выходил на улицу с ключем в руке, для того, чтобы посмотреть на крышу своего дома; выгонял несколько раз дворника из его конуры, куда он запрятывался спать, — одним словом, был человек в отставке, которому, после всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются одни пошлые привычки.

“Извольте сами глядеть”, сказал хозяин, обращаясь к квартальному и расставляя руки: “извольте распорядиться и объявить ему”.

“Я должен вам объявить”, сказал квартальный надзиратель, заложивши руку за петлю своего мундира: “что вы должны непременно заплатить должныые вами уже за три месяца квартирные деньги”.

“Я бы рад заплатить, но что же делать, когда нечем”, сказал хладнокровно Чертков.

“В таком случае, хозяин должен взять себе вашу движимость, равностоящую сумме квартирных денег, а вам должно немедленно сегодня же выехать”.

“Берите всё, что хотите”, отвечал почти бесчувственно Чертков.

“Картины многие не без искусства сделаны”, продолжал квартальный, перебирая из них некоторые. “Жаль только, что не кончены и краски-то не так живы... Верно, недостаток в деньгах не позволял вам купить их? А это что за картина, завернутая в холстину?” При этом квартальный, без церемонии подошедши к картине, сдернул с нее простыню, потому, что эти господа всегда позволяют себе маленькую вольность там, где видят совершенную беззащитность или бедность. Портрет, казалось, изумил его, потому что необыкновенная живость глаз производила на всех равное действие. Рассматривая картину, он несколько крепко сжал её рамы, и так как руки у полицейских служителей всегда несколько отзываются топорной работою, то рамка вдруг лопнула; небольшая дощечка упала на пол вместе с брякнувшим на землю свертком золота и несколько блестящих кружков

покатилось во все стороны. Чертков с жадностью бросился подбирать и вырвал из полицейских рук несколько поднятых им червонцев.

“Как же вы говорите, что не имеете чем заплатить”, заметил квартальный, приятно улыбаясь: “а между тем у вас столько золотой монеты.”

“Эти деньги для меня священные!” вскричал Чертков, опасаясь искусных рук полицейского. “Я должен их хранить, они вверены мне покойным отцом. Впрочем, чтоб вас удовлетворить, вот вам за квартиру!” При этом он бросил несколько червонцев хозяину дома.

Физиогномия и приёмы в одну минуту изменились у хозяина и достойного блюстителя за нравами пьяных извозчиков.

Полицейский стал извиняться и уверять, что он только исполнял предписанную форму, а впрочем никак не имел права его принудить, а чтобы более в этом уверить Черткова, он предложил ему приз табаку. Хозяин дома уверял, что он только пошутил, и уверял с такою божбою и бессовестностью, с какою обыкновенно уверяет купец в Гостином дворе.

Но Чертков выбежал вон и не решился более оставаться на прежней квартире. Он не имел даже времени подумать о странности этого происшествия. Осмотревши сверток, он увидел в нем более сотни червонцев. Первым делом его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была как нарочно для него приготовлена: четыре в ряд высокие комнаты, большие окна, все выгоды и удобства для художника! Лежа на турецком диване и глядя в цельные окна на растущие и мелькающие волны народа, он был погружен в какое-то самодовольное забвение и дивился сам своей судьбе, еще вчера пресмыкавшейся с ним на чердаке. Недоконченные и оконченные картины развесились по стройным колоссальным стенам; между ними висел таинственный портрет, который достался ему таким единственным образом. Он опять стал думать о причине необыкновенной живости его глаз. Мысли его обратились к видимому им полусновидению, наконец к чудному кладу, скрывавшемуся в его рамках. Всё привело его к тому, что какая-нибудь история соединена с существованием портрета и что даже, может быть, его собственное бытие связано с этим портретом. Он вскочил с своего дивана и начал его внимательно рассматривать: в раме находился ящик, прикрытый тоненькой

дощечкой, но так искусно заделанной и заглаженной с поверхностью, что никто бы не мог узнать о его существовании, если бы тяжелый палец квартального не продавил дощечки. Он поставил его на место и еще раз на него посмотрел. Живость глаз уже не казалась ему так страшною среди яркого света, наполнявшего его комнату сквозь огромные окна, и многолюдного шума улицы, громившего его слух, но она заключала в себе что-то неприятное, так что он постарался скорее от него отворотиться. В это время зазвенел звонок у дверей и вошла к нему почтенная дама пожилых лет, с талией в рюмочку, в сопровождении молоденькой, лет осьмнадцати; лакей в богатой ливрее отворил им дверь и остановился в передней.

“Я к вам с просьбою”, произнесла дама ласковым тоном, с каким обыкновенно они говорят с художниками, французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствия других. “Я слышала о ваших дарованиях...” (Чертков удивился такой скорой своей славе). “Мне хочется, чтобы вы сняли портрет с моей дочери.” При этом бледное личико дочери обратилось к художнику, который, если бы был знаток сердца, то вдруг бы прочел на нем немноготомную историю ее: ребяческая страсть к балам, тоска и скука продолжительного времени до обеда и после обеда, желание побегать в платье последней моды на многолюдном гуляньи, нетерпеливость увидеть свою приятельницу для того, чтобы ей сказать: ах, милая, как я скучала, или объявить, какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б... Вот всё, что выражало лицо молодой посетительницы, бледное, почти без выражения, с оттенкою какой-то болезненной желтизны.

“Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу”, продолжала дама: “мы можем вам дать час”. Чертков бросился к краскам и кистям, взял уже готовый натянутый грунт и устроился как следует.

“Я вас должна несколько предупредить”, говорила дама: “насчет моей Анет, и этим облегчить несколько ваш труд. В глазах ее и даже во всех чертах лица всегда была заметна томность; моя Анет очень чувствительна, и, признаюсь, я никогда не даю ей читать новых романов!” Художник смотрел в оба и не заметил никакой томности. “Мне бы хотелось, чтобы вы изобразили ее просто в семейном кругу, или еще лучше одну на чистом воздухе в зеленой тени, чтобы ничто не показывало, будто она едет на бал. Наши балы, должно признаться, так скучны и так убивают душу, что, право, я не понимаю удовольствия бывать на них.” Но на лице дочери и

даже самой почтенной дамы было написано резкими чертами, что они не пропускали ни одного бала.

Чертков был минуту в размышлении, как согласить эти небольшие противоположности, наконец решился избрать благоразумную средину. При том его прельщало желание победить трудности и восторжествовать искусством, согласив двусмысленное выражение портрета. Кисть бросила на полотно первый туман, художнический хаос; из него начали делиться и выходить медленно образующиеся черты. Он приник весь к своему оригиналу и уже начал уловлять те неуловимые черты, которые самому бесцветному оригиналу придают в правдивой копии какой-то характер, составляющий высокое торжество истины. Какой-то сладкий трепет начал им одолевать, когда он чувствовал, что наконец подметил и может быть выразит то, что очень редко удастся выразить. Это наслаждение, неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся, известно только таланту. Под кистью его лицо портрета как будто невольно приобретало тот колорит, который был для него самого внезапным открытием; но оригинал начал так сильно вертеться и зевать перед ним, что художнику еще неопытному трудно было ловить урывками и мгновеньями постоянное его выражение.

“Мне кажется, на первый раз довольно”, произнесла почтенная дама.

Боже, как это ужасно! А душа и силы разохотились и хотели разгуляться. Повесивши голову и бросивши палитру, стоял он перед своею картиною.

“Мне, однакож, сказали, что вы в два сеанса оканчиваете совершенно портрет”, произнесла дама, подходя к картине: “а у вас до сих пор еще только почти один абрис. Мы приедем к вам завтра в это же время.”

Молчаливо выпроводил своих гостей художник и остался в неприятном размышлении. В его тесном чердаке никто не перебивал ему, когда он сидел над своею незаказною работою. С досадою отодвинул он начатый портрет и хотел заняться другими недоконченными работами. Но как будто можно мысль и чувства, проникнувшие уже до души, заместить новыми, в которые еще не успело влюбиться наше воображение? Бросивши кисть, он вышел из дому.

Юность счастлива тем, что перед нею бежит множество разных дорог, что ее живая, свежая душа доступна тысяче разных наслаждений; и потому Чертков рассеялся почти в одну минуту. Несколько червонцев в кармане — и что не во власти исполненной сил юности? Притом русской человек, а особенно дворянин, или художник, имеет странное свойство: как только завелся у него в кармане грош — ему всё трын-трава и море по колена. У него оставалось еще от денег, заплаченных вперед за квартиру, около тридцати червонцев. И все эти тридцать червонцев он спустил в один вечер. Прежде всего он приказал себе подать обед отличнейший, выпил две бутылки вина и не захотел взять сдачи, нанял щегольскую карету, чтобы только съездить в театр, находившийся в двух шагах от его квартиры, угостил в кондитерской трех своих приятелей, зашел еще кое-куда и возвратился домой без копейки в кармане. Бросившись в кровать, он уснул крепко, но сновидения его были так же несвязны и грудь, как и в первую ночь, сжималась, как будто чувствовала на себе что-то тяжелое; он увидел сквозь щелку своих ширм, что изображение старика отделилось от полотна и с выражением беспокойства пересчитывало кучи денег, золото сыпалось из его рук... Глаза Черткова горели; казалось, его чувства узнали в золоте ту неизъяснимую прелесть, которая дотоле ему не была понятна. Старик его манил пальцем и показывал ему целую гору червонцев. Чертков судорожно протянул руку и проснулся. Проснувшись, он подошел к портрету, тряс его, изрезал ножом все его рамы, но нигде не находил запятанных денег; наконец, махнул рукою и решился работать, дал себе слово не сидеть долго и не увлекаться заманчивою кистью. В это время приехала вчерашняя дама с своею бледною Анетою. Художник поставил на станок свой портрет и на этот раз кисть его неслась быстрее. Солнечный день, ясное освещение дали какое-то особенное выражение оригиналу и открылось множество дотоле назамеченных тонкостей. Душа его загорелась опять напряжением. Он силился схватить мельчайшую точку, или черту, даже самую желтизну и неровное изменение колорита в лице зевавшей и изнуренной красавицы с тою точностью, с которою позволяют себе неопытные артисты, воображающие что истина может нравиться так же и другим, как нравится им самим. Кисть его только что хотела схватить одно общее выражение всего целого, как досадное “довольно” раздалось над его ушами и дама подошла к его портрету. “Ах, боже мой! что это вы нарисовали?” вскрикнула она с досадою: “Анет у вас желта; у ней под глазами какие-то темные пятна; она как будто приняла несколько склянок микстуры. Нет, ради бога, исправьте ваш портрет: это совсем не ее лицо. Мы к вам будем завтра в это же время.”

Чертков с досадою бросил кисть; он проклинал и себя, и палитру, и ласковую даму, и дочь ее, и весь мир. Голодный просидел он в своей великолепной комнате и не имел сил приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, он схватил первую попавшуюся ему работу: это была давно начатая им Псишея, поставил ее на станок, с намерением насильно продолжать; в это время вошла вчерашняя дама.

“Ах, Анет, посмотри, посмотри сюда!” вскричала дама с радостным видом. “Ах, как похоже! прелесть! прелесть! и нос, и рот, и брови! чем вас благодарить за этот прекрасный сюрприз? Как это мило! Как хорошо, что эта рука немного приподнята. Я вижу, что вы точно тот великий художник, о котором мне говорили”.

Чертков стоял как оторопелый, увидевши, что дама приняла его Псишею за портрет своей дочери. С застенчивостью новичка он начал уверять, что этим слабым эскизом хотел изобразить Псишею; но дочь приняла это себе за комплимент и довольно мило улыбнулась, улыбку разделила мать. Адская мысль блеснула в голове художника, чувство досады и злости подкрепило ее, и он решился этим воспользоваться.

“Позвольте мне попросить вас сегодня посидеть немного подолее”, произнес он, обратясь к довольной на этот раз блондинке. “Вы видите, что платья я еще не делал вовсе, потому что хотел всё с большею точностию рисовать с натуры.” Быстро он одел свою Псишею в костюм XIX века: тронул слегка глаза, губы, просветлил слегка волосы и отдал портрет своим посетительницам. Пук ассигнаций и ласковая улыбка благодарности были ему наградой.

Но художник стоял, как прикованный к одному месту. Его грызла совесть; им овладела та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящим в душе благородство таланта, которая заставляет если не истреблять, то, по крайней мере, скрывать от света те произведения, в которых он сам видит несовершенство, которая заставляет скорее вытерпеть презрение всей толпы, нежели презрение истинного ценителя. Ему казалось, что уже стоит перед его картиною грозный судия и, качая головою, укоряет его в бесстыдстве и бездарности. Чего бы он не дал, чтоб возвратить только ее назад. Уже он хотел бежать вслед за дамою, вырвать портрет из рук ее,

разорвать и растоптать его ногами, но как это сделать? Куда идти? Он не знал даже фамилии его посетительницы.

С этого времени, однакож, произошла в жизни его счастливая перемена. Он ожидал, что бесславие покроет его имя, но вышло совершенно напротив. Дама, заказывавшая портрет, рассказала с восторгом о необыкновенном художнике, и мастерская нашего Черткова наполнилась посетителями, желавшими удвоить и, если можно, удесятерить свое изображение. Но свежий, еще невинный, чувствующий в душе недостойным себя к принятию такого подвига, Чертков, чтобы сколько-нибудь загладить и искупить свое преступление, решился заняться со всевозможным старанием своею работою; решился удвоить напряжение своих сил, которое одно производит чудеса. Но намерения его встретили непредвиденные препятствия: посетители его, с которых он рисовал портреты, были большею частию народ нетерпеливый, занятой, торопящийся, и потому, едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсем обыкновенное, как уже вваливался новый посетитель, преважно выставлял свою голову, горя желанием увидеть ее скорее на полотне, и художник спешил скорее оканчивать свою работу. Время его, наконец, было так разобрано, что он ни на одну минуту не мог предаться размышлению; и вдохновение, беспрестанно истребляемое при самом рождении своем, наконец отвыкло навещать его. Наконец, чтобы ускорять свою работу, он начал заключаться в известные, определенные, однообразные, давно изношенные формы. Скоро портреты его были похожи на те фамильные изображения старых художников, которые так часто можно встретить во всех краях Европы и даже во всех углах мира, где дамы изображены с сложенными на груди руками и держащими цветок в руке, а кавалеры в мундире, с заложенною за пуговицу рукою. Иногда желал он дать новое, еще не избитое положение, отличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, но, увы! всё непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишком принужденно и есть плод великих усилий. Для того, чтобы дать новое, смелое выражение, постигнуть новую тайну в живописи, для этого нужно было ему долго думать, отвративши глаза от всего окружающего, унесшись от всего мирского и жизни. Но на это у него не оставалось времени и притом он слишком был изнурен дневною работою, чтобы быть в готовности принять вдохновение; мир же, с которого он рисовал свои произведения, был слишком обыкновенен и однообразен, чтобы вызвать и возмутить воображение. Глубококоразмышляющее и вместе неподвижное лицо директора

департамента, красивое, но вечно на одну мерку лицо уланского ротмистра, бледное, с натянутою улыбкою, петербургской красавицы и множество других, уже чересчур обыкновенных — вот всё, что каждый день менялось перед нашим живописцем. Казалось, кисть его сама приобрела наконец ту бесцветность и отсутствие энергии, которою, означались его оригиналы.

Беспрестанно мелькавшие перед ним ассигнации и золото наконец усыпили девственные движения души его. Он бесстыдно воспользовался слабостью людей, которые за лишнюю черту красоты, прибавленную художником к их изображениям, готовы простить ему все недостатки, хотя бы эта красота была во вред самому сходству.

Чертков наконец сделался совершенно модным живописцем. Вся столица обратилась к нему; его портреты видны были во всех кабинетах, спальнях, гостиных и будуарах. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведения этого баловня могущественного случая. Напрасно силились они отыскать в нем хотя одну черту верной истины, брошенную жарким вдохновением; это были правильные лица, почти всегда недурные собою, потому что понятие красоты удержалось еще в художнике, но никакого знания сердца, страстей, или хотя привычек человека, — ничего такого, что бы отзывалось сильным развитием тонкого вкуса. Некоторые же, знавшие Черткова, удивлялись этому странному событию, потому что видели в первых его началах присутствие таланта, и старались разрешить непостижимую загадку: как может дарование угаснуть в цвете сил, вместо того, чтобы развиваться в полном блеске?

Но этих толков не слышал самодовольный художник и величался всеобщею славою, потряхивая червонцами своими и начиная верить, что всё в свете обыкновенно и просто, что откровения свыше в мире не существует и всё необходимо должно быть подведено под строгий порядок аккуратности и однообразия. Уже жизнь его коснулась тех лет, когда всё дышащее порывом сжимается в человеке, когда могущественный смычок слабее доходит до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновение красоты уже не превращает девственных сил в огонь и пламя, но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательнее в его заманчивую музыку и, мало-помалу, нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя. Слава не может насытить и дать наслаждения тому, который украл ее, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее. И потому все

чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целию. Пуки ассигнаций росли в сундуках его. И как всякой, которому достается этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему и равнодушным ко всему. Казалось, он готов был превратиться в одно из тех странных существ, которые иногда попадаются в мире, на которых с ужасом глядит исполненный энергии и страсти человек и которому они кажутся живыми телами, заключающими в себе мертвеца. Но однакоже одно событие сильно потрясло его и дало совершенно другое направление его жизни.

В один день он увидел на столе своем записку, в которой Академия Художеств просила его, как достойного ее члена, приехать дать суждение свое о новом присланном из Италии произведении усовершенствовавшегося там русского художника. Этот художник был один из прежних его товарищей, который от ранних лет носил в себе страсть к искусству; с пламенной силою труженика погряз в нем всю душою своею и для него, оторвавшись от друзей, от родных, от милых привычек, бросился без всяких пособий в неизвестную землю; терпел бедность, унижение, даже голод, но с редким самоотвержением, презревши всё, был бесчувствен ко всему, кроме своего милого искусства.

Вошедши в залу, нашел он толпу посетителей, собравшихся перед картиною. Глубочайшее безмолвие, какое редко бывает между многочисленными ценителями, на этот раз царствовало всюду. Чертков, принявши значительную физиогномию знатока, приблизился к картине; но, боже, что он увидел!

Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника. И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславие, хотя бы мысль о том, чтобы показаться черни, — никакой, никаких! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений. Изумительно прекрасные фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна и, изумленные столькими устремленными на них взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасные ресницы. В чертах божественных лиц дышали те тайные явления, которых душа не умеет, не знает пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на них; — и всё это было наброшено так легко, так скромно-свободно, что, казалось, было плодом минутного вдохновения художника, вдруг осенившей его

мысли. Вся картина была — мгновение, но то мгновение, к которому вся жизнь человеческая — есть одно приготовление. Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей, окруживших картину. Казалось, все вкусы, все дерзкие, неправильные уклонения вкуса слились в какой-то безмолвный гимн божественному произведению. Неподвижно, с отверстым ртом стоял Чертков перед картиною и наконец, когда мало-помалу посетители и знатоки зашумели и начали рассуждать о достоинстве произведения, и когда наконец обратились к нему с просьбою объявить свои мысли, он пришел в себя; хотел принять равнодушный обыкновенный вид, хотел сказать обыкновенное пошлое суждение зачерствелых художников: что произведение хорошо и в художнике виден талант, но желательно, чтобы во многих местах лучше была выполнена мысль и отделка, — но речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ и он, как безумный, выбежал из залы.

С минуту неподвижный и бесчувственный стоял он посреди своей великолепной мастерской. Весь состав, вся жизнь его была разбужена в одно мгновение, как будто молодость возвратилась к нему, как будто потухшие искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить так безжалостно все лучшие годы своей юности, истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, развившегося бы теперь в величии и красоте, может быть, также исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности! И погубить всё это, погубить без всякой жалости! Казалось, как будто в эту минуту ожили в душе его те напряжения и порывы, которые некогда были ему знакомы. Он схватил кисть и приблизился к холсту. Пот усилия проступил на его лице, весь обратился он в одно желание и, можно сказать, загорелся одною мыслию: ему хотелось изобразить отпавшего ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку и бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностию и ошибкою. Он пренебрег утомительную, длинную лестницу постепенных сведений и первых основных законов будущего великого. В досаде он принял прочь из своей комнаты все труды свои, означенные мертвою бледностью поверхностной моды, запер дверь, не велел никого впускать к себе и занялся, как жаркий юноша, своею работою. Но, увы! на каждом шагу он был останавливаем незнанием самых первоначальных стихий; простой, незначущий механизм охлаждал весь порыв и стоял

неперескочимым порогом для воображения. Иногда осенял его внезапный призрак великой мысли, воображение видело в темной перспективе что-то такое, что, схвативши и бросивши на полотно, можно было сделать необыкновенным и вместе доступным для всякой души, какая-то звезда чудесного сверкала в неясном тумане его мыслей, потому что он, точно, носил в себе призрак таланта; но, боже! какое-нибудь незначущее условие, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило — и мысль замирала, порыв бессильного воображения цепенел нерассказанный, неизображенный; кисть его невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались на один заученный манер, голова не смела сделать необыкновенного поворота, даже самые складки платья отзывались вытверженным и не хотели повиноваться и драпироваться на незнакомом положении тела. И он чувствовал, он чувствовал и видел это сам! Пот катился с него градом, губы дрожали и после долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его все чувства, он принимался снова; но в тридцать слишком лет труднее изучать скучную лестницу трудных правил и анатомии, еще труднее постигнуть то вдруг, что развивается медленно и дается за долгие усилия, за великие напряжения, за глубокое самоотвержение. Наконец, он узнал ту ужасную муку, которая как поразительное исключение является иногда в природе, когда талант слабый силится выказаться в превышающем его размере и не может выказаться, ту муку, которая в юноше рождает великое, но в перешедшем за грань мечтаний обращается в бесплодную жажду, ту страшную муку, которая делает человека способным на ужасные злодеяния. Им овладела ужасная зависть, зависть до бешенства. Желчь проступала у него на лице, когда он видел произведение, носившее печать таланта. Он скрежетал зубами и пожирал его взором василиска. Наконец в душе его возродилось самое адское намерение, какое когда-либо питал человек, и с бешеною силою бросился он приводить его в исполнение. Он начал скупать всё лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою ценою, осторожно приносил в свою комнату и с бешенством тигра на нее кидался, рвал, разрывал ее, изрезывал в куски и топтал ногами, сопровождая ужасным смехом адского наслаждения. Едва только появлялось где-нибудь свежее произведение, дышущее огнем нового таланта, он употреблял все усилия купить его во что бы то ни стало. Бесчисленные собранные им богатства доставляли ему все средства удовлетворять этому адскому желанию. Он развязал все свои золотые мешки и раскрыл сундуки. Никогда ни одно чудовище невежества не истребило столько прекрасных произведений, сколько истребил этот свирепый мститель. И люди,

носившие в себе искру божественного познания, жадные одного великого, были безжалостно, бесчеловечно лишены тех святых прекрасных произведений, в которых великое искусство приподняло покров с неба и показало человеку часть исполненного звуков и священных тайн его же внутреннего мира. Нигде, ни в каком уголке не могли они сокрыться от его хищной страсти, не знавшей никакой пощады. Его зоркий, огненный глаз проникал всюду и находил даже в заброшенной пыли след художественной кисти. На всех аукционах, куда только показывался он, всякой заранее отчаивался в приобретении художественного создания. Казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич, желая отнять у него всю его гармонию. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колорит на его лицо; на нем всегда почти была разлита желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшие брови и вечно перерезанный морщинами лоб придавали ему какое-то дикое выражение и отделяли его совершенно от спокойных обитателей земли.

К счастью мира и искусств, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размер страстей был слишком неправилен и колоссален для слабых сил ее. Припадки бешенства и безумия начали оказываться чаще и наконец всё это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка, соединенная с самою быстрою чахоткою, овладели им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только. К этому присоединились все признаки безнадежного сумасшествия. Иногда несколько человек не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые живые глаза необыкновенного портрета, и тогда бешенство его было ужасно. Все люди, окружавшие его постель, казались ему ужасными портретами... Портрет этот двоился, четверился в его глазах и наконец ему чудилось, что все стены были увешаны этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядели на него с потолка, с полу и, вдобавок, он видел, как комната расширялась и продолжалась пространнее, чтобы более вместить этих неподвижных глаз. Доктор, принявший на себя обязанность его пользоваться и уже несколько наслышавшийся о странной его истории, старался всеми силами отыскать тайное отношение между грезившимися ему привидениями и происшествиями его жизни, но ничего не мог успеть. Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме своих терзаний и пронзительным невыразимо-раздирающим голосом кричал и молил, чтобы приняли от него неотразимый портрет с живыми глазами, которого место он описывал с странными для безумного подробностями. Напрасно

употребляли все старания, чтобы отыскать этот чудный портрет. Всё было перерыто в доме, но портрет не отыскивался. Тогда больной приподнимался с беспокойством и опять начинал описывать его место с такою точностью, которая показывала присутствие ясного и проницательного ума; но все поиски были тщетны. Наконец, доктор заключил, что это было больше ничего, кроме особенное явление безумия. Скоро жизнь его прервалась в последнем, уже безгласном порыве страдания. Труп его был страшен. Ничего тоже не могли найти от огромных его богатств, но, увидевши изрезанные куски тех высоких произведений искусства, которых цена превышала миллионы, поняли ужасное их употребление.

II.

Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посетителей, налетевших, как хищные птицы, на не прибранное тело. Тут была целая флотилия русских купцов из гостиного двора и даже толкучего рынка в синих немецких сюртуках. Вид их и физиогномия была здесь как-то тверже, вольнее и не означалась тою приторною услужливостию, которая так видна в русском купце. Они вовсе не чинились, несмотря на то, что в этой же зале находилось множество тех значительных аристократов, перед которыми они в другом месте готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здесь они были совершенно развязны, щупали без церемонии книги и картины, желая узнать доброту товара, и смело перебивали цену, набавляемую графами-знатоками. Здесь были многие необходимые посетители аукционов, постановившие каждый день бывать в нем вместо завтрака; аристократы-знатоки, почитающие обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцию и не находившие другого занятия от 12 до 1-го часа; наконец, те благородные господа, которых платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно без всякой корыстолюбивой цели, но единственно чтобы посмотреть, чем что кончится, кто будет давать больше, кто меньше, кто

кого перебьет и за кем что останется. Множество картин разбросано было совершенно без всякого толку; с ними были перемешаны и мебели, и книги с вензелями прежнего владельца, который, верно, не имел похвального любопытства в них заглядывать. Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старинные мебели с выгнутыми линиями, с грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и без позолоты, люстры, кенкеты, — всё было навалено и вовсе не в таком порядке, как в магазинах. Всё представляло какой-то хаос искусств. Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона странно: в нем всё отзывается чем-то похожим на погребальную процессию. Зал, в котором он производится, всегда как-то мрачен; окна, загроможденные мебелью и картинами, скупо изливают свет; безмолвие, разлитое на лицах всех, и голоса: “сто рублей!”, “рубль и двадцать копеек!”, “четыреста рублей пятьдесят копеек!”, протяжно вырывающиеся из уст, как-то дики для слуха. Но еще более производит впечатления погребальный голос аукциониста, постукивающего молотком и отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь, искусствам.

Однакоже аукцион еще не начинался; посетители рассматривали разные вещи, набросанные горою на полу. Между тем небольшая толпа остановилась перед одним портретом: на нем был изображен старик с такою странною живостью глаз, что невольно приковал к себе их внимание. В художнике нельзя было не признать истинного таланта, произведение хотя было не окончено, но однакоже носило на себе резкий признак могущественной кисти; но при всем том эта сверхъестественная живость глаз возбуждала какой-то невольный упрек художнику. Они чувствовали, что это верх истины, что изобразить ее в такой степени может только гений, но что этот гений уже слишком дерзко перешагнул границы воли человека. Внимание их прервало внезапное восклицание одного, уже несколько пожилых лет, посетителя. “Ах, это он!” вскрикнул он в сильном движении и неподвижно вперил глаза на портрет. Такое восклицание, натурально, зажгло во всех любопытство и некоторые из рассматривавших никак не утерпели, чтобы не сказать, оборотившись к нему: “Вам, верно, известно, что-нибудь об этом портрете.”

“Вы не ошиблись”, отвечал сделавший невольное восклицание. “Точно, мне более нежели кому другому известна история этого портрета. Всё уверяет меня, что он должен быть тот самый, о котором я хочу говорить. Так как я замечаю, что вас всех интересуется о нем узнать, то я

теперь же готов несколько удовлетворить вас.” Посетители наклоном головы изъявили свою благодарность и с большою внимательностию приготовились слушать.

“Без сомнения, немногим из вас” — так начал он: “известна хорошо та часть города, которую называют Коломной. Характеристика ее отличается резкою особенностью от других частей города. Нравы, занятия, состояния, привычки жителей совершенно отличны от прочих. Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим не похоже и на провинциальный городок, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизованной жизни проникла и сюда, и оказалась в таких тонких мелочах, какие может только родить многолюдная столица. Тут совершенно другой свет, и, въехавши в уединенные коломенские улицы, вы, кажется, слышите, как оставляют вас молодые желания и порывы. Сюда не заглядывает живительное, радужное будущее. Здесь всё тишина и отставка. Здесь всё, что осело от движения столицы. И в самом деле, сюда переезжают отставные чиновники, которых пенсия не превышает пятисот рублей в год; вдовы, жившие прежде мужними трудами; небогатые люди, имеющие приятное знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь на целую жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком в мелочной лавке и забирающие каждый день на 5 копеек кофею и на 4 копейки сахару; наконец, весь тот разряд людей, который я назову пепельным, которые с своим платьем, лицом, волосами имеют какую-то тусклую пепельную наружность. Они похожи на серенькой день, когда солнце не слепит своим ярким блеском, когда тоже буря не свищет, сопровождаемая громом, дождем и градом, но просто когда на небе бывает ни сё, ни то: сеется туман и отнимает всю резкость у предметов. Лица этих людей бывают как-то искрасна-рыжеватые, волосы тоже красноватые; глаза почти всегда без блеска; платье их тоже совершенно матовое и представляет тот мутный цвет, который происходит когда смешаешь все краски вместе, и вообще вся их наружность совершенно матовая. К этому разряду можно причислить отставных театральных капельдинеров, уволенных пятидесятилетних титулярных советников; отставных питомцев Марса с 200-рублевым пенсионом, выколотым глазом и раздутою губою. Эти люди вовсе бесстрастны: им всё трын-трава; идут они, совершенно не обращая внимания ни на какие предметы, молчат, совершенно не думая ни о чем. В комнате их только кровать и штоф чистой, русской водки, которую они однообразно сосут весь день без всякого смелого прилива в голове,

возбуждаемого сильным приемом, какой обыкновенно любит задавать себе по воскресным дням молодой немецкий ремесленник, этот студент Мещанской улицы, один владеющий тротуаром за двенадцать часов ночи.

Жизнь в Коломне всегда однообразна: редко гремит в мирных улицах карета, кроме разве той, в которой ездят актеры и которая звоном, громом и бряканьем своим смущает всеобщую тишину. Здесь все почти — пешеходы. Извозчик редко, лениво, и почти всегда без седока, волочитя, таща вместе с собою сено для своей скромной клячи. Цена квартир редко достигает тысячи рублей; их больше от 15 до 20 и 30 руб. в месяц, не считая множества углов, которые отдаются с отоплением и кофеем за четыре с полтиною в месяц. Вдовы-чиновницы, получающие пенсион, самые солидные обитательницы этой части. Они ведут себя очень хорошо, метут довольно чисто свою комнату и говорят с своими соседками и приятельницами о дороговизне говядины, картофеля и капусты; при них находится очень часто молоденькая дочь, молчаливое безгласное существо, впрочем иногда довольно миловидное; при них находится также довольно гадкая собачонка и старинные часы с печально постукивающим маятником. Эти-то чиновницы занимают лучшие отделения от двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними следуют актеры, которым жалованье не позволяет выехать из Коломны. Это народ свободный, как все артисты живущие для наслаждения. Они, сидя в своих халатах, или выточивают из кости какие-нибудь безделки, или починивают пистолет, или клеят из картона какие-нибудь полезные для дома вещи, или играют с пришедшим приятелем в шашки или карты и так проводят утро; то же делают ввечеру, примешивая к этому часто пунш. После этих тузов, этого аристократства Коломны, следует необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя так же трудно сделать перечень всем лицам, занимающим разные углы и закоулки одной комнаты, как поименовать всё то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе. Какого народа вы там не встретите! Старухи, которые молятся, старухи, которые пьянствуют, старухи, которые пьянствуют и молятся вместе, старухи, которые перебиваются непостижимыми средствами, как муравьи таскают с собою старые тряпья и белье от Калинкина моста до Толкучего рынка с тем, чтобы продать его там за пятнадцать копеек. Словом, весь жалкий и несчастный осадок человечества.

Естественное дело, что этот народ терпит иногда большой недостаток, не дающий возможности вести их обыкновенную, бедную жизнь; они

должны часто делать экстренные займы, чтобы выпутаться из своих обстоятельств. Тогда находятся между ними такие люди, которые носят громкое название капиталистов и могут снабжать за разные проценты, всегда почти непомерные, суммою от двадцати до ста рублей. Эти люди мало-помалу составляют состояние, которое позволяет завестись иногда собственным домиком. Но на этих ростовщиков вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилию Петромихали. Был ли он грек, или армянин, или молдаван, — этого никто не знал, но по крайней мере черты лица его были совершенно южные. Ходил он всегда в широком азиатском платье, был высокого роста, лицо его было темнооливкового цвета, нависнувшие черные с проседью брови и такие же усы придавали ему несколько страшный вид. Никакого выражения нельзя было заметить на его лице: оно всегда почти было неподвижно и представляло странный контраст своею южною резкою физиогномией с пепельными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не был похож на помянутых ростовщиков этой уединенной части города. Он мог выдать сумму какую бы только от него ни потребовали, натурально, что за то и проценты были тоже необыкновенны. Ветхий дом его со множеством пристроек находился на Козьем болоте. Он был бы не так дряхл, если бы владелец его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не делал решительно никаких издержек. Все комнаты его, выключая небольшой лачужки, которую он занимал сам, были холодные кладовые, в которых кучами были набросаны фарфоровые, золотые, яшмовые вазы, всякой хлам, даже мебели, которые приносили ему в залог разных чинов и званий должники, потому что Петромихали не пренебрегал ничем, и несмотря на то, что давал по сотне тысяч, он также готов был служить суммою, не превышавшею рубля. Старое негодное белье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги — всё готов он был принять в свои кладовые, и нищий смело адресовался к нему с узелком в руке. Дорогие жемчуги, обвивавшие, может быть, прелестнейшую шею в мире, заключались в его грязном железном сундуке, вместе с старинною табакеркою пятидесятилетней дамы, вместе с диадемою, возвышавшеюся над алебастровым лбом красавицы, и бриллиантовым перстнем бедного чиновника, получившего его в награду неутомимых своих трудов. Но нужно заметить, что одна только слишком крайняя нужда заставляла обращаться к нему. Его условия были так тягостны, что отбивали всякое желание. Но страннее всего, что с первого разу проценты казались не очень велики. Он посредством своих странных и необыкновенных выкладок расположил таким непонятным образом, что они росли у него страшною прогрессией и даже контрольные

чиновники не могли проникнуть этого непостижимого правила, тем более, что оно казалось основанным на законах строгой математической истины; они видели явно преувеличение итога, но видели тоже, что в этих вычетах нет никакой ошибки. Жалость, как и все другие страсти чувствующего человека, никогда не достигала к нему, и никакие мольбы не могли склонить его к отсрочке или к уменьшению платежа. Несколько раз находили у дверей его окостеневших от холода несчастных старух, которых посиневшие лица, замерзнувшие члены и мертвые вытянутые руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодование, и полиция несколько раз хотела разобрать внимательнее поступки этого странного человека, но квартальные надзиратели всегда умели под какими-нибудь предлогами уклонить и представить дело в другом виде, несмотря на то, что они гроша не получали от него. Но богатство имеет такую странную силу, что ему верят, как государственной ассигнации. Оно, не показываясь, может невидимо двигать всеми, как раболепными слугами. Это странное существо сидело, поджавши под себя ноги на почерневшем диване, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью в знак поклона; и ничего не можно было от него услышать лишнего или постороннего. Носились однакож слухи, что будто бы он иногда давал деньги даром, не требуя возврата, но только такое предлагал условие, что все бежали от него с ужасом и даже самые болтливые хозяйки не имели сил пошевелить губами, чтобы пересказать их другим. Те же, которые имели дух принять даваемые им деньги, желтели, чахли и умирали, не смея открыть тайны.

В этой части города имел небольшой домик один художник, славившийся в тогдашнее время своими действительно прекрасными произведениями. Этот художник был отец мой. Я могу вам показать несколько работ его, выдающих решительный талант. Жизнь его была самая безмятежная. Это был тот скромный набожный живописец, какие только жили во времена религиозных средних веков. Он мог бы иметь большую известность и нажить большое состояние, если бы решился заняться множеством работ, которые предлагали ему со всех сторон; но он любил более заниматься предметами религиозными и за небольшую цену взялся расписать весь иконостас приходской церкви. Часто случалось ему нуждаться в деньгах, но никогда не решался он прибегнуть к ужасному ростовщику, хотя имел всегда впереди возможность уплатить долг, потому что ему стоило только присесть и написать несколько портретов — и деньги были бы в его кармане. Но ему так жалко было оторваться от своих

занятий, так грустно было разлучиться хотя на время с любимой мыслью, что он лучше готов был несколько дней просидеть голодным в своей комнате. И на это бы он всегда решился, если бы не имел страстно любимой им жены и двух детей, из которых одного вы видите теперь перед собою. Однакоже, один раз крайность его так увеличилась, что он готов уже был итти к греку, как вдруг внезапно распространилась весть, что ужасный ростовщик находился при смерти. Это происшествие его поразило и он уже готов был приписать его нарочно посланным свыше для воспрепятствования его намерению, как встретил в сенях своих запыхавшуюся старуху, исправлявшую при ростовщике три разные должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своем странном господине, глухо пробормотала несколько несвязных отрывистых слов, из которых отец мой мог только узнать, что господин ее имеет в нем крайнюю нужду и просил его взять с собою краски и кисти. Отец мой не мог придумать, на что бы он мог быть ему нужен в такое время и притом еще с красками и кистями, но побуждаемый любопытством схватил свой ящик с живописным прибором и отправился за старухой.

Он насилу мог продраться сквозь толпу нищих, обступивших жилище умиравшего ростовщика и питавших себя надеждою, что авось-либо наконец перед смертью раскается этот грешник и раздаст малую часть из бесчисленного своего богатства. Он вошел в небольшую комнату и увидел протянувшееся почти во всю длину ее тело азиатца, которое он принял было за умершее, так оно вытянулось и было неподвижно. Наконец, высохшая голова его приподнялась и глаза его так страшно устремились, что отец мой задрожал. Петромихали сделал глухое восклицание и наконец произнес: “Нарисуй с меня портрет!” Отец мой изумился такому странному желанию; он начал представлять ему, что теперь уже не время об этом думать, что он должен отвергнуть всякое земное желание, что уже немного минут осталось жить ему и потому пора помыслить о прежних своих делах и принести покаяние всевышнему. “Я не хочу ничего; нарисуй с меня портрет!” произнес твердым голосом Петромихали; причем лицо его покрылось такими конвульсиями, что отец мой верно бы ушел, если бы чувство, весьма извинительное в художнике, пораженном необыкновенным предметом для кисти, не остановило его. Лицо ростовщика именно было одно из тех, которые составляют клад для артиста. Со страхом и вместе с каким-то тайным желанием поставил он холст за неимением станка к себе на колени и начал рисовать. Мысль употребить после это лицо в своей

картине, где хотел он изобразить одержимого бесами, которых изгоняет могущественное слово спасителя, эта мысль заставила его усилить свое рвение. С поспешностью набросал он абрис и первые тени, опасаясь каждую минуту, что жизнь ростовщика вдруг перервется, потому что смерть уже, казалось, носилась на устах его. Изредка только он издавал хрипение и с беспокойством устремлял страшный взгляд свой на картину; наконец что-то подобное радости мелькнуло в его глазах, при виде, как черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отец мой прежде всего решился заняться окончательною отделкою глаз. Это был предмет самый трудный, потому что чувство, в них изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился он возле них и наконец совершенно схватил тот огонь, который уже потухал в его оригинале. С тайным удовольствием он отошел немного подальше от картины, чтобы лучше рассмотреть ее, и с ужасом отскочил от нее увидев живые глядящие на него глаза. Непостижимый страх овладел им в такой степени, что он швырнув палитру и краски, бросился к дверям; но страшное, почти полумертвое тело ростовщика приподнялось с своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отец мой клялся и крестился, что не станет продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось с своей кровати, так, что его кости застучали, собрало все свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца и он, ползая, целовал полы его платья и умолял дорисовать портрет. Но отец был неумолим и дивился только силе его воли, перемогшей самое приближение смерти. Наконец, отчаянный Петромихали выдвинул с необыкновенною силою из-под кровати сундук и страшная куча золота грянула к ногам моего отца; видя и тут его непреклонность, он повалился ему в ноги и целый поток заклинаний полился из его молчаливых дотол уст. Невозможно было не чувствовать какого-то ужасного и даже, если можно сказать, отвратительного сострадания. “Добрый человек! Божий человек! Христов человек!” говорил с выражением отчаяния этот живой скелет. “Заклинаю тебя маленькими детьми твоими, прекрасною женою, гробом отца твоего, кончи портрет с меня! еще один час только посиди за ним! Слушай, я тебе объявлю одну тайну.” При этом смертная бледность начала сильнее проступать на лице его. “Но тайны этой никому не объявляй — ни жене, ни детям твоим, а не то и ты умрешь, и они умрут, и все вы будете несчастны. Слушай, если ты теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. После смерти я должен итти к тому, к которому бы я не хотел итти. Там я должен вытерпеть муки, о каких тебе и во сне не слышалось; но я могу долго еще не итти к нему, до тех пор, покуда стоит

земля наша, если ты только закончишь портрет мой. Я узнал, что половина жизни моей перейдет в мой портрет, если только он будет сделан искусным живописцем. Ты видишь, что уже в глазах осталась часть жизни; она будет и во всех чертах, когда ты закончишь. И хотя тело мое сгинет, но половина жизни моей останется на земле и я убегу надолго еще от мук. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!”... кричало раздирающим и умирающим голосом это странное существо. Ужас еще более овладел моим отцом. Он слышал, как поднялись его волосы от этой ужасной тайны, и выронил кисть, которую было уже поднял, тронутый его мольбами. “А, так ты не хочешь дорисовать меня?” произнес хрипящим голосом Петромихали. “Так возьми же себе портрет мой: я тебе его дарю.” При сих словах что-то в роде страшного смеха выразилось на устах его; жизнь, казалось, еще раз блеснула в его чертах и чрез минуту пред ним остался синий труп. Отец не хотел притронуться к кистям и краскам, рисовавшим эти богоотступные черты, и выбежал из комнаты.

Чтобы развлечь неприятные мысли, нанесенные этим происшествием, он долго ходил по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предмет, попавшийся ему в мастерской его, был писанный им портрет ростовщика. Он обратился к жене, к женщине, прислуживавшей на кухне, к дворнику, но все дали решительный ответ, что никто не приносил портрета и даже не приходил во время его отсутствия. Это заставило его минуту задуматься. Он приблизился к портрету и невольно отвратил глаза свои, проникнутый отвращением к собственной работе. Он приказал его снять и вынести на чердак, но при всем том чувствовал какую-то странную тягость, присутствие таких мыслей, которых сам пугался. Но более всего поразило его, когда уже он лег в постель, следующее, почти невероятное происшествие: он видел ясно, как вошел в его комнату Петромихали и остановился перед его кроватью. Долго глядел он на него своими живыми глазами, наконец начал предлагать ему такие ужасные предложения, такое адское направление хотел дать его искусству, что отец мой с болезненным стоном схватился с кровати, проникнутый холодным потом, нестерпимую тяжестью на душе и вместе самым пламенным негодованием. Он видел, как чудное изображение умершего Петромихали ушло в раму портрета, который висел снова перед ним на стене. Он решился в тот же день сжечь это проклятое произведение рук своих. Как только затоплен был камин, он бросил его в разгоревшийся огонь и с тайным наслаждением видел, как лопались рамы, на которых натянут был холст, как шипели еще не высохшие краски; наконец куча золы одна только осталась от его

существования. И когда начала она улетать легкою пылью в трубу, казалось, как будто неясный образ Петромихали улетел вместе с нею. Он почувствовал на душе какое-то облегчение. С чувством выздоровевшего от продолжительной болезни оборотился он к углу комнаты, где висел писанный им образ, чтобы принести чистое покаяние, и с ужасом увидел, что перед ним стоял тот же портрет Петромихали, которого глаза, казалось, еще более получили живости, так что даже дети испустили крик, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Он решился открыться во всем священнику нашего прихода и просить у него совета, как поступить в этом необыкновенном деле. Священник был рассудительный человек и кроме того преданный с теплою любовью своей должности. Он немедленно явился по первому призыву к моему отцу, которого уважал как достойнейшего прихожанина. Отец не считал даже нужным отводить его в сторону и решился тут же при матери моей и детях рассказать ему это непостижимое происшествие. Но едва только произнес он первое слово, как мать моя вдруг глухо вскрикнула и упала без чувств на пол. Лицо ее покрылось страшною бледностью, уста остались неподвижно открыты и все черты ее исковеркались судорогами. Отец и священник подбежали к ней и с ужасом увидели, что она нечаянно проглотила десяток иголок, которые держала во рту. Пришедший доктор объявил, что это было неизлечимо: иголки остановились у нее в горле, другие прошли в желудок и во внутренность, и мать моя скончалась ужасною смертью.

Это происшествие произвело сильное влияние на всю жизнь моего отца. С этого времени какая-то мрачность овладела его душою. Редко он чем-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвным и убегал всякого сообщества. Но между тем ужасный образ Петромихали с его живыми глазами стал преследовать его неотлучнее, и часто отец мой чувствовал прилив таких отчаянных свирепых мыслей, которых невольно содрогался сам. Всё то, что улегается, как черный осадок во глубине человека, истребляется и выгоняется воспитанием, благородными подвигами и лицезнением прекрасного, всё это он чувствовал возмущавшимся и беспрестанно силившимся выйти внаружу и развиваться во всем своем порочном совершенстве. Мрачное состояние души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человека. Но я должен заметить, что сила характера отца моего была беспримерна; власть, которую он брал над собою и над страстями, была непостижима, его убеждения были тверже гранита, и чем сильнее было искушение, тем он более рвался противопоставить ему несокрушимую силу

души своей. Наконец, обессилив от этой борьбы, он решился излить и обнажить всего себя в изображении всей повести своих страданий тому же священнику, который всегда почти доставлял ему исцеление размышляющими своими речами. Это было в начале осени; день был прекрасный; солнце сияло каким-то свежим осенним светом; окна наших комнат были отворены; отец мой сидел с достойным священником в мастерской; мы играли с братом в комнате, которая была рядом с нею. Обе эти комнаты были во втором этаже, составлявшем антресоли нашего маленького дома. Дверь в мастерской была несколько растворена; я как-то нечаянно заглянул в отверстие, увидел, что отец мой придвинулся ближе к священнику и услышал даже, как он сказал ему: “Наконец я открою всю эту тайну”... Вдруг мгновенный крик заставил меня оборотиться: брата моего не было. Я подошел к окну и, — боже! я никогда не могу забыть этого происшествия: на мостовой лежал облитый кровью труп моего брата. Играя, он, верно, как-нибудь неосторожно перегнулся чрез окошко и упал без сомнения головою вниз, потому что она вся была размозжена. Я никогда не позабуду этого ужасного случая. Отец мой стоял неподвижен перед окном, сложа накрест руки и подняв глаза к небу. Священник был проникнут страхом, вспомнив об ужасной смерти моей матери, и сам требовал от отца моего, чтобы он хранил эту ужасную тайну.

После этого отец мой отдал меня в корпус, где я провел всё время своего воспитания, а сам удалился в монастырь одного уединенного городка, окруженного пустынею, где бедный север уже представлял только дикую природу, и торжественно принял сан монашеский. Все тяжкие обязанности этого звания он нес с такою покорностью и смирением, всю труженическую жизнь свою он вел с таким смирением, соединенным с энтузиазмом и пламенем веры, что, повидимому, преступное не имело воли коснуться к нему. Но страшный им же начертанный образ с живыми глазами преследовал его и в этом почти гробовом уединении. Игумен, узнавши о необыкновенном таланте отца моего в живописи, поручил ему украсить церковь некоторыми образами. Нужно было видеть, с каким высоким религиозным смирением трудился он над своею работою: в строгом посте и молитве, в глубоком размышлении и уединении души приуготовлялся он к своему подвигу. Неотлучно проводил ночи над своими священными изображениями, и оттого, может быть, редко найдете вы произведений даже значительных художников, которые носили бы на себе печать таких истинно христианских чувств и мыслей. В его праведниках было такое небесное спокойствие, в его кающихся такое душевное

сокрушение, какие я очень редко встречал даже в картинах известных художников. Наконец, все мысли и желание его устремились к тому, чтобы изобразить божественную мать, кротко простирающую руки над молящимся народом. Над этим произведением трудился он с таким самоотвержением и с таким забвением себя и всего мира, что часть спокойствия, разлитого его кистью в чертах божественной покровительницы мира, казалось, перешла в собственную его душу. По крайней мере, страшный образ ростовщика перестал навещать его и портрет пропал неизвестно куда.

Между тем воспитание мое в корпусе окончилось. Я был выпущен офицером, но, к величайшему сожалению, обстоятельства не позволили мне видеть моего отца. Нас отправили тогда же в действующую армию, которая, по поводу объявленной войны турками, находилась на границе. Не буду надоедать вам рассказами о жизни, проведенной мною среди походов, бивак и жарких схваток; довольно сказать, что труды, опасности и жаркий климат изменили меня совершенно, так, что знавшие меня прежде, не узнавали вовсе. Загоревшее лицо, огромные усы и хриплый крикливый голос придали мне совершенно другую физиогномию. Я был весельчак, не думал о завтрашнем, любил выпорожнить лишнюю бутылку с товарищем, болтать вздор с смазливенькими девчонками, отпустить спроста глупость, словом, был военный беспечный человек. Однакож, как только окончилась кампания, я почел первым долгом навестить отца. Когда подъехал я к уединенному монастырю, мною овладело странное чувство, какого прежде я никогда не испытывал: я чувствовал, что я еще связан с одним существом, что есть еще что-то неполное в моем состоянии. Уединенный монастырь посреди природы, бледной, обнаженной, навел на меня какое-то пиитическое забвение и дал странное, неопределенное направление моим мыслям, какое обыкновенно мы чувствуем в глубокую осень, когда листья шумят под нашими ногами, над головами ни листа, черные ветви сквозят редкою сетью, вороны каркают в далекой вышине, и мы невольно ускоряем свой шаг, как бы стараясь собрать рассеявшиеся мысли. Множество деревянных почерневших пристроек окружали каменное строение. Я вступил под длинные, местами прогнившие, позеленевшие мохом, галереи, находившиеся вокруг келий, и спросил монаха отца Григория. Это было имя, которое отец мой принял по вступлении в монашеское звание. Мне указали его келью. Никогда не позабуду произведенного им на меня впечатления. Я увидел старца, на бледном, изнуренном лице которого не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земном.

Глаза его, привыкшие быть устремленными к небу, получили тот бесстрастный, проникнутый нездешним огнем вид, который, в минуту только вдохновения осеняет художника. Он сидел передо мною неподвижно как святой, глядящий с полотна, на которое перенесла его рука художника, на молящийся народ; он, казалось, вовсе не заметил меня, хотя глаза его были обращены к той стороне, откуда я вошел к нему. Я не хотел еще открыться и потому попросил у него, просто, благословения как путешествующий молельщик; но каково было мое удивление, когда он произнес: “Здравствуй, сын мой, Леон!” Меня это изумило: я десяти лет еще расстался с ним; притом меня не узнавали даже те, которые меня видели не так давно. “Я знал, что ты ко мне прибудешь”, продолжал он. “Я просил об этом пречистую деву и св. угодника и ожидал тебя с часу на час, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебе открыть важную тайну. Пойдем, сын мой, со мною и прежде помолимся!” Мы вошли в церковь и он подвел меня к большой картине, изображавшей божью мать, благословляющую народ. Я был поражен глубоким выражением божественности в ее лице. Долго лежал он, повергшись перед изображением, и наконец, после долгого молчания и размышления, вышел вместе со мною.

После того отец мой рассказал мне всё то, что вы сейчас от меня слышали. В истину его я верил потому, что сам был свидетелем многих печальных случаев нашей жизни. “Теперь я расскажу тебе, сын мой”, прибавил он после этой истории, “то, что мне открыл виденный мною святой, неузнанный среди многолюдного народа никем кроме меня, которого милосердый создатель сподобил такой неизглаголанной своей благодати.” При этом отец мой сложил руки и устремил глаза к небу, весь отданный ему всем своим бытием. И я наконец услышал то, что сейчас готовлюсь рассказать вам. Вы не должны удивляться странности его речей: я увидел, что он находился в том состоянии души, которое овладевает человеком, когда он испытывает сильные нестерпимые несчастья; когда, желая собрать всю силу, всю железную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается в религию; и чем сильнее гнет его несчастий, тем пламеннее его духовные созерцания и молитвы. Он уже не походит на того тихого размышляющего отшельника, который как к желанной пристани причалил к своей пустыне с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением молиться тому, к которому он стал ближе и доступнее; напротив того, он становится чем-то исполинским. В нем не угаснул пыл души, но, напротив, стремится и вырывается с большою

силою. Он тогда весь обратился в религиозный пламень. Его голова вечно наполнена чудными снами. Он видит на каждом шагу видения и слышит откровения; мысли его раскалены; глаз его уже не видит ничего, принадлежащего земле; все движения, следствия вечного устремления к одному, исполнены энтузиазма. Я с первого раза заметил в нем это состояние и упоминаю о нем потому, чтобы вам не казались слишком удивительными те речи, которые я от него услышал. “Сын мой!” сказал он мне после долгого, почти неподвижного устремления глаз своих к небу: “уже скоро, скоро приблизится то время, когда искушитель рода человеческого, антихрист, народится в мир. Ужасно будет это время: оно будет перед концом мира. Он промчится на коне-гиганте и великие потерпят муки те, которые останутся верными Христу. Слушай, сын мой: уже давно хочет родиться антихрист, но не может, потому что должен родиться сверхъестественным образом; а в мире нашем всё устроено всемогущим так, что совершается всё в естественном порядке, и потому ему никакие силы, сын мой, не помогут прорваться в мир. Но земля наша — прах пред создателем. Она по его законам должна разрушаться и с каждым днем законы природы будут становиться слабее и от того границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее. Он уже и теперь нарождается, но только некоторая часть его порывается показаться в мир. Он избирает для себя жилищем самого человека и показывается в тех людях, от которых уже, кажется, при самом рождении отшатнулся ангел и они заклеены страшною ненавистью к людям и ко всему, что есть создание творца. Таков-то был тот дивный ростовщик, которого дерзнул я, окаянный, изобразить преступною своею кистью. Это он, сын мой, это был сам антихрист. Если бы моя преступная рука не дерзнула его изобразить, он бы удалился и исчезнул, потому что не мог жить долее того тела, в котором заключил себя. В этих отвратительных живых глазах удержалось бесовское чувство. Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во всё силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника. Бесчисленны будут жертвы этого адского духа, живущего невидимо без образа на земле. Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых помышлений. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, он бы еще более наделал зла, и нет сил человеческих противустать ему. Потому, что он именно выбирает то время, когда величайшие несчастья достигают нас. Горе, сын мой, бедному человечеству! Но слушай, что мне открыла в час святого видения сама божия мать. Когда я трудился над изображением пречистого лица девы Марии, лил слезы покаяния о моей протекшей жизни, и долго пребывал в

посте и молитве, чтобы быть достойнее изобразить божественные черты ее, я был посещен, сын мой, вдохновением, я чувствовал, что высшая сила осенила меня и ангел возносил мою грешную руку, я чувствовал, как шевелились на мне волосы мои и душа вся трепетала. О, сын мой! за эту минуту я бы тысячи взял мук на себя. И я сам дивился тому, что изобразила кисть моя. Тогда же предстал мне во сне пречистый лик девы, и я узнал, что в награду моих трудов и молитв сверхъестественное существование этого демона в портрете будет не вечно, что если кто торжественно объявит его историю по истечении пятидесяти лет в первое новолуние, то сила его погаснет и рассеется, яко прах, и что я могу тебе передать это перед моею смертью. Уже тридцать лет, как он с того времени живет; двадцать впереди. Помолимся сын мой”! При этом он повергнулся на колени и весь превратился в молитву. Признаюсь, я внутренне все эти слова приписывал распаленному его воображению, воздвигнутому беспрестанным постом и молитвами и потому из уважения не хотел делать какого-нибудь замечания, или соображения. Но когда я увидел, как он поднял к небу иссохшие свои руки, с каким глубоким сокрушением молчал он, уничтоженный в себе самом, с каким невыразимым умилением молил о тех, которые не в силах были противиться адскому обольстителю и погубили всё возвышенное души своей, с какою пламенною скорбью простерся он, и по лицу его лились говорящие слезы, и во всех чертах его выразилось одно безмолвное рыдание, — о! тогда я не в силах был предаться холодному размышлению и разбирать слова его. Несколько лет прошло после его смерти. Я не верил этой истории и даже мало думал о ней; но никогда не мог ее никому пересказать. Я не знаю отчего это было, но только я чувствовал всегда что-то удерживавшее меня от того. Сегодня без всякой цели зашел я на аукцион и в первый раз рассказал историю этого необыкновенного портрета, — так что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуние, о котором говорил отец мой, потому что, действительно, с того времени прошло уже 20 лет.

Тут рассказывавший остановился и слушатели, внимавшие ему с неразвлекаемым участием, невольно обратили глаза свои к странному портрету и к удивлению своему заметили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая так поразила их сначала. Удивление еще более увеличилось, когда черты странного изображения почти нечувствительно начали исчезать, как исчезает дыхание с чистой стали. Что-то мутное осталось на полотне. И когда подошли к нему ближе, то увидели какой-то незначущий пейзаж. Так что посетители, уже уходя,

долго недоумевали, действительно ли они видели таинственный портрет, или это была мечта и представилась мгновенно глазам, утружденным долгим рассматриванием старинных картин.

ШИНЕЛЬ

I. ПОВЕСТЬ О ЧИНОВНИКЕ КРАДУЩЕМ ШИНЕЛИ

В департаменте податей и сборов, который впрочем иногда называют департаментом подлостей и вздоров, не потому чтобы в самом деле были там подлости, но потому что господа чиновники любят так же как и военные офицеры немножко поострить, — итак в этом департаменте служил чиновник, собой не очень взрачный, низенький, плешивый, рябоват, красноват, даже на вид несколько подслеповат, [служил он очень беспорочно]. [Вместо “[служил ~ беспорочно]” на полях написано: Был он то, что называют вечный титулярный советник, чин, над которым, как известно, наострились немало разные писатели, которых сочинения [доныне] еще [читаются в деревнях] смешат разных невинных читателей, любящих почитать от скуки и для препровождения времени.] В то время еще не выходил указ о том, чтобы застегнуть чиновников в вицмундиры. Он ходил во фраке, цвету коровьей коврижки. Он был [очень] доволен службою и чином титулярного советника. Никаких замыслов на коллежского асессора, ни надежд на прибавку жалованья: в существе своем это было очень доброе животное и то́, что называют благонамеренный человек, ибо в самом деле от него почти никогда не слыхали ни дурного, ни доброго слова. Он совершенно жил [и назы<вался?>] и наслаждался своим должностным занятием, и потому на себя почти никогда не глядел, даже брился без зеркала. На фраке у него вечно были перья, и он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно в то самое время, когда из него выбрасывали какую-нибудь дрянь, и потому он вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Зато нужно было поглядеть на него, когда он сидел в присутствии за столом и переписывал; нужно было видеть наслаждение, выражавшееся на его лице: некоторые буквы у него были фавориты, до которых, если [он] добирался, то на лице у него просто был восторг. [Сверху и на полях написано: то чувствовал [такой] восторг, [что] описать нельзя: и подсмеивался и подмигивал и голову совсем на бок. Так что [иногда] для охотника можно в лице читать бы[ло] всякую букву. Живете, мыслете, слово, твердо — всё это просто рисовалось и отпечатывалось на лице его. Губы его невольно и сжимались и послаблялись и [обраща<лись?>] как будто даже отчасти помогали. Тогда он не глядел ни на что и не слушал ничего, рассказывал ли один чиновник

другому, что он заказал новый фрак и почем сукно [или] и споры о том, кто лучше шьет, о Петергофе, о театре или хоть даже анекдот весьма интересный, потому что довольно старый и знакомый, [шла ли <речь>] о том как одному коменданту сказали, что у статуи Петра отрублен хвост, шла ли речь наконец о нем самом. Ему хоть трава не расти. Он в это время жил <?>.] Он всегда приходил раньше всех. Если не было переписывать, подшивал бумаги, [чи<нил>] перечинивал перья, [При всем том] словом служил очень ревностно на пользу отечества, [На полях написано: Служил так ревностно как решительно нельзя уже ревностнее] но выслужил [Сверху написано: кажется что-то очень не много, только] пряжку в петлицу да гиморой в поясицу. [Сверху и на полях написано: вот и всего. Конечно, это было немного, но большего даже трудно было и дать ему, потому что когда один раз попробовали употребить <его> на дело немного высшее, именно [дали] поручено было ему из готового дела составить отношение в какое-то присутств<енное> место<?> всё дело состояло в том чтобы переменить только заглавие и поставить в третьем лице всё то, что находилось в первом, это задало ему такую головоломку, что он вспотел совершенно, тер лоб и сказал, чтобы дали ему переписать что-нибудь.] Несмотря на то уважения к нему было очень немного: молодые чиновники над ним подсмеивались, и сыпали на голову ему бумажки, что называли снегом; старые швыряли ему бумаги, говоря “на, перепиши”; сторожа даже не приподнимались с мест своих, когда он проходил. Жалованья ему было четыреста рублей в год. На это жалованье [Сверху написано: На это жалование он доставлял себе множество наслаждений.] он ел что-то в роде [Сверху написано: щей или] супа [Сверху написано: Бог его знает впрочем] и какое-то блюдо из говядины, [пахнувшее страшно] [Вместо “пахнувшее страшно”: прошпигованное немилосердно] луком; валялся в [узкой] узенькой [Вместо: “валялся ~ узенькой”: отлеживался во всю волю на кровати] комнатке над сараями, в Свечном переулке, [штопал сапоги и клал заплаты] [Вместо “штопал ~ заплаты”: и платил [за штопку] за помещение заплаты] на свои панталоны вечно [Вместо “вечно”: почти] на одном и том же месте. [Сверху и на полях написано: и всё это за те же 400 рублей и даже ему оставалось <1 нрзб.> на поставку подметок в год на сапоги, которые он очень берег, [и потому] <по> этой причине [дома] на квартире сидел всегда в чулках.] Право не помню его фамилии. Дело в том, что это был первый человек, довольный своим состоянием, если бы не одно маленькое, очень затруднительное впрочем обстоятельство. В то время, когда Петербург дрожит от холода и двадцатиградусный мороз дает свои колючие щелчки по носам даже [и] действительных тайных советников

первого и второго класса, бедные титулярные советники остаются решительно без всякой защиты. Чиновник, о котором идет дело, укрывал кое-как, как знал, свой нос, впрочем очень не замечательный, тупой, и несколько похожий на то пирожное, которое делают [Сверху написано: некоторым чиновникам] кухарки в Петербурге, называемое пышками. Он его упрятывал во что-то больше похожее на капот, чем на шинель, что-то очень неопределенное и очень поношенное. [С каждым годом] На сорок втором году своей жизни он заметил, что этот капот или шинель становится очень холодновата. [Сверху написано: Он уже издавна стал замечать, что шинель становится чем далее как будто бы немного холодноватее.] Рассмотревши его всего насквозь, к свету и так, он решился снести его к портному, жившему [в том же доме, в такой же] почти комнатке, который [чинил] [занимался] несмотря на свой кривой глаз [Сверху написано: <i>рябизну по всему телу] занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков. [Вместо “жившему ~ фраков”: которому эта шинель была [решительно] так же знакома, как собственная, и он знал совершенно местоположение всех худых и дырявых мест. Весь предыдущий основной текст написан почерком М. П. Погодина, а исправления в подстрочных сносках — почерком Гоголя, всё дальнейшее — почерком Гоголя.]

Об этом портном нечего и говорить, но читатели народ ужасно любопытный, им непременно хочется узнать, что и какой портной и был <ли> он женат и в которой улице живет и сколько расходует и как у него нос, крив ли и вздернут или просто лепешкой. Итак, хоть оно казалось нечего бы говорить о портном, но т. к. автор совершенно во власти читателя [то]... нечего делать.

Сначала он назывался просто Петр и был крепостным человеком не помню у какого-то барина. Петровичем же он стал называться с тех пор как получил отпускную, [с тех пор как отпущен] женился и стал попивать довольно сильно по праздникам, сначала главным, а потом и всем церковным, где только есть в календаре крестик, нужды нет что не в кружке. С этой стороны Петрович был сильно привязан к религии. На счет же, [На счет того] на третьей ли жене он женат или на первой, прошу пред читателями извинения, право не знаю; знаю только что есть жена, расхаживает и по воскресным дням надевает даже чепчик. С собой же кажется вовсе не смазлива, так что одни только гвардейские солдаты заглядывают ей в лицо, когда <1 нрзб.> моргнувши как водится и

испустивши потом что-то подобное на рычание сквозь... [Не дописано.]

Портной, взявши в руки капот и вскинувши немного пол<ы?>, посмотрел его всего против света очень тщательно и покачав головою полез в карман за табаком. [На полях написано: а. Акакий Акакиевич очень понимал этот жест: он всегда употреблялся в дело <?>, это значило, что положение дела должно быть было довольно трудно. Чрез несколько минут [вышла] [вытащил] [показа<лась?>] рука Петровича вышла из кармана с табакеркой. — б. а сам полез в карман своего довольно дурно сшитого сертука, что как известно почти всегда бывает у хороших портных. Вытащенная им из кармана вещь была табакерка с портретом какого<-то> генерала, какого именно не известно потому что [лицо] в месте, которое занимало лицо, была проткнута пальцем дырка, которую он залепил бумажкой; вынувши табакерку он попринялся набивать себе ноздри.] Понюхав табуку, [Сверху написано: Набивши обе ноздри и потом] он перевернул шинель [Сверху написано: которая была [обровн<ена?>] [на меху] извнутри подбита каким-то мехом похожим несколько на [шерсть которую] мех, которым обивают внутри зимние валенки <?>.] вниз и так верх ногами, и вновь начал [и стал] рассматривать против света. [рассматривать против света. Но не добравшись, только<?> всю распл<астал?>. Сверху написано: нагрузивши обе ноздри и встряхнувши руками] Последовало вновь качание [Сверху написано: Итак случилось то же самое] головою, [качание головою и самое крепкое набитие носа табаком] после чего он полез в карман за табаком [за табаком натывавши] и вновь натащил в нос табуку, [а. и вновь понаровил себе обе ноздри б. и вновь нафабрил] после чего положил шинель на стол и сказал: Нет. Ничего нельзя сделать. Можно бы еще. Если бы сукно не было больно так попротерто. [не было так протерто.] Клинички и кусочки [Клинички и лоск<утки>] можно бы еще как-нибудь положить: посмотрите только сукно не выдержит. [Далее начато: Это] Такой ответ до того смутил [Не дописано.] ...

II. ОТРЫВКИ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

1.

<А> В департаменте податей и сборов или, как любят иногда называть

его чиновники любящие поострить, подлостей и вздоров [Авторская сноска в рукописи: [назван<ние>] да не подумают впрочем читатели, чтобы это название основано было в самом деле на какой-нибудь истине, ничуть, здесь все дело только в этимологическом подобии слов. Вследствие этого департамент горных и соляных дел называется депар.<таментом> горьких и соленых дел и тому подобное. Много приходит на ум иногда чиновникам во время, остающееся между службой и вистом, когда на зло трескучему морозу где-нибудь в комнате, при освещенном свечами вечере и шипячем самоваре <не дописано>.]

<Б> В департаменте... не хочу сказать каком. [Далее начато: Вообще] Ибо департаменты пресердитое сословие и чуть только назови один из них по имени, в ту же минуту названный обидится и будет утверждать, что над ним смеются, хотя бы просто автор сказал, что в департаменте весьма чисто и опрятно [весьма чисто и выметаются хороша <полы>]. Итак, в одном департаменте служил один чиновник довольно низенького роста [больше низенького чем среднего роста], несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшою лысинкой на лбу [и] морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется несколько геморoidalным. Что ж делать. Автор в этом совершенно не виноват. Таково действие петербургского климата... [Далее начато: Был он] Что касается до чина, ибо [потому что] у нас на Руси прежде всего нужно объявить чин [говорится: как, скаж́ите <?>, ваш чин, имя и фамилия, а не фамилия, имя, чин... Итак, что касается до чина], то он был то́ что называют вечный титулярный советник, [чин] [сословие] над которым как известно у нас немало потрунили и поострились разные писатели, [которых сочинения и доныне еще смешат некоторых читателей, сделавшихся читателями [читателей, читающих] от скуки и из препровождения времени] [и] которые имеют похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. [<которые не> кусаются] [Имя и] фамилия его была Акакий Акакиевич Тишкевич.

Может быть это имя покажется несколько странным [но что ж делать], никак нельзя было без него обойтись [Далее начато: совершенно нельзя и вот] и это читатель сейчас [совершенно сейчас] увидит, всю историю как [увидит как] это произошло. Родился он как раз против ночи на 4 февраля зимою в самое дурное время. Покойница матушка чиновница и очень хорошая женщина [Далее было: генеральша Кулебякина ее любила] тотчас же приказала [тотчас же послала] позвать священника, чтобы окрестить

ребенка. Ибо Акакий Акакиевич был тогда без галстука, без фрака и без морщин. Словом, был ребенок. Покойница лежала на кровати против дверей, с правой стороны кум, служивший [кум стряпчий] в 4 департаменте сената и жена квартального офицера. [квартального чиновника] Священник открыл святцы и, как водится мальчику давать имя святых несколькими днями вперед, то священник представил матушке любое из трех: Еввул, Моккий, Евлогий.

— Вот это, батюшка, какие имена, я таких и не слышала. Это такие имена — и людей таких нет. — Священник перевернул через страницу [и] вышли опять три имени: Варахасий, Дула и Трифилий. — Ах, боже мой, еще чуднее имена. Да разве, батюшка, были такие имена. [Далее было: Священник показал святцы] Какие право! Странно — уж пусть бы еще Варадат или Фармуфий, а то [а то... это право] ... Трифилий. Я и не выговорю таких. — Священник перевернул страницу и вышли два: Павсикакий и Фрументий. — Ну, уж коли так, сказала мать, так пусть [пусть будет] так называется как отец. [как и отец его Акакий.] Отец был Акакий, так пусть и сын называется Акакий, и таким образом составилась Акакий Акакиевич. Его тут же окрестили.

Итак, это произошло совершенно по необходимости, что чиновник стал носить такое имя.

Но как он служил, клянусь, этак трудно служить, этак не служат. Это не то что иной, [Далее было: занимающий даже и штатное место 7 класса и выше. Насидевшись] [как] говорится, отзвонил да и с колокольни, прибавивши: чорт побери присутствие, и вытянувшись пошел подпрыгивать [попрыгивать] по улице и натягивать на пальцы белую перчатку. Акакий Акакиевич пил службу как воздух. [жил службою] В службе его было всё существование, источник радостей и всего.

2.

Всходя [Перед этим начато: Подходя] по чердачной <?> лестнице, которая [которая вела к Петровичу] была облита вся водой и помоями [Сверху написано: проникнута тем спиртуозным запахом, который властвует на наполненных местах] и вела прямо в комнату Петровича с окном в какую-то коню<шню>, Акакий Акакиевич думал уже между тем о

цене и сколько именно запросит Петрович за работу и готовился мысленно надавать [и уже мысленно<но> готовясь давать] на пять рублей два рубли.

Дверь была отворена, потому что хозяйка готовя какую-то рыбу напустила дыму в кухню [в короб <?>] и для этого [Не дописано.] ... Пройдя через кухню, которая несмотря на то что была [которая была хоть] маленька, но была грязнее кожи <?> мужика идущего в баню [маленька, но как водится весьма грязенька] и где было вволю тараканов прусаков и прочих хозяйственных необходимостей, [и снабжена <?> вволю тараканами прусаками и прочими хозяйственными необходимостями] Акакий Акакиевич вошел наконец в комнатку, где увидел Петровича сидящего возле на столе, [сидящего на столе] подвернувшего под себя ноги как султан. Ноги сами по себе, по обычаю портных сидящих за работою, были [по обычаю портных были] нагишом [[Надо] Не нужно говорить, что ноги эти были натурально нагишом] и большой палец, очень знакомый Акакию Акакиевичу, с каким<-то> изуродованным ногтем, толстым большим и крепким как череп у черепахи, со своей стороны приветствовал его. Петрович кивнул головою и посмотрел на руки Акакия Акакиевича желая знать, какого рода добычу тот несет. На шее у него висел моток шелку и ниток, а на коленях какая-то ветошь. Петрович за минуту до прихода продевал с четверть часа нитку в иглу и всё не попадал и потому сердился и бранил темное время. [сердился браня темноту] Акакию Акакиевичу неприятно было, что он пришел в ту минуту, когда Петрович [сердился]. [сердился, но нечего делать, дело было сделано.] Он особенно [Ему бы особенно] любил заказывать Петровичу [любил к Петровичу приходить в то время] когда он [когда т<от>] уже был неско<лько> [был немножко] под куражем или как выражалась жена его: осадился сивухой, одноглазый чорт. В таком состоянии [В это время] Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался и всякой раз даже кланялся и благодарил. [и всякой раз даже благ<одарил>.] Потом, правда, приходила жена его с плачем, что [де] дешево де взялся, но гривенника было <довольно?> прибавить и дело в шляпе. А теперь Акакий Акакиевич спохватился, да нечего делать, дело было сделано.

— Здравствуй Петрович. А я вот того.

— Здравствовать желаю, сказал Петрович посмотревши своим единственным глазом на фрак Акакия <Акакиевича>, начиная с рукавов и на покрой спинки, который ему очень был знаком, но таков уже обычай

портных. [обычай портных обсм<отреть?> на нем <?>] Это первое что он сделает, прежде чем начнет говорить ...

— Вот я того, Петрович... Шинель-то местах в трех повытерлась [местах в трех прот<ерлась>] ... Так того, чтобы заплаточки, знаешь... да и подкладку тоже в иных <местах> подшить, где разорвалась и кое где и того, нового колинкорца [новые штучки] вставить.

3.

А ты, Петрович, заплаточку!

Гм. Да, ведь заплаточку-то уж нельзя положить. Укрепить ее не за что. [Далее начато: Тут] Повернешь иголку, а оно и ползет. Поддержка-то уж очень большая. [Сукно-то больно издержалось] Ведь это оно только слава что сукно, оно что порох, вон так на ветер и летит. [оно что прогорелое, ты его ткнешь <?> только вон лезет.]

А ты, Петрович, все-таки как-нибудь укрепи.

Да что прикрепить? прикрепить-то можно прикрепить, да было бы к чему. Тут поставишь заплатку, а на другой день нужно опять и другую.

— Ну, а ты, Петрович, и другую поставишь потом.

— Да что ж <?>, уж ее просто только бросить, если говорить правду. Как зимний холод придет, так вы онучки из <нее> для ног сделайте, потому что чулок не согреет. [Вместо “Да чтож ~ не согреет”: Да ведь это выходит, одна подчинка дороже чем шинель, а вы уж нечего делать. Ведь она просто разве на мусор только ее продать — а ведь нечего делать, оставьте ее так] Это немцы выдумали, чтобы денег побольше себе забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев). [Да] а шинель нужно новую [шинель новую нужно] делать.

III. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ЭПИЛОГА

Акакий Акакиевич уже и не слышал, как он сошел с лестницы и

выбрался. Ни рук, ни ног под собою он не чувствовал, в жизнь свою он не был еще [он еще не был] так сильно распечен генералом, да еще и чужим. Это обстоятельство совершенно доканало его; <он> шел разинув рот, [раскрыв рот] куды попало в снег <?>. Ветер по петербургскому обычаю со всех четырех сторон дул в него из переул<ков> [со всех переулков] проникая до костей и несколько раз сваливая его с ног и наконец в довершение насвистал ему в горло жабу. Пришедши домой он [Когда пришел он] не мог сказать ни одного связного слова, весь распух и слег в постель. На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря [На другой же день благодаря] деятельному и великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла сильно быстрее ожидания вплоть до воспаления. Департаментский доктор пришел больше для [пришел для] того только чтобы видеть ход болезни и объявить, что<в> два дни больной [что больному] будет совершенно готов [больной готов] откланяться. Всё время больной Акакий Акакиевич впадал в поминутный бред: то видел Петровича и заказывал [то заказывал] ему сделать шинель с пистолетами, чтобы она могла отстреливать если еще <?> нападут мошенники, потому что в его комнате везде сидят воры и [мошенники]. То казалось [То виделось] ему, что он стоит перед генералом и слушает надлежащее распекание [слушает распекание] приговаривая: да, виноват, виноват, ваше превосходительство. То, наконец, даже сквернохульничал выражаясь [и говорил] совершенно извозчичьим слогом или тем, которым производят порядки на улицах, чего от роду за ним не бывало от времен [от времени] самого рождения. [Далее начато: и вскрикивал он] — Я не посмотрю, что ты генерал, вскрикивал он иногда голосом таким громким. — Я у тебя отниму шинель. [Я твою шинель <отниму?>] Я Платону Ивановичу столоначал<ьнику> [нажалуюсь] [наконец]. Далее он говорил совершенную бессмыслицу и ничего решительно нельзя было понять. Можно было заметить, [Заметно было только] что беспорядочные расстроенные слова [что слова] всё ворочались около шинели. Наконец, бедный <Акакий> Акакиевич испустил дух. Комнату и вещи его не опечатали, потому что во-первых не было наследников и, во-вторых, потому что наследства оставалось что-то очень немного, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, две-три [несколько] пуговицы, оторванные <от> панталон, пары две носков и известный уже читателю капот. Кому всё это досталось, бог знает. Это не наше дело. Акакия Акакиевича свезли и похоронили, и Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы его в нем и никогда не было. Исчезло и скрылось существо никем незащищенное и никому не дорогое, ни для

кого не интересное, даже не обратившее на себя взгляду естествонаблюдателя и только покорно понесшее канцелярские насмешки и никогда во всю жизнь свою не изрекшее ропота на свою участь и не знавшее, есть ли на свете [не знавшее, что такое] лучшая участь; но для которого всё же таки перед концом [для которого посреди] жизни мелькнул какой-то светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь и на которого обрушилось так же всю громадою несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира. — Недолго после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож с приказом немедленно явиться, начальник де требует, но сторож воротясь сказал, что не может больше прийти [не может быть] и на вопрос: [и когда начальник отделения спросил] почему, сказал: да так, он уж умер, четвертого дни похоронили. Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича и на другой день уже на месте его сидел новый чиновник гораздо выше его ростом, не наклонявший уже так головы на бок и писавш<ий> почерком гораздо скорописнее и буквы ставивший гораздо косее. Кто бы мог думать после этого [чтобы] Акакий Акакиевич, совершивший так скромно жизненное поприще, произвел бы шум после своей смерти. Но так случилось и бедная история наша от сих пор приобретает вдруг фантастическое течение. По всему Петербургу [Но так случилось. По всему Петербургу] пронеслись слухи, [пронесся шум] что у Поцелуева моста и у Кукушки<на> стал появляться по ночам мертвец [стал появляться мер<твец>] в виде чиновника, ищущего какой-то затерянной [ищущего затер<янной>] шинели и под видом своей сдиравший со всех плечей, не разбирая чина и звания, всякие шинели и на кошках и на бобрах, енотовые, медвежьи шубы, словом всякого рода кожи, которые придумали люди для прикрытия своей собственной. [Далее начато: Департаментские чиновники] Чиновник того департамента, которого не смею называть по имени по сказанным выше причинам, видел сам собственными глазами мертвеца и узнал в нем Акакия Акакиевича, но это однако внуш<ило> ему такой страх, что он бросился бежать со всех ног и потому никак не мог хорошенько рассмотреть, но видел однакоже ясно, как тот погрозил ему издали пальцем. Со всех сторон поступали жалобы, что плечи и спины пусть бы еще титулярных, а то даже самих тайных советников подвергаются совершенно простуде по причине ночного сдергиванья шинелей. По полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало живого или мертвого и в том и другом случае наказать его жесточайшим образом, и в том даже едва было [едва ли] не успели. Именно будочник того же [какого-то] квартала в Киврюшкинском переулке схватил

мертвеца за ворот в то время когда тот хотел было улизнуть и закричавши вызвал двух других товарищей, [вызвал других товарищ^{ей}] которым поручил держать, а сам полез только за сапог вынуть оттуда тавлинку, чтобы понюхать табаку, но табак был видно такого рода, которого и мертвый не мог [которого не мог и мертвец] вынести. [Далее начато: потому что] Не успел он закрывши пальцем одну ноздрю потянуть другою с пол<горсти>, [потянуть другою одну какую-нибудь] как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза [лицо] ... Покамест они поднесли кулаки, стали протирать глаза, мертвеца и след пропал, так что они даже не знали, был ли он в их руках или нет. С этих пор будошники получили такой страх к мертвецам, что даже и живых боялись хватать, — и только издали покрикивали: Ей ты, ступай своей дорогой, и Акакий Акакиевич стал показываться даже иногда и дальше Поцелуева, [Поцелуева моста] наводя немалый страх робким людям. А мы однакож [оставили] совершенно [без внимания] главную причину всего несчастья, [именно] значительное лицо. [Далее начато: Он после смерти Акакия <Акакиевича>] Нужно [Нужно однако] знать, что значительное лицо скоро по уходе бедного распеченного в пух Акакия Акакиевича [по уходе Акакия <Акакиевича>] почувствовал что-то в роде сожаления. Сострадание было не чуждо душе его и, как уже видели, к сердцу были доступны добрые движения несмотря на то, что чин весьма часто мешал [но чин никак не позволял] им обнаруживаться. Он даже, как только ушел [как только вышел] приятель, и сам думал об этом с неделю, потом послал [как только ушел приятель, послал] чиновника к нему на квартиру разведать что и как и в чем можно помочь ему. Когда донесли ему, что бедный Акакий Акакиевич вскоре затем умер скоропостижно [Далее начато: вслед за тем] в горячке, совесть сильно стала упрекать его и он был совершенно не в духе. Чтобы сколько-нибудь развлечь себя, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого уже он нашел порядочное общество [к одному из приятелей своих, здесь общест<во> как нарочно бы<ло> соб<рано>] и, что всего лучше, [и как нар<очно>] все были почти одного чина, так что он совершенно ничем не был связан и развернулся, сде<лался> приятен [любезен и приятен] в разговоре и любезен. Словом провел время очень приятно. За ужином даже выпили бокала [три-четыре], это [за ужином даже в честь нового его выпивши бокала три четыре он] придало ему веселости и сообщило склон<ность> к разным экстренностям. А именно, после ужина он решился не ехать домой, а заехать к одной знакомой даме [к одной знакомой своей], Настасье Карловне, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно

приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо уже был человек немолодой, хороший супруг и почтенный отец. Два взрослых сына, из которых один служил в канцелярии, и взрослая дочь всякой день приходили к нему целовать его руку приговаривая: бонжур папа. [Далее было: а. Но однакоже при всем б. и он их целовал в голову.] Супруга тоже полная и здоровая давала прежде ему свою руку целовать, потом [потом перевернувши] <целовала> его. Но при всем том полагал, [Но при всем том оказалось] что прилично иметь приятельницу в другой стор<оне>. Хотя эта приятельница была старше жены его, ничего не имела особенного и даже наружностью не лучше [и даже ничуть не лучше] жены. [Далее начато: Но так] Но всё иной раз <?> вечером, закутавшись в шинель, он мчался в зимних санках навестить приятельницу. Так уж странно создан человек, иногда он и сам не может сказать, почему он что-нибудь делает. Итак, значительное лицо село в санки и сказала кучеру: к Настасье Карловне, а сам закутавшись пережевывал в уме [а. думал б. перебирал] кое-какие мысли, [Далее начато: о чем он думал] еще полный удовольствия, вынесенного из общества, где почти все были ровных чинов. Многие слова он даже начинал произносить вслух... Поворотя в улицу он стал закрываться покрепче в шинель пото<му> что ветер [сделался] страшный, подымая с тротуаров [и рвал и подымал с троту<аров>] снег, который всюю кучей кидал ему [а. который ему ки<дал> б. который всеми кучами кидал ему] в лицо. Вдруг он почувствовал, что кто<-то> сильно схватил его за воротник шинели. Обернувшись он увидел кого<-то> невысокого росту в старом вицмундире <и> не без ужаса узнал Акакия Акакиевича. Лицо его <было> бледно как снег и глядело совершенно мертвец<ом>. “А, вот ты наконец, наконец-таки вот я тебя тоже поймал за воротник. Твоей-то шинели мне и нужно. Ты не хо<тел> похлопотать об моей шинели, так отдавай же свою”. Бедное значительное лицо так и обмер. Как ни характерен он был в присутствии, хотя глядел совершенным Юпитером [Сверху приписано: хотя и тверд <?> но] и всё трепетало перед ним, но здесь он почувствовал такой страх, что тут же стал опасаться, и не без причины, чтобы не случилось с ним какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул с плеч шинель свою и закричал кучеру: [закричал кучеру во весь дух] ей, пошел в весь дух домой! Таким образом бледный и перепуганный он приехал уже не к Настасье Карловне, а домой и без шинели. Да и ночь провел не в большом порядке и совершенно беспокойно. Так что на другой день за чаем дочь ему сказала прямо: ты сегодня совсем бледен, папа. Но папа молчал и ни слова ни об Настасье Карловне и ни об Акакии Акакиевиче. Это происшествие сделало на него сильное

впечатление, по крайней мере с тех пор заметили, что он гораздо реже стал говорить подчиненным: как вы смее? Понимаете ли вы, кто перед вами и с кем вы говорите? Если же произносил, так не так энергически и отрывисто и уже по выслу<шании>, в чем дело. С этих самых пор прекратилось появление мертвеца. Видно, генеральская шинель совершенно пришлась по плечам. По крайней мере, не было таких случаев, чтобы с значительных лиц сдергивали шинели. Но в дальних углах всё еще поговаривали, что появлялось привидение в виде чиновника и сам даже квартальный не помню какого-то квартала, человек очень почтенный, признавался за чашкой чаю у одного купца, что привиденье, точно, является, хотя редко; что один коломенской будошник видел собственными глазами как [он вышел и] вдруг и пошел было с ним. Да будучи [Да был] человек слабый и страдающий <?>, — <так> что даже один раз, вырвавшись из ворот частного дома, большой <поросенок>, бросившись ему под ноги, сшиб его с ног к величайшему смеху стоявших извозчиков, [к величайшему смеху извозчи<ков>] с которых он потом за издевку вытребовал грош на табак, — итак ради своей слабости не посмел остановить и всё следовал и что привидение, заметив это, остановилось [остановилось сказав: что тебе нужно] и показало ему кулак необыкновенной вели<чины>: Тебе чего хочется? Но будошник, как ни был испуган <?>, а всё заметил, что оно сделалось выше ростом и даже <носило> преогромные усы, но что скоро исчезло <?> направивш<ись> прямо к Семеновским казармам.

КОЛЯСКА

Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять ***кавалерийский полк, а <до> того времени бывало в нем страх скучно. Бывало проезжаешь, невольно чувствуешь на сердце какую-то тоску. Домики низенькие мазаные, [иной] глядит на улицу так кисло, глина на них обвалилась от дождя и стены, вместо белых, кажутся пегими, крыши большею частью очеретяные, как в южных городах наших, садики для лучшего вида городничий давно приказал вырубить. На улицах ни души [никого] не встретишь, разве только петух перейдет через мостовую [через улицу], мягкую [пышную <?>] как пуховик от лежащей в четверть аршина пыли [Далее начато: или в 1½ аршина грязи], которая [Далее начато: в од<ну минуту>] при маленьком дожде, как посредством волшебного прутика, в одну минуту превратится в грязь и тогда улицы города Б. наполнятся [Далее следует: в одну минуту] теми животными [толстыми животными], доставляющими нам превосходные окорока, и прохожий слышит такое страшное хрюканье, [Далее начато: с которым никогда бы не сравнилось звук <?> какой бы издали если] с которым никогда не сравнится звук, издаваемый городничим во время сна послеобеденного. Самая рыночная площадь [самая площадь] имеет немного печальный вид. Дом портного выходит чрезвычайно глупо не фасадом, а углом. Против него строится лет пятнадцать какое-то каменное строение о двух окнах, далее стоит без всего модный досчатый забор, выкрашенный серою краскою, который на образец другим [лучшим] строениям выстроил городничий во время своей молодости, когда не имел обыкновения играть в бостон [когда не играл в бостон] и отдыхать после обеда. [Далее начато: По середине площади маленькие ла<вочки>] В других местах всё почти плетень. По середине площади небольшие лавочки, и глаз прохожего может только увидеть связку баранков, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндаля, дробь для стрельня, домикотон [Далее начато: на <?>] и двух купеческих приказчиков играющих в свайку. Но как стал в уездном городке кавалерийский полк, всё переменялось: запестрели улицы, оживились; одним словом, всё приняло другой вид. Через улицу брел уже не петух, но офицер в треугольной шляпе с перьями шел на квартиру к другому поговорить о производстве, об отличнейшем табаке, а иногда и поставить [загнуть] на карточку дрожки, которые назывались полковыми, потому что успевали, не выходя из полку, обходить всех; сегодня катался в

них майор, завтра, глядь, они очутились в поручичьей конюшне, а через неделю снова майорский деньщик подмазывал их маслом. Деревянный плетень был весь убран солдатскими фуражками, в городских закоулках иногда попадались солдаты с такими [попадались такие] жесткими усами, как [что] сапожные щетки [Далее начато: и разных сортов нитки каких]. Соберутся ли на рынке с ковшиками мещанки, из-за плеч их глядят усы. На лобном месте уж верно солдат усатый мылил бороду мужика, [брил мужика] который, сидя молчаливо, рассуждал об остроте бритвы служивого. Посмотришь в ворота какого-нибудь дома — на дворе усы лежат против самого солнца и греются. Словом городок Б. сделался усатым городом. Офицеры составили довольно приятное общество, особливо после судьи, жившего с какою-то диаконшею в одном доме, и городничего, рассудительного человека, но спавшего решительно весь день, начиная от обеда, который был в одиннадцать часов утра. Общество еще более сделалось занимательнее, когда переехал в городок Б. бригадный генерал. [Далее начато: По<мещики>] Окружные помещики, о которых существовании никто бы <до> того не догадался, начали приезжать почаще в уездный город, чтобы видаться с г-ми офицерами, а иногда поиграть в банчик, который чрезвычайно уже [который уже] темно рисовался в их уме, закиданном посевами и бегнею за зайцами [посевами и постройками]. Один раз случился у генерала обед. Большой обед — событие для уездного города чрезвычайно важное, потому что весь рынок был забрат на генеральскую кухню, и два солдата с страшными усами гонялись целое утро за двумя избежавшими цыплен<ками>. Повар бегал взад и вперед по небольшому двору, в котором была помещена квартира генерала. На дворе стояло несколько дрожек и коляска. Общество было большею частью из офицеров, были однакож и некоторые помещики. Из помещиков был особенно [был один довольно] замечательный человек Кропотов, лицо немаловажное в уезде, один из числа аристократов, более всего шумевший на дворянских, выборах, куда приезжал он всегда в хорошем экипаже [Далее начато: который]. Он служил когда-то в одном из кавалерийских полков, был один из числа значительных и видных офицеров, по крайней мере его видали во многих собраниях, [собраниях уезд<ных>] раскиданных по всей бесконечной Руси, где только кочевал их полк. Впрочем об этом можно спросить [узнать <?>] у дам и девиц саратовской губернии, пензенской, тамбовской, вологодской, симбирской, подольской, херсонской и других. Он бы, может быть, и более еще был известен, если бы не вышел в отставку по одному случаю, который обыкновенно называется неприятною историею. Он ли дал кому-то оплеуху или ему дали оплеуху, я

этого совершенно не помню [я этого ничего не знаю], дело только в том, что его попросили [ему приказал] вытти в отставку. Впрочем и в отс<тавке> он ничуть не уронил своего весу: носил фрак с высокою талией [с короткой талией] на манер военного мундира, на сапогах шпоры и под носом усы, потому что без того дворяне могли бы подумать, что он служил в пехоте, которую он презрительно называл пехонтерией. Он ездил по многолюднейшим ярманкам, куда внутренность губерний, состоящая из роев теток, дочек, матушек, [Далее было: и] нянек и добрых толстяков, называемых помещиками, наезжала веселиться линейками, рыдванами, таратайками, тарантасами и возками. Словом, он испытывал во всей силе непостоянство колеса фортуны.

Узнавши, где стоит кавалерийский полк, он всегда приезжал видетсья с господами офицерами, очень ловко соскакивал перед ними с своей легкой колясочки и чрезвычайно скоро знакомился. В прошлые выборы он [хотел быть маршалом и] дал дворянству прекрасный обед. Вообще вел себя довольно солидно. Женился на очень хорошенькой, взял за нею 200 душ приданого и несколько тысяч капитал<у>. [несколько тысяч прид<анного>] Капитал был тотчас употреблен на шестерку [на четве<рку>] лихих вороных и хомуты, выписанные из Петербурга, на коляску, карету, пару чрезвычайно редких собак, вызолоченные замки к дверям, [вызолоченные замки к дверям — вписано] ручную обезьяну для дома и француза дворецкого. 200 душ были, в придачу к его собственным, заложены в ломбард для каких-то коммерческих оборотов. Одним словом, он был один из числа тех помещиков, к которым мелкопоместные подступают робко и всегда почти кланяются, а имеющие большие поместья и служившие за Екатерину поглядывают отчасти [отчасти поглядывают] сардонически.

Два помещика, бывшие у генерала на обеде, были люди тоже в своем роде замечательные, но они не являются действующими нашей истории и потому их можно оставить в тени. Прочие были всё военные. Везде были видны лопаткообразные обер-офицерские эполеты, висячие принадлежали только двум: полковнику и довольно плотному майору. [полковнику и майору] Генерал был несколько дюжий и тучный, как всегда бывают генералы, впрочем хороший начальник, как отзывались о нем сами офицеры. Говорил он, как говорят все генералы, довольно густым, значительным басом. [Далее было: а. как ~ генералы басом, б. как ~ генералы довольно густым басом] Обед был чрезвычайный: из рыб [из рыб вписано] осетрина, белуга; из мясных: дрофа, перепелки, куропатки,

дупельшнеппы; грибы, спаржа. Одним словом всё доказывало, что повар еще со вчерашнего вечера не брал и в рот хмельного, и четыре солдата с ножами работали на помощь ему фрикасеи и желеи. Вина было тоже вдоволь: на столе стояла такая бездна бутылок, что вряд ли бы <кто> отыскал солонку, нож его непременно тыкался в короткошейку мадеру [тыкался в мадеру] или длинно-шейный лафит. Прекрасный летний день, окна открытые напролет, тарелки со льдом на столе, отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров и растрепанная манишка у владельцев уютного широкого фрака, [манишка у помещика] всё споспешествовало и отвечало одно другому [Далее начато: После] и не мешало всеобщему разговору, который был довольно шумен и шел об разных историях, о которых право нельзя никак вспомнить. После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закуривши трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофию в руках на крыльцо. У генерала, полковника и даже маиора мундиры были вовсе расстегнуты, так что видны были слегка благородные подтяжки из шелковой материи, но господа офицеры, сохраняя должное уважение, пребыли с застегнутыми, выключая трех последних пуговиц.

“Вот ее можно теперь посмотреть”, сказал генерал. “Поди-ка, любезнейший”, примолвил он, обращаясь к своему адъютанту, довольно ловкому молодому человеку приятной наружности: “скажи, чтобы привели сюда гнедую кобылу! Вот, вы увидите сами, она еще немножко не слишком в холе. Проклятый городишка, нет порядочной конюшни. Лошадь... пуф... пуф очень [Лошадь очень] порядочная”.

“И давно, ваше превосходительство, пуф, пуф, изволите иметь ее?” сказал Крапушкин.

“Пуф, пуф, пуф, пуууф, не так давно. Она взята [Она куплена] мною с завода два года назад” [Далее начато: Пу<ф>].

“И получить ее изволили объезженную или уже здесь [а. А учить где б. А объезживать изволили здесь уже или] ее объезжали?”

“Пуф, пуф [Далее начато: здесь] пуф, пуууф... здесь”. Между тем из конюшни выпрыгнул солдат, и послышался стук копыт, наконец показался другой в белом балахоне с черными, окунутыми в ваксу, усами, [а. с черными как вакса усами б. с черными окунутыми усами] ведя за узду

вздрагивавшую [дрожавшую] и пугавшуюся лошадь, которая, подняв вдруг голову вверх, чуть не подняла вверх присевшего к земле солдата [чуть не подняла вверх солдата] с его усами.

“Ну ж, ну, ну, Мария Ивановна!” говорил он, подводя ее под крыльцо. Лошадь называлась Марьей Ивановною. Крепкая и дикая, как южная красавица, она грянула копытами в деревянное крыльцо и вдруг остановилась. Генерал оставил трубку и начал смотреть <с> довольным видом на Марью Ивановну. [Далее начато: Полковник] Сам полковник, сошедши с крыльца, взял Марью Ивановну за морду, сам майор потрепал по задней ляжке и пощупал хвост; несколько офицеров пощелкали языком. [Далее начато: Солдат] Крапушкин [Крапушкин <?>] сошел с крыльца и зашел ей в зад. Солдат, вытянувшись, глядел, держа узду, прямо в глаза посетителям, как будто бы хотел вскочить туда.

“Очень, очень хорошая!”, сказал Крапушкин. “Манера превосходная. А позвольте узнать, ваше превосходительство, сколько [А сколько] ей лет?”

“Не умею вам сказать.”

“А в зубы, ваше превосходительство, не смотрели?”

“В зубы не смотрел, потому что [Далее было: у ней два зуба недавно прорезались, да притом она их простудила] ... чорт его знает, этот дурак фершел дал ей каких-то пилюлей и вот уже два дни всё чихает.”

“Очень, очень хороша. А имеете ли, ваше превосходительство, соответствующий экипаж?..”

“Экипаж? [Экипажей] Да ведь это верховая лошадь.”

“Я это знаю, но я так спросил ваше превосходительство, для того чтоб узнать, имеете ли и к другим лошадям соответствующий экипаж.”

“Экипажей у меня достаточно; коляски только нет. Мне хотелось бы достать новую. Я впрочем об этом писал к брату моему и он, верно, мне вышлет в будущем месяце.”

“Мне кажется, ваше превосходительство”, заметил полковник: “нет

лучше коляски, как венская.”

“Вы справедливо заметили... пуф, пуф, пуф.”

“У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска”, прибавил Крапун: “настоящей венской работы.”

“Какая? Эта самая, в которой вы приехали?”

“О, нет! Это так — разъездная, собственно для поездок. Но та, ваше превосходительство, это просто удивительно, легка как перышко. А когда вы сядете в нее, то просто как бы, с позволения вашего превосходительства, нянька вас в люльке качала.”

“Стало быть покойна?”

“Очень, очень покойна. Подушки, [Подушки как пуховик, кажется потонешь в них] рессоры всё это как будто <на> картинке нарисовано.”

“Это хорошо.”

“Сундук кожаный сзади, [кожаный сзади — вписано] ваше превосходительство, кажется величиною вот с эту трубку, а как я служил, так у меня шесть мундиров и столько же исподнего укладывалось. Чрезвычайно вместительна, в боковой карман можете положить человека и незаметно пятнадцать штофов коньяку всегда поместится.” [всегда поместите]

“Это хорошо.”

“Я, ваше превосходительство, заплатил за нее восемь тысяч.”

“Да по цене должна быть хороша, а вы купили ее сами?”

“Мой один товарищ и старый друг заказывал ее нарочно в Вене [купил ее в Вене] для себя. Я <у> него ее перекупил. [выиграл] Не угодно ли, вашему превосходительству сделать мне честь пожаловать завтра ко мне отобедать, вместе и коляску посмотрите.”

Генерал сжал нижнюю губу [сжал губы] и немного надулся. “С большим удовольствием и почту себе за честь, но вы извините меня... я так не могу... а разве с господами офицерами...”

“И господ офицеров прошу покорнейше сделать мне честь. Сделайте милость, я почту себе за большую честь иметь удовольствие видеть вас в своем доме.”

Полковник, майор и прочие офицеры отблагодарили [а. Офи<церы> отблагодарили б. Полковник и т. д. как в тексте] учтивым поклоном.

“Я, ваше превосходительство, сам того мнения, чтобы если покупать вещь, [если заводить вещь] то непременно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вот у меня тоже, когда сделаете завтра мне честь пожаловать, я, покажу кое-какие заведения.”

Генерал посмотрел и пустил длинный пух из своей трубки.

Крапушкин был чрезвычайно доволен, что пригласил к себе господ офицеров. Он заранее уже заказывал в голове своей паштеты и соусы, посматривал очень весело на офицеров, которые с своей стороны тоже как-то удвоили расположение к нему, что заметно было из глаз и из небольших телодвижений в роде полупоклонов. Крапушкин выступал вперед как-то развязнее и голос его принял выражение голоса, обремененного удовольствием.

“Там, ваше превосходительство, познакомитесь с хозяйкой дома.”

“Мне очень приятно”, отвечал генерал, поглаживая <усы>.

“Однакож”, подумал про себя Крапушкин: [Далее начато: я изви<нюсь>] “мне нечего здесь отдыхать [здесь сидеть <?>]. Я немножко <могу> посидеть, да и домой поскорей — приказать заранее, чтобы [приказать чтобы] всё приготовить с вечера.” [приготовить к <обеду>] Между тем солнце незаметно начало садиться ниже. Генерал и гости возвратились в комнаты, где расставлены были карточные столы. “Ну что ж”, подумал он: “в вистун можно сыграть робертика два, так только для виду, да сию минуту и домой”. Скоро всё общество разделилось на четверные партии, порассело<сь> [рас<селось?>] по всей комнате; прочие с

трубками в зубах присоседились к игравшим наблюдать с значительным безмолвием игру. Два роберта, на которые сел Крапушкин, кончились в одну минуту. “Ну что ж, за эти нечего и садиться. Еще четыре можно сыграть”. Между тем подали свечи, на особом зеленом столе развернулся банчик, и майор, подтасовывая карты, поглядывал на желающих. Перед каждым гостем нечувствительно очутился довольно увесистый стакан. Пунш был превосходный. Генералу был прислан из Риги какой-то необыкновенный ром и удивительный шнапс, который тут же подавался в больших стаканах. [рюмках] Ром и шнапс были действительно превосходны. По крайней мере генерал после четырех стаканов закричал громко одному из лакеев в узиньком мундире: “Поддай, дурак, свечу: я не могу видеть, что у меня на руке — король или дама”. Между тем около его превосходительства стояло по две свечи с каждой стороны. Превосходство рома было признано и почувствуемо всеми. Так г-н майор, страшный шулер, вместо того, чтобы по обыкновению передернуть карту, взял и смешал всю колоду по середине талии и <на> вопрос оскорбленного пунтера: “что это значит?” посмотрел ему пристально <в глаза> и велел подать себе рюмку мадеры. Сам Крапушкин [заметил], что он что-то выиграл, но что именно выиграл никак не мог вспомнить, а тем более не мог найти, как нужно потребовать выигранное. Ужин был в 2 часа ночи, ужин превосходный, но уже вряд ли кто из гостей мог припомнить, какие он ел блюда. Словом пир был на чудо и когда начали разъезжаться, то кучера брали просто своих господ в охапку так как бы узелки с покупкою. И Крапушкин, несмотря на свой аристократизм, сидя в коляске, так низко кланялся и с таким большим раскачиванием головы, что приехавши домой, привез в своих <усах> два [три] репейника.

В доме всё спало совершенно. Кучер едва мог сыскать камердинера, который отер как попало глаза свои, втащил, подпирая на плечо, своего господина [Крап<ушкина>] в гостиную. Вошедши в гостиную, Крапушкин спросил только: “отчего криво выстроена комната?” [Далее начато: и больше ничего] и, не говоря ни слова, отправился [Далее начато: после] вслед за девушкой в спальню жены своей. Молодая хорошенькая жена, которая спала свернувшись в прозрачной, белой как снег рубашечке, [Далее начато: открыла] поднявши ресницы и раза три зажмуривши быстро глаза свои, открыла их с полусердитою улыбкою [Далее было: Крапушкин грохнулся на кровать] и видя, что он решительно не хочет на этот раз оказать никакой супружеской нежности, с досады поворотилась на другую сторону и, положив свежую свою щечку на руку, заснула спустя несколько

времени после него.

Было уже такое время, которое по деревням не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возле храпевшего Крапушкина. Вспомнив, что он [муж] вчера возвратился домой в три часа ночи, она пожалела будить его и надев спальные башм<ачки>, которые супруг ее выписывал из Петербурга, в белой кофточке, драпировавшейся на ней как льющаяся вода, она вышла в свою уборную, умылась свежую, как сама, водою и приблизилась [подсела] к своему туалету. [Далее начато: На себя] Взглянувши раза два, она увидела [нашла], что сегодня очень недурна. Это повидимому незначительное обстоятельство заставило ее просидеть перед зеркалом [Далее начато: лишних] ровно два часа лишних. Наконец она оделась очень мило и вышла освежиться в сад. Как нарочно время было тогда красное, каким может только похвалиться южный летний день. Солнце, ступавшее на полдень, жарило всю силою лучей своих, но под темными густыми аллеями было гулять прохладно и цветы пригретые солнцем утроили свой запах. Хорошенькая жена Крапушкина вовсе позабыла о том, что уже двенадцать часов и супруг ее спит. Уже толстый дворецкий француз объелся, как порядочная бочка, и шел, покачиваясь, через двор с ключами приказать крепостным свиньям подавать барам обедать. А до слуха хозяйки доходило храпенье послеобеденное 6 кучеров и одного форе<й>тора. Она сидела в густой аллее, из которой был открыт вид на большую дорогу, и рассеянно глядела на безлюдную [на отк<рытую>] ее пустынность, как вдруг показавшаяся вдали пыль привлекла ее внимание. Всмотревшись, она скоро увидела несколько экипажей: впереди ехала открытая двухместная, легинья колясочка, в ней сидел генерал с толстыми, блестящими на солнце эполетами и рядом с ним полковник, за этой следовала другая, четвероместная, в ней сидели майор с адъютантом генеральским и насупротив их два какие-то офицера. За коляскою были известные полковые дрожки, [Далее начато: в которых] которыми завладел на этот раз тучный майор. За дрожками следовал бонвояж четвероместный, в котором сидели четыре офицера и пятый на руках, за бонвояжем рисовались [ехали] верхом на прекрасных, [на <рослых?>] темных в яблоках лошадях три офицера. [Далее начато: Ну,]

“Неужели это к нам?” подумала хозяйка. “Ах, боже! [боже] в самом деле к нам! Они поворотили на мост!” вскрикнула она, всплеснувши руками, и побежала чрез клумбы и цветы прямо в спальню своего мужа. Он спал мертвецки.

“Душенька, вставай!”, сказала она ему, торопливо дергая его за руку. В ответ на это Крапушкин, не открывая глаз, пробормотал какую-то несвязную бессмыслицу.

“Вставай, пульпультик, вставай!” — “Не рано? А?” — “Вставай, душенька, слышишь гости!” — “Гости? какие гости? М... м...”, при этом он потянулся и поднял руки. “Ну, поцелуй же меня, моя Пуньпуня, протяни свою шейку, я тебя поцалую”. — “Ах, боже мой! Вставай [Вставай, они уж <на> мосту] скорее, генерал с офицерами! Ах, боже мой, у тебя в усах репейник!”

“Генерал? А да, так он уж едет? Да что ж это, чорт побери, меня никто не разбудил! А обед, что ж обед? Всё ли там исправно ты сделала, душенька?” [Далее было: Ведь я заказал обед] “Какой обед? Для нас готовлено, а больше ни для кого.” — “А я разве не заказывал?”

“Ты? ты приехал в три часа ночи, и сколько я ни спрашивала тебя, ничего мне не сказал и заснул. [и прос<пал>] Я тебя, польпультик, не будила, потому мне тебя жаль стало: ты ничего не спал”. Это сказала с чрезвычайно томным и умоляющим видом.

Крапушкин минуту лежал на постели, как громом пораженный. Наконец он вскочил без всего в одной рубашке с кровати, позабывши, [Далее начато: вовсе] что вовсе неприлично показывать свои ноги, которые были все в волосах, как в лесу.

“Ах я лошадь!” сказал он, ударив себя по лбу. [Далее начато: Где они] “Я звал их обедать. Что тут делать? Где они, далеко?”

“Теперь, я думаю, подъезжают к мельницам.” [подъезжают к овину]

“Душенька... спрячься!.. Ей, кто там? Ты, девчонка, ступай сюда. Дура, чего боишься? Приедут офицеры сию минуту, ты скажи им, что дома нет барина. [дома нет меня] Скажи, что и не будет весь день, что еще с утра выехал. Слышишь? и дворовым всем скажи, чтобы так сказали. Ступай скорей!”

Сказавши это, схватил наскоро халат и побежал спрятаться в

экипажный сарай, почитая там гораздо безопаснее.

“Нет, шельмовство, [Написано шемовольство] найти <?> и здесь могут, а влезть<?> лучше всего в эту коляску”. Сказавши это, он отпер дверь<цы>, сел в коляску и закрылся кожей.

Между тем экипажи подъехали к крыльцу. Вышел генерал и встряхнулся, за ним полковник, поправляя руками султан на своей шляпе, потом офицеры, потом слез с дрожек толстый майор, [потом майор] держа под мышкою саблю, выскочил из бонвояжа сидевший на руках офицер, [выскочил ~ офицер вписано] наконец сошли его соседи, рисовавшиеся на лошадях.

“Барина нет дома”, сказал вышедший на крыльцо француз дворецкий.

“Как нет? стало быть он однакож будет к обеду?”

“Нет, генерал, они уехали на весь день, разве завтра [вряд <ли> завтра] поутру будет”.

“Вот тебе на!” сказал генерал: “как же это?”

“Признаюсь, это штука”, сказал полковник, смеясь.

“Как же этак делать?” продолжал генерал с неудовольствием. “Ну не можешь принять, так не проси, зачем же просить”.

“Я, ваше превосходительство, не понимаю, как можно этак сделать?” заметил один молодой офицер.

“Что?”

“Я говорю, ваше превосходительство, как можно поступить таким образом?”

“Конечно, как же... Ну нельзя, не случилось что́ ли, так зачем же просить? или дай знать в таком случае”.

“Что ж, ваше превосходительство, нечего делать, поедем назад”, сказал

ПОЛКОВНИК.

“Да, конечно, коли нет другого средства. Впрочем коляску мы можем посмотреть и без него, он верно ее не взял с собою. Ей, кто там? подойди, братец, сюда”.

“Чего изволите?” — “Ты конюх?” — “Конюх, ваше превосходительство”.

“Покажи нам новую коляску, которую недавно достал барин”.

“А, вот пожалуй<те> в сарай”. Генерал вместе с офицерами отправился в сарай. “Вот я вам немножко ее выкачу, здесь темно”. [Далее начато: и коляска] — “Ничего, видно и так; разве немножко подкати. Вот так, довольно”. Генерал и господа офицеры обошли вокруг коляски и тщательно рассмотрели колеса и рессоры.

“Ну, ничего нет особенного”, сказал генерал: “коляска — самая обыкновенная”.

“Никакого совершенно нет дива”, сказал полковник: “коляска <самая> простая”.

“Мне кажется, ваше превосходительство, она совсем не стоит восьми тысяч”, прибавил один [молодой] офицер.

“Что?”

“Я говорю, ваше превосходительство, что мне кажется она вовсе не стоит восьми тысяч”.

“Какое осьми тысяч, она [Далее начато: всего] и трех тысяч не стоит, ничего совершенно не нахожу в ней хорошего. Разве внутри есть что-нибудь особенное. Пожалуйста, любезный, отстегни кожу”. И глазам господ <офицеров> представился Крапушкин, сидящий в халате.

“А, вы здесь, как ваше здоровье?.. ну, прощайте!”

Сказавши это, генерал застегнул опять дверцы и уехал вместе с г-ми

офицерами.

РИМ

<АННУНЦИАТА>

Клянусь, таких очей нельзя представить и вообразить, их тоже немощна передать кисть художника. Как угли, так они черны, [а. Это уголь б. Черные как угли] а из них льются молнии. [и сверкающие как молния] А чело, плечи. [Далее начато: только одно италианское на той [сто<роне?>] половине] Это солнечное сияние, облившее белые стены каменных домов. А волосы, боже, какие волосы! Темная громовая ночь [Далее начато: а лоск на них] и всё в лоске. О нет, такой женщины не сыскать в Европе, об них только живут предания да бледные бесчувственные портреты их иногда являются в правильных созданиях художников. У, как смело, как ловко обхватило платье ее могучие [сильные] прекрасные члены, но лучше если бы оно не обхватило ее вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидели все, что это богиня. А попробуйте покровы прочь с немки или англичанки или француженки и выйдет чорт знает что: цыпленок. Вот, повернулась картинная голова, коса кольцом, сверкнул затылок и тонкая снежная шея. Еще [Еще далее] движение и уже видна благородная прямая линия носа, тонкой конец брови и три длинные [три черные] иглы ресниц. А что же далее... но нет, не гляди [не гляди, не поворачивайся], не подноси своих молний. Читай у [Не дописано.]

ВАРИАНТЫ

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Я знаю, что ~ жителей не променяет на все блага Невского проспекта.
Ар;

П, Тр — на все блага жизни

Не только кто имеет двадцать пять лет от ~ в восторге от Невского проспекта. Ар;

П, Тр — Не только тот, кто

Хотя бы имел ~ дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Ар;

П, Тр — пришедши

Кажется, человек, встреченный ~ нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской ~ в каретах и на дрожках. Ар, П;

Тр — на Морской

Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга!

Тр — на гулянья

Начнем с самого раннего ~ совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Ар;

П, Тр — набеги на церкви

Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Ар;

П, Тр — если ~ в департамент, проплетется с портфелем под мышкою

Можно сказать ~ он служит только средством: он постепенно ~ о нем.

Тр — и служит

Русской мужик ~ иногда с довольно разительными жестами, ~ по Невскому проспекту. Ар;

П, Тр — с довольно выразительными жестами

Русской мужик ~ мальчишек в пестрядевых халатах ~ по Невскому

проспекту. Ар;

П, Тр — пестрядинных

Мало-помалу ~ выпивших чашку кофию и чаю ~ чиновников по особенным поручениям. РМ4;

Ар — чашку кофею;

П, Тр — чашку кофе

Мало-помалу ~ выпивших чашку кофию и чаю ~ чиновников по особенным поручениям.

Тр — по особым поручениям

Здесь вы встретите ~ редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым ~ проходящие.

Тр — усы, которые завертываются на ночь ~ бумагою

Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, ~ бокал, наполненный шампанским. Ар;

П, Тр — приподнялась на воздух

Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что ~ шампанским. Ар;

П, Тр — если бы не придерживал

Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Ар,

П, Тр — с обыкновенным благородством

Но старые коллежские секретари, титулярные и ~ дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами, или полное лицо правителя канцелярии.

Тр — им долго вместо вывески мерещится картонка

Какая-нибудь швея ~ русской человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий ~ на Невском проспекте.

Тр — с узенькою бородкою

Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста.

Тр — по стенам и по мостовой

И какие глаза! боже, какие глаза! всё положение и контура, и оклад лица — чудеса!

Тр — всё положение и контур

“Как будто она из тех, которые ходят ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама”, продолжал он, вздохнувши: “один плащ на ней стоит рублей восемьдесят!” Ар;

П, Тр — должно быть ~ дама

“Знаем мы вас всех”, думал про себя с самодовольною и самонадеянною улыбкою Пирогов, уверенный, что нет красоты, могшей бы ему противиться. Ар;

П, Тр — нет красоты, могущей ему противиться

Сердце его билось, когда он подходил к той улице, на которой нога его не была со времени роковой встречи. Ар;

П, Тр — Сердце молодого человека

Он не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание улетавшей вдали красавицы, тем более допустить ~ неизвестно куда.

Тр — а тем более

Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякой художественный вздор: гипсовые руки и ноги, ~ опрокинутая палитра, ~ в красных рубашках.

Тр — уроненная палитра

К такому роду принадлежал описанный нами молодой человек ~ превратиться в пламя. Ар;

П, Тр — К такому роду людей принадлежал

Она взглянула на Пискарева, и при этом взгляде затрепетало его сердце; она ~ и самый гнев был обворожителен. Ар;

П, Тр — сердце его затрепетало

Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утратить это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? Ар;

П, Тр — даже святилища

Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утратить это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить?

Тр — куда оно опустилось

Он даже не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули на него разом и ~ железный толчек свой. Ар;

П, Тр — глянули на него вдруг

Он только желал, чтоб эти веления были как можно более трудны и неудобноисполняемы, чтобы с бóльшим напряжением сил лететь преодолевать их. Ар;

П, Тр — желал, чтоб эти веления ~ неудобноисполняемы, чтобы ~ лететь исполнять их

Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему ввериться ~ решимость на всё. Ар;

П, Тр — ввериться ему

Тот приют, где человек святотатственно подавил ~ присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже ~ существом. Ар;

П, Тр — ухватки и наглость

Тот приют, где человек святотатственно подавил ~ перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом. Ар;

П, Тр — столь отличным

Как будто вместе с непорочностью оставляет и ум человека. Ар;

П, Тр — и ум оставляет

Повесивши голову и опустивши руки, сидел он в своей комнате, как

бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море.
Ар;

П, Тр — уронивший

Пусть бы еще безобразие дружилось с ним, но красота, красота нежная... она только с одной непорочностью и чистотой сливается в наших мыслях.

Тр — но красота нежная

Все черты ее были так чисто образованы, всё выражение ~ страшные свои когти.

Тр — Все черты ее были так чисто обрисованы

Она бы составила божество в многолюдном зале ~ брошена с хохотом в его пучину. П, Тр;

Ар — в свою пучину

Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолевать его ~ сквозь одолевавшие его грезы, как вдруг ~ и очнуться. Ар;

П, Тр — сквозь одолевшие его грезы

Пискарев стоял в безмолвном удивлении: карету, лакей в ливрее...

Тр — карета, лакей

Он увидел за одним разом столько почтенных стариков и полустариков с звездами на фраках ~ дамы так были воздушны, ~ растерялся вовсе.

Тр — дамы нет

Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях ~ его не касались. Ар;

П, Тр — Дамы неслись

Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, ~ более эфирны, нежели если бы вовсе его не касались. Ар;

П, Тр — нежели когда бы

Пискарев употребил все усилия, чтобы раздвинуть толпу и ~ толпа его притиснула так, что ~ тайного советника.” Ар;

П, Тр — так притиснула

Со страхом поднял глаза посмотреть, ~ перед ним... Ар;

П, Тр — поднял он глаза

В самом деле, это была она, та самая, которую встретил он на Невском и которую проводил к ее жилищу. Ар;

П, Тр — которую проводил в ее жилище

Она подняла между тем свои ресницы и глянула на всех своим ясным взглядом.

Тр — взглянула

Она села, грудь ее воздымалась ~ цвет его еще виднее означил яркую белизну этой прекрасной руки. Тр;

Ар, П — означал ~ белизну

Он стоял у ней за стулом, не смея говорить, не смея дышать.

Тр — не смея дышать

Она умоляющим взглядом посмотрела на Пискарева и дала знак остаться на своем месте и ожидать ее прихода, но ~ даже из ее уст.

Тр — ожидать ее возвращения

В одном углу комнаты спорило несколько пожилых людей ~ поэта-труженика. Тр;

Ар, П — В углу

Пискарев чувствовал, что один пожилой человек с почтенною наружностью схватил за пуговицу его фрака и представлял на его суждение одно весьма справедливое свое замечание, но он ~ орден. П, Тр;

Ар — представлял на его суждение ~ его замечание

До самого полудня пролежал он в постеле, желая заснуть; но она не являлась.

Тр — она не явилась

Всё откинувши, всё позабывши, сидел он с сокрушенным, с безнадежным видом, полный только одного сновидения.

Тр — Всё отбросивши

Ни к чему не думал он притронуться; глаза его без всякого участия, без всякой жизни, глядели в окно, обращенное в двор, где ~ платья продать. Ар;

П — окно обращенное на двор

Тр — окно обращенное во двор

Наконец, она явилась! ее головка и локоны... она глядит...

Тр — она глядит нет

Если бы его кто-нибудь видел сидящим безмолвно перед пустым столом или ~ все движения.

Тр — Если бы кто-нибудь увидел его

Если бы его кто-нибудь видел сидящим безмолвно перед пустым столом или ~ все движения. Ар;

П, Тр — перед порожним столом

Если бы его кто-нибудь видел сидящим безмолвно перед пустым столом или шедшим по улице, то верно бы принял его за лунатика или ~ все движения. Ар;

П, Тр — принял за лунатика

Если бы его кто-нибудь видел сидящим безмолвно перед пустым столом или ~ изгоняла на лице его все чувства, все движения.

Тр — согнала с лица его все прочие чувства и движения

Он слышал, что есть средство восстановить сон, для этого нужно принять только опиум. Ар;

П, Тр — слышал, что есть средство восстановить сон, что для этого нужно

Он слышал, что есть средство восстановить сон, для этого нужно принять только опиум. Ар;

П, Тр — принять только опиуму

Персиянин на минуту вышел и возвратился с баночкою, наполненною ~ в воде.

Тр — возвратился с склянкою

Персиянин на минуту вышел ~ отлил часть ее в другую баночку и дал ~ в воде.

Тр — отлил ему из нее в баночку

Персиянин на минуту вышел ~ и дал Пискареву с наставлением употреблять не больше как по семи капель в воде.

Тр — вручил с наставлением

С жадностью схватил он эту драгоценную баночку ~ побежал домой.

Тр — схватил Пискарев драгоценную

Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ее шейке; всё в ней скромно, всё в ней — тайное неизъяснимое чувство вкуса.

Тр — во всем у нее тайное ~ чувство вкуса

Я бы призывал тебя как ангела-хранителя пред сном и бдением и тебя бы ждал я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Ар;

П, Тр — когда бы случилось изображать

Из всех сновидений одно было радостнее для него всех: ему представилась ~ в руках! П, Тр;

Ар — Из всех сновидений один был

Он встал после него как-то свежее и менее рассеянный, нежели прежде. Ар;

П, Тр — менее рассеянный чем прежде

Если она изъяснит чистое раскаяние и переменит жизнь свою, я женюсь тогда на ней. Ар;

П, Тр — я женюсь на ней

Я возвращу миру прекраснейшее его украшение. Ар;

П, Тр — лучшее его украшение

Составивши такой легкомысленный план, он почувствовал краску, вспыхнувшую на его лице; он подошел ~ лица. Ар;

П, Тр — почувствовал, что краска вспыхнула

Составивши такой легкомысленный план, он ~ и испугался сам впалых щек и бледности своего лица. Ар;

П, Тр — сам испугался

Ондохнул свежим воздухом и почувствовал свежесть на сердце, как выздоравливающий, решившийся выйти в первый раз после продолжительной болезни. Ар;

П, Тр — который решился выйти

Она стояла перед ним так же прекрасна, хотя ~ бледность кралась на лицо ее, уже не так свежем, но она всё была прекрасна.

Тр — бледность кралась на лицо ее, уже не так свежее

Она вдруг показала ему как в панораме всю жизнь ее.

Тр — Она вдруг показала ~ всю жизнь свою

Никто не мог знать, ночевал он где-нибудь или нет; на другой только день ~ с признаками безумия на лице. Ар;

П, Тр — ночевал ли он где-нибудь или нет

Он заперся в свою комнату и никого не впускал, ничего не требовал. Ар;

П, Тр — заперся в своей комнате

Протекли четыре дня, и его запертая комната ~ была заперта.

Тр — Прошли четыре дня

Так погиб, жертва безумной страсти, бедный Пискарев, тихий, робкий, скромный, детски-простодушный, носившей в себе искру таланта, быть может, со временем бы вспыхнувшего широко и ярко. Ар;

П, Тр — который, быть может, со временем вспыхнул бы

Гроб его тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту; за ним идучи, плакал один только солдат-сторож и то потому, что выпил лишний штоф водки. П, Тр;

Ар — Гроб ~ повезли на Охту, за ними идучи

Восклицания, задушаемые смехом: “Ах, перестаньте! не стыдно ли вам так смешить!” бывают им часто лучшею наградой. Ар;

П, Тр — Восклицания, задушаемые смехом и словами

В высшем классе они попадают очень редко или, лучше сказать, никогда. П, Тр;

Ар — очень редко или лучше никогда

Однакож, этой чести они не прежде могут достигнуть, как выслуживши по крайней мере до полковничьего чина. Ар;

П, Тр — дослужившись ~ до полковничьего чина

Человек такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдруг ~ было бы бесконечно. Ар;

П, Тр — нельзя

Куча железных винтов, слесарных инструментов, блестящих кофейников и подсвечников была на столе; пол был засорен медными и железными опилками.

Тр — Куча ~ валялась на столе

Он вошел в комнату, вовсе не похожую ~ немец. Ар;

П, Тр — Вошел

Он вошел в комнату, вовсе ~ показывавшую, что хозяин был немец. Он был поражен необыкновенно странным видом. Ар;

П, Тр — что хозяин был немец, и был поражен необыкновенно странною картиною

Шиллер сидел, выставив свой довольно толстый нос и ~ своего сапожнического ножа на самой его поверхности. Ар;

П, Тр — сапожного ножа

С чувством огорченного достоинства он сказал: “Мне странно, милостивый государь... вы верно не заметили... я офицер...”

Тр — оскорбленного достоинства

Наконец рассудил, что Шиллера можно извинить, потому что голове его была наполнена пивом; к тому же ~ это забвению!

Тр — голова ~ наполнена вином

“А, здравствуйте, моя миленькая! вы меня не узнали? плутовочка, какие хорошенькие глазки!”

Тр — А, здравствуй

Взглянувши на офицера, он припомнил как в смутном сне происшествие вчерашнего дня. Он ничего не помнил в таком виде, в каком было, но ~ суровым видом. Ар;

П, Тр — происшествие вчерашнего дня; он ничего не помнил из него в таком виде, в каком оно было

Желая сам отклонить его от заказывания, он объявил, что раньше двух недель не может сделать. Ар;

П, Тр — отклонить его от заказа

По крайней мере, я знал много мужей, которые в восторге от глупости своих жен и видят в ней все признаки младенческой невинности.

Тр — в восторге от глупости своих жен и видят в них

Впрочем, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда верна своей обязанности и потому ~ день ото дня.

Тр — верна своему долгу

У нашего генерала нет таких шпор. Ар;

П, Тр — таких шпор

Чувство самодовольствия распустилось по душе Шиллера. Ар;

П, Тр — Чувство самодовольствия проникло в душу Шиллера

Отказаться он почитал уже бесчестным, притом же русской офицер похвалил его работу.

Тр — Отказаться он считал уже бесчестным

Шиллер был совершенный немец в полном смысле всего этого слова. Ар;

П, Тр — немец в полном смысле этого слова

Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русской живет на фуфу, уже Шиллер ~ исключения. П, Тр;

Ар — с того счастливого времени, которое русской живет

Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если ~ уменьшал только количество, и хотя ~ привыкал к этому. Ар;

П, Тр — количество его

Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если ~ однакоже привыкал к этому. Ар;

П, Тр — однакоже

Между тем Пирогов, куря трубку в кругу ~ он, на самом деле, едва ли не терял уже надежды преклонить на свою сторону. Ар;

П, Тр — в самом деле

Наконец, заходивши со всех сторон и видя, что ничто не может занять ее, он предложил ей танцевать. Ар;

П, Тр — заходя со всех сторон

На этом Пирогов очень много основывал свою надежду ~ и проложить начало всему; короче, он выводил из этого совершенный успех.

Тр — проложить начало ко всему

И немцы схватили за руки и ноги Пирогова. Ар;

П, Тр — за руки и за ноги

Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек в сюртучке и без эполетов. Немцы с величайшим неистовством сорвали с него всё платье. Гофман всей тяжестью своей сел ему на ноги, Кунц схватил за голову, а Шиллер схватил в руку пук прутьев, служивших метлою. Я должен с прискорбием признаться, что поручик Пирогов был очень больно высечен. РМ4;

Ар, П, Тр — и поступила с ним так грубо и невежливо, что, признаюсь, я никак не нахожу слов к изображению этого печального события.

Если же Главный штаб определит недостаточное наказание, тогда прямо в Государственный совет, а не то самому государю. РМ4;

Ар, П, Тр — если же назначение наказания будет неудовлетворительно, тогда итти дальше и дальше.

Но всё это как-то странно кончилось: по дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из “Северной Пчелы” и вышел уже не в столь гневном положении.

Тр — не в столь гневном расположении

Притом довольно приятный прохладный вечер заставил его ~ он, без сомнения, куда-нибудь отозван, и потому ~ офицеров. Ар;

П, Тр — генерал, без сомнения, куда-нибудь отозван

Ничуть не бывало: он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафайета. РМ4;

Ар, П, Тр — совсем нет, он говорит о Лафайете

НОС

Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие.

РЛЗ — Сего февраля 23 числа

С, 1842 — Сего апреля 25 числа

Цырюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен ~ запах горячего хлеба.

РЛЗ — фамилия его утратилась, по крайней мере, и даже на вывеске его

Цырюльник Иван Яковлевич, живущий ~ щекою и надписью: “и кровь отворяют” ~ запах горячего хлеба.

РЛЗ — с надписью

Цырюльник Иван Яковлевич, живущий ~ не выставлено ничего более ~ запах горячего хлеба.

РЛЗ — ничего больше, кроме: “Здесь живет Иван Яковлевич”

Цырюльник Иван Яковлевич, живущий ~ проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба.

РЛЗ — проснувшись еще довольно рано

Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

РЛЗ — дама, очень любившая пить кофий и подвязывавшая свое голубое ситцевое платье [свое платье] тоненькою мочалкою для большей ловкости в хозяйстве

Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

РЛЗ — выпеченные хлебы

То есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом: ибо ~ таких прихотей.

РЛЗ — что двух вещей совершенно невозможно требовать

То есть Иван Яковлевич хотел бы ~ ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.

РЛ2 — не любила

И бросила один хлеб на стол.

РЛЗ — бросила ему

Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись ~ резать хлеб.

РЛЗ — надел сверх рубашки обыкновенный свой гнедой фрак в коричневых яблоках [фрак с коричневыми яблоками]

Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак ~ насыпал соль, приготовил ~ резать хлеб.

РЛ2 — насыпал горкою на скатерть соль

Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак ~ и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб.

РЛЗ — сделавши губами и бровями значительное выражение

Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел что-то белевшееся.

РЛЗ — к величайшему удивлению

Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел что-то белевшееся.

РЛЗ — увидел что-то выглядывавшееся оттуда, лоснящееся и беловатое

Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и ~ такое было?”

РЛЗ — ковырнул ножом

Он засунул пальцы и вытащил — нос!..

РЛЗ — засунул палец

Он засунул пальцы и вытащил — нос!..

РЛЗ — и вытащил довольно крепкой, нельзя сказать, чтобы и курносый, чело<веческий нос>

Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. РЛЗ, С, 1842;

П, Тр — Ужас изобразился на лице

Он узнал, что этот нос был ни чей другой, как коллежского асессора ~ воскресенье. С, 1836;

П, Тр — нос был не кого другого

Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок: пусть ~ вынесу. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — Я заверну его в тряпочку и положу

Я положу его, завернувши ~ а после его вынесу. С, 1842;

П, Тр — а после я его вынесу

Наконец, достал он свое исподнее платье и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь и ~ вышел на улицу.

Тр — напялил на себя всю эту дрянь

Но на беду ему попадался какой-нибудь знакомый ~ не мог улучшить минуты. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — Но как на беду

Но на беду ему попадался какой-нибудь знакомый ~ тотчас запросом: “куда идешь?” или ~ не мог улучшить минуты. С, 1842;

П, Тр — вопросом

В другой раз он уже совсем уронил его, но будошник еще издали указал ему алебардою, примолвив: “подыми! вон ты что-то уронил!” С, 1842;

П, Тр — уронил-было нос

“Не знаю, братец, только воняют”, говорил коллежский асессор, — и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это и на щеке, и ~ ему

была охота.” С, 1842;

П, Тр — мылил ему за это на щеке

Он прежде всего осмотрелся; потом нагнулся ~ много ли рыбы бегают, и ~ тряпку с носом. С, 1842;

П, Тр — бежит

Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд: Иван Яковлевич даже усмехнулся. РЛ2, Тр;

С, 1842; П — снялось десять пуд

Вместо того, чтобы итти брить чиновничьи подбородки, он ~ спросить стакан пуншу, как вдруг ~ со шпагою. РЛ2, П, Тр;

С, 1842 — просить стакан

Он обмер; а между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил: “А подойди сюда, любезный!”

Тр — квартальный кивнул ему пальцем и проговорил

Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но к величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место!

Тр — вчерашним вечером

Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту ~ маиором. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — а потому

Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских, поветовых землемеров, у архитекторов ~ доходят до носа. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — можно видеть у губернских и уездных землемеров

Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских, поветовых землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также ~ доходят до носа.

РЛ2 — у архитекторов, если только они русские люди

Бакенбарды у него были такого рода, какие ~ также у отправляющих

разные полицейские обязанности и ~ доходят до носа. РЛ2;
С, 1842, П, Тр — у отправляющих разные обязанности

Маиор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середа, четверг, понедельник и проч. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — носил множество сердоликовых печаток

“Но авось-либо мне так представилось: не может быть, чтобы нос пропал сдуру”, подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотреться в зеркало.” РЛ2, П, Тр;

С, 1842 — Он зашел в кондитерскую

Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. РЛ2, С, 1842

П, Тр — на боку шпага

Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, — был в мундире! С, 1842

П, Тр — чтобы нос ~ и не мог ни ездить, ни ходить

Он побежал за каретою, которая, к счастью, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — перед Гостиным двором

Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд ~ вошел в церковь. РЛ2;

С, 1842; П, Тр — туда

Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — Народу было немного.

Ковалев чувствовал себя в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах был молиться, и искал глазами этого господина по всем углам. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — Ковалев ~ что ни на что не мог решиться

Наконец увидел его стоявшего в стороне. РЛ2;
С, 1842, П, Тр — стоявшего перед лавкою

Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился. набожности молился. РЛ2;
С, 1842, П, Тр — Нос ~ с глубоким вниманием рассматривал какие-то товары.

Он начал около него покашливать; но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны. положения и отвешивал поклоны. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — не оставляя своего положения.

И вдруг я вас нахожу и где же? — в церкви. РЛ2;
С, 1842, П, Тр — и где же?..

Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить губернаторское место,... притом ~ другие... ред.;

С, 1842, П, Тр — но, имея в виду получить

РА2 — но для лица ожидающего <?> губернаторского места, что без сомнения последует...

Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить губернаторское место,... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами...

РЛ2 — нет

Нос посмотрел на майора, и брови его несколько нахмурились. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — брови его нахмурились

Судя по пуговицам вашего виц-мундира, вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — вы должны служить по другому ведомству

За ними остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами и целой дюжиной воротников.

РЛ2 — господин

Ковалев выступил поближе, высунул батистовый воротничек ~ с полупрозрачными пальцами. РЛ2, С, 1842;

П — Ковалев приступил поближе

Тр — Ковалев подступил поближе

Ковалев выступил поближе, высунул батистовый воротничек манишки, поправил висевшие на золотой цепочке свои печатки и, улыбаясь ~ с полупрозрачными пальцами. С, 1842;

П, Тр — поправил ~ печатки свои

Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего, и слезы выдавились из глаз его.

Тр — слезы выжались из глаз его

Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем; но шинель не заметил, ни цвета ~ в какой ливрее. С, 1842;

П, Тр — но шинели не заметил

Вон и Ярыжкин, столоначальник в сенате, большой приятель, который вечно в бостоне обремизивался, когда играл восемь. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — Вон и Ярыпин

Вон и Ярыжкин, столоначальник в сенате, большой приятель, который вечно в бостоне обремизивался, когда играл восемь. приятель” С, 1842;

П, Тр — приятель его

Минуточкой бы пришли раньше, то, может, застали бы дома. РЛ2, С, 1842;

П, Тр — то, может быть, застали бы дома.

Итак, Ковалев уже хотел было приказать ехать ~ удобно, пользуясь временем, как-нибудь улизнуть из города, — и тогда ~ целый месяц. РЛ2, П, Тр;

С, 1836 — куда-нибудь улизнуть

Он решился отнестись прямо в газетную экспедицию ~ дабы всякий,

встретивший его, мог в ту же минуту ~ о месте пребывания. С, 1842, П;
Тр — дабы всякий, встретившийся с ним

Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола ~ сто рублей! РЛ2, П, Тр;
С, 1842 — в аристократском доме

Комната, в которой местилось всё это общество, была маленькая, и воздух в ней ~ бог знает в каких местах. С, 1842, П;
Тр — помещалось всё это общество

Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? это не то, что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я ~ его нет. РЛ2, С, 1842, П; Тр — мизинец на ноге, который

Чиновник задумался, что означали крепко сжавшиеся губы.

С, 1842, П;
Тр — крепко сжавшиеся его губы

Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать как редкое произведение природы и напечатать ~ любопытства.” С, 1842, П;
Тр — описать это как редкое произведение природы

“Я не понимаю, как вы находите место шуткам”, сказал он с сердцем: “разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать?” С, 1842;
П, Тр — у меня нет именно того

Сказавши, он вышел, глубоко раздосадованный, из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайному охотнику до сахару. С, 1842, П;
Тр — Сказавши это, он вышел

Сказавши, он вышел, глубоко раздосадованный, из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайному охотнику до сахару. На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы. Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все

военные доспехи уже мирно развесились по углам и грозную трехугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сынок его, и он, после боевой, бранной жизни, готовился вкушать удовольствия мира. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — нет

И не знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно. РЛ2;

С, 1842; П, Тр — нет

Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что ~ носа и что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам. РЛ2;

С, 1842, П, Тр — нет

Он даже полагал, что в театральных пьесах можно пропускать всё, что относится к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать. РЛ2, П, Тр;

С, 1842 — пропустить всё то, что относится к обер-офицерам

Будь я без руки или без ноги — всё бы это лучше; будь я без ушей — скверно, однакож всё сноснее; но без носа ~ да и вышвырни за окошко! С, 1842;

П, Тр — нет

И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что, ни про что, пропал даром, ни за грош!.. Тр;

С, 1842, П — пропал даром, за грош!..

Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду. С, 1842;

П, Тр — натираю после бритья себе бороду

Иван дурак не принял, и я, верно, хватил ее. П, Тр;

С, 1842 — и я, верно, схватил ее

Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы, или что-нибудь подобное; — но пропасть, и кому же пропасть? и притом еще на

собственной квартире!.. С, 1842;
П, Тр — и чему же пропасть

Когда же штаб-офицерша объявила ему напрямик, что она хочет выдать ее за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами, сказавши, что ~ сорок два года. Тр;
С, 1842, П — своими комплиментами

Размышления его прерваны были светом, блеснувшим сквозь все скважины дверей, который дал знать, что свеча в передней уже зажжена Иваном. С, 1842, П;
Тр — светом, который блеснул сквозь все скважины

Размышления его прерваны были светом, блеснувшим сквозь все скважины дверей, который дал знать, что свеча в передней уже зажжена Иваном. С, 1842, П;
Тр — и дал знать

Я давно подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он в одной лавочке бортище пуговиц.
Тр — портище пуговиц

Откушайте сегодня со мною чашечку чаю. С, 1842, П;
Тр — Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю

Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который, расшаркавшись, вышел за дверь, и в ту же почти минуту Ковалев слышал уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего со своею телегою как раз на бульвар. РЛ2; С, 1842, П, Тр — нет

Доктор этот был видный из себя мужчина, имел прекрасные ~ щеточками. С, 1842;
П, Тр — видный собою мужчина

Спросивши, как давно случилось несчастье, он поднял майора Ковалева за подбородок и дал ему ~ ударился затылком в стену.
Тр — майора за подбородок

Куда же я с этакою пасквильностию покажуся? С, 1842, П;

Тр — с такою пасквильностию

Сделайте милость”, произнес Ковалев умоляющим голосом: “нет ли средства? ~ в опасных случаях. С, 1842, П; Тр — продолжал Ковалев

Сделайте милость”, произнес Ковалев умоляющим голосом~ его слегка подпирать рукою в опасных случаях. С, 1842, П;

Тр — слегка подпереть рукою

Поверьте, что история насчет моего носа мне совершенно известна, равно как то, что в этом вы есть главные участницы, а не кто другой. С, 1842;

П, Тр — совершенно известна

Поверьте, что история насчет моего носа мне совершенно известна, равно как то, что в этом вы есть главные участницы, а не кто другой. С, 1842;

П, Тр — равно как и то

Внезапное его отделение с своего места, побег ~ виде, есть больше ничего, кроме следствие волхвований, произведенных ~ занятиях. С, 1842, П;

Тр — больше ничего, как следствие волхвований

Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали весь город опыты действия магнетизма. РЛ2;

П, Тр — занимали публику опыты

С, 1842 — занимали опыты

Сказал кто-то, что нос будто бы находился в магазине Юнкера: и возле Юнкера такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция вступить. С, 1842, П;

Тр — вступить даже полиция

Один спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами, продававший при входе в театр разные сухие кондитерские пирожки, нарочно поделал прекрасные деревянные, прочные скамьи, на которые ~ посетителя. С, 1842;

П, Тр — наделал прекрасных деревянных прочных скамеек

Один спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами, продававший ~ становиться за 80 копеек от каждого посетителя. С, 1842;

П, Тр — за восемьдесят копеек каждого посетителя

Один заслуженный полковник нарочно для этого вышел ~ литографированную картинку с изображением ~ всё на одном месте. С, 1842;

П, Тр — картину

Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду ~ там Хосрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы. П, Тр;

С, 1842 — Хосров-Мирза

“Эге!” сказал Ковалев, и в радости чуть не дернул по всей комнате босиком тропака, но вошедший Иван помешал.

Тр — трепака

Вытираясь утиральником, он опять взглянул в зеркало: нос!

Тр — полотенцем

Он весело оборотился назад и с сатирическим видом посмотрел, несколько прищуря глаз, на двух военных, у одного из которых был нос никак не больше жилетной пуговицы. П;

Тр — двух военных, из которых у одного

ПОРТРЕТ

ЧАСТЬ I

Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками ~ русского человека.

РК2 — Двери такой лавочки

Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарованье русского человека.

РК2 — связками тех гравированных картин в листах [связками в листах]

Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками ~ свидетельствуют самородное дарованье русского человека. С, 1842, РК2;

П, Тр — о самородном даровании

Перед ним уже, верно, стоит в шинели солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика; торговка-охтенка с коробкою, наполненною башмаками.

РК2 — торговка из Охты с коробкою, [с коробкою башмаков] наполненною башмаками

Всякой восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают серьезно; лакеи-мальчики и ~ смотрит.

РК2 — рассматривают сурьёзно

В это время невольно остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чартков.

а. художник чертков

б. как в тексте РК2

Старая шинель и нещегольское платье показывали в нем того человека, который ~ привлекательность для молодости. С, 1842, РК2;

П, Тр — показывали в нем человека

Что русской народ заглядывается на Ерусланов Лазаревичей, на объедал и обпивал, на Фому и Ерему, это не казалось ему ~ глубокое его унижение? С, 1842;

П, Тр — на объедал, обпивал

Что русской народ заглядывается на Ерусланов Лазаревичей, на объедал, и обпивал, на Фому и Ерему, это не казалось ему удивительным: изображенные предметы ~ глубокое его унижение?”

РК2 — это не казалось ему удивительным

Иначе в них бы, при всей бесчувственной карикатурности целого, вырывался острый порыв. С, 1842, РК2;

П, Тр — Иначе в них

Иначе в них бы, при всей бесчувственной карикатурности целого, вырывался острый порыв. С, 1842;

П, Тр — вырывался бы острый порыв

РК2 — вырывался [бы] острый порыв

Но здесь было видно просто тупоумие, бессильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно ~ свое ремесло.

а. дряхлая посредственность

б. как в тексте РК2

Но здесь было видно просто тупоумие, бессильная, дряхлая бездарность, которая ~ была верна однакож своему призванию и внесла в самое искусство свое ремесло.

а. невольно

б. как в тексте РК2

Вот за этих мужичков и за ландшафтик возьму беленькую.

а. Вот за этого

б. как в тексте РК2

Прикажете связать их вместе и снести за вами?

а. Прикажете

б. как в тексте РК2

Эй, малый, подай веревочку”.

а. подай веревку

б. как тексте РК2

Ему сделалось несколько совестно не взять ничего, застоявшись так долго в лавке, и он ~ почетом.

а. застоявшись весьма до<лго>

б. как в тексте РК2

Ему сделалось несколько совестно не взять ничего, застоявшись так долго в лавке, и он ~ доставать с полу наваленные громоздко, истертые, запыленные старые малеванья, не пользовавшиеся, как видно, никаким почетом. С, 1842, РК2, П;

Тр — громоздко наваленные ~ малеванья

Тут были старинные фамильные портреты, которых потомков, может быть, и на свете нельзя было отыскать, совершенно неизвестные изображения с прорванным холстом, рамки, лишенные позолоты, словом, всякой ветхой сор.

а. Иные не <известные?>

б. как в тексте РК2

Но художник принялся рассматривать, думая втайне: “авось что-нибудь и отыщется.”

а. принялся рассматривать их, думая между тем

б. как в тексте РК2

Он слышал не раз рассказы о том, как иногда у лубочных продавцов были отыскиваемы в сору картины великих мастеров. С, 1842, РК2, П;

Тр — Он не раз слышал

Хозяин, увидев, куда полез он, оставил свою суетливость и, принявши ~ на лавку...

РК2 — куды полез он [полез художник]

Хозяин, увидев, куда полез он, оставил свою суетливость и, принявши обыкновенное положение и ~ на лавку...

РК2 — принявши свое обыкновенное положение [Далее было: отошел и даже]

Хозяин, увидев, куда полез он, оставил ~ вес, поместился съизнова у дверей, зазывая ~ на лавку...

а. отошел прочь и стал

б. поместился съизнова у дверях РК2

“Сюда, батюшка; вот картины! зайдите, зайдите; с биржи получены.”

а. Он накричался вдоволь: сюда батюшка, картин не покупаете ли

в. Сюда, батюшка. Вот картины. Зайдите, зайдите, с биржи получены
[Далее было: и разумеется накричался] РК2

Уже накричался он вдоволь и большею частью бесплодно, наговорился досыта с лоскутным продавцом, стоявшим ~ во внутрь ее.

а. и разумеется накричался большею частью бесплодно, наговорился вдоволь с лоскутным продавцом

б. как в тексте РК2

Уже накричался он вдоволь и большею частью бесплодно, наговорился досыта с лоскутным продавцом, стоявшим насупротив его также у дверей своей лавочки, и ~ во внутрь ее.

РК2 — у дверей своей лавчонки

Уже накричался он вдоволь и большею частью бесплодно, наговорился ~ покупатель, поворотил народу спину и отправился во внутрь ее. С, 1842, РК2, П;

Тр — оборотился к народу спиной

Уже накричался он вдоволь и большею частью бесплодно, наговорился ~ и отправился во внутрь ее. С, 1842;

П, Тр — отправился внутрь ее

РК2 — отправился во внутрь ее [Отправился в угол лавки]

Но художник уже стоял несколько времени неподвижно перед одним портретом в больших, когда-то великолепных рамах, но на которых чуть блестели теперь следы позолоты.

РК2 — в огромных рамах

Пламенный полдень был запечатлен в них.

а. был внутренне запечатлен

б. как а тексте РК2

Как ни был поврежден и запылен портрет; но когда удалось ему счистить с лица пыль, он увидел следы работы высокого художника.

а. запылен он

б. как в тексте РК2

Как ни был поврежден и запылен портрет; но когда удалось ему счистить с лица пыль, он увидел следы работы высокого художника.

РК2 — следы работы художника

Портрет, казалось, был не кончен; но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза: казалось, в них употребил всю силу кисти и всё старательное тщание свое художник.

а. Сила кисти была [необыкновенно] разительна, но необыкновеннее и непостижимее всего были глаза, он даже невольно провел по ним рукою, как бы желая увериться, не выпуклы ли они. — Это были большие, черные как уголь, глаза [сверкавшие] [Далее начато: казалось употребил всю силу кисти на них]

б. Портрет казался был неокончен, но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза, казалось на них употребил всю силу кисти и всё старательное тщанье свое художник РК2

Портрет, казалось, был не кончен; но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза: казалось, в них употребил всю силу кисти и всё старательное тщание свое художник. С, 1842, РК2;

П, Тр— всё тщание

Когда поднес он портрет к дверям, еще сильнее глядели глаза.

а. Когда он, взявши в руки портрет, поднес его

б. как в тексте РК2

Впечатление почти то же произвели они и в народе. С, 1842, РК2;

П, Тр — Почти то же впечатление

Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: “глядит, глядит”, и попятилась назад.

а. Женщина, стоявшая

б. Как в тексте РК2

Какое-то неприятное, непонятное самому себе чувство почувствовал он и поставил портрет на землю. С, 1842, РК2, П;

Тр — Что-то неприятное, непонятное самому себе

Какое-то неприятное, непонятное самому себе чувство почувствовал он и поставил портрет на землю.

а. ооще<ние>

б. как в тексте РК2

“А что ж, возьмите портрет!” сказал хозяин.

а. уже располагаясь идти

б. как в тексте РК2

“А сколько?” сказал художник.

а. А что хочешь

б. как в тексте РК2

“Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!”

а. три четвертака

б. как в тексте РК2

“Эк цену какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купишь. С, 1842, РК2;

П, Тр — одной рамки не купить

Видно, завтра собираетесь купить?

а. видно вам завтра придется купить его

б. как в тексте РК2

Право, для почину только, вот только-что первый покупатель.” За сим он сделал жест рукой, как будто бы говоривший: “так уж и быть, пропадай картина!”

а. Право для почину только, что первый покупатель

б. как в тексте РК2

Таким образом Чартков совершенно неожиданно купил ~ делать было нечего.

РК2 — художник

Таким образом Чартков совершенно неожиданно купил старый портрет, и в то же время подумал: зачем я его купил? на что он мне? но делать было нечего.

- а. думая про себя
- б. как в тексте РК2

Дорогою он вспомнил, что двугривенный, который он отдал, был у него последний.

- а. он дал за порт<рет>
- б. как в тексте РК2

Мысли его вдруг омрачились: досада и равнодушная пустота обняли его в ту же минуту.

РК2 — досада и равнодушная пустота обняла его

И почти машинально шел скорыми шагами, полный бесчувствия ко всему.

- а. скорыми шагами шел
- б. пошел скорыми шагами
- в. как в тексте РК2

Красный свет вечерней зари оставался еще ~ холодное синеватое сиянье месяца становилось сильнее. С, 1842, РК2;

П, Тр — сиянье месяца становилось светлее

Полупрозрачные легкие тени хвостами падали на землю, отбрасываемые домами и ногами пешеходцев.

- а. легкие тени ~ от домов и от ног пешеходов
- б. как в тексте РК2

Уже художник начинал мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное ~ слова: “досадно, чорт побери!”

- а. И художник уже начинал
- б. как в тексте РК2

Уже художник начинал мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное ~ светом, и почти в одно время излетали ~ побери!”

- а. почти в то же
- б. как в тексте РК2

И он, поправляя портрет, беспрестанно съезжавший из-под мышек, ускорял шаг. С, 1842, РК2;

П, Тр — съезжавший из-под мышки.

Усталый и весь в поту, дотащился он к себе в пятнадцатую линию на Васильевской Остров.

После “Васильевской Остров” было начато:

РК2 — Но в небольшую квартирку и

На стук его в дверь не было никакого ответа: человека не было дома.

а. Толкнул он в дверь очень сильно, но на сей раз бесплодно и потому прислонившись

- б. как в тексте РК2

Он прислонился к окну и расположился ожидать терпеливо, пока ~ своими сапогами.

РК2 — и принялся он ожидать

Он прислонился к окну и расположился ожидать терпеливо, пока ~ натурщика, краскотерщика и выметателя полов, пачкавшего их тут же своими сапогами.

- а. краскотерщика и даже убирателя ком<нат>

б. краскотерщика и сметателя с полов, которые тут же во время метения пачкались вдвое более его сапогами, о чем впрочем они не догадывались оба [а. чего впрочем они оба не замечали б. чего впрочем они оба не подозревали]

- в. как в тексте РК2

Никита долго силился попасть ключом в замочную дырку, вовсе незаметную по причине темноты.

а. принялся отпирать дверь [Далее было: от<го?>], долго не попадая ключом в дырку по <причине>

- б. долго силился бесплодно попасть в дырку
- в. как в тексте РК2

Наконец дверь была отперта.

- а. Наконец она
- б. как в тексте РК2

Чартков вступил в свою переднюю, нестерпимо холодную, как всегда бывает у художников, чего впрочем они не замечают.

- а. как водится всегда
- б. как в тексте РК2

Чартков вступил в свою переднюю, нестерпимо холодную, как всегда бывает у художников, чего впрочем они не замечают.

- а. которые однако же второпях никогда этого
- б. как в тексте РК2

Не отдавая Никите шинели, он вошел вместе с нею в свою студию, квадратную ~ по стульям. С, 1842, РК2;

П, Тр — он вошел в ней

Не отдавая Никите шинели, он вошел вместе с нею в свою студию, квадратную комнату, большую, но низенькую, с мерзнувшими окнами, уставленную ~ по стульям. С, 1842, РК2;

П — с замерзнувшими окнами

Тр — с замерзшими окнами

Не отдавая Никите шинели, он вошел вместе с нею в свою студию, квадратную ~ всяким художеским хламом: кусками ~ по стульям.

- а. картинным
- б. как в тексте РК2

Не отдавая Никите шинели, он вошел вместе с нею в свою студию, квадратную ~ рук, рамками, обтянутыми холстом, эскизами ~ по стульям.

- а. натянутыми холстами
- б. как в тексте РК2

Не отдавая Никите шинели, он вошел вместе с нею в свою студию, квадратную ~ брошенными, драпировкой, развешанной по стульям.

РК2 — драпировкой, развешанной на стульях

Он устал сильно, скинул шинель, поставил рассеянно принесенный портрет между двух небольших холстов и бросился на узкой диванчик, о котором нельзя было сказать, что он обтянут кожей, потому что ~ белье.

а. бросился на небольшой узкий диванчик уже не обтянутый больше черной кожей

б. как в тексте РК2

Он устал сильно, скинул шинель, поставил рассеянно принесенный портрет ~ и всё немытое белье.

а. всё, что

б. как в тексте РК2

Посидев и разлегшись, сколько можно было разлечься на этом узеньком диване, он наконец спросил свечу.

а. разлегшись как было только можно

б. как в тексте РК2

“Пусть их приходят”, сказал с грустным равнодушием Чартков.

а. равно<душно?>

б. как в тексте РК2

Молодой Чартков был художник с талантом, пророчившим многое: вспышками и мгновеньями ~ к природе.

а. с талантом всё

б. как в тексте РК2

Молодой Чартков был художник с талантом, пророчившим многое: вспышками и мгновеньями ~ порывом приблизиться более к природе.

а. стать ближе

б. приблизиться ближе РК2

Рисунок у тебя не строг, а подчас и вовсе слаб, линия невидна; ты ~ английской род.

а. совсем слаб

б. как в тексте РК2

Рисунок у тебя не строг, а подчас и вовсе слаб, линия невидна; ты уж

гоняешься за модным освещением, за тем, что ~ английской род.

- а. гоняешься за освещением
- б. как в тексте РК2

Берегись; тебя уж начинает свет тянуть; уж я ~ с лоском...

- а. Тебя я
- б. Эй смотри
- в. как в тексте РК2

Оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги.

- а. Смотри оно заманчиво
- б. как в тексте РК2

Оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги.

- а. можно конечно пуститься
- б. как в тексте РК2

Оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги.

РК2 — картинки и [всякие] портретики

Обдумывай всякую работу, брось щегольство — пусть их набирают другие деньги. С, 1842, РК2;

П, Тр — пусть другие набирают деньги

Иногда хотелось, точно, нашему художнику кутнуть, щегольнуть, словом, кое-где показать свою молодость. С, 1842, РК2;

П, Тр — Иногда нашему художнику точно хотелось кутнуть

Иногда хотелось, точно, нашему художнику кутнуть, щегольнуть, словом, кое-где показать свою молодость.

- а. то, что называют иные
- б. как в тексте РК2

Еще потемневший облик, облекающий старые картины, не весь сошел ~ девятнадцатый век кое в чем значительно их опередил, что ~ внутреннем сознании.

- а. кое в чем ушел значительно пред ними
- б. как в тексте РК2

Иногда становилось ему досадно, когда он видел, как ~ капитал.

- а. Иногда думал он зачем
- б. как в тексте РК2

Иногда становилось ему досадно, когда он видел, как заезжий живописец, француз ~ капитал.

- а. какой-нибудь заезжий живописец
- б. как в тексте РК2

Иногда становилось ему досадно, когда он видел, как ~ и скапливал себе в миг денежный капитал. С, 1842, РК2, П;

Тр — накоплял себе

Тогда завидно рисовалась в голодном его воображении участь ~ всему.¹

- а. Тогда чем-то сильно
- б. Тогда завидным
- в. как в тексте РК2

Есть же наконец и терпению конец.

- а. Есть же однакож
- б. как в тексте РК2

Терпи! а на какие деньги я завтра буду обедать?

РК2 — я буду завтра обедать

А понеси я продавать все мои картины и рисунки: за них мне за все двугривенный дадут.

РК2 — за всех двугривенного дадут

Они полезны, конечно, я это чувствую: каждая из них предпринята не даром, в каждой из них я что-нибудь узнал.

РК2 — каждая из них была предпринята

Да и кто купит, не зная меня по имени; да и кому нужны рисунки с антиков из натурального класса, или ~ живописца? П, Тр;

С, 1842, РК2 — с антиков и натурного класса

Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.”

- а. тогда как бы я
- б. как в тексте РК2

Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.” С, 1842, РК2;

П, Тр — как мог бы блеснуть

Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.”

РК2 — не хуже [других теперь же]

Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.”

РК2 — быть также как они

Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.”

- а. с капиталом
- б. как в тексте РК2

Произнесши это, художник вдруг задрожал и побледнел; на него глядело, высунувшись из-за поставленного холста, чье-то судорожно искаженное лицо.

- а. На него глядело пристально чье-то
- б. на него глядело пристально что-то
- в. на него глядело чье-то судорожно искаженное лицо, высунувшись из-за двух стоявших перед ним холстов [высунувшись из-за двух холстов, стоявших перед ним]
- г. как в тексте РК2

Два страшные глаза прямо вперились в него, как бы готовясь ~ молчать.

- а. Глаза его так страшно устремились в него
- б. Два громоносных глаза

в. как в тексте РК2

Испуганный, он хотел вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успел запустить в своей передней богатырское храпение; но вдруг остановился и засмеялся. Чувство страха отлегло вмиг.

а. остановился и засмеялся. От души вдруг отлегло чувство страха

б. как в тексте РК2

Сияние месяца, озаривши комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость.

РК2 — озарившее комнату

Сияние месяца, озаривши комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость.

а. сообщило ему странное действие и

б. как в тексте РК2

Омакнул в воду губку, прошел ею по нем несколько раз, смыл ~ глазами! С, 1842;

а. Взял вмокнул

б. как в тексте РК2

П, Тр — Обмакнул в воду

Омакнул в воду губку, прошел ею по нем несколько раз, смыл ~ глазами!

а. и прошедши ею

б. как в тексте РК2

Омакнул в воду губку, прошел ею по нем несколько раз, смыл с него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повесил перед собой на стену и подивился еще более необыкновенной работе: всё лицо ~ глазами!

а. смыл [почти] с него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, дивясь невольно силе кисти по мере того, как выходили яснее черты. Наконец всё лицо

б. как в тексте РК2

Омакнул в воду губку, прошел ею по нем несколько раз, смыл ~ так, что он наконец вздрогнул и, попятившись назад, произнес изумленным

голосом: глядит, глядит человеческими глазами!

- а. он невольно вздрогнул и отошедши немного назад
- б. как в тексте РК2

Ему пришла вдруг на ум история, слышанная давно им от своего профессора, об одном портрете ~ произведение искусства. С, 1842, РК2, П;
Тр — слышанная им давно

Ему пришла вдруг на ум история, слышанная давно им от своего профессора, об одном портрете ~ и окончательнейшее произведение искусства. С, 1842, РК2;
П, Тр — окончаннейшее произведение искусства

Ему пришла вдруг на ум история, слышанная давно им от своего профессора, об одном портрете ~ от всех за совершеннейшее и окончательнейшее произведение искусства.
а. за ~ произведение, за диво искусства
б. как в тексте РК2

Окончательнее всего были в нем глаза, которым ~ приданы полотну. С, 1842, РК2;
П, Тр — Окончаннее всего

Но здесь однакоже, в сем, ныне бывшем пред ним, портрете, было что-то странное.
а. однакоже в этом стоявшем теперь портрете
б. однакоже в сем висевшем пред ним
в. как в тексте РК2

Но здесь однакоже, в сем, ныне бывшем пред ним, портрете, было что-то странное. С, 1842, РК2;
П, Тр — в этом ~ портрете

Ведь это однако же натура, это живая натура: отчего же это странно-неприятное чувство?
а. это просто сама натура
б. как в тексте РК2

Ведь это однако же натура, это живая натура: отчего же это странно-

неприятное чувство?

- а. странно-неприятное даже движение
- б. как в тексте РК2

Или рабское, буквальное подражание натуре есть уже проступок и кажется ярким, нестройным криком?

- а. ярким, но нестройным криком
- б. как в тексте РК2

Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя ~ в той действительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть ~ человека.

- а. в той действительности, которая предстанет человеку
- б. в той действительности, какая открывается чело<веку>
- в. как в тексте РК2

Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя ~ человека, вооружаешься анатомическим ножом, рассекаешь ~ человека.

- а. вооружается он
- б. как в тексте РК2

Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя ~ анатомическим ножом, рассекаешь его внутренность и видишь отвратительного человека.

- а. рассекает его внутренность и видит
- б. как в тексте РК2

Почему же простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свете, и не чувствуешь ~ вокруг тебя. С, 1842, РК2;

П, Тр— в каком-то свете РК2

Почему же простая, низкая природа является у одного художника ~ спокойнее и ровнее всё течет и движется вокруг тебя.

- а. ровнее всё кажется
- б. как в тексте РК2

И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкой, грязною, а между прочим он так же был верен природе.

- а. и та же самая природа

б. как в тексте РК2

И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а между прочим он так же был верен природе.

а. видишь что он так же был

б. как в тексте РК2

Но нет, нет в ней чего-то озаряющего.

а. а между тем нет, нет чего-то озаряющего, всё нет [кажется нет] солнца, без которого же местоположение и вид уже не тот, не вид

б. как в тексте РК2

Всё равно как вид в природе: как он ни великолепен, а всё недостает чего-то, если нет на небе солнца.

а. Всё равно как картинное местоположение, как бы ни был великолепен вид в природе

б. как в тексте РК2

Всё равно как вид в природе: как он ни великолепен, а всё недостает чего-то, если нет на небе солнца.

а. а всё в нем кажется, как недостает

б. как в тексте РК2

Всё равно как вид в природе: как он ни великолепен, а всё недостает чего-то, если нет на небе солнца.

а. и если нет в это время на небе солнца

б. как в тексте РК2

Свет ли месяца, несущий с собой бред мечты и облекающий всё в иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому, только ему сделалось ~ в комнате.

а. или что другое, только ему

б. как в тексте РК2

Наконец ему сделалось даже страшно ходить по комнате; ему казалось, как будто сей же час кто-то ~ назад.

а. как будто вот сей же час

б. как в тексте РК2

Он не был никогда труслив; но воображение и нервы его были чутки, и в этот вечер он сам не мог истолковать себе своей невольной боязни.

После “боязни” начато: Наконец РК2

Он сел в уголок, но и здесь казалось ему, что кто-то вот-вот взглянет через плечо к нему в лицо.

а. взглянет в <лицо>

б. как в тексте РК2

Он наконец робко, не подымая глаз, поднялся с своего места, отправился к себе за ширмы и лег в постель.

РК2 — [встал] и отправился к себе

Он наконец робко, не подымая глаз, поднялся с своего места, отправился к себе за ширмы и лег в постель.

РК2 — лег [к себе] в постель

Сквозь щелки в ширмах он видел освещенную месяцем свою комнату и видел прямо висевший на стене портрет.

а. стоявший пред

б. как в тексте РК2

Глаза еще страшнее, еще значительно вперились в него и, казалось, не хотели ни на что другое глядеть, как только на него. С, 1842, РК2, П;

Тр — Глаза еще страннее

Сиянье месяца усиливало белизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвечивать сквозь холстину.

а. просвечивать сквозь простыню

б. как в тексте РК2

Но наконец уже в самом деле... он видит, видит ясно: простыни уже нет... портрет открыт весь и глядит мимо всего, что ни есть вокруг, прямо в него, глядит просто к нему во внутрь... С, 1842, РК2;

П, Тр — прямо на него

Но наконец уже в самом деле... он видит, видит ясно: простыни уже нет... портрет открыт весь и глядит мимо всего, что ни есть вокруг, прямо в него, глядит просто к нему во внутрь... С, 1842, РК2;

П, Тр — к нему внутрь

Сердце стало сильнее колотиться у бедного художника.

РК2 — стало сильно колотиться

Чартков силился вскрикнуть и почувствовал, что у него нет голоса, силился пошевелиться, сделать какое-нибудь движение — не движутся члены.

а. не движутся составы

б. как в тексте РК2

С раскрытым ртом и замершим дыханием смотрел он на этот страшный фантом высокого роста, в какой-то широкой азиатской рясе и ждал, что станет он делать.

РК2 — странный фантом

Старик развязал его, и, схвативши за два конца, встряхнул: с глухим звуком упали на пол тяжелые свертки в виде длинных столбиков; каждый был завернут в синюю бумагу и на каждом было выставлено: 1000 червонных.

РК2 — схвативши за два конца [с другой стороны] встряхнул [его]

Старик развязал его, и, схвативши за два конца, встряхнул: с глухим звуком упали на пол тяжелые свертки в виде длинных столбиков; каждый был завернут в синюю бумагу и на каждом было выставлено: 1000 червонных.

После “столбиков” было начато: они РК2

Как ни велико было тягостное чувство и ~ оно разворачивалось в ~ вновь. С, 1842, РК2, П;

Тр — оно разворачивалось

Как ни велико было тягостное чувство и ~ и заворачивалось вновь. С, 1842, РК2, П;

Тр — и свертывалось вновь

Тут заметил он один сверток, откатившийся подальше от других у самой ножки его кровати в головах у него.

а. подальше от других, бывший почти у самой ножки

б. как в тексте РК2

Тут заметил он один сверток, откатившийся подальше от других у самой ножки его кровати в головах у него. С, 1842, РК2;

П, Тр — к самой ножке его кровати

Он собрал все свертки свои, уложил их снова в мешок и, не взглянув на него, ушел за ширмы.

а. положил их снова

б. как в тексте РК2

Он сжимал покрепче сверток свой в руке, дрожа ~ свертка. С, 1842, РК2, П;

Тр — Он сжимал крепче

Он сжимал покрепче сверток свой в руке, дрожа всем телом за него, и вдруг услышал, что шаги вновь приближаются к ширмам — видно старик вспомнил, что не доставало одного свертка.

После “сверток свой в руке” начато: как РК2

Он сжимал покрепче сверток свой в руке, дрожа всем телом за него, и вдруг ~ свертка.

РК2 — дрожа всем духом

Полный отчаяния, стиснул он всею силою в руке своей сверток, употребил всё усилие сделать движение, вскрикнул и проснулся. С, 1842, РК2;

П, Тр — художник стиснул всею силою

Он видел, уже пробудившись, как старик ушел в рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту пред сим какую-то тяжесть.

а. держала только за минуту

б. как в тексте РК2

Свет месяца озарял комнату, заставляя выступать из темных углов ее, где ~ сапоги.

а. выступать из углов

б. как в тексте РК2

Свет месяца озарял комнату, заставляя выступать из темных углов ее, где холст, где гипсовую руку, где ~ сапоги. РК2;

С, 1842, П, Тр — готовую руку

Тут только заметил он, что не лежит в постеле, а стоит на ногах прямо перед портретом.

а. заметил он, что он не был

б. как в тексте РК2

Еще более изумило его, что портрет был открыт весь и простыни на нем действительно не было.

После “простыни на нем” начато: точ<но> РК2

Но сжатая рука чувствует доныне, как будто бы в ней что-то было. С, 1842, РК2;

П, Тр — рука еще чувствует как будто бы

Он вскочил с постели, полоумный, обеспамятевший, и уже не мог изъяснить, что ~ виденье.

а. уже не знал, что это

б. как в тексте РК2

Уже на небе рождались признаки приближающейся зари; наконец почувствовал он приближающуюся дремоту, захлопнул ~ сном. С, 1842, РК2;

П, Тр— почувствовал он дремоту

Уже на небе рождались признаки приближающейся зари; наконец ~ форточку, отошел прочь, лег в постель ~ сном.

РК2 — он отошел прочь [и] лег

В комнате было тускло: неприятная мокрота ~ окон, заставленные картинами или нагрунтованным холстом. С, 1842, РК2, П;

Тр — заставленных картинами

По мере припоминанья сон этот представлялся в его воображении так тягостно-жив, что он даже стал подозревать, точно ли это был сон и

простой бред, не было ли здесь чего-то другого, не было ли это виденье.

РК2 — по мере припоминанья его сон

По мере припоминанья сон этот представлялся ~ подозревать, точно ли это был сон и простой бред, не было ли ~ виденье.

а. не было ли это даже [просто] виденье, был скорее бред и бе<ссоница?>

в. как в тексте РК2

Сдернувши простыню, он рассмотрел при дневном свете этот страшный портрет.

а. Он, сдернув простыню, стал его рассматривать внимательнее

б. Сдернувши простыню ~ странный портрет РК2

Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего ~ на душе.

а. странной

б. как в тексте РК2

Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего он не находил в них особенно страшного; только ~ на душе.

а. ничего в них не было страшного

б. ничего [теперь] он не находил особенно страшного РК2

Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ~ какое-то неизъяснимое, неприятное чувство оставалось на душе.

РК2 — неизъяснимо-неприятное чувство

При всем том он всё-таки не мог совершенно увериться, чтобы это был сон.

а. он не мог

б. как в тексте РК2

При всем том он всё-таки не мог совершенно увериться, чтобы это был сон.

а. это был решительный сон

б. как в тексте РК2

Ему казалось, что среди сна был какой-то страшный отрывок из

действительности.

РК2 — странный отрывок

Казалось, даже в самом взгляде и выражении старика как будто что-то говорило, что ~ у него.

а. было что-то написано

б. как в тексте РК2

Казалось, даже в самом взгляде и выражении старика как будто что-то говорило, что он был у него эту ночь; рука ~ у него. С, 1842, РК2, П;

Тр — был у него в эту ночь

Казалось, даже в самом взгляде и выражении ~ ночь; рука его чувствовала только-что лежавшую в себе тяжесть, как будто ~ у него.

а. и рука его чувствовала как будто бы в ней только что была какая-то тяжесть

б. как в тексте РК2

Казалось, даже в самом взгляде и выражении ~ чувствовала только-что лежавшую в себе ~ у него. С, 1842, РК2;

П, Тр — только лежавшую

Казалось, даже в самом взгляде и выражении ~ лежавшую в себе тяжесть, как будто ~ у него. С, 1842, РК2, П;

Тр — в ней тяжесть

Казалось, даже в самом взгляде и выражении ~ тяжесть, как будто бы кто-то за одну только минуту пред сим ее выхватил у него.

а. как будто сию минуту кто-то

б. как в тексте РК2

Казалось, даже в самом взгляде и выражении ~ пред сим ее выхватил у него.

а. выхватил у него что-то из рук

б. как в тексте РК2

Ему казалось, что если бы он держал только покрепче сверток, он, верно, остался бы у него в руке и после пробуждения.

а. то он верно остался бы

б. как в тексте РК2

Ему казалось, что если бы он держал только покрепче сверток, он, верно, остался бы у него в руке и после пробуждения.

а. и по пробуждении

б. как в тексте РК2

Вошел хозяин с квартальным надзирателем, которого ~ неприятнее, нежели для богатых лицо просителя.

РК2 — чем для богатых

Хозяин небольшого дома, в котором жил Чартков, был одно из творений, какими ~ сертука.

РК2 — одно из тех творений

В молодости своей он был капитан и крикун, употреблялся ~ неопределенность.

РК2 — был и капитан

Он был уже вдов, был уже в отставке, уже ~ конуры, куда он запрятывался спать; одним словом, человек ~ привычки. С, 1842, РК2;

П, Тр — тот запрятывался

Он был уже вдов, был уже в отставке, уже ~ словом, человек в отставке, которому, ~ привычки.

РК2 — был человек в отставке

Он был уже вдов, был уже в отставке, уже ~ жизни и тряски на перекладных, остаются одни пошлые привычки.

РК2 — тряски на перекладной

“Мне, батюшка, ждать нельзя”, сказал хозяин ~ конюшню нанимает на два ~ жильцы.

а. конюшню снимает

б. как в тексте РК2

“Мне, батюшка, ждать нельзя”, сказал хозяин ~ какие у меня жильцы.

После “жильцы” было: не вам чета РК2

Извольте сейчас же заплатить деньги, да и съезжать вон.

РК2 — сей же час заплатить

Добро бы были картины с благородным содержанием, чтобы можно было на стену повесить, хоть какой-нибудь генерал со звездой ~ краски.

а. Добро были бы такие, чтобы можно было на стену повесить, с благородным содержанием, был бы какой-нибудь генерал

б. как в тексте РК2

Еще с него, свиньи, портрет рисовать; ему я шею наколочу: он у меня все гвозди из задвижек повыдергивал, мошенник. С, 1842, РК2;

П, Тр — гвозди из задвижек повыдергал

Добро бы уж взял комнату прибранную, опрятную, а он вон как нарисовал её со всем сором и дразгом, какой ни валялся.

После “какой ни валялся” было: в комнате РК2

Квартальный надзиратель между тем занялся рассматриваньем ~ этюдов и тут же показал, что ~ впечатлениям.

а. и показал тот же час

б. как в тексте РК2

Квартальный надзиратель между тем занялся рассматриваньем ~ у него душа живет хозяйской и даже была не чужда художественным впечатлениям.

а. душа была и живет хозяйской

б. как в тексте РК2

Квартальный надзиратель между тем занялся рассматриваньем ~ хозяйской и даже была не чужда художественным впечатлениям.

а. и не была вовсе чужда

б. как в тексте РК2

“Тень”, отвечал на это сурово и не обращая на него глаз Чартков.

а. не обращая на это вниманья

б. как в тексте РК2

“Ну, ее бы можно куда-нибудь в другое место отнести, а ~ слишком.

а. в другое место поместить

б. как в тексте РК2

“Ну, ее бы можно куда-нибудь в другое место отнести, а под носом слишком видное место”, сказал ~ слишком.

а. под носом-то слишком видное место

б. как в тексте РК2

“Ну, ее бы можно куда-нибудь в другое место отнести, а ~ он, подходя к портрету старика: “уж страшен слишком.

а. подходя к странному портрету

б. как в тексте РК2

Квартальный пожал видно слишком крепко раму ~ внутрь, одна упала на пол и ~ бумаге.

а. половина ее упала на пол

б. как в тексте РК2

Как безумный бросился он поднять его, схватил ~ от тяжести.

а. бросился он подымать

б. как в тексте РК2

Как безумный бросился он поднять его, схватил сверток, сжал его судорожно в руке, опустившейся вниз от тяжести. РК2;

С, 1842, П, Тр — в руке, спустившейся вниз

“Никак деньги зазвенели”, сказал квартальный, услышавший ~ какою бросился Чартков прибрать.

РК2 — бросился Чартков прибрать его

“Ну, а зачем же вы не хотели заплатить прежде, да доставляете ~ тревожите?”

а. не хотели заплатить до сих пор

б. как в тексте РК2

Он выглянул в переднюю, услал за чем-то Никиту, чтобы ~ в комнату, принялся с сильным сердечным трепетаньем разворачивать сверток. С, 1842, РК2;

П, Тр — с ~ трепетом

В свертке было ровно их тысяча; наружность его была ~ во сне.

а. В свертке было ровно тысяча червонных

б. как в тексте РК2

В воображении его воскресли вдруг все истории о кладах, шкатулках с потаенными ящиками, оставляемых предками для ~ положение.

а. ящиками, которые

б. как в тексте РК2

Он мыслил так: не придумал ли и теперь какой-нибудь дедушка ~ портрета.

а. Он ду<мал>

б. как в тексте РК2

Рассматривая портрет, он подивился вновь высокой работе, необыкновенной отделке глаз: они ~ чувство.

После “высокой работе” было: живость глаз была также изумительна, как и прежде, но уже не казалась ему страшною РК2

Рассматривая портрет, он подивился вновь высокой работе, необыкновенной отделке глаз: они ~ чувство.

После “отделке глаз” начато: хотя они РК2

Рассматривая портрет, он подивился вновь высокой работе, необыкновенной отделке глаз: они уже не казались ему страшными: но ~ чувство.

После “страшными” было: Он всматривался в них без всякого страха, хотя всё РК2

Рассматривая портрет, он подивился вновь ~ в душе оставалось всякой раз невольно неприятное чувство.

а. оставалось невольно неприятное всякой раз

б. как в тексте РК2

“Нет”, сказал он сам в себе: “чей бы ты ни был дедушка, а я ~ рамки.”
С, 1842, РК2;

П, Тр — сказал он сам себе

“Нет”, сказал он сам в себе: “чей бы ты ни был дедушка, а я тебя

поставлю за стекло и сделаю тебе за это золотые рамки.”

После “золотые рамки” начато: Он РК2

Здесь он набросил руку на золотую кучу, лежавшую пред ним, и сердце забилося сильно от такого прикосновенья.

РК2 — сердце забилося

“Что с ним сделать?” думал он, уставив на них глаза. С, 1842, РК2;

П, Тр — Что с ними сделать

“Что с ним сделать?” думал он, уставив на них глаза.

а. уставив на них очи

б. как в тексте РК2

На краски теперь у меня есть; на обед, на чай, на содержание, на квартиру ~ с первых картин. После “никто не станет” было: велю отлить себе гипсовый торсик РК2

Так говорил он заодно с подсказывавшим ему рассудком; но изнутри раздавался другой голос слышнее и звонче.

а. раздавался какой-то голос

б. как в тексте РК2

Теперь в его власти было всё то, на что он глядел доселе ~ слюнки. С, 1842, РК2;

П, Тр—всё, на что

Одеться в модный фрак, разговеться после долгого поста, нанять себе ~ на улице.

а. войти в свет

б. как в тексте РК2

Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок ~ государстве.

а. отправился к портному

б. как в тексте РК2

Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок стал обсматривать себя ~ государстве. С, 1842, РК2;

П, Тр — стал осматривать

Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок стал обсматривать себя беспрестанно; накупил духов, помад, нанял, не торгуясь, первую ~ государстве. С, 1842, РК2;

П, Тр — накупил духов, помады

Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок ~ галстухов, более нежели было нужно, завил ~ государстве. РК2;

П, Тр — более нежели сколько было

Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок ~ причины, объелся без меры конфектов в кондитерской ~ государстве. С, 1842, РК2, П;

Тр — объелся без меры конфект

Там он обедал подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на других и поправляя беспрестанно против зеркала завитые локоны.

а. завитые во<лосы>

б. как в тексте РК2

Все вещи и всё, что ни было: станок, холст, картины, были ~ квартиру. РК2 — холсты

Он расставил то, что было получше, на видные места, что ~ в зеркала. С, 1842;

РК2, П, Тр — расставил то, что

В душе его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету.

а. оказалось желанье

б. как в тексте РК2

В душе его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету.

а. показать себя в свете

б. как в тексте РК2

Уже чудились ему крики: “Чартков, Чартков! видали вы картину

Чарткова?

РК2 — [В голове его] уже чудились [всякие] крики [как везде говорят]

Он ходил в восторженном состоянии у себя по комнате — уносился ни весть куда.

- а. Он ерошил себе волоса и борзо ходил по комнате
- б. как в тексте РК2

На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ~ приобретением.

- а. взявши десяток червонцев немедленно отправился он
- б. как в тексте РК2

На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ходячей ~ приобретением.

РК2 — к одному [продажному] издателю

На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; был ~ приобретением.

РК2 — прося о великодушной помощи

На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ~ подробно об имени, отчестве, месте ~ приобретением.

РК2 — об имени, отчестве

На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ~ талантах Чарткова: “Спешим обрадовать образованных ~ приобретением.

РК2 — Спешим уведомить

На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ~ столицы прекрасным, можно сказать, во всех отношениях приобретением.

РК2 — с прекрасным ~ приобретением

Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших физиогномий ~ художник, соединяющий в себе, что нужно. С, 1842, РК2;

П, Тр — соединяющий в себе всё, что нужно

Теперь красавица может быть уверена, что она будет передана со всей грацией своей красоты воздушной, легкой, очаровательной, чудесной, подобной ~ цветкам.

РК2 — красоты ~ очаровательной приятной чудесной

Теперь красавица может быть уверена, что она будет передана ~ чудесной, подобной мотылькам, порхающим по весенним цветкам.

а. подобной весеннему мотыльку

б. как в тексте РК2

Почтенный отец семейства увидит себя окруженным своей семьей.

РК2 — всей своей семьей

Великолепная мастерская художника (Невский проспект, такой-то номер) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиков и Тицианов.

а. достойной Гвидо Рени

б. как в тексте РК2

Хвала вам, художник: вы вынули счастливый билет из лотереи.

РК2 — счастливейший билет

С тайным удовольствием прочитал художник это объявление; лицо его просияло.

а. лицо его заметно просияло

б. как в тексте РК2

О нем заговорили печатно — это было для него новостью; несколько раз перечитывал он строки.

РК2 — это была для него новость

Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно польстило.

а. Сравнение с Гвидо

б. как в тексте РК2

Фраза: “виват, Андрей Петрович!” также очень понравилась; печатным образом называют его по имени и по отчеству — честь, доньше ему совершенно неизвестная.

РК2 — и по отечеству

Он начал ходить скоро по комнате, ерошить себе волосы, то садился на кресла, то ~ руке. С, 1842, РК2;

П, Тр — садился в кресла

На другой день раздался колокольчик у дверей его; он побежал отворять, вошла дама, предводимая лакеем ~ ее. С, 1842, РК2;

П, Тр — дама, сопровождаемая

На другой день раздался колокольчик у дверей его; он ~ лакеем в ливрейной шинели на меху, и ~ ее.

а. в ливрейной шинели с меховым воротником

б. как в тексте РК2

На другой день раздался колокольчик у дверей его; он ~ с дамой вошла молоденькая 18-летняя девочка, дочь ее.

РК2 — вошла ~ девица

Сказавши это, дама наставила на глаз лорнет и побежала ~ не было.

РК2 — наставила на глаз свой лорнет

“Вынесли”, сказал художник, несколько смешавшись: “я только что переехал еще на эту квартиру, так они еще в дороге... не доехали.” С, 1842, РК2;

П, Тр — я только что переехал

А, вон наконец вижу вашу работу!” сказала дама, побежав к супротивной стене и наводя лорнет на стоявшие на полу его этюды, программы, перспективы и портреты.

а. программы и карто<ны>

б. как в тексте РК2

Я нахожу, что у него даже больше выраженья в лицах, нежели у Тициана.

а. у него дальше

б. как в тексте РК2

Нужно, чтобы вы непременно у нас были. С, 1842, РК2;

П, Тр — Надо чтобы вы непременно

И в одно мгновенье придвинул он станок с готовым холстом, взял в руки палитру, вперил глаз в бледное личико дочери.

а. и взглянул и вперил глаз РК2

Если бы он был знаток человеческой природы, он прочел бы ~ побегать в новом платье на ~ чувств. РК2;

С, 1842, П, Тр — в одном платье

Он уже представлял себе в мыслях, как выдет это легонькое личико.

а. Он уже видел

б. как в тексте РК2

“Знаете ли”, сказала дама с несколько даже трогательным выражением лица: “я бы хотела: на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотела, чтобы она была в платье, к которому мы так привыкли: я бы хотела, чтоб она была одета просто и сидела бы в тени зелени, в виду каких-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незаметно было, что она едет куда-нибудь на бал или модный вечер.

РК2 — “и сидела бы” нет

Наши балы, признаюсь, так убивают душу, так умерщвляют остатки чувств... простоты, простоты чтобы было больше.

РК2 — простоты, понимаете

Увы! на лицах и матушки и дочери написано было, что они до того исплясались на балах, что обе сделались чуть не восковыми.

После “чуть не восковыми” было: фигурами РК2

Уже он позабыл всё, позабыл даже, что находится в присутствии аристократических дам, начал даже выказывать иногда ~ дело.

а. и начал уже выказывать

б. как в тексте РК2

Уже он позабыл всё, позабыл даже, что находится ~ ухватки, произнося вслух разные ~ дело.

а. произнося иногда вслух

б. как в тексте РК2

Уже он позабыл всё, позабыл даже, что находится ~ временами подпевая, как ~ дело.

- а. и даже временами подпевая
- б. как в тексте РК2

Уже он позабыл всё, позабыл даже, что находится ~ подпевая, как случается с художником, погруженным всею душою в свое дело.

- а. как случается с тем, который занят
- б. как в тексте РК2

Без всякой церемонии одним движеньем кисти заставлял он оригинал поднимать голову, который наконец начал сильно вертеться и выражать совершенную усталость.

- а. наконец так сильно стал вертеться
- б. как в тексте РК2

Но дама, кажется, совсем не была расположена угождать ~ обещала вместо того просидеть в другой раз долее.

- а. вместо того приехать
- б. как в тексте РК2

Но дама, кажется, совсем не была расположена угождать ~ просидеть в другой раз долее.

- а. в другой присест долее
- б. как в тексте РК2

И вспомнил он, что его никто не перебивал и не останавливал, когда ~ положении. П, Тр;

С, 1842, РК2 — что ему никто не перебивал

И вспомнил он, что его никто не перебивал и ~ пиши с него, сколько угодно; он ~ положении.

РК2 — пиши с него [бывало] сколько угодно

Он бросился быстро к дверям провожать их; на лестнице ~ и с веселым видом возвратился к себе в комнату.

- а. с просветлевшим видом
- б. как в тексте РК2

И вдруг теперь одно из этих существ вошло к нему в комнату; он ~ дом.

- а. вошло в его комнату
- б. как в тексте РК2

Солнечный день и ясное освещение много помогли ему.

- а. уже много помогли ему
- б. как в тексте РК2

Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено и передано ~ натура.

РК2 — много такого, которое быв уловлено

Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено и передано на полотно, могло придать высокое ~ натура.

- а. может придать
- б. как в тексте РК2

Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено ~ увидел, что ~ натура.

- а. он увидел
- б. как в тексте РК2

Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено ~ особенное, если выполнить всё в такой ~ натура.

- а. если прида<ть?>
- б. как в тексте РК2

Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено ~ всё в такой окончательности, в какой ~ натура... С, 1842;

- а. с такой окончательностью
- б. как в тексте РК2

П, Тр — в такой оконченности

Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено ~ теперь представлялась ему натура.

РК2 — представилась ему натура

Сердце его начало даже слегка трепетать, когда он почувствовал, что ~ другие.

- а. при мысли
- б. как в тексте РК2

Работа заняла его всего, весь погрузился он в кисть, позабыв ~ оригинала.

- а. Работа вдруг заняла его всего
- б. как в тексте РК2

Работа заняла его всего, весь погрузился он в кисть, позабыв опять об аристократическом роисхождении оригинала.

- а. позабыв вовсе
- б. как в тексте РК2

С занимавшимся дыханием видел, как выходили у него легкие черты и это почти прозрачное тело семнадцатилетней девушки.

РК2 — прозрачное нежное тело

Он ловил всякой оттенок, легкую желтизну, едва заметную голубизну под глазами и уже готовился даже схватить небольшой прыщик, выскочивший на лбу, как вдруг услышал над собою голос матери: “Ах, зачем это? это не нужно”, говорила дама.

П, Тр — “говорила дама” нет

Художник стал изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно ~ лица.

- а. Художник начал изъяснять
- б. как в тексте РК2

Художник стал изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что ~ лица.

РК2 — именно [и] разыгрываются

Но ему отвечали, что они не составят никаких тонов и совсем не разыгрываются; и что это ему только так кажется.

- а. не составят совсе<м>
- б. не составят никаких вовсе тонов РК2

“Но позвольте здесь в одном только месте тронуть немножко желтенькой краской”, сказал простодушно художник.

После “художник” было: Но тут-то ему и запретили употреблять желтенькую краску РК2

Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что ~ краски.

- а. немножко больна
- б. как в тексте РК2

Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что желтизны в ней никакой не бывает и ~ краски.

РК2 — желтизны в ней никакой не бывает [вовсе]

Объявлено было, что Lise только сегодня ~ и лицо поражает особенно свежестью краски. С, 1842, РК2;

П, Тр — лицо ее поражает

Он бесчувственно стал сообщать ему тот общий колорит, который дается наизусть и обращает даже лица, взятые ~ программах.

- а. сообщать ему даемый<?> наизусть колорит, образующий даже лица
- б. как в тексте РК2

Она изъясвила только удивление, что работа идет так долго, и ~ портрет. С, 1842, РК2;

П, Тр — Она изъясвляла

Она изъясвила только удивление, что работа ~ слышала, будто он в два сеанса оканчивает совершенно портрет.

- а. будто бы он в два сеанса
- б. как в тексте РК2

Она изъясвила только удивление, что работа идет так долго, и прибавила, что слышала, будто он в два сеанса оканчивает совершенно портрет.

- а. оканчивает совершенно свой урок
- б. как в тексте РК2

Художник ничего не нашелся на это отвечать. С, 1842, РК2, П;

Тр — ничего не нашел на это отвечать

Дамы поднялись и собирались выйти.

- а. Дамы стали оправляться и собираться выйти
- б. как в тексте РК2

Будучи весь полон ими, он отставил портрет в сторону и отыскал у себя где-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросал на полотно.

- а. головку Психеи, котор<ая> создавалась когда-то идеально в голове его и которую он эскизно набросал на полотно
- б. как в тексте РК2

Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее из одних общих черт, не принявшее живого тела.

- а. личико, ловко набросанное
- б. как в тексте РК2

Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее из одних общих черт, не принявшее живого тела.

- а. состоявшее из каких-то общих черт
- б. как в тексте РК2

Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее из одних общих черт, не принявшее живого тела.

РК2 — [и] не принявшее живого тела

Уловленные им черты, оттенки и тоны здесь ложились в том очищенном виде, в каком ~ и производит ей равное создание.

- а. производит не копию, но равное ей создание
- б. как в тексте РК2

Тип лица молоденькой светской девицы невольно сообщился Психее и чрез то ~ произведения.

РК2 — сообщился [его] Психее

Тип лица молоденькой светской девицы невольно сообщился Психее и чрез то получила она своеобразное выражение, дающее право на название истинно оригинального произведения.

- а. право на название прямо оригинального произведения
- б. как в тексте РК2

Казалось, он воспользовался по частям и вместе всем, что представил ему оригинал и привязался совершенно к своей работе.

РК2 — воспользовался вкуче всем

И за этой самой работой застал его приезд знакомых дам.

- а. приход светской дамы, приехавшей по обыкновению со своей дочерью
- б. как в тексте РК2

Он не успел снять со станка картину.

- а. Он даже позабыл снять
- б. как в тексте РК2

Нет, вы непременно должны написать также и с меня портрет.

РК2 — написать тоже

Даме, как видно, хотелось также предстать в виде какой-нибудь Психеи.

РК2 — хотелось тоже

“Что мне с ними делать?” подумал художник: “если они сами того хотят, так пусть Психея пойдет за то, что им хочется”, и произнес вслух: “Потрудитесь еще немножко присесть, я кое-что немножко трону.” С, 1842, РК2;

П, Тр — за то, чего им хочется

“Что мне с ними делать?” подумал художник: “если они сами того хотят, так пусть Психея пойдет за то, что им хочется”, и произнес вслух: “Потрудитесь еще немножко присесть, я кое-что немножко трону.”

- а. я кое-что с вас трону
- б. как в тексте РК2

“Довольно!” сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось наконец уже чересчур близко.

- а. уже слишком близко
- б. как в тексте РК2

Художник был награжден всем: улыбкой, деньгами, комплиментом, искренним пожатием ~ наград.

- а. деньгами, комплиментами
- б. как в тексте РК2

С одной стороны это могло быть хорошо, представляя ему бесконечную практику разнообразием, множеством лиц.

- а. разнообразнейших лиц
- б. разнообразием и множеством лиц

Но на беду, это всё был народ, с которым было трудно ладить, народ ~ еще более занятой, нежели всякой другой, и потому нетерпеливый до крайности.

РК2 — более занятой, чем всякой другой

Схватывать одно только целое, одно общее выражение и не углубляться ~ следить природу в ее окончательности было решительно невозможно. С, 1842, РК2;

П, Тр — природу в ее оконченности

Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характер изображались в портретах, чтобы остального иногда вовсе не придерживаться, округлить все углы, облегчить ~ вовсе.

- а. иногда нечего удерживать, все углы округлять?>
- б. как в тексте РК2

И вследствие этого, садясь писать, они принимали иногда такие выражения, которые приводили в изумление художника: та старалась ~ головки.

- а. они принимали выражение часто вовсе несвойственное лицу
- б. как в тексте РК2

И вследствие этого, садясь писать, они принимали иногда такие выражения, которые приводили в изумление художника: та старалась изобразить в лице своем меланхолию, другая мечтательность, третья во что бы ни стало хотела уменьшить ~ головки.

а. та старалась изобразить в лице своем задумчивость, меланхолию, или желая

б. как в тексте РК2

И вследствие этого, садясь писаться, они принимали иногда такие выражения, которые ~ наконец в одну точку, не больше булавочной головки.

РК2 — в одну точку [никак] не больше

И, несмотря на всё это, требовали от него сходства и непринужденной естественности.

а. И при всем том

б. как в тексте РК2

Один требовал себя изобразить в сильном, энергическом повороте головы; другой ~ Марс; гражданский сановник норовил ~ за правду”. РК2;

С, 1842, П, Тр — гражданский чиновник

Один требовал себя изобразить в сильном, энергическом повороте головы; другой ~ так, чтобы побольше было прямоты, благородства в лице и чтобы ~ за правду”.

а. побольше прямого благородства было в лице

б. побольше было прямоты и благородства в лице РК2

Наконец он добрался, в чем было дело, и уж не затруднялся нисколько.

а. Он добрался наконец, в чем было дело

б. как в тексте РК2

Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ~ несходство.

а. Кто хотел быть

б. как в тексте РК2

Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ~ несходство.

РК2 — он ему в лицо совал

Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ~ ли желали быть дамы, он ~ несходство.

После “желали быть дамы” было: или же просто собранием всех прелестей РК2

Стал ездить на обеды, сопровождать дам в галлерей и даже ~ поддержать его звание, что ~ образованности.

РК2 — это звание

Дома у себя, в мастерской он завел опрятность и чистоту в высшей степени, определил двух великолепных лакеев, завел ~ Острове.

а. завел ~ лакеев

б. как в тексте РК2

Дома у себя, в мастерской он завел опрятность и чистоту ~ которыми принимать посетителей, занялся украшением всеми ~ Острове.

а. принимать посетителей и украшением

б. как в тексте РК2

О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ веке. РК2, П, Тр;

С, 1842 — он изъяснялся теперь редко

О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ селедки; что существует только в воображении рассматривателей ~ веке.

а. что это существует более только в воображении

б. как в тексте РК2

О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ мысль, будто бы видно в них присутствие какой-то ~ веке.

а. будто бы видно в них чувство

б. как в тексте РК2

О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ анатомии, что грациозности в нем нет никакой, и что ~ веке.

РК2 — [но] что грациозности в нем нет [вовсе] никакой

О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ настоящий блеск, силу кисти и колорит нужно ~ веке. С, 1842, РК2, П;

Тр — настоящего блеска, силы кисти и колорита

О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ настоящий блеск, силу кисти и колорит ~ веке.

РК2 — блеск [и] силу кисти

Этот человек, который копается по несколько месяцев ~ художник. С, 1842, РК2;

П, Тр — Человек

Этот человек, который копается по несколько месяцев ~ художник.

а. человек, скорее труженик, который копается

б. как в тексте РК2

Я не поверю, чтобы в нем был талант.

а. Уж в нем я не поверю

б. как в тексте РК2

Гений творит смело, быстро.

а. Художник творит смело

б. как в тексте РК2

Нет, я... я, признаюсь, не признаю художеством того, что лепится строчка за строчкой; это уж ремесло, а не художество.

а. что делается долго и лепится строчка за строчкой

б. как в тексте РК2

Это талант, истинный талант!

РК2 — Это талант, это истинный талант

Художнику было лестно слышать о себе такие слухи.

РК2 — слышать об себе

Он разносил такой печатный лист везде и будто бы ненарочно ~ наивности.

РК2 — печатный листок

Уже стали ему надоедать одни и те же портреты ~ заученными.

РК2 — стали ему [отчасти] надоедать

Уже стали ему надоедать одни и те же портреты и лица, которых

положение и обороты сделались ему заученными.

РК2 — положения и обороты

Прежде он всё-таки искал дать какое-нибудь новое положение, поразить силою, эффектом.

РК2 — поразить силою [как-нибудь] эффектом

Однообразные, холодные, вечно прибранные и, так сказать, застегнутые лица чиновников военных ~ страсти.

а. Однообразные лица, застегнутые лица тех же чиновников

б. как в тексте РК2

Однообразные, холодные, вечно прибранные и, так сказать, застегнутые лица чиновников военных ~ кисти: она позабывала и ~ страсти. С, 1842, РК2;

П, Тр — она позабыла

О группах, о художественной драме, о высокой ее завязке нечего было и говорить.

а. об исторических созданиях

б. как в тексте РК2

Пред ним были только мундир да корсет, да фрак, пред которыми чувствует холод художник и падает всякое воображение.

РК2 — чувствует холод [истинный] художник

Даже достоинств самых обыкновенных уже не было видно в его произведениях, а между тем они всё еще пользовались славой, хотя ~ работы.

РК2 — они всё еще расходились, всё еще пользовались

А некоторые, знавшие Чарткова прежде, не могли понять, как ~ своих.

РК2 — знавшие Чарткова [лично] прежде

А некоторые, знавшие Чарткова прежде, не могли понять, как мог исчезнуть в нем талант, которого признаки оказались ~ своих.

РК2 — которого [яркие] признаки

А некоторые, знавшие Чарткова прежде, не могли понять, как ~

человеке, тогда как он только ~ своих.

а. вместо

б. как в тексте РК2

Уже стали ему предлагать по службе почетные места, приглашать на экзамены, в комитеты.

После “на экзамены, в комитеты” было: Уже он начинал верить, что всё на свете делается просто без всякого вдохновенья РК2

Уже он начинал, как всегда случается в почетные лета, брать ~ достоинстве, но потому, чтобы колоть ими в глаза молодых художников. С, 1842, РК2;

П, Тр — но затем, чтобы колоть

Уже он начинал по обычаю всех, вступающих в такие лета, укорять без изъятия молодежь в безнравственности и дурном направлении духа. С, 1842, РК2;

П, Тр — укорять без изъятия всю молодежь

Слава не может дать наслажденья тому, кто украл ее, а ~ ее.

РК2 — тому, который украл ее

Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякой, кому достается в удел ~ сердца.

РК2 — которому достается

Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякой, кому достается в удел ~ скучным, недоступным ко всему, кроме золота, беспричинным ~ сердца.

РК2 — недоступным ко всему, равнодушным ко всему, кроме золота

Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякой, кому достается в удел ~ попадает в наш бесчувственный свет, на которых ~ сердца.

а. в нашем холодном мире

б. как в тексте РК2

Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякой, кому достается в удел ~ они движущимися каменными гробами с мертвецом внутри на место сердца.

- а. движущимися окаменелостями, а не людьми
- б. как в тексте РК2

Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякой, кому достается в удел ~ внутри на место сердца. С, 1842, РК2;

П, Тр — вместо сердца

Но одно событие сильно потрясло и разбудило весь его жизненный состав.

- а. разбудило вдруг
- б. разбудило ужасно
- в. как в тексте РК2

Этот художник был один из прежних его товарищей, который ~ небес спеет величавый рассадник искусств, в тот ~ художника.

- а. спеет великий рассадник искусств
- б. как в тексте РК2

Этот художник был один из прежних его товарищей, который ~ которого так полно и сильно бьется пламенное сердце художника.

- а. так сильно и полно
- б. как в тексте РК2

Там как отшельник погрузился он в труд и в неразвлекаемые ничем занятия.

- а. Там весь
- б. как в тексте РК2

Там как отшельник погрузился он в труд и в неразвлекаемые ничем занятия.

- а. в труд и заняття
- б. как в тексте РК2

Ему не было нужды, сердилась ли или нет на него его братья.

- а. Ни до чего
- б. как в тексте РК2

Всем пренебрегал он, всё отдал искусству.

РК2 — Всем пренебрег он

Подобно как великий поэт-художник, перечитавший много ~ хочешь, и что нет того, чтобы что не отразилось уже ~ совершенстве. С, 1842, РК2;

П, Тр — и нет ничего, что бы не отразилось

И зато вынес он из своей школы величавую идею создания, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

а. чудную красоту совершенства

б. как в тексте РК2

И зато вынес он из своей школы величавую идею создания, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

РК2 — [и] высокую прелесть

Глубочайшее безмолвие, какое редко бывает между многолюдными ценителями, на этот раз царствовало всюду.

а. царствовало повсюду

б. как в тексте РК2

Он поспешил принять значительную физиономию знатока и ~ увидел!

а. Чартков приняв

б. как в тексте РК2

Скромно, божественно, невинно и просто как гений возносилось оно над всем.

После “оно над всем” было: и с изумленьем толпа знатоков созерцала прекрасные до изумления его фигуры [его группы] РК2

Казалось, небесные фигуры, изумленные столькими устремленными на них взорами, стыдливо опустили прекрасные ресницы.

а. казалось стыдливо опустили свои прекрасные ресницы

б. как в тексте РК2

Всё тут казалось соединилось вместе: изученье Рафаэля, отраженное в высоком ~ кисти.

РК2 — [глубокое] изученье Рафаэля видно было

Но властительней всего видна была сила создания, уже заключенная в

душе самого художника.

РК2 — заключенная в [самой] душе

Последний предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила.

а. Самый мелкий предмет

б. как в тексте РК2

Последний предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила.

РК2 — всего был постигнут закон

Везде уловлена была эта плывущая округлость линий, заключенная в природе, которую видит только один глаз художника-создателя и которая выходит углами у копииста.

РК2 — выходит углами у [простого] копииста

Видно было, как всё, извлеченное из внешнего мира, художник ~ оттуда, из душевного родника устремил ~ песнью.

РК2 — из душевного родника [своего]

И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть ~ природы.

РК2 — И стало ясно [всем], даже непосвященным

И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть существует между созданием и простой копией с природы.

После “копией с природы” было: Чем более смотрели на картину, тем выше и выше отделялась она от всего РК2

Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которую ~ приготовление.

а. той благоговейной тишины

б. как в тексте РК2

Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которую ~ чудесней отделялась от всего и вся превратилась наконец ~ приготовление.

а. отделялась ото всего и казалось

б. отделялась ото всего и вся превратилась РК2

Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которую ~ миг, плод налетевшей с небес на художника мысли, миг, к которому ~ приготовление.

а. в быстрый плод налетевшей с небес на художника мысли

б. как в тексте РК2

Заперся один в своей комнате, не велел никого впускать и весь погрузился в работу.

РК2 — Остался один, запер дверь и весь погрузился в работу

Как терпеливый юноша, как ученик, сидел он за своим трудом.

а. сидел он над своей картиной

б. как в тексте РК2

Но как беспощадно-неблагодарно было всё то, что выходило из-под его кисти! С, 1842, РК2;

П, Тр — было всё, что

Кисть невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались ~ драпироваться на незнакомом положении тела.

РК2 — в незнакомом положении

“Но точно ли был у меня талант?” сказал он наконец: “не обманулся ли я?”

РК2 — сказал он наконец сам в себе

И произнесши эти слова, он подошел к прежним своим произведениям, которые ~ прихотей.

РК2 — сказавши эти слова

И произнесши эти слова, он подошел к прежним своим произведениям, которые ~ прихотей. РК2, П, Тр;

С, 1842 — сии слова

Он подошел теперь к ним и стал внимательно рассматривать их все, и вместе с ними ~ его.

РК2 — стал [теперь] внимательно рассматривать их всех

Всё время он был закрыт, загроможден другими картинами и вовсе вышел у него из мыслей.

PK2 — вышел из его мыслей

Как вспомнил он всю странную его историю, как вспомнил, что некоторым образом он, этот ~ в душу.

PK2 — как вспомнил [он], что некоторым образом

Как вспомнил он всю странную его историю, как вспомнил, что некоторым образом он, этот ~ образом, родил в нем все суетные побужденья, погубившие ~ в душу.

а. погубил

б. произвел

в. возродил в нем все побужденья

г. возродил в нем все суетные побужденья PK2

Он в ту ж минуту велел вынести прочь ненавистный портрет. С, 1842, PK2;

П, Тр — Он в ту же минуту

Но душевное волнение от того не умирилось: все чувства и весь состав были ~ злодеяния.

PK2 — волнение [в нем] от того не умирилось

Хула на мир и отрицание изображалось само собой в чертах его.

PK2 — Хула на мир и [вечное] отрицание

Казалось, в нем; олицетворился тот страшный демон, которого идеально изобразил Пушкин.

а. Это казалось

б. как в тексте PK2

Кроме ядовитого слова и вечного порицанья ничего не произносили его уста.

PK2 — ничего [др<угого>] не произносили

Подобно какой-то Гарпии, попадался он на улице, и все его даже знакомые, завидя ~ день. С, 1842, PK2;

П, Тр — все даже знакомые

Он двоился, четверился в его глазах; все стены казались увешаны ~ глаза. С, 1842, РК2;

П, Тр — Портрет двоился

ЧАСТЬ II

Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором ~ амуры, которые невинно прослыли меценатами ~ трудами. С, 1842, РК2;

П, Тр — невинно прослыли

Вид их и выражение лиц были здесь как-то тверже, вольнее и ~ покупщиком.

а. Вид их и физиогномия

б. как в тексте РК2

Вид их и выражение лиц были здесь как-то тверже, вольнее и ~ так видна в русском купце, когда он у себя в лавке перед покупщиком.

а. видна в русском купце, в его лавке

б. как в тексте РК2

Тут они вовсе не чинились, несмотря на то, что в этой же зале находилось ~ сапогами. РК2, П, Тр;

С, 1842 — в сей же зале

Здесь были многие необходимые посетители аукционов, постановившие каждый день бывать в нем вместо ~ останется. С, 1842, РК2;

П, Тр — бывать на нем

Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона страшно: в нем всё отзывается чем-то похожим на погребальную процессию.

РК2 — чувство ~ странно

Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона страшно: в нем всё отзывается чем-то похожим на погребальную процессию.

РК2 — что-то похожим

Всё это, кажется, усиливает еще более странную неприятность впечатленья.

РК2 — Всё это, казалось, усиливало

Целая толпа порядочных людей, сдвинувшись вместе, хлопотала о чем-то наперерыв.

РК2 — на перерыв о чем-то хлопотала

Со всех сторон раздававшиеся слова: “рубль, рубль, рубль,” не давали времени аукционисту повторять надбавляемую цену, которая ~ объявленной.

а. повторять настоящую цену

б. как в тексте РК2

Высокая кисть художника выказывалась в нем очевидно.

а. видна была сильно

б. видна была явно РК2

Портрет по-видимому уже несколько раз был ресторирован и ~ глаз.

РК2 — Он как видно

Портрет по-видимому уже несколько раз был ресторирован и ~ лице, но более всего обступившие были поражены необыкновенной живостью глаз.

РК2 — более всего, казалось, все [равномерно] обступившие были

Чем более всматривались в них, тем более они, казалось, устремлялись каждому во внутрь.

а. казалось, углублялись каждому в душу, поселяя невольно неприятное впечатление

б. как в тексте РК2

Эта странность, этот необыкновенный фокус художника заняли внимание почти всех.

а. Это странное явление заняло всех

б. Эта странность ~ заняли почти всех РК2

Много уже из состязавшихся о нем отступились, потому что цену набили неимоверную. С, 1842, РК2;

П, Тр — Много уже ~ отступилось

Остались только два известные аристократа, любители живописи, не хотевшие ни за что отказаться от такого приобретения

РК2 — необыкновенного портрета

Они горячились и набили бы вероятно цену до невозможности, если бы вдруг один из тут же рассматривавших не произнес: “позвольте мне прекратить на время ваш спор.

РК2 — один из тут рассматривавших

Они горячились и набили бы вероятно цену до невозможности, если бы вдруг один из тут же рассматривавших не произнес: “позвольте мне прекратить на время ваш спор.

а. Одно слово прекратит ваш спор

б. как в тексте РК2

Я, может быть, более, нежели всякой другой, имею право на этот портрет”

РК2 — более, чем всякой другой

Я, может быть, более, нежели всякой другой, имею право на этот портрет.

После “на этот портрет” было: Все как будто бы пробужденные какою <то> электрической искрой обратили глаза на произнесшего сии слова РК2

Слова эти вмиг обратили на него внимание всех.

РК2 — Слова эти в один миг

Слова эти вмиг обратили на него внимание всех

РК2 — обратили внимание на произнесшего их

Приятное лицо, исполненное какой-то светлой беззаботности, показывало ~ артиста.

а. Приятное беззаботное светлое лицо его

б. как в тексте РК2

Приятное лицо, исполненное какой-то светлой беззаботности, показывало душу, чуждую всех томящих светских потрясений; в наряде ~ артиста.

РК2 — душу, чуждую всяких томящих светских потрясений

“Как ни странны вам покажутся слова мои”, продолжал он, видя устремившееся на себя всеобщее внимание, “но если вы решитесь выслушать небольшую историю, может быть, вы увидите, что я был вправе произнести их.

а. Как ни странны вам покажутся слова мои, сказал он, окинув разом [сказал он, видя] всех устремивших с некоторого рода изумленьем на него свои взоры. Как ни странны буд<ут> мои слова, но вы верно согласитесь со мною, когда я расскажу вам его странную историю

б. как в тексте РК2

“Как ни странны вам покажутся слова мои”, продолжал он, видя устремившееся на себя всеобщее внимание, “но если вы решитесь выслушать ~ их.

а. если вы согласитесь

б. как в тексте РК2

Весьма естественное любопытство загорелось почти на лицах всех, и ~ слушать.

РК2 — Сильное любопытство

Весьма естественное любопытство загорелось почти на лицах всех, и самый аукционист, разинув ~ слушать.

а. и самый

б. и сам аукционист РК2

Весьма естественное любопытство загорелось почти на лицах всех, и самый аукционист, разинув рот, остановился с ~ слушать.

РК2 — разинув рот остановился и

Весьма естественное любопытство загорелось почти ~ молотком, приготовляясь слушать.

а. остановился слушать

б. [и] приготовляясь слушать РК2

Весьма естественное любопытство загорелось почти на лицах всех, и самый аукционист, разинув рот, остановился с поднятым в руке молотком, приготовляясь слушать.

После “приготовляясь слушать” было: а. Сначала еще, когда художник начал рассказ свой, некоторые обращали невольно глаза на портрет, но потом вперились и глазами чувствовали

б. Сперва еще РК2

В начале рассказа многие обращались невольно глазами к портрету, но ~ занимательней.

РК2 — обращались [еще] невольно глазами

Так он начал.

а. Таким образом начал он

б. как в тексте РК2

Тут всё непохоже на другие части Петербурга; тут не столица ~ порывы.

РК2 — всё непохоже на другие

“Тут всё непохоже на другие части Петербурга; тут не столица ~ слышишь, перейдя в Коломенские улицы, как ~ порывы.

а. [как] перейдя в эту сторону

б. как в тексте РК2

Сюда не заходит будущее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья.

а. от движенья столицы

б. как в тексте РК2

Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом, и потому ~ предметов.

а. осудившие себя на приятное знакомство с сенатом

б. имеющие приятное знакомство с сенатом РК2

Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие ~ день на 5 копеек кофею да на четыре сахара, и наконец ~

предметов. РК2;

П, Тр — на 5 копеек кофе да на четыре сахару

Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие ~ тот разряд людей, который можно назвать одним ~ предметов.

РК2 — разряд которого [одним сло<вом>] можно назвать

Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие ~ глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как ~ предметов.

РК2 — [и совсем] имеют ~ наружность

Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие ~ просто ни сё, ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов. С, 1842, РК2;

П, Тр — ни то, ни сё

В комнате их не много добра; иногда просто штоф чистой русской водки, которую ~ всякого сильного прилива в ~ ночи.

РК2 — смелого прилива

В комнате их не много добра; иногда просто штоф чистой русской водки, которую ~ этот удалец Мещанской улицы, один ~ ночи.

РК2 — студент Мещанской улицы

Вдовы, получающие пенсион, тут самые аристократические фамилии; они ведут себя хорошо, метут часто свою ~ маятником.

РК2 — метут чисто

Они, сидя в халатах, чинят пистолет, клеят из картона всякие вещицы, полезные для дома, играют ~ пунша.

РК2 — вещицы полезные дома

После сих тузов и аристократства Коломны следует необыкновенная дробь и мелочь. С, 1842, РК2;

П, Тр — После этих тузов

Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют;

старухи, которые ~ состояние.

а. Тут были

б. как в тексте РК2

Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые и молятся и пьянствуют вместе; старухи, которые перебиваются непостижимыми ~ состояние. РК2;

С, 1842, П, Тр — старухи, которые пьянствуют, старухи которые перебиваются

Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые ~ с собою старое тряпье и белье ~ состояние.

РК2 — старые тряпья

Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые ~ копеек; словом, часто самый несчастный осадок человечества, которому ~ состояние. С, 1842, РК2;

П, Тр — чисто самый несчастный осадок

Я для того привел их, чтобы показать вам, как часто ~ проценты.

а. Я для того исчислил

б. как в тексте РК2

Я для того привел их, чтобы показать вам, как часто этот народ находится в необходимости ~ проценты.

а. этот народ должен

б. как в тексте РК2

Эти небольшие ростовщики бывают в несколько раз бесчувственней всяких больших, потому что ~ каретах.

РК2 — бесчувственней всяких больших [ростовщиков]

Эти небольшие ростовщики бывают в несколько раз бесчувственней ~ выказываемых нищенских лохмотьев, которых ~ каретах.

а. нищенских пла<тьев?>

б. как в тексте РК2

И потому уже слишком рано умирает в душах их всякое чувство человечества.

- а. И потому заранее теряют
- б. И потому уже слишком рано умирает в душе
- в. как в тексте РК2

И потому уже слишком рано умирает в душах их всякое чувство человечества.

После “чувство человечества” было: Не помешает сказать Вам, что время РК2

Между такими ростовщиками был один.... но не мешает ~ рассказать, относится к прошедшему веку, именно ~ Екатерины второй.

- а. относится ко времени несравненно позднейшему
- б. относится к прошедшему [уже] веку РК2

Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города.

После “между ростовщиками” было: не только теми, которые были в Коломне РК2

Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. П, Тр;

С, 1842 — существо ~ обыкновенное
РК2 — существо необыкновенное

Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. С, 1842, РК2;
П, Тр — в этой части города

Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но ~ наверно.

РК2 — указывала его южное происхождение

Он ходил в широком азиатском наряде; темная ~ происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно.

РК2 — какой именно был нации

Он ходил в широком азиатском наряде; темная ~ никто не мог сказать наверно.

РК2 — не мог сказать наверно ничего.

Высокий, почти необыкновенный рост, смуглое, тощее, запаленое лицо и какой-то непостижимо-страшный цвет его, большие ~ столицы.

- а. непостижимо-страшный цвет лица его
- б. как в тексте РК2

Самое жилище его не похоже было на прочие маленькие деревянные домики.

- а. жилище его не похоже было на другие
- б. как в тексте РК2

Это было каменное строение вроде тех, которых когда-то настроили вдоволь генуэзские ~ засовами. РК2, Тр;

С, 1842, П — когда-то построили вдоволь

Это было каменное строение вроде тех, которых когда-то настроили вдоволь генуэзские купцы, с ~ засовами.

РК2 — Генуэжские купцы

Этот ростовщик отличался от других ростовщиков уже тем, что ~ вельможи.

- а. Он отличался
- б. как в тексте РК2

Пред домом его показывались часто самые блестящие экипажи, из окон ~ дамы.

- а. Молва
- б. Пред домом точно
- в. как в тексте РК2

Пред домом его показывались часто самые блестящие экипажи, из окон ~ дамы.

- а. показывались иногда
- б. как в тексте РК2

Пред домом его показывались часто самые блестящие экипажи, из окон которых иногда глядела голова роскошной светской дамы.

После “блестящие экипажи” было: Иногда из кареты высовывала

голову блистательная светская дама РК2

Пред домом его показывались часто самые блестящие экипажи, из окон которых иногда глядела голова роскошной светской дамы.

- а. выглядывала оттуда из окон даже голова
- б. глядела иногда голова роскошной светской дамы РК2

Молва по обыкновению разнесла, что железные сундуки его полны ~ ростовщикам.

- а. Молва по обыкновению разнесла всюду, что у него железные сундуки
- б. как в тексте РК2

Но какими-то арифметическими странными выкладками заставлял их восходить до непомерных процентов. С, 1842, РК2;

П, Тр — странными арифметическими выкладками

Но какими-то арифметическими странными выкладками заставлял их восходить до непомерных процентов.

- а. правилами
- б. как в тексте РК2

Но что страннее всего и что не могло не поразить многих — это была странная судьба всех тех, которые получали от него деньги: все они оканчивали жизнь несчастным образом.

- а. и что скоро не могло не поразить непонятным ужасом многих было <то, что> все деньги, которые давал он, никому не служили в прок и занимавшие все почти оканчивали жизнь их несчастным образом
- б. как в тексте РК2

Но несколько примеров, случившихся в непродолжительное время пред глазами всех, были живы и разительны.

- а. в непродолжительное время в глазах всех
- б. как в тексте РК2

Но несколько примеров, случившихся в непродолжительное время пред глазами всех, были живы и разительны.

- а. были слишком живы [в всеобщей памяти и разительны]
- б. как в тексте РК2

Из среды тогдашнего аристократства скоро обратил на себя глаза юноша лучшей ~ мецената.

PK2 — обратил на себя глаза [один] юноша

Скоро он был достойно отличен самой государыней, вверившей ~ совершенно согласное с собственными его требованиями, место, где ~ добра.

PK2 — согласное с собственными его требованиями [души] место

Скоро он был достойно отличен самой государыней, вверившей ~ он мог много произвести для наук и вообще для добра.

а. мог быть точно покровителем всего прекрасного

б. мог произвести много [точно] для наук и вообще для добра [и общего добра] PK2

Молодой вельможа окружил себя художниками, поэтами, учеными.

а. Молодой художник

б. как в тексте PK2

Ему хотелось всему дать работу, всё поощрить. С, 1842, PK2, П;

Тр — хотелось всем дать работу

Он предпринял на собственный счет множество полезных изданий, надавал множество заказов, объявил ~ расстроился.

а. произвел множество заказов

б. как в тексте PK2

Сделавши значительный заем у него, этот человек в непродолжительное время изменился совершенно: стал ~ таланта.

PK2 — этот человек [вдруг] в непродолжительное время изменился совершенно [изменился страшно]

Тогда на беду случилась французская революция.

PK2 — на беду [всего мира] случилась

Это послужило ему вдруг орудием для всех возможных гадостей. PK2;

С, 1842, П, Тр — подозрений

Он стал видеть во всем какое-то революционное направление, во всем ему чудились намеки.

РК2 — стал [он] видеть

Он сделался подозрительным до такой степени, что ~ себя, стал сочинять ужасные, несправедливые доносы, наделал тьму несчастных.

а. начал сочинять

б. как в тексте РК2

Само собой разумеется, что такие поступки не могли не достигнуть наконец престола.

а. Вы можете сами видеть

б. как в тексте РК2

Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающего венценосцев, произнесла ~ многих.

РК2 — благородства души, [так] украшающего

Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства ~ точности, но глубокий смысл их впечатлелся в сердцах многих.

а. но по крайней мысли их

б. но смысл

в. как в тексте РК2

Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства ~ смысл их впечатлелся в сердцах многих.

а. впечатлелись [глубоко] в сердцах стариков

б. как в тексте РК2

Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные ~ государя.

а. не под монархическим угнетен<ием?>

б. как в тексте РК2

Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные движенья души, не там ~ государя.

РК2 — движенья души [и все]

Государыня заметила, что не под монархическим правлением

угнетаются высокие, благородные ~ Шекспиры, Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как ~ государя.

- а. процветали под владычеством монархов,
- б. процветали под их великодушным покровительством
- в. как в тексте РК2

Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные ~ поэты; что нужно отличать поэтов-художников, ибо ~ государя.

РК2 — нужно отличать от крикунов высоких писателей, глубоких художников в душе

Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные ~ ропот; что ученые, поэты и все ~ государя.

- а. что художники ученые и поэты
- б. как в тексте РК2

Словом, государыня, произнесшая сии слова, была в эту минуту божественно-прекрасна. С, 1842, РК2;

П, Тр — эти слова

Я помню, что старики не могли об этом говорить без слез.

- а. Я помню еще, как не могли об этом пересказывать без слез сих слов. Надобно знать что
- б. как в тексте РК2

В деле все приняли участие.

- а. В деле этом много тогда, почти все приняли участие
- б. как в тексте РК2

К чести нашей народной гордости надобно заметить, что в русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного.

- а. нужно заметить, что всегда в русском сердце
- б. как в тексте РК2

Но наказание гораздо ужаснейшее читал он на лицах своих соотечественников.

- а. наказание гораздо ужаснее всех прочих

б. как в тексте РК2

Это было решительное и всеобщее презрение.

РК2 — всеобщее [к нему] презрение

Нельзя рассказать, как страдала тщеславная душа; гордость, обманутое честолюбие, разрушившиеся надежды, — всё соединилось вместе, и ~ жизнь.

а. Нельзя рассказать, как мучился он в последние дни своей жизни. Гордость, обманутые надежды и все возможные терзания души, казалось, как будто соединились вместе с тем, чтобы начертать ему заранее весь ад, о котором существует неясное понятие в человеке

б. Нельзя рассказать, как страдала [честолюбивая] тщеславная душа ~ соединилось вместе РК2

Нельзя рассказать, как страдала тщеславная душа; гордость, обманутое ~ бешенства прервалась его жизнь.

а. прервалась нить его жизни

б. как в тексте РК2

Искателей была толпа, и в числе их замечательнее всех был ~ лицом и рыцарскими, великодушными порывами, высокий ~ отношениях.

РК2 — и [почти] рыцарскими великодушными порывами

Искателей была толпа, и в числе их замечательнее всех был ~ женщин, Грандинсон во всех отношениях. С, 1842, РК2, П;

Тр — Грандисон.

Родовые вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилия была в опале, и плохое положение дел его было известно всем. РК2;

С, 1842, П, Тр — фамилия была в немилости

Как бы то ни было, но свадьба заняла весь город.

а. но свадьба как можете заключить заняла

б. как в тексте РК2

Пламенные женщины начертывали заранее то райское блаженство, которым будут наслаждаться молодые супруги.

а. блаженство, которым они вдруг будут наслаждаться

б. как в тексте РК2

Ядом подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился дотоле благородный и прекрасный характер.

РК2 — отравился его дотоле благородный и [спокойный] прекрасный характер

Он стал тираном и мучителем жены своей, и, чего бы никто не мог предвидеть, прибегнул к самым бесчеловечным поступкам, даже побоям.

РК2 — к самым [уже] бесчеловечным поступкам [и] даже побоям

В один год никто не мог узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорных поклонников.

РК2 — В один год [уже] никто [бы] не мог узнать

Муж пришел в бешенство при одной мысли о том.

а. Узнавши об этом

б. как в тексте РК2

В первом движении неистовства ворвался он ~ тут же, если бы его не схватили и не удержали.

РК2 — если бы его не схватили [тут же] и не удержали

В порыве исступленья и отчаянья он обратил нож на себя — и в ужаснейших муках окончил жизнь.

а. В порыве отчаянья и бешенства он обратил нож

б. как в тексте РК2

Кроме сих двух примеров, совершившихся в глазах всего общества, рассказывали ~ конец. С, 1842, РК2;

П, Тр — этих двух примеров

Кроме сих двух примеров, совершившихся в глазах всего общества, рассказывали множество случившихся в низших классах, которые почти все имели ужасный конец.

а. рассказывали множество других совершившихся в разных классах общества и которые почти все имели ужасный конец, как будто уже страшная печать отвержения была напечатлена на всяком взявшем у него деньги [на том человеке, который взял]

б. как в тексте РК2

Там честный, трезвый человек делался пьяницей; там купеческий приказчик обворовал своего ~ седока.

РК2 — приказчик обворовывал

Нельзя, чтобы такие происшествия, рассказываемые ~ нечистой силы в этом человеке.

а. и все эти перемены совершались так неожиданно что [и] навели наконец невольный ужас, стали подозревать присутствие нечистой силы

б. как в тексте РК2

Говорили, что он предлагал такие условия, от которых ~ другому; что деньги его имеют притягательное свойство, раскаляются сами собою и носят какие-то странные знаки... словом, много было всяких нелепых толков.

а. словом он был творцом всеобщего страха, обнявшего Коломну. Говорили, что его нужно предать огню, что подкупленная полиция держит его руку

б. что деньги его имеют прожигающее свойство [и] раскаляются сами собою и носят какие то странные значки... словом много было о нём всяких нелепых толков РК2

И замечательно то, что всё это Коломенское население, весь этот мир ~ душу. С, 1842;

а. И все это

б. как в тексте РК2

П, Тр — И замечательно, что всё это

И замечательно то, что всё это Коломенское население, весь этот мир Ё крайность, нежели обратиться к страшному ~ душу.

РК2 — чем обратиться

И замечательно то, что всё это Коломенское население, весь этот мир ~ даже умерших от голода старух, которые ~ душу.

РК2 — околевающих от голода старух

И замечательно то, что всё это Коломенское население, весь этот мир ~ тело, нежели погубить душу.

РК2 — чем погубить душу

Встречаясь с ним на улице, невольно чувствовали страх.

а. всякой невольно

б. как в тексте РК2

Пешеход осторожно пятился и долго еще озирался после того ~ фигуру.

а. долго еще оборачивался

б. как в тексте РК2

Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых извергает из непочатого лона своего только одна Русь, художник-самоучка, отыскавший ~ невежи. РК2;

С, 1842, П, Тр — нет

Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых ~ одною только указанною из души дорогою; одно ~ невежи.

РК2 — только [своей] указанной из души дорогою

Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых ~ и которые не охлаждаются от охулений и ~ невежи.

РК2 — не охлаждаясь от охулений

Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых ~ получили титло невежи. С, 1842, РК2;

П, Тр — титло невеж

Высоким внутренним инстинктом почуял он присутствие мысли в каждом ~ живопись.

РК2 — почуял он [в живописи] присутствие мысли

Высоким внутренним инстинктом почуял он присутствие мысли в каждом ~ постигнул, почему простую головку, простой ~ живопись.

РК2 — простая головка

Высоким внутренним инстинктом почуял он присутствие мысли в каждом ~ будет *tableau de genre*, несмотря на все притязанья художника на историческую живопись.

РК2 — не смотря на [свои] все притязанья

И внутреннее чувство, и собственное убеждение обратили ~ высокого.

а. Нечего говорить, что внутреннее чувство

б. как в тексте РК2

И внутреннее чувство, и собственное убеждение обратили ~ и последней ступени высокого.

РК2 — последней ступени высокого [в мире]

У него не было честолюбия или раздражительности, так неотлучной от характера многих художников. С, 1842, РК2;

П, Тр — столь неотлучной

У него не было честолюбия или раздражительности, так неотлучной от характера многих художников.

РК2 — с характером многих художников

Это был твердый характер, честный, прямой человек, даже ~ корою, не без некоторой гордости в душе, отзывавшийся о людях вместе и снисходительно, и резко.

а. отзывавшийся о людях

б. [даже] не без некоторой гордости в душе отзывавшийся о людях РК2

Не в гостиную понесу я мои картины, их поставят в церковь. РК2;

С, 1842, П, Тр — нет.

Кто поймет меня, поблагодарит, не поймет — всё-таки помолится богу. РК2;

С, 1842, П, Тр — нет.

По мне уж лучше тот человек, который говорит прямо, что он не знает толку, нежели тот, который ~ портит.

РК2 — чем тот

Он работал за небольшую плату, то есть, за плату, которая была нужна ~ трудиться.

РК2 — за небольшую плату [словом] т. е. за плату, которая

Наконец, постоянством своего труда и неуклонностью начертанного себе пути он ~ самоучкой.

РК2 — неуклонностью [от] начертанного себе пути

Ему давали беспрестанно заказы в церкви, и работа у него не переводилась.

РК2 — Ему давали беспрестанные заказы

Долго думал он над тем, какой дать ему образ; ему ~ человека. РК2;

С, 1842, П, Тр — оборот

Вот бы с кого мне следовало написать дьявола.

а. мне нужно написать

б. как в тексте РК2

Судите же об его изумлении, когда один раз, работая в своей мастерской, услышал он стук в дверь и вслед затем прямо вошел к нему ужасный ростовщик. РК2, П, Тр;

С, 1842 — взошел к нему

“Экая сила!” повторил он про себя: “если я хотя вполтину изображу ~ ним.

РК2 — повторял он

“Экая сила!” повторил он про себя: “если я хотя вполтину изображу его так, как он есть теперь, он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила! он у меня просто ~ натуре. РК2;

С, 1842, П, Тр — он убьет всю мою прежнюю работу.

Какие необыкновенные черты!” повторял он беспрестанно, усугубляя ~ черты.

а. Словом он усугубил

б. как в тексте РК2

Но чем более он приближался к ним, тем более чувствовал какое-то ~ самому.

РК2 — тем более он чувствовал

В этих глазах столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать их точно, как были в натуре.

- а. нельзя бы и подумать
- б. как в тексте РК2

В этих глазах столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать их точно, как были в натуре.

- а. передать в таком
- б. передать их так РК2

Однакоже, во что бы то ни стало, он решился доискаться ~ тайну...

- а. Но во что бы то ни стало
- б. как в тексте РК2

Но как только начал он входить и углубляться в них ~ вновь.

- а. Но чем более
- б. как в тексте РК2

Но как только начал он входить и углубляться ~ такое странное отвращение, такая ~ вновь.

РК2 — странное отвращение [от работы]

Но как только начал он входить и углубляться ~ времени бросить кисть и потом приниматься вновь.

РК2 — бросать кисть

Наконец уже не мог он более выносить, он чувствовал, что эти глаза вонзались ему ~ непостижимую. С, 1842, РК2;

П, Тр — глаза вонзились

Наконец уже не мог он более выносить, он чувствовал, что ~ в ней тревогу непостижимую.

- а. тревогу необыкновенную
- б. как в тексте РК2

Надобно было видеть, как изменился при этих словах странный ростовщик. С, 1842, РК2;

П, Тр — страшный ростовщик

Он бросился к нему в ноги и молил кончить портрет, говоря, что от сего зависит судьба ~ в мире. С, 1842;

П, Тр — от этого зависит

а. от этого зависит

б. от сего зависит РК2

Мысль о том тревожила его весь день и всю ночь, а поутру он получил от ростовщика ~ назад.

а. принесли ему

б. как в тексте РК2

Мысль о том тревожила его весь день и всю ночь, а поутру он ~ существо, бывшее у него в услугах, объявившая ~ назад.

а. бывшее в услугах у ростовщика

б. как в тексте РК2

Мысль о том тревожила его весь день и всю ночь, а поутру он ~ в услугах, объявившая тут же, что ~ назад.

РК2 — объявившая тут же [ему]

Мысль о том тревожила его весь день и всю ночь, а поутру он ~ портрета, не дает за него ничего и присылает назад.

РК2 — не дает [ему] за него ничего

Мысль о том тревожила его весь день и всю ночь, а поутру он ~ и присылает назад.

РК2 — присылает [его] назад

Ввечеру того же дни узнал он, что ростовщик умер ~ религии. С, 1842, РК2;

П, Тр — Ввечеру в тот же день

А между тем с этого времени оказалась в характере его ~ скоро произвел он такой ~ любителей. С, 1842, РК2;

П, Тр — сделал он

И прямодушный, честный в душе человек употребил интриги ~ гнушался; добился наконец того, что ~ работами.

РК2 — [и] добился наконец

Все взглянули и не могли не убедиться в истине сих слов. С, 1842, РК2;

П, Тр—в истине этих слов

Невозможно было описать того бешенства, с которым он возвратился домой. С, 1842, РК2;

П, Тр — того бешенства, с каким

Он чуть не прибил мать мою, разогнал детей, переломал кисти ~ сжечь.

РК2 — разогнал [всех! Детей

Он чуть не прибил мать мою, разогнал детей, переломал кисти ~ ростовщика, потребовал ножа и велел разложить огонь в камине, намереваясь изрезать его в куски и сжечь.

а. потребовал ножа и огня б. как в тексте РК2

Это ростовщик, который недавно умер; да, это совершеннейшая вещь.

а. который месяц

б. как в тексте РК2

Так в жизнь никогда не глядели глаза, как они глядят у тебя.

РК2 — Так [еще] в жизнь

“А вот я посмотрю, как они будут глядеть в огне,” сказал отец, сделавши движение швырнуть его в камин. С, 1842, РК2;

П, Тр — швырнуть портрет

“Остановись, ради бога!” сказал приятель, удержав его: “отдай его уж лучше мне, если он тебе до такой степени колет глаз.”

а. если он тебе так колет глаза

б. как в тексте РК2

Рассмотревши поступок свой, он опечалился душою ~ посрамление.

а. Рассмотревши всё это

б. как в тексте РК2

Работы его вновь потекли по-прежнему безмятежно; но задумчивость

стала показываться чаще на его лице.

РК2 — по-прежнему безмятежно [и покойно]

Работы его вновь потекли по-прежнему безмятежно; но задумчивость стала показываться чаще на его лице.

а. но чувство

б. как в тексте РК2

После нескольких слов и вопросов с обеих сторон, он ~ портрет

а. После немногих слов

б. как в тексте РК2

Чорт его побери, в нем есть что-то странное...

РК2 — в нем есть что-то такое странное

П, Тр — в нем есть что-то страшное

Я ведьмам не верю, но воля твоя: в нем сидит нечистая сила... РК2, С, 1842, П;

Тр — Я ведьмам не верю, воля твоя

В жизнь мою я не знал, что такое бессонница, а теперь испытал не только ~ старик.

а. теперь пришлось испытать

б. как в тексте РК2

В жизнь мою я не знал, что такое бессонница, а теперь испытал не только бессонницу, но сны такие... я и сам ~ старик.

а. сны такие, которых

б. как в тексте РК2

Подобного со мной никогда не бывало.

а. Я почти

б. Этого со мной

в. как в тексте РК2

Я бродил как шальной все эти дни: чувствовал ~ чего-то.

а. Я бродил как шальной

б. как в тексте РК2

Я бродил как шальной все эти дни: чувствовал какую-то боязнь, неприятное ожидание чего-то.

- а. боязнь какая-то
- б. как в тексте РК2

Чувствую, что не могу сказать никому веселого и искреннего слова; точно ~ какой-нибудь.

- а. Слова не могу сказать
- б. как в тексте РК2

И только с тех пор как отдал портрет племяннику, который ~ себя веселым, как видишь.

- а. веселым, как вот
- б. как в тексте РК2

Во время этого рассказа отец мой слушал его ~ племянника?”

РК2 — Все время этого рассказа

Во время этого рассказа отец мой слушал его с неразвлекаемым вниманием и, наконец, спросил: “И портрет теперь у твоего племянника?”

После “с неразвлекаемым вниманием” было: слова приятеля РК2

“Куды у племянника! не выдержал”, сказал весельчак: “знать, душа самого ~ непонятно.

РК2 — знать видно душа РК2

Я бы принял его за сумасшедшего, если бы отчасти не испытал сам.

- а. не испытал кое-чего на себе самом
- б. как в тексте РК2

Три случившиеся вслед затем несчастья, три внезапные ~ сына почел он небесною казнию себе ~ свет.

- а. всё это почел он небесною казнию
- б. как в тексте РК2

Там из древесных ветвей выстроил он себе келью, питался ~ от восхода до заката солнечного ~ молитвы.

РК2 — от восхода до захода

Там из древесных ветвей выстроил он себе келью, питался ~ месте с поднятыми к небу руками, читая беспрерывно молитвы.

РК2 — с подъятыми к небу руками

Там из древесных ветвей выстроил он себе келью, питался ~ руками, читая беспрерывно молитвы.

РК2 — читая беспрерывные молитвы

Словом, изыскивал, казалось, все возможные степени терпенья ~ найти в одних житиях святых.

РК2 — в одних только житиях святых

Целый год сидел он за ним, не выходя из своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь беспрестанно.

а. едва подкрепляя

б. как в тексте РК2

Чувство божественного смиренья и кротости в лице пречистой матери, склонившейся ~ вдали, торжественное молчанье пораженных божественным чудом царей, повергнувшихся ~ магическое.

а. пораженные божественным чудом цари, пастыри у ног

б. как в тексте РК2

Чувство божественного смиренья и кротости в лице пречистой матери, склонившейся ~ согласной силе и могуществе красоты, что впечатление было магическое.

РК2 — силе и [величии], могуществе [высокой] красоты

Мне оставалось только проститься с моим отцом, с которым уже 12 лет я расстался. С, 1842;

П, Тр — уже двенадцать лет как расстался

РК2 — уже 12 лет [протекло] как я расстался [и]

Я уже несколько слышал о суровой святости ~ бденья.

а. Я уже слышал

б. как в тексте РК2

Я уже несколько слышал о суровой святости его жизни и заранее воображал встретить ~ бденья.

РК2 — и [уже] заранее воображал

Белая как снег борода и тонкие, почти воздушные волосы ~ то же.

а. Белые, как снег серебристые волосы

б. как в тексте РК2

Белая как снег борода и тонкие, почти воздушные волосы такого же серебристого цвета рассыпались картинно по груди ~ то же.

а. рассыпались живописно

б. как в тексте РК2

Белая как снег борода и тонкие, почти воздушные волосы ~ вервия, которым опоясывалась его убогая ~ то же.

а. которым была уб<огая?>

б. как в тексте РК2

Тебе предстоит путь, по которому отныне потечет жизнь твоя.

а. Теперь предстоит тебе путь, с которого ты уже не должен совратиться во всю жизнь

б. как в тексте РК2

Исследуй, изучай всё, что ни видишь, покори всё кисти, но ~ мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну создания.

а. и больше всего старайся

б. как в тексте РК2

Блажен избранник ~ стремится вечно к богу.

РЛ4 — Но велик тот избранник, кто владеет тайной создания. Ближе всех слышит он чувства божии и может сделать многих причастниками сего чувства. [Было начато: и может достичь] Огнем и пламенем отрекись от страсти и будешь властелином над всеми страстями. — Нет предмета низкого в природе. Всё созданны<ое> богом, всё прекрасно. В самом ничтожном [В самом мелочном] художник создатель также велик. [художник может быть равно велик] И в презренном предмете изображенном ничего нет презренного, ибо сквозит сквозь его прекрасная душа, хотя он нигде ничего не сказал о ней. [хотя он ни слова не сказал о своей душе. Но ничтожное произв<едение> явилось таким потому, что явилась пропущенною его <?> душа. Картина старика уже сквоз<ила?>] И презренное уж получает высокое выражение, ибо протекло сквозь

чистилице его души. [Далее было: Но если без душевной любви принимается он за предмет, не будет] И потому все невольно, несмотря ни на кого, становятся причастниками святого чувства, невольно чувствуют покой. [Далее было: а. Один вчера б. От него его произведенья в. его душа превратилась в <1 нрзб> алтарь богу. Ему <8 нрзб> предметов ему доступ<ных?> г. мятежных впечатлений [не в силах] не может проивести <4 нрзб> образ <1 нрзб> в груди человека, а <1 нрзб>, бог делает] Нет ничего в мире выше высокого создания искусства. Не истлевают в сердцах одни только возвышенные впечатления. Всё что ни <1 нрзб> он, верой доступно ему. Как высокий покой выше всякого волнения, как создание выше разрушения, так ангел с одной только чистой невинност<ью> души выше всех мятежных сил и мятежных страстей. [сил и страстей] В присутствии бога веет <?> согласием, торжественным покоем, [торжественным чудным покоем. Далее начато: так же как присутствие нечистого] подобно как нечистые силы в жизни <?> разрушенной. Создание как ангел, [Было начато: Как ангел] как выше чистый ангел, уже только одной высокой невинной младенческой души надо всею ужасною [страшною] силою гордого великана <1 нрзб> и гордыми страстями века. Так выше создание нас разрушением. Так выше высок<ий> покой всех мятежных волнений века. Так венец высоко<го> есть <?> высокое творенье искусства. Всё что ни есть в мире это первая самая чистая молитва к богу. — Люби его и предайся ему одному. Всё отдай за него. Люби больше других страстей. Но не принимайся за труд, в который не влюбился. Не шепчи устами молитвы, когда не разделяет ее твое сердце. То, что не перешло сквозь чистую душу, то выдет безобразно и мятежно и такое мятежное впечатление произведет в других. — Всё, что без любви произведено, то не прошло сквозь душу. — Всегда природу изучай, но изучай и великий внутренний смысл всего, умей постигнуть тайну.

И во сколько раз торжественный покой выше всякого волненья ~ искусства.

- а. Как высокий
- б. как в тексте РК2

И во сколько раз торжественный покой выше всякого волненья мирского, во сколько раз творенье выше ~ искусства.

- а. как создание
- б. как в тексте РК2

И во сколько раз торжественный покой выше ~ разрушения; во сколько раз ангел одной ~ искусства.

а. как ангел

б. как в тексте РК2

И во сколько раз торжественный покой выше ~ сатаны, во столько раз выше всего, что ~ искусства.

а. так выше всего

б. как в тексте РК2

Всё принеси ему в жертву и возлюби его всей страстью, не страстью, дышащей земным вожделением, но тихой небесной страстью; без ~ успокоения.

РК2 — но бесстрастной небесной страстью

Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к богу.

РК2 — не может поселять ропота в душу

Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к богу.

а. стремится его

б. стремится ее вечно к богу РК2

Он остановился, и я заметил, что вдруг омрачился светлый лик его, как будто бы на него набежало какое-то мгновенное облако.

РК2 — набежало [вдруг] какое-то мгновенное облако

“Есть одно происшествие ~ оставались в недоумении, не зная, действительно ли ~ картин.

РЛ4 — “Одно произведение, сказал он со вздохом, мучит меня поныне. [а. Один раз я без любви, без б. с отвращен<ием> принялся с дьяво<ла> я писать портрет] Оно было произв<едено> без любви [Далее было: нет даже с отвращением] и до сих пор я не могу позабыть того отвращения, с каким я писал. Я хотел его так оставить [Далее было: как мотив для того] у себя как образчик, чтобы изобразить потом всё тягостное мятежное чувство, обнимающее человека. Я рабски и бездушно следовал натуре. До сих пор не могу понять, кто был этот человек, с которого писал я портрет, как будто бы сам демон посланный к нам <1 нрзб> и разрушать порядок. Это был

мятеж и смущение, и списанный с него образ так же как он <2 нрзб> возмущает душу и тревожит художника завистью. Может быть тебе случится встретить этот портрет, ты его узнаешь, узнаешь <по> необыкновенной неестественной живости и странному [необыкновенному] томлению, которое остается <?> на душе, после того как глядишь <?> Если ты встретишь <его> возьми и уничтожь, как <1 нрзб>... “Вы можете судить сами, что дал ему клятву истребить непременно этот портрет, если только отыщу его. В продолжение целых пятнадцати лет мне не случилось видеть ничего, что бы могло походить на описание сделанное моим <отцом> и вдруг теперь... Художник не договорил и обратился на стену, чтобы взглянуть на портрет. Все гости тоже обратили вслед за ним глаза, но ко всеобщему изумлению портрета уже не было там. [не было на стене] Легкий говор пробежал по всей толпе и наконец послышались явственные слова: украден. Кто-то успел уже утащить <его> в то время, когда посетители заслушались рассказа художника и долго еще оставались все недоуме<вая?>

Доныне я не могу понять, что был тот странный образ, с которого я написал изображение.

РК2 — кто был тот странный образ

Мне говорили, что портрет этот ходит по рукам и рассеивает томительные ~ угнетенья.

РК2 — ходит по рукам и [везде] рассеивает

Мне говорили, что портрет этот ходит по рукам и рассеивает томительные ~ художнике чувство зависти, мрачной ~ угнетенья.

РК2 — чувства зависти

Лучше вынести всю горечь возможных гонений, нежели нанести кому-либо одну тень гоненья.

РК2 — чем нанести кому-либо

Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою.

а. тот выше всех

б. как в тексте РК2

Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызгнуту одним пятном грязи из-под колеса, и ~

одежды. С, 1842, РК2;

П, Тр — одной каплей грязи

Ибо на буднешних одеждах не замечаются пятна. С, 1842, РК2;

П, Тр — не заметны пятна

Благоговейно, более нежели с чувством сына, прильнул я ~ волосы.

РК2 — более чем с чувством сына

Может быть, тебе случится увидеть где-нибудь тот портрет, о котором я говорил тебе.

РК2 — тебе случится увидать

Вы можете судить сами, мог ли я не обещать клятвенно исполнить такую просьбу.

а. мог ли я не по<мнить?>

б. как в тексте РК2

Здесь художник, не договорив еще своей речи, обратил ~ портрет.

РК2 — Здесь [рассказывавший] художник

Кто-то успел уже стащить его, воспользовавшись вниманьем слушателей, увлеченных рассказом.

а. воспользовавшись развлеченьем

б. как в тексте РК2

И долго все присутствовавшие оставались в недоумении, не зная, действительно ли ~ глаза, или это была просто мечта, представшая ~ картин.

РК2 — или же это была просто мечта

ШИНЕЛЬ

В департаменте... но лучше не называть в каком департаменте

а. не хочу сказать каком.

б. Нет лучше не называть по имени каком

в. но лучше не называть в каком ЛБ19

Ничего нет сердитее всякого рода ~ назовем одним департаментом.

а. ибо департаменты пресердитое сословие и назови только одного из них по имени, как названный в одну минуту обидится и будет утверждать, что над ним смеются, хотя бы просто было сказано [хотя бы просто автор сказал], что в департаменте весьма [очень] чисто и опрятно. Лучше всего говорить: в одном департаменте.

б. Ничего нет сердитее департаментов, полков и всякого рода сословий. ЛБ19

Итак, в одном департаменте служил один чиновник, чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько ~ геморoidalным...

ЛБ19 — один чиновник довольно низенького роста.

Что́ ж делать! виноват петербургский климат.

а. Автор в этом совершенно не виноват

б. как в тексте ЛБ19

Что́ касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то ~ кусаться.

ЛБ19 — ибо [на Руси]

Что́ касается до чина ~ известно, натрунили и наострились вдоволь разные писатели, имеющие ~ кусаться.

ЛБ19 — подтрунивали и острились разные писатели

Фамилия чиновника была Башмачкин.

ЛБ19 — Фамилия этого чиновника

Фамилия чиновника была Башмачкин.

- а. Башмакевич
- б. Башмаков ЛБ19

Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время ~ неизвестно.

ЛБ19 — конечно, происходит от башмака

Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом ~ подметки.

ЛБ19 — но в какое время и когда неизвестно: и сам Башмакевич и отец Башмакевича всегда ходили в сапогах и переменили только разумеется раза три в год [по несколько раз на <год>] подметки

Имя его было: Акакий Акакиевич. ~ вот как: родился ~ марта.

а. Имя его было Акакий Акакиевич. Конечно, оно покажется несколько странным. Но без <него> никак нельзя было обойтись. Это случилось совершенно вследствие необходимости. Читатель сию минуту увидит, как произошло всё это дело.

б. Имя он носил такое, которое, может быть, с первого раза покажется читателям немного странным, именно звали его Акакий Акакиевич. Конечно, можно было некоторым образом избежать частого сближения [можно было избежать такого сближения] буквы к, но обстоятельства были такого рода, что никак нельзя было этого сделать и вот именно как это произошло: ЛБ19

Может быть, читателю оно покажется несколько странным ~ вот как: родился ~ марта.

ЛБ19 — Родился Акакий Акакиевич против ночи на 23, кажется, марта [Родился Акакий Акакиевич февра<ля>]

Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка.

ЛБ19 — послала, как следует, за приходским священником чтобы окрестить ребенка

Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку ~ Белобрюшкова.

ЛБ19 — лежала еще

Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку ~ столоничальником в сенате, и ~ Белобрюшкова.

а. в департаменте

б. в 3 департаменте сената ЛБ19

Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку ~ офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова.

ЛБ19 — женщина добродетелей редких

Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку ~ добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова.

ЛБ19 — Ирина

Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата.

ЛБ19 — Священник открыл святцы и так как обыкновенно водится [водится, что] давать мальчику имя несколькими днями вперед, то он предоставил родительнице на выбор любое из трех, которые на ту пору вышли

Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата.

ЛБ19 — Моккий, Соссий и мученик Хуздазат

“Нет, подумала покойница, имена-то ~ и Варахасий.

ЛБ19 — Нет, батюшка, святые-то такие... Уж переверни-ка листочик да поищи, нет ли там каких других. Священник перевернул и вышли Трифилий, Дула и Варахасий.

“Вот это наказание”, проговорила старуха: “какие всё имена, я право никогда и не слыхивала таких.

ЛБ19 — Вот это наказание божие!

“Вот это наказание”, проговорила старуха: “какие всё имена, я право никогда и не слыхивала таких.

ЛБ19 — не слышала таких

Еще перевернули страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий.

ЛБ19 — Священник желая угодить покойнице перевернул еще

страницу — вышли

“Ну, уж я вижу”, сказала старуха: “что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться как и отец его.

ЛБ19 — “Ну уж коли так”, сказала старуха, “так, пусть будет он называться так, как и отец”.

Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий.”

ЛБ19 — пусть будет и сын

Таким образом и произошёл Акакий Акакиевич.

ЛБ19 — Таким образом составилась

Ребенка окрестили; при чем он ~ титулярный советник.

ЛБ19 — Ребенка тут же окрестили

Ребенка окрестили; при чем он заплакал и сделал такую гримасу, как ~ советник.

а. соорудил такую гримасу

б. как в тексте ЛБ19

Итак, вот каким образом произошло всё это.

ЛБ19 — Итак, вот как произошло это наименование. [это дело]

Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что ~ невозможно.

а. и все могут видеть

б. Мы привели его потому сюда, чтобы читатель мог сам [чтобы все могли] видеть ЛБ19

Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно ~ невозможно.

ЛБ19 — это произошло

Мы привели потому это, чтобы ~ совершенно по необходимости и ~ невозможно.

а. по необходимости а не почему либо другому

б. как в тексте ЛБ19

Мы привели потому это, чтобы ~ необходимости и другого имени дать было никак невозможно.

а. и [что] другого имени дать никак было невозможно.

б. и что никак нельзя было дать ему другого имени

в. как в тексте ЛБ19

Когда и в какое время он поступил в департамент ~ припомнить.

а. он определился

б. как в тексте ПБЛ10

Когда и в какое время ~ его, этого никто не мог припомнить.

ПБЛ10 — этого никто не запомнил.

Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его ~ на голове.

а. директоров и начальников

б. директоров ПБЛ10

Сколько ни переменялось ~ начальников, его ~ на голове.

его видели в одном и том <же положении> и почти одних и тех же лет, физиогномия его заключала в себе что-то такое неизменяющее<ся>, так что странно было даже вообразить, [странно даже и вообразить себе] чтобы когда-нибудь малолетним или ребенком казался не такой, будто бы так и родился на свет в полинявшем [в том же самом виц<мундире>] <вицмундире> с лысинкой на голове. ПБЛ10

И что-то странное заключалось ~ на жалость, что ~ виде.

В этом голосе его что-то странное слышалось: что<-то> такое заключалось умоляющее, такое преклоняющее на жалость ПБЛ10

В нем слышалось что-то ~ человек, недавно определившийся, который, по примеру ~ виде.

ПБЛ10 — не так давно определившийся

В нем слышалось что-то ~ определившийся, который, по примеру других, позволил ~ виде.

ПБЛ10 — и который тоже, по примеру других

В нем слышалось что-то ~ других, позволил было себе посмеяться ~

виде.

ПБЛ10 — позволил себе

В нем слышалось что-то ~ вдруг остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто всё переменялось ~ виде.

остано<вился> так как будто пронзенный чем-нибудь и ему показались ничтожными, низкими [и ему низкими показались] департаментские и с тех пор [и долго с тех пор] всё ПБЛ10

В нем слышалось что-то ~ и показалось в другом виде.

показалось в другом <виде> и ему виделось в благоприятной наружности молодых чиновников ПБЛ10 — что-то бесчеловечно<е>

Какая-то неестественная сила оттолкнула его ~ людей.

ПБЛ10 — и какая-то ~ сила вдруг оттолкнула

Какая-то неестественная сила ~ которыми он познакомился, приняв ~ людей.

ПБЛ10 — он только что познакомился

Какая-то неестественная сила ~ познакомился, приняв их за приличных, светских людей.

ПБЛ10 — и которые показались ему за приличных молодых чиновников

И долго потом, среди ~ слова: “я брат твой.”

а. как в тексте

б. И часто потом ПБЛ10

И долго потом, среди ~ слова: “я брат твой.”

ПБЛ10 — ему слышался этот голос, и вдруг среди многих веселых своих минут он повергался в задумчивость — и что-то говорило в уши: ведь это человеческий, ведь это доступный [ведь это должен быть доступной] все<м> сколько есть, родной голос. И представлялся ему он сам, этот низенькой чиновник с лысинкой на лбу, и как будто говорил: [Далее начато Зачем вы меня] Оставьте меня, зачем вы меня обижаете, и в отклике пронзительно звенели другие слова: Я брат твой.] Я такой же, я брат]

И закрывал себя рукою бедный ~ боже!

ПБЛ10 — закрывал себе глаза рукою

И закрывал себя рукою ~ раз содрогался он потом на веку своем, видя, как ~ боже!

ПБЛ10 — содрогался он на веку своем

И закрывал себя рукою ~ видя, как много в человеке бесчеловечья, как ~ боже!

ПБЛ10 — как много бесчеловечия в человеке

И закрывал себя рукою ~ бесчеловечья, как много ~ честным.

ПБЛ10 — и как много в самой утонченной и образованной и просла<вленной> светскости коренной свирепой грубости.

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности.

ПБЛ10 — человека, который бы так весь жил в своей должности

Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью.

а. Он не то что служил, не<т>

б. Мало сказать [Нельзя сказать] чтобы он сохранял должность ревностно, нет он занимался с любовью ПБЛ10

Там, в этом переписываньи, ему ~ мир.

ПБЛ10 — в переписываньи

Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то ~ мир.

ПБЛ10 — был для него

Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой ~ мир. ПБЛ10;

П, Тр — как-то

Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир.

а. какой то ему одному знакомый мир

б. какой то особенный мир ПБЛ10

Наслаждение выражалось на лице его; некоторые ~ его.

ПБЛ10 — выражалось в лице

Наслаждение выражалось ~ фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и ~ его.

а. до которых ~ был просто сам не свой

б. до которых он добираясь был сам не свой ПБЛ10

Наслаждение выражалось ~ и подсмеивался, и ~ его. ПБЛ10;

П, Тр — подсмеивал

Наслаждение выражалось ~ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его.

ПБЛ10 — можно казалось прочесть

Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению ~ поясницу.

ПБЛ10 — давали ему чины и награду

Если бы соразмерно ~ награды, он, к изумлению ~ советники; но ~ поясницу.

ПБЛ10 — он бы может быть залетел очень далеко

Если бы соразмерно ~ советники; но выслужил он, как ~ поясницу.

ПБЛ10 — но выслужил он всего

Если бы соразмерно ~ выражались остряки, его товарищи, пряжку ~ поясницу.

Тр — остряки его же товарищи

Если бы соразмерно ~ петлицу, да нажил геморой в поясницу. П;

Тр — нажив геморой

ПБЛ10 — да геморой в поясницу, как выражались некоторые чиновники [некоторые товари<щи>] остряки.

Впрочем нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания.

ПБЛ10 — нельзя сказать, чтобы его совсем позабыли или не оказывали внимания.

Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало.

- а. Кроме этого
- б. как в тексте ПБЛ10

Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало.
ПБЛ10 — ничего для него

Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир ~ цвета.

- а. одевал<ся>
- б. о костюме дав<но?>
- в. о платье он не думал вовсе ПБЛ10

Он не думал вовсе ~ зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета.

- а. а какого-то особенного цвета
- б. а какой-то особенный, скорее цвету коровьей коврижки ПБЛ10

Воротничек на нем~ длинною, как ~ иностранцы.

ПБЛ10 — воротничек какой<-то> низенькой, узинькой и очень длинный, так что шея выходила очень высоко обвязанная белым платком

Воротничек на нем ~ длинною, как ~ иностранцы.

ПБЛ10 — нет

И всегда что-нибудь ~ ниточка; к тому же ~ вздор.

ПБЛ10 — на в<иц>мундире [на фраке] была и пыль и кусочки сенца и т. п. [пыль и т. п. пустяки]

И всегда что-нибудь ~ улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда ~ вздор.

ПБЛ10 — поспевать под окно в то самое время

И всегда что-нибудь ~ дрянь, и оттого вечно уносил на своей ~ вздор.

ПБЛ10 — и потому вечно уносил

Ни один раз в жизни ~ на улице, на ~ его.

- а. Он никогда не замечал, что делалось вокруг него
- б. Он никогда никакого не обращал [Он никогда не обращал] внимания на всё, что ни было на улице или вокруг его вдали ПБЛ10

Ни один раз в жизни ~ на улице, на что́, как известно, всегда ~

стремешка, — что́ ~ его.

ПБЛ10 — на что его же брат, молодой чиновник, всегда взглянет даже самым таким замечательным глазом, простирающимся до того, что даже заметит, у кого отпоролась стреме<шка>.

Но Акакий Акакиевич если и глядел ~ строки, и только ~ на середине улицы.

ПБЛ10 — Он видел всё свои же чистым ровным почерком выписанные строки

Но Акакий Акакиевич если и глядел ~ строки, и только разве если, неизвестно ~ на середине улицы.

ПБЛ10 — и только если вдруг

Но Акакий Акакиевич если и глядел ~ взявшись, лошадиная морда~ ветер в щеку, тогда ~ на середине улицы.

а. лошадиная морда находилась на его плече и ветер из ноздрей

б. лошадиная морда помещалась ему на плечи, фыркнув ветром из ноздрей в щеку ему ПБЛ10

Но Акакий Акакиевич если и глядел ~ он не на середине строки, а скорее на середине улицы. П, ПБЛ10;

Тр — на середине строки

Но Акакий Акакиевич если и глядел ~ строки, а скорее на середине улицы.

ПБЛ10 — а на середине

Теперь же Петрович ~ охотник заламливать чорт знает какие цены. П;

Тр — заламывать

Нужно знать, что Акакий Акакиевич ~ наконец, такими ~ значения.

а. частицами совершенно не имеющими значения

б. как в тексте ЛБ19

Если же дело было очень ~ уже выговорил.

ЛБ19 — Притом [Да и то] редко случалось чтоб он оканчивал [чтоб он их оканчивал] фразу, особливо если дело было [а. особенно если это было б. особенно в случаях] несколько затруднительно. [Далее начато Это право]

Начиная речь, он [Сначала он] еще проговаривал: Это право, совершенно того..., а уж что было после слова того, то редко кто-нибудь услышивал, потому что следовала такая длинная пауза, во время которой можно было выбраться и сходить за многими делами и много кой-чего можно было сделать и потому что [при том] иногда он и сам позабывал, [И потому что он позабывал] что нужно еще кое-что прибавить, был уверен, [и дума<л>] что словом: того, сказал почти всё.

“Что́ ж такое?” — сказал Петрович, и осмотрел в то же время ~ работы. П;

Тр — осмотрел

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ и всё.

а. Я вот того, Петрович

б. Я вот пришел к тебе, того Петрович ЛБ19

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем ~ и всё.

ЛБ19 — сукно в других местах везде

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ крепкое, оно немножко запылилось, и ~ и всё.

ЛБ19 — только [Это только] немножко запылилось

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ запылилось, и кажется, как будто старое, а оно ~ и всё.

ЛБ19 — так кажет будто совсем старое

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ старое, а оно новое, да вот ~ и всё.

ЛБ19 — а оно вот видишь, и здесь и вот здесь, везде еще того...

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ месте немного того... на спине, да еще ~ и всё.

ЛБ19 — да вот только в одном месте на спине [немного] поистерлось

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ спине, да еще вот на плече одном немного попротерлось, да вот ~ и всё.

ЛБ19 — да на плече, да немножко еще вот и на этом плече...

“А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот ~ видишь, вот и всё.
ЛБ19 — вот и всего

Петрович взял капот, разложил его ~ бумажки.
ЛБ19 — и разложил

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал
долго, покачал ~ бумажки.
ЛБ19 — долго рассматривал

Петрович взял капот, разложил ~ и полез рукою на окно за круглой
табакеркой с портретом ~ бумажки.
ЛБ19 — полез ~ за табаком, который хранился в круглой табакерке

Петрович взял капот, разложил ~ какого-то генерала, какого именно,
неизвестно, потому что ~ бумажки.
ЛБ19 — генерала, которого именно

Петрович взял капот, разложил ~ пальцем, и потом заклеено
четвероугольным лоскуточком бумажки. ред;
П, Тр — и потом наклеено
ЛБ19 — которое впрочем Петрович заклеил

Петрович взял капот, разложил ~ заклеено четвероугольным
лоскуточком бумажки.
ЛБ19 — бумажкой.

Понюхав табаку, Петрович растопырил ~ головою.
ЛБ19 — Понюхав табаку он

Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и ~ головою.
ЛБ19 — поднял [взял] капот и растопылив на руках

Понюхав табаку, Петрович ~ руках и рассмотрел его против света и
опять покачал головою.
ЛБ19 — стал рассматривать его против света

Понюхав табаку, Петрович ~ света и опять покачал головою.

- а. но покачал
- б. как в тексте ЛБ19

Потом обратил его подкладкой вверх и вновь ~ гардероб!”

ЛБ19 — положил он подкладкою вверх

Потом обратил его ~ покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и натащивши в нос табаку, закрыл ~ гардероб!”

ЛБ19 — натащил себе в нос с горсть табаку

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне.

ЛБ19 — Так и оторопел Акакий Акакиевич когда услышал такую историю и вышел от Петровича так, как будто [от Петровича он как будто бы] бы что-то позабыл или потерял [или проигрался] или прокрался или заспался, в положении чрезвычайно смущенном и неопределенном остановился и с час стоял на улице и долго не мог даже дать запрос, что он где теперь находится и зачем остановился. [На полях написано: а. Потом уже несколько минут спустя б. Словом так, как <будто> произошло что-то очень нехорошее или как б<удто>] Словом в таком [положении], какого сам никак не мог истолковать и в каком еще никогда не был...

“Этаково-то дело этокое” говорил он сам себе: “я право и не думал, чтобы оно вышло того...” а потом, после ~ этак.”

ЛБ19 — Экаково дело-то экакое! говорил он сам себе. [Этакого дела] Этого я право и не думал, чтоб это было вот этокое.

“Этаково-то дело этокое” говорил ~ вот как! наконец вот что вышло, а я ~ этак.”

ЛБ19 — Наконец-таки вот [что] вышло

“Этаково-то дело ~ вышло, а я право совсем и предполагать ~ этак.”

а. как в тексте

б. а я совсем право ЛБ19

“Этаково-то дело ~ совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак.”

а. и не думал

б. никак не мог предположить ЛБ19

За сим последовало опять долгое ~ обстоятельство!”

ЛБ19 — [Да] Это право так вышло, что уж я это никак не мог [не мог прежде] того предвариться об этом. За сим последовало

За сим последовало опять долгое молчание, после ~ обстоятельство!”

ЛБ19 — очень долгое

За сим последовало опять ~ никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!”

ЛБ19 — неожиданное, того, событие. Право я бы этого никак не мог... Эдакое-то обстоятельство...

Сказавши это, он вместо~ не подозревая.

а. он пошел тихими [скоры<ми>] шагами к себе домой что было на Песках.

б. он пошел вместо того чтобы домой совершенно в противную сторону вовсе не подозревая этого. ЛБ19

Дорогою задел его всем нечистым ~ дома.

ЛБ19 — его задел

Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист ~ дома.

ЛБ19 — нечистым всем боком своим

Дорогою задел его ~ трубочист и вычернил всё плечо ему; целая ~ дома.

ЛБ19 — вычернил [Перед этим начато: вся половина Далее начато: таким образом его бок] половину его фрака хоть брось

Дорогою задел его ~ на него с верхушки строившегося дома.

ЛБ19 — сверху из строившего<-ся> дома

Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя ~ трухтуара?”

а. когда поровнялся с будочником и чуть

б. как в тексте ЛБ19

Он ничего этого не заметил, и потом ~ будочника, который, поставя

около себя свою алебарду, натряхивал ~ трухтуара?”

ЛБ19 — который поставил ~ алебарду

Он ничего этого не заметил, и потом ~ алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда ~ трухтуара?”

а. натряхивал себе на ку<лак>

б. натряхивал из рожка на мозолистый кулак свой ЛБ19

Он ничего этого не заметил, и потом ~ очнулся, и то потому, что ~ трухтуара?”

ЛБ19 — да и то потому

Это заставило его оглянуться и поворотить домой.

ЛБ19 — поворотить в переулок, который бы он [который он без того] непременно пропустил. [Сверху написано: Тут только снова его приняли настоящий смысл]

Здесь только он начал собирать ~ положение, стал ~ близком.

ЛБ19 — нет

Здесь только он начал ~ положение, стал ~ близком.

ЛБ19 — начал с собою разговаривать совершенно рассудительно и откровенно так, как бы с порядочным [<с> самым близ<ким>] и знающим [и умным] человеком и притом приятелем, с которым бы можно посоветоваться. Что ж это говорит Петрович, чтобы шить новую шинель. Ведь [Не дописано.]

“Ну нет”, сказал Акакий Акакиевич: “теперь ~ его.

ПБЛ10 — Ну нет, подумал Акакий Акакиевич

“Ну нет”, сказал ~ того... жена, видно, как-нибудь поколотила его.

а. совсем не в духе

б. да и жена [да и жена ему] может быть как-нибудь [его] того... поколотила ПБЛ10

А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он ~ и того...”

ПБЛ10 — [А вот лучше [Сверху написано так гора<здо>]] вот он совсем того... А я приду лучше к нему пораньше в воскресенье.

А вот я лучше приду ~ утром: он после канунешной субботы будет ~ и того...”

ПБЛ10 — хоть он после субботы

А вот я лучше приду ~ субботы будет косить глазом ~ и того...”

ПБЛ10 — и будет косить

А вот я лучше приду ~ заспавшись, так ему ~ сговорчивее и шинель тогда и того...”

ПБЛ10 — да я ему всё-таки того. Ему ведь нужно будет опохмелить<ся> [Тогда он будет веселее, потому что будет думать, как бы [пове<селее?>] потчуя] да к тому ж он всё-таки не пропустит кутнуть в воскресенье, а я ему дам вперед гривенничек, так он будет сговорчивее.

Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил ~ к нему.

ПБЛ10 — Сказавши так себе

Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого ~ к нему.

ПБЛ10 — дождавшись

Так рассудил сам с собою ~ воскресенья, и увидев ~ из дому, он прямо к нему.

ПБЛ10 — и выгадав как жена его отправилась на рынок

Так рассудил сам с собою ~ из дому, он прямо к нему.

ПБЛ10 — отправился к Петровичу

Петрович точно после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу ~ толкнул.

ПБЛ10 — косил сильно глазом и голову держал

Петрович точно ~ заспавшись; но при всем том, как только узнал, в чем ~ толкнул.

ПБЛ10 — но как только узнал

Петрович точно ~ дело, точно как будто его чорт толкнул.

ПБЛ10 — “Нельзя”, сказал ~ новую”: не хотел и шинели рассматривать и сказал, что совсем нельзя [никак нельзя] ничего сделать и

что нужно новую шинель делать.

Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек.

ПБЛ10 — здесь ему и всунул

“Благодарствую, судырь, подкреплюсь ~ не годится.

а. Благодарствуйте

б. Благодарствуем ПБЛ10

“Благодарствую, судырь, подкреплюсь ~ не годится.

ПБЛ10 — сударь

“Благодарствую, судырь, подкреплюсь маленечко за ~ не годится.

ПБЛ10 — маненечко

“Благодарствую, судырь, подкреплюсь ~ беспокоиться: она ни на какую годность не годится.

а. она ни в какой ход не пойдет

б. как в тексте ПБЛ10

Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим.

а. а уж я вам новую шинель бесприменно сошью [я вам сошью] так

б. как в тексте ПБЛ10

Акакий Акакиевич еще было насчет ~ приложим.

ПБЛ10 — Ну, да Петрович постарайся [постарайся как-нибудь] хоть бы годик. [Пусть хоть недельки три] Да уж донашивайте годик, теперь же скоро лето [теперь же лето], а там авось не будет так холодно. А уж новую шинель, уж я вам бесприменно сошью, уж пойдете <?> покойны, приложу старанье

Можно будет даже так, как пошла мода, воротник ~ под аплике.

ПБЛ10 — а так, как теперь мода

Можно будет даже ~ мода, воротник будет застегиваться на ~ под аплике.

ПБЛ10 — по шее будет застегиваться

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что ~ духом.

ПБЛ10 — Здесь Акакий Акакиевич увидел [Здесь Акакий Акакиевич решился] ясно

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом.

а. Новая шинель точно нужна

б. без новой шинели точно никак нельзя обойтись и хотя что хочешь делай, а новую шинель нужно соорудить ПБЛ10

Как же в самом деле, на что, на какие деньги ее сделать?

а. Ну, откуда<а>

б. Но на что ее сделать, на какие деньги. Это, точно, было трудно придумать. ПБЛ10

Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее ~ вперед.

ПБЛ10 — Конечно, можно положиться отчасти

Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но ~ вперед.

ПБЛ10 — на награждение, которое будет <к> празднику

Конечно, можно бы отчасти ~ эти деньги давно уже размещены и распределены вперед.

ПБЛ10 — деньги давно уже рассчитаны

Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг ~ в море.

ПБЛ10 — на пошивку новых панталон [на оде<жду>. Далее начато на пр<иставление?>] да заплатить сапожнику

Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг ~ голенищам, да следовало ~ в море.

ПБЛ10 — за приставление двух сапожных голов к прежним голенищам

Требовалось завести новые ~ голенищам, да следовало заказать швее три рубахи, да ~ в море.

ПБЛ10 — да швее необходимо нужно было заказать хотя три [хотя три

четыре] рубахи

Требовалось завести ~ рубахи, да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге, словом: все ~ в море.

а. и за две штуки

б. и того белья, которое не так прилично называть в печатном слоге, тоже штуки <две> ПБЛ10

Требовалось завести ~ деньги совершенно должны были ~ в море.

ПБЛ10 — должны

Требовалось завести ~ разойтись, и если бы даже директор был ~ в море.

ПБЛ10 — и если же например и начальник

Требовалось завести ~ наградных, определил бы сорок пять ~ в море.

ПБЛ10 — дал бы

Требовалось завести ~ останется какой-нибудь самый вздор, который ~ в море.

ПБЛ10 — самый вздор

Требовалось завести ~ самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море.

ПБЛ10 — а шинель вещь такого рода, которая требует большого капитала.

Хотя конечно он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг ~ такой!

ПБЛ10 — знал про Петровича, что за ним водилось иногда заломить [сказ<ать>]

Хотя конечно он знал, что ~ вдруг чорт знает какую непомерную цену, так ~ такой!

ПБЛ10 — такую сумму

Хотя конечно он знал, что ~ цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы ~ такой!

ПБЛ10 — что жена даже не могла [что жена даже вск<рикнет?>]

Хотя конечно он знал, что ~ удержаться, чтобы не вскрикнуть: “что ~ такой!

ПБЛ10 — чтобы не прикрикнуть

Хотя конечно он знал, что ~ не вскрикнуть: “что ты, с ума сходишь, дурак такой!

ПБЛ10 — что ты, перекрестись, [перекрестись, дурак] с ума свихнулся, дурак [а. идио<т?> б. дурак-то]

В другой раз ни за что возьмет работать, а теперь ~ цену, какой и сам не стоит.

а. а теперь вот что

б. а разнесет его нелегкая, заправил такую цену ПБЛ10

Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмется сделать; однако ~ восемьдесят рублей?

ПБЛ10 — знал, [Перед этим начато шинель даже за 8<0>] что тот же Петрович возьмется ее и за 80

Хотя, конечно, он знал, что ~ сделать; однако ~ восемьдесят рублей?

ПБЛ10 — Но откуда взять и 80

Еще половину можно ~ другую половину?..

ПБЛ10 — Еще бы половину можно достать, но остальную половину...

Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина.

ПБЛ10 — читателям нужно знать, каким образом первая половина отыскалась.

Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать ~ денег.

ПБЛ10 — со всякого рубля, который случалось ему издерживать на свои необходимейшие потребности

Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ~ денег.

ПБЛ10 — откладывать одну копейку

Акакий Акакиевич имел обыкновение ~ ящичек, запертый на ключ, с прорезанною ~ денег.

ПБЛ10 — запертой на замок

Акакий Акакиевич имел обыкновение ~ на ключ, с прорезанною ~ денег.

ПБЛ10 — с ~ дырочкой для впуска туда грошей

По истечении всякого полугода, он ~ серебром.

а. По истечении месяца

б. По истечении полгода ПБЛ10

По истечении всякого полугода, он ~ серебром.

а. он брал

б. он ревизовал пущен<ые?> гроши и на место их клал серебро ПБЛ10

Так продолжал он ~ сорок рублей.

ПБЛ10 — и потом шло вновь обычным чередом своим, в продолжение нескольких лет оказалось у него более 40 рублей с лишком.

Итак половина была в руках; но где же взять другую половину?

ПБЛ10 — Итак вот та половина, которая была

Итак половина была в руках; но где же~ сорок рублей?

ПБЛ10 — где взять другую

Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что ~ временем.

ПБЛ10 — Акакий Акакиевич решился

Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что ~ года: изгнать ~ временем.

ПБЛ10 — в продолжении хоть одного года уменьшить все издержки свои.

Акакий Акакиевич думал, думал ~ года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать ~ временем.

ПБЛ10 — Отменил [Отменил пи<ть?>] даже чай по вечерам

Акакий Акакиевич думал, думал ~ по вечерам, не зажигать по вечерам

свечи, а если ~ временем.

а. жечь поменьше свечи

б. не зажигать даже по вечерам свечи ПБЛ10

Акакий Акакиевич думал, думал ~ свечи, а если что ~ ее свечке; ходя ~ временем.

ПБЛ10 — а если что ~ так итти в комнатку к хозяйке.

Акакий Акакиевич думал, думал ~ свечке; ходя ~ плитам, почти ~ временем.

ПБЛ10 — ступать как можно легко и осторожно по улицам

Акакий Акакиевич думал, думал ~ на цыпочках, чтобы ~ подметок; как можно ~ временем.

ПБЛ10 — чтобы не истерлись подметки.

Акакий Акакиевич думал, думал ~ подметок; как можно ~ белье, а чтобы ~ временем.

ПБЛ10 — и реже ~ мыть рубашки

Акакий Акакиевич думал, думал ~ белье, а чтобы не занасивалось, то ~ временем.

а. чтобы не заса<лились>

б. чтобы не заносились ПБЛ10

Акакий Акакиевич думал, думал ~ не занасивалось, то ~ его и ~ временем.

ПБЛ10 — дома скидать

Акакий Акакиевич думал, думал ~ оставаться в одном ~ временем.

ПБЛ10 — в демикотоновом халате ~ временем. Может быть он приобрел такую грязноватую поверхность, о которую притуплялось лезвие косы его.

Надобно сказать правду, что сначала ему ~ шинели.

ПБЛ10 — Словом, решился Акакий Акакиевич на все пожертвованья. Сначала

Надобно сказать правду, что сначала ему ~ ограничениям, но ~ шинели.

ПБЛ10 — было ему несколько трудно и тяжело

Надобно сказать правду, что ~ ограничениям, но ~ на лад; даже ~ шинели.

ПБЛ10 — но после начал привыкать

Надобно сказать правду, что ~ на лад; даже ~ по вечерам; но ~ шинели.

ПБЛ10 — начал привыкать даже голодать.

Надобно сказать правду, что ~ он питался духовно, нося ~ шинели.

ПБЛ10 — питался так сказать духовно

Надобно сказать правду, что ~ духовно, нося ~ шинели.

а. представля<я>

б. нося беспрестанно в мыслях своих будущую шинель. ПБЛ10

С этих пор как будто ~ — то полнее, как будто ~ без износу.

ПБЛ10 — как-то существование его сделалось полнее

С этих пор как будто ~ будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто ~ без износу.

а. кто-то другой присутствовал

б. как в тексте ПБЛ10

С этих пор как будто ~ с ним, как будто он был не один, а какая-то ~ без износу.

ПБЛ10 — нет

С этих пор как будто ~ не один, а какая-то приятная подруга жизни ~ без износу.

ПБЛ10 — какая-то подруга

С этих пор как будто ~ жизни согласилась ~ дорогу, — и подруга ~ без износу.

ПБЛ10 — пришла [усладить судьбу]

С этих пор как будто ~ дорогу, — и подруга ~ износу.

ПБЛ10 — Эта подруга была теплая на вате шинель.

Он сделался как-то живее, даже ~ цель.

ПБЛ10 — Он [Перед этим начато: Какая] сделался как будто

Он сделался как-то живее, даже ~ определил и поставил себе цель.

ПБЛ10 — говорил как человек, который уже познал

Он сделался как-то живее, даже ~ определил и поставил себе цель.

ПБЛ10 — заключил в себе цель

С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом все колеблющиеся и неопределенные черты.

ПБЛ10 — нет

Огонь порою показывался ~ на воротник.

ПБЛ10 — Какой-то огонь

Огонь порою показывался в глазах его, в голове ~ мысли: не положить ~ на воротник.

ПБЛ10 — а в голове его весьма часто появлялась [весьма] дерзкая мысль

Огонь порою показывался ~ мысли: не положить ли точно куницу на воротник.

ПБЛ10 — не положить ли в самом деле на воротнике [не положить ли на <воротнике>] куницу

Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности.

ПБЛ10 — всё это сообщало даже некоторое расположение к рассеянности

Один раз, переписывая бумагу, он ~ вскрикнул: “ух!”

а. переписывая на бумаге какое-то важное

б. переписывая донесение к важному лицу на лист первого сорта бумаги ЛБ19

Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: “ух!”

- а. даже чуть было
- б. как в тексте ЛБ19

Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: “ух!”
прокричал ЛБ19

В продолжение каждого месяца он, хотя один раз, наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана.

- а. Через

В продолжение каждого месяца он, хотя один раз, наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана.

как и где лучше

Дело пошло даже скорее, чем он ожидал.

- а. Наконец
- б.

Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей: уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей.

Самое первое то, что директор вздумал расщедриться и Акакий Акакиевич получил ЛБ19

Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей: уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей.

вместо ожидаемых 40 рублей 60 рублей награждения. Это был для него решительно никак неожиданный подарок [Далее начато у него изумило<?> [ЛБ19

Это обстоятельство ускорило ход дела.

Это ускорило значительно составление требуемой суммы ЛБ19

Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей.

Месяца два каких-нибудь голодания ЛБ19

Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей.

а. точно набралось

б. как в тексте РМ5

Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться.

Сердце, которое у Акакия Акакиевича всегда почти пребывало безо всякого биения, начало биться сильнее. ЛБ19

Купили сукна очень хорошего — и не мудрено, потому что об этом думали еще за полгода прежде и редкой месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает.

лучше сукна и не бывает” за крепость Петрович ручался ЛБ19

На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцеvитей. а на подкладку не взял

б. на подкладку взяли

в. как в тексте ЛБ19

На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцеvитей.

казистей ЛБ19

34 Вместо “была точно дорога”

была слишком дорога ЛБ19

На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид

казистей и глянцевитей.

а нашли б выбрали ЛБ19

Куницы не купили, потому что была точно дорогá, а вместо ее выбрали кошку лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу.

признать за куницу ЛБ19

Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше.

За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры.

и взял за одну работу двенадцать рублей ЛБ19

За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры.

потому что все было ЛБ19

За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры.

а. и к тому же Петрович всякой потом шов прожимал

б. и к тому же Петрович потом по всякому почти шву проходил ЛБ19

За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры.

и даже вытиснул ими разные фигуры ЛБ19

Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель.

Это было [Далее начато трудно [не припомним, в какой день, но вероятно это день был ЛБ19

Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель.

торжественнейший ЛБ19

Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель.

по крайней мере, никогда так [так никогда [не был сильно потрясен весь его мир, как мы увидим после. ЛБ19

Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было итти в департамент.

Петрович принес ЛБ19

Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было итти в департамент.

именно пред тем временем ЛБ19

Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было итти в департамент.

как итти ЛБ19

Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться.

не пришлось бы так в пору ЛБ19

Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться.

потому уже начались сильные морозы ЛБ19

Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться.

готовы были увеличиться ЛБ19

Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному.

а. принес

б. явился ЛБ19

В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал.

а. В лице его выражалось

б. как в тексте ЛБ19

В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал.

самое значительное ЛБ19

В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал.

какого Акакию Акакиевичу еще никогда не случалось видеть ЛБ19

Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново.

Казалось, силу чувствовал в это время. ЛБ19

Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынув шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку.

Он [Далее начато придержал [расставивши шинель накинул ЛБ19

Вынув шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку.

очень верно ЛБ19

Вынув шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках,

набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку.

потянул ее рукою снизу ЛБ19

Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку.

потом несколько драпировал ее Акакию Акакиевичу сначала так небрежно [Далее начато Застегнувши вверху воротник [ЛБ19

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же в самом деле, на что, на какие деньги ее сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже размещены и распределены вперед. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи, да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге, словом: все деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директор был так милостив, что, вместо сорока рублей наградных, определил бы сорок пять или пятьдесят, то всё-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя конечно он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чорт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: “что ты, с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмет работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цену, какой и сам не стоит.” Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмется сделать; однако всё же, откуда взять эти восемьдесят рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запертый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода, он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и таким образом в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более, чем на сорок рублей. И так

половина была в руках; но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя по крайней мере в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок; как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы не занасивалось, то всякой раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самым временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно,нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно куницу на воротник. Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: “ух!” и перекрестился. В продолжение каждого месяца он, хотя один раз, навещался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей: уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его,

вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем в лавки. Купили сукна очень хорошего — и не мудрено, потому что об этом думали еще за полгода прежде и редкой месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцевитей. Куницы не купили, потому что была точно дорогá, а вместо ее выбрали кошку лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель. Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было итти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава — вышло, что и в рукава была хороша.

Потом <Акакий> Акакиевич надел ее в рукава ЛБ19

Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава — вышло, что и в рукава была хороша.

и в рукава вышло хорошо ЛБ19

Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз в пору.
оказалось, что шинель как раз в пору ЛБ19

Петрович не упустил при сем случае сказать, что он так только, потому, что живет без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дешево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент.

Акакий <Акакиевич> расплатился с Петровичем ЛБ19

Петрович вышел, вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель, и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо.

а. <Акакий> Акакиевич вышел

б. как в тексте ЛБ19

Петрович вышел, вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель, и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо.

остановился [Перед этим начато дол<го> [на улице, долго еще смотрел на шинель ЛБ19

Петрович вышел, вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель, и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо.

чтобы обогнуть ЛБ19

Петрович вышел, вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель, и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо.

и потом забежать с улицы ЛБ19

Петрович вышел, вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще

смотрел издали на шинель, и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо.

- а. посмотреть вновь уже в лицо
- б. как в тексте ЛБ19

Он чувствовал всякой миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия.
всякое мгновение минут ЛБ19

Он чувствовал всякой миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия.
от удовольствия ЛБ19

- В самом деле две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо.
- а. а другое и уд<обно>
 - б. а другое, что вместе с тем и хорошо ЛБ19

Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару.

- а. Дороги он совер<шенно не приметил>
- б. Несмотря на то, что шел тихо, он почти не приметил дороги ЛБ19

Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару.
скинул свою шинель ЛБ19

Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару.
и обсмотрев ее всю ЛБ19

Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару.
поручил ее особенно покровительству швейцара ЛБ19

Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует.
Не знаем каким образом в департаменте узнали, что ЛБ19

Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует.
что уже нет капота ЛБ19

Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича.
Все выбежали ЛБ19

Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича.
смотреть

Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно.
Потом принялись поздравлять

Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно.
ему стыдно ЛБ19

Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно впрыснуть новую шинель, и что по крайней мере он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал как ему быть, что такое отвечать и как отговориться.
приступили ЛБ19

Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно впрыснуть новую шинель, и что по крайней мере он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал как ему быть, что такое отвечать и как отговориться.
и по крайней мере ЛБ19

Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно впрыснуть новую шинель, и что по крайней мере он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал как ему быть, что такое

отвечать и как отговориться.
должен вечер ЛБ19

Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно впрыснуть новую шинель, и что по крайней мере он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал как ему быть, что такое отвечать и как отговориться.

тут Акакий Акакиевич совершенно потерялся ЛБ19

Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно впрыснуть новую шинель, и что по крайней мере он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал как ему быть, что такое отвечать и как отговориться.

и не знал совершенно ЛБ19

24 Вместо “что такое отвечать и как отговориться”
точно ли это нужно и как от <этого> отговориться и что такое сказать ЛБ19

Он уже минут через несколько, весь покрасневшись, начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель.
нет ЛБ19

Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: “так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник.”

о. Наконец один из чиновников сказал 6” Наконец один из чиновников (какой-то даже помощник столоначальника, захотевший показать свою популярность и что он, несмотря на чин свой, вот дескать какой человек, совсем не гордец и знает с людьми, которые ниже чином) сказал ЛБ19

Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: “так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник.”

так уж и быть, я наместо ЛБ19

Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знается даже с низшими себя, сказал: “так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник.”

а. прошу ко мне сегодня всех

б. как в тексте ЛБ19

Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знается даже с низшими себя, сказал: “так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник.”

я же к тому ЛБ19

” Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотой предложение.

натурально приняли ЛБ19

Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться.

начал было отказываться ЛБ19

Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться.

что стыд и страм ЛБ19

Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться.

и уж никак нельзя

Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройти даже и ввечеру в новой шинели.

отчасти <сделалось> приятно ЛБ19

Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройти даже и ввечеру в новой шинели.

вспомнив ЛБ19

Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели.
и ввечеру еще ЛБ19

Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник.
был точный праздник ЛБ19

Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся.
пришел ЛБ19

Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся.
в самом веселом и приятном ЛБ19

Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся.
и тотчас повесил ее на стене полюбовавшись ЛБ19

Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся.
а. для <сравнения>
б. чтобы сравнить ЛБ19

Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далекая разница!
и взглянувши сам даже усмехнулся ЛБ19

Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далекая
разница!

разница ЛБ19

И долго еще потом за обедом он всё усмехался, как только приходило
ему на ум положение, в котором находился капот.

И потом долго еще усмехался даже за обедом ЛБ19

Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг,
а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело.

очень весело ЛБ19

Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг,
а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело.

уж не писал ЛБ19

Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг,
а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело.

а немножко так ЛБ19

Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг,
а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело.

по-сибаритствовал на кровати ЛБ19

Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на
улицу.

а. И как только уже слишком потемнело, он вышел <на улицу>

б. И как только совершенно потемнело, он приоделся,

т.

е. надел тот же вицмундир на другую жилетку негербовую

в. И как только совершенно потемнело, он приоделся, надел на плечи
шинель и вышел на улицу ЛБ19

Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем
сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в
Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что
весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде.

В какой улице жил ЛБ19

Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что́ ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде.

наверное не помним ЛБ19

18 Вместо “и всё, что ни есть ~ улицы и дома”
и улицы петербургские ЛБ19

Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что́ ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде.

в голове нашей ЛБ19

Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что́ ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде.

трудно выкопать оттуда ЛБ19

Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что́ ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде.

в несбивчивом виде ЛБ19

Как бы то ни было, но верно по крайней мере то, что чиновник жил в лучшей части города, стало быть, очень не близко от Акакия Акакиевича.

а. только верно то-

б. но верно то ЛБ19

Как бы то ни было, но верно по крайней мере то, что чиновник жил в лучшей части города, стало быть, очень не близко от Акакия Акакиевича.

жил не близко от квартиры <Акакия> Акакиевича РМЛ

Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника, улицы становились живее, населенней и сильнее освещены.

населеннее [Перед этим начато лучше [и живее, лучше освещены ЛБ19

Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами.

начали показываться ЛБ19

Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами.

и дамы ЛБ19

Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами.

и мужчины в бобровых воротниках ЛБ19

Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами.

реже спешили<?> ваньки в деревню <с> решеточными своими санками и старым ковриком, посыпанным овсом ЛБ19

Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами.

попадались извозчики лихачи с лакированными санками и медвежьими одеялами, кареты и форейторами ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.

картинку ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.

была изображена ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.»

а. полная красивая женщина

б. полная и граци<озная> женщина, скидающая с ноги своей башмак ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.

потом посмотрел на другую, [на другую, где уже [которая казалось

служила [казалось была [продолжением первой, где изображена была такая же красивая женщина, уже раздевшись в постеле [уже лежащая в постели [ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.

а из дверей ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой.

а. выглядывал б”. как в тексте ЛБ19

Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой. П

Тр — эспаньолкой

ЛБ19 — шпанкой

7 Вместо “Почему он усмехнулся ~ и узнать всё, что он ни думает”
и вновь почувст<вовал> не без удов<ольствия>

Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника.

Прошедши <?> улицу он

Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника.

а. квартировал пригласивший чиновник

б. как в тексте ЛБ19

Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил

фонарь, квартира была во втором этаже.

а. прот<ив> лестницы <?>

б. на лестнице висел фонарь

в. на лестнице был фонарь ЛБ19

Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели всё шинели, да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами.

Взошедши в переднюю он увидел на полу целые ряды калошей, а по стене [и на сте<не> раз<вешены> [ЛБ19

На стенах висели всё шинели, да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами.

множество висевших плащей и шинелей. Большой самовар стоял на полу посылая клубами пар ЛБ19

За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей.

Сквозь дверь слышен был ЛБ19

За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей.

глухой шум и говор, который вдруг сделался ясным и звонким [ясным и ярким [

За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей.

а. как отворилась дверь

б. как в тексте ЛБ19

За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными

и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей.

а. с подносом, на котором стоял

б. с подносом установленным ЛБ19

За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей.

выпитыми <?> стаканами и корзинкой [стаканами и бокалами <?> [с сухарями ЛБ19

Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю.

Знать чиновники уже давно собрались и уселись <?> в вист ЛБ19

Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю.

и по первому стакану чая было уже выпито ЛБ19

Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его: беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев.

вошел в дверь ЛБ19

Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его: беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев.

вдруг мелькнули ЛБ19

Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его: беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев.

зашумел в уши смех, разговор ЛБ19

Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его: беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев.

шум подвигаемых стульев ЛБ19

Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что́ ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель.

Вош<едшего> Акакия Акакиевича приняли ЛБ19

Но его уже заметили, приняли с криком и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель.

пошли вновь ЛБ19

Но его уже заметили, приняли с криком и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель.

и обсмотрели вновь ЛБ19

Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель.

а. Хотя Акакий Акакиевич <и сконфузился>

б. Акакий Акакиевич хоть и сконфузился ЛБ19

Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель.

но внутренно не мог [отчасти не мог [чтобы несколько не порадоваться ЛБ19

Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель.

а. видя <как> ей дивились

б. видя как похваливали ее. ЛБ19

Потом, разумеется, все бросили и его и шинель, и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста.

Потом все бросили его ЛБ19

Потом, разумеется, все бросили и его и шинель, и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста.

засели за столы с вистом ЛБ19

Всё это: шум, говор и толпа людей, всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу.

Акакию Акакиевичу всё это было как-то чудно ЛБ19

Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать.

и он просто не знал ЛБ19

Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать.

как выйти вон ЛБ19

Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать.

Он подсел ЛБ19

Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать.

смотрел в карты тому и другому, [потом] засматривал также им в лица ЛБ19

Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать.

приходило то время ЛБ19

Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать.

он обыкновенно ЛБ19

Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, в честь обновки, по бокалу шампанского.

что он непременно должен ЛБ19

Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, в честь обновки, по бокалу шампанского.

бокал шампанского в честь обновки ЛБ19

Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского.

Нечего бы<ло> делать, Акакий Акакиевич дождался шампанского. Через час ЛБ19

Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского.

телятины и паштета ЛБ19

Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело.

почувствовал” так что тот даже почувствовал ЛБ19

Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой.

сделалось как-то веселее ЛБ19

Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой.

и весьма поздно ЛБ19

Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и опустился по лестнице на улицу.

удерживать еще хозяин ЛБ19

Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и опустился по лестнице на улицу.

снял с нее всякую пушинку” нашел свою

Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу.

надел ее ЛБ19

Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и опустился по лестнице на улицу.

вышел с лестницы

На улице всё еще было светло.

а. По улице он шел

б. По улице было всё [всё было [еще светло ЛБ19

Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однако ж длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания.

лавочки ЛБ19

Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однако ж длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания.

нет ЛБ19

Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однако ж длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания.

в иных же ЛБ19

Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однако ж длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания.

сквозь щель во всю дшну дверей виден был свет ЛБ19

Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однако ж длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания.

вероятно составилось там что-нибудь вроде раута Амалы Павловны и Семена приказчика учтиво прислуживающего с потряхиванием [поско<рее>] ЛБ19

Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения.

в очень хорошем расположении духа то закрывались? ЛБ19

Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. П

Тр — побежал было

Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. и даже вдруг пошел было [Не дописано. [очень скоро [

а. даже чуть было не побежал

б. даже пошел было неизвестно почему [, когда мимо его прошла как молния какая-то дама в шляпке ЛБ19

Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения.

смело [Перед этим начато кот<орая> [вертевшаяся [вертевшаяся вдали [всем своим телом ЛБ19

Но однако ж он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси.

Но он ЛБ19

Но однако ж он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси.

принял обычный свой

Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером.

Пошел, Но скоро людные улицы [скоро улицы [<кончились>, начались те ЛБ19

Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером.

которые и днем-то не весьма кипят народом ЛБ19

Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки.

Теперь стал! они

3 Вместо “фонари стали мелькать ~ масла, как видно, уже меньше отпускалось”: Фонаря мелькали кое-где ЛБ19

Но его уже заметили, приняли с криком и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель, и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Всё это: шум, говор и толпа людей, всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, в честь обновки, по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и опустил по лестнице на улицу. На улице всё еще было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однако ж длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания. Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно

почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но однако ж он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки.

стали попадаться заборы, деревянные

Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки.

снег ЛБ19

Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки.

и чернели ЛБ19

Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки.

заснувшие с закрытыми ставнями дома ЛБ19

Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею.

Потом перерезывалась площадь, [площадь с пустырем [глядевшая страшным пустырем ЛБ19

Вдали, бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света.

в какой-то будке ЛБ19

Веселость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась.
Веселость ~ вдруг уменьшилась ЛБ19

Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. “Нет, лучше и не глядеть”, подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить.

Он оглянулся назад и по сторонам и <для> высматриванья мест оборотился, чтобы итти своей дорогой, вдруг увидел ЛБ19

“Нет, лучше и не глядеть”, подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить.

стояли ЛБ19

“Нет, лучше и не глядеть”, подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить.

не мог даже различить” какие-то предюжие <?> солдаты или что-то похожее, уж никак не мог различить этого ЛБ19

У него затуманило в глазах и забилося в груди.
Сердце

” сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник.
ухвативши ЛБ19

Акакий Акакиевич хотел было уже закричать “караул”, как другой приставил ему к самому рту кулак, величиною в чиновничью голову, примолвив: “а вот только крикни!”

хотел закричать ЛБ19

26 Вместо “к самому рту кулак, величиною с чиновничью голову, примолвив”

кулак в самые губы и закричал ЛБ19

Акакий Акакиевич хотел было уже закричать “караул”, как другой приставил ему к самому рту кулак, величиною в чиновничью голову, примолвив: “а вот только крикни!”

вот только крикни! ЛБ19

” Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал.

слышал только, как сорвали с него ЛБ19

” Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал.

толкну<ли> ему сначала пинка, а потом коленом ЛБ19

” Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал.

в снег почти без чувств ЛБ19

Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было.

Когда он очуствовался и приподнялся с земли ЛБ19

Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было.

никого уже не было ЛБ19

Он чувствовал, что в поле холодно, и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади.

Он слышал по холоду, проникавшему его в спину и плечи, что на нем нет <шинели> ЛБ19

Он чувствовал, что в поле холодно, и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади.

стал в отчаянии кричать он ЛБ19

Он чувствовал, что в поле холодно, и шинели нет, стал кричать, но

голос, казалось, и не думал долетать до концов площади.
всё бесполезно ни души не было <на> площади ЛБ19

Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого чорта бежит к нему издали и кричит человек.

В отчаянии он пустился бежать к будке, которая была шагах в двести ЛБ19

35 Вместо “подле которой стоял будочник и <глядел> какого

чорта бежит к нему издали и кричит человек”: а. Будочник, казалось, ожидал видя бегущего человека б. Будочник, пораженный крик<ами> остановился и рассматривал с любопытством бегущего к нему человека ЛБ19

1 Вместо “Акакий Акакиевич ~ начал задыхающимся голосом кричать, что он спит — ~ не видит, как грабят человека. Будочник отвечал”

а. Акакий Акакиевич принялся укорять будочника [Сверхо написано На все ответ его был [, что он ни за чем не смотрит, что возле грабят человека. На всё ответ его был

б. Акакий Акакиевич принялся укорять будочника [Сверху написано На всё ответ его был [, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. <Будочник> отвечал ЛБ19

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.

ничего не видал ЛБ19

” Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. ЛБ19

П, Тр — никого

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его

приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.
что он видел ЛБ19

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.
остановили на площади ЛБ19

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.
два какие-то ЛБ19

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.
да подумал что его приятели ЛБ19

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.
пусть лучше он завтра сходит в часть к квартальному ЛБ19

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.
так квартальный ЛБ19

Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу.
прибежал к себе домой ЛБ19

Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу.

- а. в таком беспорядке
- б. как в тексте ЛБ19

Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу.

которые у него водились еще на висках и на затылке ЛБ19

Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу.

растрепались ЛБ19

Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу.

спина и бок ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

хозяйка ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

- а. испугалась когда увидела

б. услыша ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

стук в двери ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

а. без баш<мака>

б. в одном башмаке ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

вышла отворить ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

и отступила ЛБ19

Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича.

когда его увидела ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала,

что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

А когда услышала ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

перекрестилась и всплеснула

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

да и станет водить ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

лучше всего прямо к частному ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

что она даже знает его ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

которая прежде служила у нее ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

по улицам мимо ее окон ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

и что в церкви бывает, на всё смотрит и молится в то же время ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

и что по всему видно ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек.

что он добрый ЛБ19

Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого.

Выслушав такое определение ЛБ19

Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого.

Акакий Акакиевич однако же провел ночь весьма [совершенно [плохо ЛБ19

Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось.

а поутру рано отправился ЛБ19

Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось.

в десять часов ЛБ19

Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось.

его пустить ЛБ19

37 Вместо “Так-что наконец”

Наконец ЛБ19

Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят.

показать твердый характер ЛБ19

Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят.

сказал ЛБ19

Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят.

пришел

Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили

его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.

и что ЛБ19

Против этого писаря ничего не посмели сказать и один из них пошел вызвать частного.

не посмели ничего ЛБ19

Против этого писаря ничего не посмели сказать и один из них пошел вызвать частного.

пошел вызвать ЛБ19

Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели.

как-то странно

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

преимущественно обратить внимание ЛБ19

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

так поздно возвращался как никто <?> не ходит и [Не дописано. [ЛБ19

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

не был ли ЛБ19

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал

расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

в непотребном ЛБ19

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

бедный Акакий Акакиевич даже сконфузился ЛБ19

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

никак не зная ЛБ19

Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет.

возымеет ли ход ЛБ5

Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее.

не был в присутствии и явился только на другой день ЛБ19

На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее.

в старом своем капоте, который был еще плачевнее прежнего ЛБ19

Повествование о грабеже шинели, несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло.

а. о похищении шинели>

б. о ночном грабительстве шинели ЛБ19

Повествование о грабеже шинели, несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло.

многие чиновники не пропустили и тут ЛБ19

Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак сумма оказалась самая бездельная.

чиновники все почти и без этого уже поистратились ЛБ19

Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак сумма оказалась самая бездельная.

будучи обязаны подписом ЛБ19

Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак сумма оказалась самая бездельная.

а. начальника ~ большого приятеля сочинителя

б. как в тексте ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

Один кто-то — решил ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

сказав ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

квартальный, хотя конечно <?> может случиться, что желая ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

показать себя и получить одобрение ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

и отыщет ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

нет ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

а лучше всего чтобы он обратился [Далее начато возврати<лся?>
[прямо ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело.

списавшись ЛБ19

Нечего делать, Акакий Акакиевич решился итти к значительному лицу.
Акакий

Какая именно и в чем состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным.

нет ЛБ19

Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом.
это значительное лицо ЛБ19

Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом.
а. еще не так давно
б. еще недавно ЛБ19

На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее.
сделалось ЛБ19

Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом.
оно было ЛБ19

Впрочем место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное.

Впрочем надобно сказать, что и теперешнее место [что место [не было [еще не было [так высшее <?> между значущими людьми, но оно было очень важно в глазах многих пониже [в глазах многих неважных людей [и потому он приобрел название значительного лица ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

усилить значительность свою

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский

регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

вспомоществующими средствами ЛБ19

“Нет, лучше и не глядеть”, подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить.

а именно ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

когда приходит на должность ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

а. чтобы пред комнатою его

б. как в тексте ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

чтобы по порядку ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

докладывал ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

губернскому регистратору ЛБ19

Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него.

и чтобы уже таким

образом доходило дело до него”: и так уже чтобы доходило до его РМ5

Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякой дразнит и корчит своего начальника.

Что ж, увы, делать. Известно, русской обычай у нас всё заражено подражанием ЛБ19

Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякой дразнит и корчит своего начальника.

всякой подражает один другому ЛБ19

Вдали, бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась

стоявшею на краю света.

что один какой-то ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол.

его сделали ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол.

особенной небольшой канцелярии РМf,

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол.

тотчас ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол.

особенную комнатку ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставитья обыкновенный письменный стол.

капельдинеров — с галунами ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставитья обыкновенный письменный стол.

а. которые отворяли

б. как в тексте РМ5

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставитья обыкновенный письменный стол.

за ручку у дверей ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставитья обыкновенный письменный стол.

а. прежде провозглашали имя

б. отворяли ЛБ19

Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его

правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол.

не мог даже поместиться большой письменный стол РМ5

Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны.

Приемы и обычай ЛБ19

Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны.

были не многосложны ЛБ19

Главным основанием его системы была строгость. в лицо тому, которому говорил”

а. Прежде всего он почитал необходим<ым>

б. Главным [Перед этим начато подле [порядком вещей он почитал надлежащую строгость и что <следует держать?> чиновников в величайшем страхе ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.

хотя и для этого ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.

не было законной причины ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.

- а. чиновники
- б. как в тексте ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.
его присутствие РМ5

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.
дрожали <?> совершенно ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.
и уж завидя ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.
оставляли дела и ожидали ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.
в вытяжку ЛБ19

Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату.
пока он пройдет комнату ЛБ19

Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: “как вы смеете?”

С Низшими чиновниками у него обыкновенно разговор состоял из двух или трех фраз ЛБ19

знаете ли вы, с кем говорите?

и знаете ли вы ЛБ19

понимаете ли, кто стоит перед вами?”

нет ЛБ19

” Впрочем он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив; но генеральский чин совершенно сбил его с толку.

один [Перед этим начато пока [генераль<ский> чин как-то его немножко сбил с пути ЛБ19

Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть.

несколько спутался ЛБ19

Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть.

никак не знал как ему <быть> ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

Если ему попадалось быть ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

он был как следует, очень порядочный ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

и во многих отношениях не глупый ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

как только попадалось ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

где были все ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

он был хоть из рук вон ЛБ19

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

и положение его

Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше.

он мог

В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамилиарно, и не уронит ли он чрез то своего значения?

а. Хотел очень

б. В глазах его было видно желание ЛБ19

В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамилиарно, и не уронит ли он чрез то своего значения?

присоединиться к ~ разговору ЛБ19

В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамилиарно, и не уронит ли он чрез то своего значения?

но останавливало его во<просом?> ЛБ19

В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамилиарно, и не уронит ли он чрез то своего значения?

не слишком ли уж много будет со стороны его ЛБ19

В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамилиарно, и не уронит ли он чрез то своего значения?

значения” не уронит ли он как-нибудь своего веса ЛБ19

И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека.

и он оставался почти вечно в молчащем состоянии ЛБ19

И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека.

изредка произнося только односложные [одни самые односложные [<звуки> ЛБ19

И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека.

получил ~ завидный титул ЛБ19

Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее идти дело.

значительному человеку ЛБ19

К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя впрочем кстати для значительного лица.

а. весьма некстати для <себя>

б. как в тексте ЛБ19

К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя впрочем кстати для значительного лица.

но очень кстати ЛБ19

Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался.

в то время в своем кабинете ЛБ19

Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался.

разговаривал очень.

Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался.

с одним своим ЛБ19

В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин.

ему доложили ЛБ19

В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин.

Башмак<евич?> ЛБ19

Он спросил отрывисто: “кто такой?”

спросил ЛБ19

” ему отвечали: “какой-то чиновник”.

чиновник ЛБ19

может подождать, теперь не время”, сказал значительный человек.

нет ЛБ19

Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговарили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая друг друга по ляшке и приговаривая: “так-то, Иван Абрамович!”

Хотя значительный человек немножко и прилгнул ЛБ19

Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговарили обо

всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепливая друг друга по ляшке и приговаривая: “так-то, Иван Абрамович!”

потому что они давно ЛБ19

Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепливая друг друга по ляшке и приговаривая: “так-то, Иван Абрамович!”

обо всем переговорили с приятелем ЛБ19

Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепливая друг друга по ляшке и приговаривая: “так-то, Иван Абрамович!”

и уж только изредка, между длинными паузами поговаривали Друг другу ЛБ19

” — “этак-то, Степан Варламович!”

да этак-то ЛБ19

” Но при всем том однако же велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней.

но однако же ЛБ19

” Но при всем том однако же велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней.

он приказал слуге обождать ЛБ19

” Но при всем том однако же велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней.

показать приятелю, сколько времени ЛБ19

” Но при всем том однако же велел он чиновнику подождать, чтобы

показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней.

у него ждут чиновники в передней ЛБ19

4 Вместо “Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши”

Наконец наговорившись и намолчавшись выкуривши ЛБ19

Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: “да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти”.

по сигарке ЛБ19

Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: “да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти”.

на покойных и удобных креслах ЛБ19

Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: “да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти”.

как будто вспомнил ЛБ19

Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: “да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти”.

а да ведь там, кажется, стоит чиновник ЛБ19

Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у

дверей с бумагами для доклада: “да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти”.

скажи ему ЛБ19 9 Вместо “что он может” что может ЛБ19

Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенькой вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: “что́ вам угодно?”

а. изн<ошенный> вицмундир

Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенькой вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: “что́ вам угодно?”

он спросил ЛБ5

” голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заране у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина.

голосом ровным, твердым ЛБ19

” голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заране у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина.

которому он учился у себя в кабинете и перед зеркалом ЛБ19

” голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заране у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина.

цел<ых> три или четыре дня как только получил свое место ЛБ19

Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц “того”, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г.

Акакий Акакиевич как мог ЛБ19

Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц “того”, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен

бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г.

по-своему изложил ЛБ19

Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц “того”, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г.

что была-де” что вот была-де ЛБ19

Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц “того”, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г.

самым бесчеловечным ЛБ19

Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц “того”, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г. обер-полицмейстером, или другим кем, и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамилиарным.

нет ЛБ19

“Что вы, милостивый государь”, продолжал он отрывисто: “не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...”

Что ж, вы разве не знаете порядка дела, сказала значительное лицо. Об этом вы должны бы ЛБ19

Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала,

что нужно идти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать и один из них пошел вызвать частного. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет. Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель

всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился итти к значительному лицу. Какая именно и в чем состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него. Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякой дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее “комнатой присутствия” и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в “комнате присутствия” насилу мог уставитья обыкновенный письменный стол. Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. “Строгость, строгость и — строгость”, говаривал он обыкновенно, и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: “как вы смеете? знаете ли вы, с кем говорите? понимаете ли, кто стоит перед вами?” Впрочем он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив; но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с

ровными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя впрочем кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: “кто такой?” ему отвечали: “какой-то чиновник”. — “А! может подождать, теперь не время”, сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая друг друга по ляшке и приговаривая: “так-то, Иван Абрамович!” — “этак-то, Степан Варламович!” Но при всем том однако же велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: “да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти”. Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенькой вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: “что́ вам угодно?” голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заране у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с

прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц “того”, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г. обер-полицмейстером, или другим кем, и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамилиарным. “Что вы, милостивый государь”, продолжал он отрывисто: “не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...”

подать просьбу мне в канцелярию мою ЛБ19

Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...”

доставил бы ее уже мне” к столоначальнику, столоначальник бы потом доложил моему секретарю, а секретарь уже мне ЛБ19

32 Вместо “Но, ваше превосходительство, ~ я ваше превосходительство осмелился утрудить потому”

Но, ваше превосходительство, я осмелился потому ЛБ19

“Что, что, что?” сказал значительное лицо: “откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!” Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет.

— Как вы смеете мне это говорить. — Я ничего, ваше превосходительство... я только того... говорил Акакий Акакиевич и дальше никак не мог повор<от>ить языком, он оробел совершенно. ЛБ19

“Знаете ли вы, кому это говорите?”

Да кому вы это говорите, знаете ли [вы], с кем вы говорите ЛБ19

понимаете ли вы, кто стоит перед вами?

понимаете ли, кто перед вами ЛБ19

понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это?

понимаете ли вы это ЛБ19

я вас спрашиваю.” Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно.

Здесь значительный человек для произ<ве>д<ения> большего эффекта даже топнул ногою ЛБ19

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения.

так и обомлел

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения.

и уж никак не мог устоять на ногах ЛБ19

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения.

Тут же подхватили его сторожа, иначе он бы был на полу. ЛБ19

Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения.

Его вывели совершенно ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

А значительный <человек> тем довольный РМ5

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить

даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

эффект произошел сильнее даже нежели он ожидал ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

и что слова его ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

а. могут такой <?>

б. могут лишить чувств ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

а. не без удовольствия взглянул

б. взглянул искоса ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

что он на это ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

и увидел не без удовольствия ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

что приятель находится ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

в каком-то самом неопределенном ЛБ19

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

и начинал даже

А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

чувствовать некоторый страх ЛБ19

Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье и приговаривает: виноват, ваше превосходительство; то, наконец, даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, от роду не слыхав от него ничего подобного, тем более, что слова эти следовали непосредственно за словом “ваше превосходительство”. Тр

П—то спрашивая

Исчезло и скрылось существо никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; — существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчет, что не может больше прийти, и на запрос: “почему?” ЛБ19

П, Тр — как обрушивается оно на главы сильных мира сего!

Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей.

ЛБ19, П, Тр — но даже и надворных советников

Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания

шинелей.

РМ5, П, Тр — частого сдергивания

Но мы однако же совершенно оставили одно значительное лицо, который по-настоящему едва ли не был причиной фантастического направления впрочем совершенно истинной истории. Тр

П— одно значительное лицо, которое

Итак, значительное лицо сошел с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: “к Каролине Ивановне”, а сам, закутавшись весьма роскошно в теплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть, когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. ред

П, Тр — стал в сани

ЛБ19 — сел в санки.

КОЛЯСКА

Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — город Б.

Глина на них обвалилась от дождя, и стены вместо белых ~ вырубить. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — Глина на домах обвалилась

Редко, очень редко какой-нибудь ~ полутележке, выглядывая из мучных наваленных мешков и ~ жеребенок. ПС, 1836;

П, Тр — выглядывая из-за наваленных мучных мешков

Редко, очень редко какой-нибудь ~ за которую бежит жеребенок. Тр; ПС, 1836, П — бежал

Самая рыночная площадь имеет ~ дощатый забор, выкрашенный ~ крыжовником. ЛБ5;

ПС, 1836, П, Тр — двор

В других местах всё почти плетень; посреди ~ играющих около дверей в свайку. ПС, 1836;

П, Тр — у дверей

Низенькие домики часто видели проходящего ~ иногда поставить на карточку дрожки, которые ~ салом. ЛБ5, П, Тр;

ПС, 1836 — поставить тихомолком от генерала на карточку дрожки

Низенькие домики часто видели проходящего ~ сегодня катался в них маиор, завтра ~ салом. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — катался на них

Низенькие домики часто видели проходящего ~ маиорский денщик подмазывал их салом. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — денщик подмазывает

На лобном месте солдат с усами ~ глаза вверх. ЦД;

ПС, 1836, П, Тр — нет

ЛБ5 — На лобном месте уж верно солдат усатый мылил бороду мужика, [брил мужика] который сидя молчаливо, рассуждал об остроте бритвы служивого.

Окружные помещики, о которых существовании никто бы ~ зайцами. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — Окружные помещики, о существовании которых

Очень жаль, что не могу припомнить, по какому ~ стук поваренных ножей на ~ заставы. ПС, 1836;

П, Тр — поварских ножей

Весь рынок был забран совершенно для обеда, так что ~ кисель. ПС, 1836;

П, Тр — Весь совершенно рынок был забран

Он служил прежде в одном из кавалерийских полков, был один из числа значительных и видных офицеров. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — был одним из числа

По крайней мере его видали ~ у девиц Тамбовской и Симбирской губернии. ПС, 1836;

П, Тр — Тамбовской и Симбирской губерний

Очень ловко соскакивал перед ними с своей легонькой колясочки или дрожек и чрезвычайно скоро знакомился. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — выскакивал перед ними

Очень ловко соскакивал перед ними с своей легонькой колясочки или дрожек и чрезвычайно скоро знакомился. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — из своей легонькой колясочки

Обед был чрезвычайный ~ всю ночь фрикасеи и желеи. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — фрикасе и желе

Бездна бутылок, длинных ~ на столе, отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров, растрепанная ~ другому. ЛБ5, ЦД;

ПС, 1836, П, Тр — нет

Бездна бутылок, длинных ~ владельцев укладистого фрака, перекрестный ~ другому. ПС, 1836;

П, Тр — окладистого фрака

После обеда все встали ~ с чашками кофию в руках на крыльцо. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — кофе

У генерала, полковника и даже майора мундиры ~ пуговиц. ЛБ5;

ПС, 1836, П, Тр — нет

ЦД — У генерала, полковника и даже у майора мундир был вовсе расстегнут и т. д. как в тексте

“Пуф, пуф, пу, пу, пу...у...у...ф здесь”, сказавши это, генерал весь исчезнул в дыме. ПС, 1836;

П, Тр — весь исчез в дыме

“Шаг у нее хорош; только... чорт его знает... этот дурак фершел дал ей каких-то пилюль, и вот уже два дня всё чихает”. ЛБ5, ПС, 1836;

П, Тр — фельдшер

Когда я служил, то у меня в ящики ~ и два чубука, ваше превосходительство, такие длинные, как с позволения сказать солитер, а ~ поместить”. ЦД;

ПС, 1836, П, Тр — два чубука ~ самые длинные

Чертокуцкий выступал вперед как-то развязнее, и голос его ~ удовольствием. Тр;

ПС, 1836, П — Чертокуцкий выступает

ЛБ5 — Крапушкин выступал

Чертокуцкий после этого хотел ~ обеда; он взял уже было и шляпу в руки, но ~ времени. ПС, 1836;

П, Тр — взял было уже и шляпу

Скоро всё общество разделилось ~ углах генеральских комнат. ПС, 1836;

П, Тр — всё общество ~ рассеялось по разным углам
ЛБ5 — всё общество ~ порассело<сь> по всей комнате

Сыгравши два роберта, Чертокуцкий ~ пора”. ЛБ5, ПС, 1836;
П, Тр — робера

Играющие в вист были ~ разговор. ПС, 1836, П;
Тр — Игравшие

В другом углу завязался довольно жаркой спор о баталионном учении,
и ~ году?” ПС, 1836;
П, Тр — эскадронном

Само собою разумеется, что в винах не было недостатка ~ потому, что
направо и налево стояла у него бутылка. ПС, 1836, П;
Тр — направо и налево стояли у него бутылки

Один помещик, служивший еще в кампанию 1812 года, рассказал ~
пирожное. ПС, 1836;
П, Тр — Один полковник

Один помещик, служивший еще в кампанию 1812 года, рассказал ~
взял пробку из графина и ~ пирожное. ПС, 1836;
П, Тр — пробку от графина

Словом, когда начали разъезжаться, то уже было три часа, и ~ два
репейника. ПС, 1836;
П, Тр — уже было три часа

В доме всё совершенно спало; кучер ~ кое-как Чертокуцкий добрался
до спальни и уложился возле ~ платье. ПС, 1836;
П, Тр — Чертокуцкий ~ улегся

В доме всё совершенно спало; кучер ~ уложился возле своей
молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей ~ платье. ПС, 1836;
П, Тр — подле ~ жены

Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о том, что уже 12 часов, и супруг
ее спит. ПС, 1836;

П, Тр — уже 12 часов, а супруг ее спит

Что́ делать? далеко они? ПС, 1836;

П, Тр — далеко ли они?

Но ставши в углу сарая, он увидел, что и здесь можно было его как-нибудь увидеть. ПС, 1836;

П, Тр — его как-нибудь видеть

“Барина нет дома”, сказал, выходя на крыльцо, лакей. П, Тр;

ПС, 1836 — сказал, входя на крыльцо, лакей

ЛБ5 — сказал вышедший на крыльцо ~ дворецкий

Они уехали на весь день. Завтра разве около этого только времени будет. ПС, 1836;

П, Тр — Они уехали на весь день. Завтра ~ будут

“Чего изволите?” ЛБ5, П, Тр;

ПС, 1836 — Что изволите?

ЗАПИСКИ СУМАШЕДШЕГО

Октября 3.

ЛБ18 — нет

Услышавши, что уже давно било десять, я поспешил поскорее одеться.

ЛБ18 — било давно десять

Признаюсь, я бы совсем не пошел в департамент, зная ~ отделения.

ЛБ18 — я бы вовсе не пошел в тот день в департамент

Признаюсь, я бы совсем не пошел в департамент, зная заранее, какую ~ отделения.

ЛБ18 — я знал заранее

Он уже давно мне говорит: “что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой?

а. что это братец

б. уже давно говорит он мне [говорит он мне часто, у тебя] ЛБ18

Ты иной раз метаешься, как угорелый, дело ~ номера.” ЛБ18, Ар;

П — мечешься

Ты иной раз метаешься, как угорелый, дело подчас так спутаешь, что ~ номера.”

а. иной раз

б. иногда ЛБ18

Ты иной раз метаешься, как угорелый, дело ~ букву, не выставишь ни числа, ни номера.”

ЛБ18 — никогда не выставишь

Проклятая цапля! он верно завидует, что ~ для его пр-ва.

ЛБ18 — Чорт возьми! он верно завидует

Проклятая цапля! он верно ~ и очиниваю перья для его пр-ва.
ЛБ18 — подчиниваю

Словом, я не пошел бы в департамент, если бы не надежда видеться с казначеем ~ вперед.
ЛБ18 — надежда, что буду видеться

Словом, я не пошел бы в департамент, если бы ~ и, авось-либо, выпросить у ~ вперед.
ЛБ18 — авось-либо как-нибудь успею выпросить

Чтобы он выдал когда-нибудь вперед за месяц деньги — господи боже мой, да скорее страшный суд придет.
ЛБ18 — Чтобы он выдал ~ за месяц [Перед этим начато: часть] часть денег — никогда

А на квартире собственная кухарка бьет его по щекам.
ЛБ18 — его собственная кухарка бьет по щекам

Это всему свету известно.
ЛБ18 — всякому известно

Я не понимаю выгод служить в департаменте.
ЛБ18 — не понимаю выгоды

Вот в губернском правлении, гражданских и казенных палатах ~ пописывает.
ЛБ18 — в гражданских или казенных

Фрачишка на нем гадкой, рожа ~ дачу нанимает!
ЛБ18 — Фрачишка у него

Фарфоровой вызолоченной чашки ~ ему давай пару рысаков, или ~ триста.
а. или пару рысаков
б. неси бобер рублей в триста
в. давай или пару рыжих ЛБ18

Фарфоровой вызолоченной чашки ~ пару рысаков, или ~ триста. ЛБ18;

Ар, П — рыжаков

Фарфоровой вызолоченной чашки ~ или бобер рублей в триста. Ар;
П — бобра.

С виду такой тихенькой, говорит ~ на просителе.
ЛБ18 — Посмотришь тихонькой такой

С виду такой тихенькой, говорит так деликатно: “одолжите ~ на просителе.
а. говорит одол<жите>
б. как в тексте ЛБ18

С виду такой ~деликатно: “одолжите ножичка починить перышко”, а ~ на просителе.
ЛБ18 — подчинить перышко

Правда, у нас зато служба благородная, чистота ~ начальники на вы.
ЛБ18 — Оно правда, у нас служба

Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождик.
ЛБ18 — надел на себя старую

Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождик.
а. дождик шел не умолкая
б. как в тексте ЛБ18

На улицах не было никого; одни только ~ на глаза.
ЛБ18 — По улицам

На улицах не было никого; одни только бабы, накрывшись полами, да ~ на глаза.
ЛБ18 — накрывшись полами платьев

На улицах не было никого; одни только ~ зонтиками, да кучера попадались мне на глаза.
ЛБ18 — да курьеры

Из благородных только наш брат чиновник плелся.

ЛБ18 — чиновник попался мне

Я, как увидел его, тотчас сказал ~ ты не в департамент идешь, ты ~ за тою, что ~ ножки.

ЛБ18 — не в департамент, спешишь вон за тою

нет, голубчик, ты ~ за тою, что ~ ножки.

ЛБ18 — что приподняла немного свое платье и показала в мгнове<ние?> икры свои

Что это за бестия наш брат чиновник!

ЛБ18 — То есть что это за бестия

Ей богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит.

ЛБ18 — пройди только какая-нибудь

Но ему незачем в магазин, я подумал: верно, это его дочка.

ЛБ18 — Но чего бы ему по утру в магазин. Верно это его дочка [Далее начато: Лакей отвор<ил>]

Как взглянула она направо и налево, как мелькнула своими бровями и глазами...!

ЛБ18 — Повернула направо и налево головой из-под шляпы

Как взглянула она направо и налево, как мелькнула своими бровями ~ совсем.

ЛБ18 — мелькнула бровями, глянула [и блеснула глазами] как огонь и ушла. Довольно. Довольно, пропал я совсем. Сокрушила.

И зачем ей выезжать в такую дождевую пору.

ЛБ18 — И чего бы ей в этакую дождевую <пору>

Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок.

ЛБ18 — Велика страсть у женщин до этих всех тряпок. Хоть ты ей

снег сыплет на самую <голову>, а в магазин поедет.

Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок. Ар;

П — ко всем этим тряпкам.

Она не узнала меня, да и я сам нарочно старался закутаться ~ старого фасона.

ЛБ18 — старался нарочно

Она не узнала меня, да и я сам нарочно старался ~ запачканная и притом старого фасона.

ЛБ18 — да притом и старого

Теперь плащи носят с ~ совсем не дегатированное. П;

Ар — дигатированное

Собачонка ее, не успевши вскочить в дверь магазина, осталась на улице.

ЛБ18 — Я остался подождать. Собачонка.

Собачонка ее, не успевши вскочить в дверь магазина, осталась на улице.

ЛБ18 — осталась [Далее начато: потому что] на улице не успевши вскочить в дверь магазина [в дверь в магазине]

Не успел я пробыть минуту, как вдруг слышу тоненький голосок: “Здравствуй, Меджи!”

ЛБ18 — Только не успел я пробыть

Не успел я пробыть минуту, как вдруг слышу тоненький голосок: “Здравствуй, Меджи!”

ЛБ18 — голос тоненький

Я обсмотрелся и увидел под зонтиком ~ раздалось: “Трех тебе, Меджи!” ЛБ18, Ар;

П — осмотрелся

Я обсмотрелся и увидел под зонтиком шедших двух ~ раздалось: “Трех

тебе, Меджи!”

ЛБ18 — шедших под зонтиком

“Трех тебе, Меджи!”

ЛБ18 — Хрех тебе

Эге! сказал я сам себе; да, полно, не пьян ли я?.

ЛБ18 — Эхе, хе! да полно не пьян ли [нет, ну-ка не пьян ли] я?

“Нет, Фидель, ты напрасно думаешь”, — я видел сам, что произнесла Меджи: “я ~ больна.”

ЛБ18 — произнесла, я видел сам, что произнесла Меджи

“Нет, Фидель, ты напрасно думаешь”, — я ~ Меджи: “я была, ав! ав! я была, ав, ав, ав! очень больна.”

ЛБ18 — Я была вав! вав! вав! Я была вав, вав, вав! Я была очень больна

Признаюсь, я очень удивился, услышав ее говорящую по-человечески.

ЛБ18 — когда услышал

Признаюсь, я очень удивился, услышав ее говорящую по-человечески. ЛБ18;

Ар, П — говорящую по-человечески

Но после, когда я сообразил всё это хорошенько, то тогда же перестал удивляться. Ар;

П — то перестал

ЛБ18 — тогда же почти я перестал

Действительно, на свете уже случилось множество подобных примеров.

ЛБ18 — на свете случается множество подобных случаев

Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ~ не открыли.

а. на таком языке странном

б. на таком непонятном языке ЛБ18

Говорят, в Англии выплыла рыба, которая ~ языке, что ученые уже три года стараются определить ~ не открыли.

ЛБ18 — ученые до сих пор стараются

Да чтоб я не получил жалованья!

ЛБ18 — Чорт возьми

Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать. Ар;

П — не слыхал

ЛБ18 — не слышивал

Правильно писать может ~ удивило. ЛБ18;

Ар, П — Это меня удивило.

Признаюсь, с недавнего времени я начинаю ~ не слыхивал.

ЛБ18 — Я должен признаться, что с недавнего времени

Признаюсь, с недавнего времени я ~ и не слыхивал.

ЛБ18 — было: Тут однакоже <1 нрзб.>

Пойду-ка я, сказал я сам в себе, за этой ~ думает. ЛБ18;

Ар, П — сам себе [И везде ниже сам в себе из ЛБ18 взято в основной текст.]

Пойду-ка я, сказал я сам в себе, за этой собачонкою и узнаю, чтó она и чтó такое думает.

ЛБ18 — что она такое думает

Перешли в Гороховую, поворотили ~ дом Зверкова.

ЛБ18 — остановились у дома Зверкова

Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько ~ сидит.

ЛБ18 — Что это за дом, какого народу там не живет.

Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько поляков! а нашей ~ сидит. ЛБ18;

Ар, П — сколько приезжих

Какого в нем народа ~ собак, один на другом сидит.
ЛБ18 — один на другом сидит, а третьим погоняет

Там есть и у меня один приятель, который хорошо играет на трубе.
ЛБ18 — хорошо на трубе играет

Хорошо, подумал я: теперь не пойду, а замечу место и при первом случае не премину воспользоваться.
ЛБ18 — теперь я еще не пойду к вам

Хорошо, подумал я: теперь не пойду, а замечу место и при первом случае не премину воспользоваться.
ЛБ18 — После не премину

Октября 4.
ЛБ18 — нет

Я нарочно пришел пораньше и, засевши, перечинил все перья.
ЛБ18 — забравшись один

А посмотреть в лицо ему: фу, какая важность сияет в глазах!
ЛБ18 — Посмотришь в лицо ему, фу ты

Я еще никогда не слышал, чтобы он сказал лишнее слово.
ЛБ18 — Никогда я еще

Я еще никогда не слышал, чтобы он сказал лишнее слово.
ЛБ18 — сказал когда-нибудь лишнее слово

Только разве когда подашь бумаги, спросит: “Каково на дворе?”
ЛБ18 — Только иногда

Я замечаю, однако же, что он меня особенно любит.
ЛБ18 — Я однако ж замечаю

Я замечаю, однако же, что он меня особенно любит.
ЛБ18 — любит и благоволит

Если бы и дочка... эх канальство!..

- а. Если бы та <?>
- б. как в тексте ЛБ18

Ну, чего хотят они? Взял бы, ей богу, их всех да и перепорол розгами!
ЛБ18;

Ар, П — Взял бы

После этого заметил я, что уже било половину первого, а наш не выходил из своей спальни.

- а. Его п-во к удивле<нию> долго не <выходил>.
- б. После этого заметил ~ а его п-во и т. д. как в тексте

Отворилась дверь, я думал, что директор, и вскочил со стула с бумагами; но это была она, она сама!

ЛБ18 — Я думал, что наш <?> и схватился со стула

Святители, как она была одета! платье ~ солнце!

ЛБ18 — Боже ты мой, как была одета!

Святители, как она была одета! платье ~ лебедь: фу, какое пышное! а как ~ солнце!

ЛБ18 — фу ты, какое пышное платье

Святители, как она была одета! платье ~ солнце, ей богу, солнце! Она ~ не было?”

ЛБ18 — ей богу, солнце. “Папá здесь не было”, сказала она.

Ай, ай, ай! какой голос!

ЛБ18 — какой голосок

Канарейка, право, канарейка!

ЛБ18 — было: Она поглядела на меня и на стены и уронила платок

Ваше превосходительство, хотел я ~ казнить, а если уже хотите казнить, то ~ ручкою.

- а. а хоти<те>
- б. а если хотите

Я кинулся со всех ног, подскользнулся ~ носа, однако ж удержался и

достал платок.

ЛБ18 — но однако ж удержался

Я кинулся со всех ног, подскользнулся ~ и достал платок. Ар;

П — поднял платок

Она поблагодарила и чуть-чуть усмехнулась, так ~ ушла.

ЛБ18 — Она слегка поклонилась

Она поблагодарила и ~ сахарные губки ее почти не тронулись, и после этого ушла.

а. губки ее только что тр<онулись>

б. как в тексте ЛБ18

Она поблагодарила и ~ после этого ушла.

ЛБ18 — и ушла

Я еще час сидел, как вдруг пришел лакей и сказал: “Ступайте, ~ из дому”.

а. как пришел вдруг

б. как пришел ЛБ18

Я еще час сидел, как вдруг пришел лакей и сказал: “Ступайте, ~ из дому”.

ЛБ18 — слуга

Я еще час сидел, как вдруг пришел лакей и сказал: “Ступайте, ~ домой, барин уже уехал из дому”.

а. его <превосходительство>

б. барин

Я терпеть не могу лакейского круга: всегда ~ кивнуть.

ЛБ18 — Чорт возьми, я терпеть не люблю этого лакейского [этого холоп<его>] круга

Этого мало: один раз ~ потчивать табачком.

ЛБ18 — Один раз один из <них> вздумал попот<чивать>

Да знаешь ли ты, глупый холоп, что я чиновник, я благородного

происхождения.

ЛБ18 — Да, я дворянин, глупой ты холоп. Я чиновник

Однако ж, я взял шляпу и надел сам ~ вышел.

ЛБ18 — взял шляпу, надел

Дóма большею частию лежал на кровати. П;

Ар — лежал на кровати

а. лежал в постеле

б. как в тексте ЛБ18

Потом переписал очень хорошие стишки: “Душеньки ~ сказал”.

переписал хороший стишок: На то ль чтобы в печали нам время проводить нам боги сердце дали [Примеч. Н. С. Тихонравова: “В “Полном новейшем песеннике”, собранном И. Гурьяновым, начало этой песни напечатано так: На то ль, чтобы печали / В любви нам находить, / Нам боги сердце дали, / Способное любить? (VII, 8)

Вечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду ее пр-ва и поджидал ~ не выходила.

ЛБ18 — ходил к подъезду его п-ва

Вечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду ее пр-ва и поджидал долго, не выйдет ли ~ не выходила.

ЛБ18 — поджидал долго ее

Ноября 6.

ЛБ18 — нет

Когда я пришел в департамент, он подозвал меня к себе и начал мне говорить так: “Ну, скажи пожалуйста, что ты делаешь?”

ЛБ18 — начал мне говорить

“Ну, размысли хорошенько! ведь ~ дочерью!

ЛБ18 — Ну посмотри на себя, ведь уж за сорок лет, скоро может быть 50 будет. Ведь пора бы <ума> набраться. Ну, что ты думаешь себе. Ведь будто я не знаю проказ твоих. Ведь ты волочишься

Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? ведь ты нуль, более

ничего.

ЛБ18 — Но посмотри

Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? ведь ты нуль, более ничего.

ЛБ18 — ведь ты нуль. Ты — титулярный советник

Взгляни хоть в зеркало на свое лицо, куды тебе думать о том!”

ЛБ18 — Взгляни [Посмотри] на свою образину, на свое платье, на свой костюм

Чорт возьми, что у него лицо похоже несколько ~ всё можно.

ЛБ18 — мордашка похожа

Чорт возьми, что у него лицо ~ на голове клочок волос, завитый ~ всё можно.

ЛБ18 — кусочик волос

Чорт возьми, что у него лицо ~ хохолком, да держит ее кверху, да ~ всё можно.

а. да держит голову вверх

б. да всё держит ее вверх ЛБ18

Чорт возьми, что у него лицо ~ да примазывает ее какою-то ~ всё можно.

ЛБ18 — да помазывает

Чорт возьми, что у него лицо ~ розеткою, так уже думает, что ~ всё можно.

ЛБ18 — так уж и думает

Чорт возьми, что у него лицо ~ что ему только одному всё можно.

ЛБ18 — только одному ему

Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня.

ЛБ18 — Понимаю, понимаю, приятель, отчего это

Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности.

ЛБ18 — Ему завидно: он сам приволакивается

Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности.

ЛБ18 — оказываемые мне знаки

Да я плюю на него! Велика важность ~ его побери!

ЛБ18 — Да что он надворный советник, ему Петерс фрак делает, да что вывесил цепочку золотую к часам, да заказывает сапоги по тридцати рублей, так уж задумал себе чорт знает что... Чорт бы его побрал

Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных, или из унтер-офицерских детей?

ЛБ18 — Да я разве и разночинцев каких-нибудь

Мне еще сорок два года — время такое, в которое, по-настоящему, только что начинается служба.

ЛБ18 — время такое, с которого

Погоди, приятель! будем и мы ~ даст, то чем-нибудь и побольше. ЛБ18, Ар;

П — чем-нибудь

Заведем и мы себе репутацию еще и получше твоей.

ЛБ18 — Заведем ~ квартиру

Заведем и мы себе репутацию еще и получше твоей.

ЛБ18 — и еще может быть получше

Что ж ты себе забрал в голову, что кроме тебя уже нет вовсе порядочного человека.

ЛБ18 — Что ж, конечно, может быть я собою кажусь не так теперь виден

Дай-ка мне ручевской фрак, сшитый ~ в подметки.

ЛБ18 — Дай-ка мне ты <?> ручев<ской> фрак [Далее начато: да подвяжи]

Дай-ка мне ручевской фрак, сшитый ~ себе такой же, как ты, галстук,

— тебе тогда не стать мне и в подметки.

ЛБ18 — такой же галстук, да надень лакированные сапоги.

Ноября 8.

ЛБ18 — нет

Был еще какой-то водевиль ~ стряпчих, особенно на одного коллежского регистратора, весьма ~ в дворяне.

ЛБ18 — и на одного коллежского

Был еще какой-то водевиль ~ цензура, а о купцах прямо говорят, что ~ в дворяне.

ЛБ18 — А о купцах так прямо и говорят

Про журналистов тоже очень забавный куплет: что они любят всё бранить, и что ~ защиты.

ЛБ18 — любят бранить всё

Очень забавные пиесы пишут нынче сочинители.

ЛБ18 — Какие смешные пиесы

Очень забавные пиесы пишут нынче сочинители.

ЛБ18 — авторы

Я люблю бывать в театре.

ЛБ18 — Я люблю бывать иногда в театре. Это услаждает душу

Как только грош заведется в кармане — никак не утерпишь не пойти.

ЛБ18 — Никак не утерпишь, шельмовство, чтобы не пойти, — как только лишний грош в кармане, — в театр. Это однако ж услаждает душу.

А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи: решительно ~ даром.

ЛБ18 — А вот из нашей братьи чиновников такие свиньи

А вот из ~ свиньи: решительно не пойдет, мужик, в театр; разве уже дашь ему билет даром.

ЛБ18 — из которых иной решительно

Пела одна актриса очень хорошо.

ЛБ18 — В театре пела

Ноября 9.

ЛБ18 — нет

Начальник отделения показал такой вид, как будто бы он не заметил моего прихода.

ЛБ18 — не заметил, как я вошел

Проходил мимо директорской квартиры, но никого не было видно.

ЛБ18 — никого не было

Ноября 11.

ЛБ18 — нет

Сегодня сидел в кабинете нашего директора, починил для него ~ пера.

ЛБ18 — подчинил

Сегодня сидел ~ пера, и для её, ай! ай... для её превосходительства четыре пера.

ЛБ18 — нет

Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все ~ узнать!

ЛБ18 — рассмотреть жизнь

Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и ~ узнать!

ЛБ18 — всю эту жизнь, все эти экивоки

Я думал несколько раз завести разговор с ~ не выговоришь.

ЛБ18 — Я хотел ~ завести разговор

Эх, какое богатое убранство!

ЛБ18 — богатое убранство!

Хотелось бы заглянуть ~ хотелось бы мне! в будуар, как ~ на платье.

ЛБ18 — Хотелось бы мне заглянуть, что там она делает. Хотелось бы

заглянуть в будуар этот где... Эх канальство...

Хотелось бы заглянуть ~ скляночки, цветы такие, что ~ на платье.

а. фл<ёр?> не платье

б. как в тексте ЛБ18

Хотелось бы заглянуть ~ такие, что идохнуть на них страшно, как ~ на платье.

ЛБ18 — идохнуть страшно

Хотелось бы заглянуть ~ страшно, как лежит ~ на воздух, чем на платье.

ЛБ18 — лежит это платье, которое она надевает, что похоже больше на воздух

Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет.

ЛБ18 — Хотелось бы заглянуть в спальню... Ай! Ай! Ай!

Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет. ЛБ18;

Ар, П — рай!

Посмотреть бы ту скамеечку, на которую она становится вставая ~ молчание.

ЛБ18 — ставит ~ ножку, на которую надевает как снег белый чулочек

Посмотреть бы ту скамеечку, на которую ~ надевается на эту ножку белый ~ молчание.

ЛБ18 — на нее

Сегодня однако ж меня как бы светом озарило: я ~ проспекте.

ЛБ18 — Однако ж меня вдруг как откровением осенило

Хорошо, подумал я сам в себе: я теперь узнаю всё.

ЛБ18 — Эге, думал я

Хорошо, подумал я сам в себе: я теперь узнаю всё. Ар;

П — подумал я сам себе

ЛБ18 — думал я в себе

Хорошо, подумал я сам в себе: я теперь узнаю всё.

ЛБ18 — узнаю всё, что и как

Признаюсь, я даже подозревал было к себе один раз Меджи и ~ и как?

ЛБ18 — я даже было один раз подозревал к себе

Признаюсь, я даже подозревал было ~ барышню, что́ она и как?

ЛБ18 — что она, как

Я тебе побожусь, что никому не открою.

ЛБ18 — никому не расскажу

Но хитрая собачонка поджала хвост, съёжилась вдвое и ~ не слышала.

ЛБ18 — свернулась в три погибели

Но хитрая собачонка поджала хвост, съёжилась вдвое и ~ не слышала.

ЛБ18 — вышла тихо в двери

Но хитрая собачонка ~ в дверь так, как будто бы ничего не слышала.

Ар;

П — как будто бы

Я давно подозревал, что собака ~ говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство.

ЛБ18 — да только есть какое-то упрямство

Ноября 12.

ЛБ18 — нет

Я терпеть не люблю капусты, запах которой ~ во всю прыть. Ар;

П — Я терпеть не могу

ЛБ18 — Чорт возьми, я терпеть не люблю

Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелочных лавок в Мещанской; к тому же ~ во всю прыть.

ЛБ18 — мелочных лавочек

Я терпеть не люблю капусты, запах которой ~ к тому же из-под ворот каждого ~ во всю прыть.

ЛБ18 — в добавку из-под ворот

Я терпеть не люблю капусты, запах которой ~ ад, что я, заткнув нос, бежал во всю прыть.

ЛБ18 — заткнул нос и бежал

Да и подлые ремесленники напускают копоти и дыму из своих мастерских такое множество, что ~ прогуливаться.

ЛБ18 — пускают такую копоть и едкой дым из своих мастерских

Да и подлые ремесленники ~ множество, что человеку благородному решительно невозможно здесь прогуливаться. ЛБ18;

Ар, П — что решительно

Когда я пробрался в шестой этаж и зазвонил в колокольчик, вышла девчонка не совсем ~ веснушками.

ЛБ18 — молоденькая девчонка

“Мне нужно поговорить с вашей собачонкой”

ЛБ18 — с собачонкой вашей Фиделькой

Девчонка была глупа!

ЛБ18 — Она посмотрела мне в глаза, глупая

Я увидел однако же в углу её лукошко.

ЛБ18 — Я однако ж увидел

Э, вот этого мне и нужно! Ар;

П — вот этого-то мне и нужно

ЛБ18 — вот это мне и нужно

Скверная собачонка, увидевши это, сначала ~ сказал: “Нет, голубушка, прощай!”

ЛБ18 — Дрянная собачонка

Скверная собачонка, увидевши это, сначала ~ сказал: “Нет, голубушка, прощай!”

ЛБ18 — как увидела это

Скверная собачонка, увидевши ~ за икру, а потом когда пронюхала, что ~ сказал: “Нет, голубушка, прощай!”

ЛБ18 — а после увидевши

Скверная собачонка, увидевши ~ ластиться, но я сказал: “Нет, голубушка, прощай!”

ЛБ18 — нет

Скверная собачонка, увидевши это, сначала укусила меня за икру, а потом когда пронюхала, что я взял бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказал: “Нет, голубушка, прощай!”

ЛБ18 — Нет, голубушка, поздно <?>

Я думаю, что девчонка приняла меня за сумасшедшего, потому что испугалась чрезвычайно.

ЛБ18 — девчонка-то

Я думаю, что девчонка приняла меня за сумасшедшего, потому что испугалась чрезвычайно.

а. ужасно испугалась

б. как в тексте ЛБ18

Теперь-то, наконец, я узнаю все дела, помышления, все эти пружины, и доберусь наконец до всего.

все дела [всё что] и все эти пружины

Теперь-то, наконец, я узнаю все дела, помышления, все эти пружины, и доберусь наконец до всего.

ЛБ18 — Я доберусь

Собаки народ умный, они ~ верно там будет всё: портрет и все дела этого мужа.

ЛБ18 — там будет всё про нашего

Там будет что-нибудь и о той, которая... ничего, молчание!

ЛБ18 — верно и про ту

Ноября 13.
ЛБ18 — нет

А ну, посмотрим: письмо довольно четкое.
а. пер<о довольно четкое>

б. как в тексте ЛБ18

Однако же в почерке всё есть как будто что-то собачье.
ЛБ18 — Однако ж всё есть как будто что-то собачье в подчерке.

Милая Фидель! я всё не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени.
ЛБ18 — я всё однако же не могу

Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего?
ЛБ18 — Будто не могли тебе дать лучшего имени

Фидель, Роза — какой пошлый тон, однако ж, всё это в сторону.
ЛБ18 — нет

Я очень рада, что мы вздумали писать друг к другу.

а. мы положили
б. как в тексте ЛБ18

Я очень рада, что мы вздумали писать друг к другу.
После друг к другу начато: Эта дрянная со<бачонка>

Пунктуация и даже буква ять везде на своем месте.
ЛБ18 — И пунктуация и да<же> ять на своем месте

Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения, хотя ~ в университете.
ЛБ18 — Да эдак не написать и нашему начальнику

Да эдак просто не напишет ~ где-то учился в университете.
ЛБ18 — в университете учился

Гм! мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню.

а. переведенного с немецкого Лабзиным, напечатанного не помню в котором году

б. переведенного с немецкого Лабзиным. Заглавия не могу припомнить. ЛБ18

Я говорю это по опыту, хотя и не бегала по свету далее ворот нашего дома.

а. далее нашей улицы

б. как в тексте. [Далее начато: Возьм<и?>]

Моя ли жизнь не протекает в удовольствии?

ЛБ18 — не протекает в довольстве

Моя барышня, которую папа называет Софи, любит меня без памяти.

ЛБ18 — Барышня София Ивановна меня любит до без памяти

Ай, ай!.. ничего, ничего. Ар;

П — ничего!..

Ах, ma chère, я должна тебе сказать, что я вовсе не вижу удовольствия в больших ~ Полкан.

ЛБ18 — не нахожу вкусу

Кости хороши только из дичи ~ мозга.

ЛБ18 — Никакого совершенно вкусу. Кости хороши

Кости хороши только из дичи и притом ~ мозга. ЛБ18, Ар;

П — от дичи

Кости хороши только из дичи и притом тогда, когда еще никто не высосал из них мозга.

ЛБ18 — и тогда, когда еще не высох в них мозг. Я никак не могу [Я никак не нахожу] довольствоваться грубым вкусом.

Очень хорошо мешать ~ без зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновения ~ шарики.

ЛБ18 — А вот в этом, что иногда [А вот что иногда делают] возьмут тарелку супу и накрошат туда хлеба, то признаюсь, я в этом совсем не вижу вкуса. [не вижу толку] Чорт знает что такое. Я даже никогда не притрагиваюсь. Кстати когда уже пришлось к слову я не знаю как ты, но я не знаю ничего хуже

Чорт знает, что такое.

ЛБ18 — Чорт знает что

Экой вздор!

ЛБ18 — какая дрянь

Посмотрим на другой странице.

а. Посмотрим далее

б. как в тексте ЛБ18

Я с большою охотою ~ называет папа.

ЛБ18 — нет

Это очень странный человек.

ЛБ18 — Папа чрезвычайно странный

Да; я знал: у них политической взгляд на все предметы.

ЛБ18 — у них политической взгляд, они всё высмотрят

... очень странный человек.

ЛБ18 — Папа чрезвычайно странный

Он больше молчит.

ЛБ18 — больше всё молчит

Говорит очень редко; но неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: получу или не получу?

ЛБ18 — Очень редко говорит

Говорит очень редко; но неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: получу или не получу?

ЛБ18 — очень часто говорил сам с собою

Потом, ma chère, через неделю папа пришел в большой радости.
ЛБ18 — пришел в большом удовольствии

Всё утро ходили к нему господа в мундирах и с чем-то поздравляли.
а. Весь день
б. как в тексте ЛБ18

За столом папа был так весел, как ~ такое”. ЛБ18;
Ар, П — он был так весел

За столом папа был так весел, как ~ ее не высекли!
ЛБ18;
Ар, П — нет

А! так он честолобец!
Э! [Далее начато: Да <1 нрзб.>] так он выходит честолобец

Завтра окончу письмо.
ЛБ18 — окончу свое письмо

Ну, здравствуй! я теперь снова с тобою.
ЛБ18 — нет

А! ну, посмотрим, что Софи.
ЛБ18 — А, а! посмотрим...

...барышня моя Софи была в чрезвычайной суматохе.
ЛБ18 — Сегодня барышня

Она собиралась на бал, и я обрадовалась, что в отсутствие ее могу
писать к тебе.

ЛБ18 — Она собиралась на бал и на нее надели целую кучу

Она собиралась на бал, и я обрадовалась, что в отсутствие ее могу
писать к тебе.

ЛБ18 — я очень обрадовалась

Я никак не понимаю, ma chère, удовольствия ехать на бал.

ЛБ18 — я не могу понять, отчего люди одеваются, почему не ходят так, например, как мы: и хорошо и покойно. — Гм. Дура! Тотчас видно собачий ум. А кто бы тогда узнал, какой чин на нем? — Я никак не понимаю ~ ехать на бал

Софи приезжает с балу домой в 6 часов утра, и я ~ есть.

ЛБ18 — приезжает всегда с балу

Софи приезжает с балу ~ утра, и я всегда ~ ей, бедняжке, не давали там есть.

ЛБ18 — Я тотчас по ее бледному и тощему виду угадываю [дог<адываюсь?>] что ей, бедняжке

Я, признаюсь, никогда бы не могла так жить.

ЛБ18 — Я, та chère, никак не могу таким образом жить

Если бы мне не дали соуса с рябчиком, или жаркого куриных крылышек, то... я не знаю, что бы со мною было.

ЛБ18 — и если бы мне не дали кофий со сливками или соуса с рябчиком или петушьими крылышками, то признаюсь я бы, не знаю, что со мною <было>

Хорош также соус с кашкою.

ЛБ18 — соус с кашкою, только нужно класть побольше масла

А морковь, или репа, или артишоки никогда не будут хороши...

ЛБ18 — артишоки, как ни жарь их, никогда не будут хороши.

Начнет так, как следует, а кончит собачиною.

ЛБ18 — а окончит собачиною

Посмотрим-ка еще в одно письмецо.

ЛБ18 — Посмотрим [какое] это письмецо

Гм! и числá не выставлено.

ЛБ18 — чísла не выставлены

В ушах у меня вечный шум.

ЛБ18 — Мне всё слышится какой-нибудь шум

Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне, рассматриваю их.

ЛБ18 — Как только выйду я на двор, как уже за мною целая стая бежит кавалеров. Признаюсь, *ma chère*, их учтивство мне уже надоедает.

Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды.

ЛБ18 — Ах, если бы ты видела

Иной преаляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице ~ все.

а. Иной бежит

б. как в тексте ЛБ18

Иной преаляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно ~ окном!

ЛБ18 — а и тот машет хвостом и бежит за мною. Ах, *ma chère*, какой страшилище дога ухаживает за мною

Если бы он стал на задние лапы, чего, грубиян, он верно не умеет, то ~ собою.

ЛБ18 — чего верно он, грубиян, не умеет

Если бы он стал ~ не умеет, то он бы был целою ~ собою.

ЛБ18 — он был бы

Этот болван, должно быть, наглец преужасный.

ЛБ18 — нет

Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало.

ЛБ18 — Я наконец оборотившись укусила его за ногу

Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало. ЛБ18, Ар;

П — но ему и нуждушки мало

Хотя бы поморщился! высунул ~ уши и глядит в окно — такой мужик!

ЛБ18 — и плетется следом

Если бы ты видела одного кавалера, перелезающего через забор

соседнего дома, именем Трезора.

ЛБ18 — кавалера с соседнего дома

И как можно наполнять письма эдакими глупостями.

ЛБ18 — И как можно писать такую глупость

И как можно наполнять письма эдакими глупостями. П;

Ар — нет

Я хочу видеть человека; я требую пищи, той, которая ~ пустяки...

ЛБ18 — требую духовной пищи

Я хочу видеть человека; я требую пищи, той, которая бы питала и
успокаивала мою душу; а вместо того эдакие пустяки...

ЛБ18 — а не эдакие глупости

...Софи сидела за столиком и что-то шила.

ЛБ18 — Софи.... Софи сидела

Если б ты знала, кто это: брюнет, камер-юнкер, а глаза какие! черные и
светлые, как огонь”.

ЛБ18 — черные, как агат

И Софи убежала к себе.

а. Я увидела

б. Софи убежала

Софи скоро вышла ~ ничего, продолжала глядеть в окошко; однако ж ~
говорят.

а. сидела

б. как в тексте ЛБ18

Софи скоро вышла ~ в окошко; однако ж голову наклонила несколько ~
говорят.

ЛБ18 — голову поворотила

Ах!ma chère, о каком вздоре они говорили!

а. ты не можешь себе вообразить, что они [о чем они] гов<орили>

б. как в тексте ЛБ18

Они говорили о том, как одна дама в танцах, вместо ~ тому подобное.
ЛБ18 — одна дама

Они говорили о том, как ~ фигуры, сделала другую; также, что ~ тому подобное.

- а. сделала фигуру
- б. как в тексте ЛБ18

Они говорили о том, как ~ очень похож ~ на аиста, и чуть было ~ тому подобное.

- а. похож ~ на журавля
- б. как в тексте ЛБ18

Они говорили о том, как ~ как они зеленые, — и тому подобное.
ЛБ18 — у нее зеленые

Куда ж, подумала я сама в себе: если сравнить камер-юнкера с
Трезором! Небо! какая разница! ЛБ18;
Ар, П — нет

Я не знаю, что она нашла в своем камер-юнкере. ЛБ18;
Ар, П — Я не знаю, та chère, что она нашла в своем Теплове.

Мне самому кажется, здесь что-нибудь да не так.
ЛБ18 — Мне кажется однако же, что здесь что-нибудь да не так.

Не может быть, чтобы ее мог так обворожить камер-юнкер.
а. чтобы она была <влюблена>
б. как в тексте ЛБ18

Не может быть, чтобы ее мог так обворожить камер-юнкер. ЛБ18;
Ар, П — Теплов

Мне кажется, если камер-юнкер нравится, то ~ в кабинете.
ЛБ18 — если этот камер-юнкер

Какой же бы это чиновник?..
ЛБ18 — Гм... какой же бы это чиновник, кажется никакого нет другого

чиновника

Волоса на голове его очень похожи на сено.

ЛБ18 — было: А фрачи<шко>

Волоса на голове его очень похожи на сено.

а. реш<ительно похожи>

б. как в тексте ЛБ18

Папа всегда посылает его вместо слуги...

ЛБ18 — иногда посылает

Как будто я не знаю, чьи здесь штуки.

ЛБ18 — чьи штуки здесь

Ведь поклялся же человек непримиримую ненавистию — и вот вредит да и вредит, на каждом шагу вредит.

ЛБ18 — и вот вредит

Посмотрим однако же еще одно письмо.

ЛБ18 — Посмотрим однако же далее

Там, может быть, дело раскроется само собою.

ЛБ18 — Там

Софи влюблена в него до безумия.

а. Барышня <влюблена>

б. как в тексте ЛБ18

Папа очень весел. Я даже слышала от нашего Григория, который ~ полковником...

ЛБ18 — Папа очень весел и я даже слышала

Я даже слышала от нашего Григория, который ~ скоро будет свадьба; потому что ~ полковником...

ЛБ18 — было: я сомневаюсь только, чтобы они были счастливы. У людей чувства, кажется, гораздо слабее наших

Я даже слышала от нашего Григория, который ~ непременно видеть

Софи или за генералом, или ~ полковником...

- а. видеть <?> Софи на свете
- б. как в тексте ЛБ18

Я даже слышала от нашего Григория, который ~ за камер-юнкером, или за военным полковником...

ЛБ18 — нет

Всё, что есть лучшего на свете, всё ~ генерал. Чорт побери! ЛБ18;
Ар, П — нет

Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал.

ЛБ18 — было: Золото красит

Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал.

- а. его
- б. срывает у тебя ЛБ18

Желал бы я сам сделаться генералом, не для того, чтобы получить руку и прочее.

ЛБ18 — достигнуть и получить руку

Нет; хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как ~ обоих.

- а. чтобы сказать: плюю я на вас обоих
- б. чтобы увидеть ЛБ18

Нет; хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут ~ обоих.

ЛБ18 — как они будут подличать и сказать им, я плюю

Декабря 3.

ЛБ18 — нет

Не может быть.

ЛБ18 — Гм. Эту статью непременно нужно обсудить хорошенько. Не

может быть

Что ж из того, что он камер-юнкер.

ЛБ18 — Что ж что камер-юнкер

Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки. ЛБ18, Ар;

П — больше ничего, как

Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки.

ЛБ18 — ведь не видимая какая-нибудь вещь

Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки. ЛБ18, Ар;

П — можно было взять

Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки.

ЛБ18 — в руку

Ведь у него же нос ~ так же, как и у меня, как и у всякого; ведь ~ не кашляет.

ЛБ18 — как и у всякого, как и у меня

Ведь у него же нос ~ у всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет.

ЛБ18 — ведь он тоже должен нюхать табак, чихать

Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности.

ЛБ18 — отчего это эти все разности происходят

Может быть я какой-нибудь граф ~ советником?

ЛБ18 — Может быть я совсем не титулярный советник. Может быть я какой-нибудь

Ведь сколько примеров ~ дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или ~ государь. Ар;

П — простой какой-нибудь мещанин
ЛБ18 — какой-нибудь мещанин

Ведь сколько примеров ~ вельможа, а иногда даже и государь. ЛБ18;
Ар, П — или барон или как его

Когда из мужика да иногда выходит эдакое, что же из дворянина может
выйти?

ЛБ18 — должно выйти

Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире: у меня ~ наш?
ЛБ18 — Вдруг я вхожу к нашему

Вдруг, например, я вхожу ~ скажет и сам папа, директор наш?
ЛБ18 — и самый твой папа

Это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и
эдаким, но ~ два пальца.

ЛБ18 — прикидывается мартинистом

Это масон, непременно масон, хотя ~ эдаким, но я тотчас заметил, что
~ два пальца. ЛБ18, Ар;

П — однако я тотчас

Это масон, непременно масон, хотя ~ масон: он если даст кому руку, то
~ два пальца.

а. если подаст кому руку

б. как в тексте ЛБ18

Это масон, непременно масон, хотя ~ руку, то высовывает только два
пальца.

ЛБ18 — высовывает всегда

Да разве я не могу быть сию же минуту ~ каким-нибудь?

ЛБ18 — Разве я не могу

Декабря 5.

ЛБ18 — нет

Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их.

ЛБ18 — Странные дела ~ разобрать

Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении ~ возмущения.

ЛБ18 — нет

Да, говорят, нет короля.

ЛБ18 — Говорят нет

Не может статься, чтобы не было короля.

ЛБ18 — Не может быть

Государство не может быть без короля.

ЛБ18 — Государство всякое <?>

Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности.

ЛБ18 — да только [может] он верно где-нибудь

Он, статься может, находится там же, но какие-нибудь ~ причины.

ЛБ18 — Он может быть и там же находится

Он, статься может, находится ~ или опасения со стороны соседственных держав, как-то: Франции и других ~ причины.

а. опасения чтобы

б. опасения соседственных держав, Франции ЛБ18

Он, статься может, находится ~ скрываться, или есть какие-нибудь другие причины.

ЛБ18 — иначе же не может быть никаким образом.

Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь... ЛБ18;

Ар, П — нет

Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечен.

ЛБ18 — чрезвычайно был рассеян

И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности ~ расшиблись. ЛБ18, Ар;

П — И точно, я, кажется, в рассеянности бросил на пол две тарелки, которые тут же разбились.

Ничего поучительного не мог извлечь.

ЛБ18 — Никакой цели и ничего поучительного

Большую частью лежал на кровати и рассуждал о делах Испании. ЛБ18, П;

Ар — на кровати

В Испании есть король.

ЛБ18 — король есть

Именно только сегодня об этом узнал я.

ЛБ18 — Я именно узнал это только сегодня

Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило.

ЛБ18 — Меня так вдруг как будто

Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль. ЛБ18, Ар;

П — войти мне в голову

Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль.

ЛБ18 — сумасбродная сумасшедшая мысль

Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом.

ЛБ18 — Хорошо что меня не догадался тогда посадить

Теперь я вижу всё как на ладоне.

а. всё совершенно так ясно

б. всё совершенно как на ладоне ЛБ18

А прежде, я не понимаю, прежде всё было передо мною в каком-то тумане.

ЛБ18 — всё было в тумане

И это всё происходит, думаю, оттого, что ~ Каспийского моря.

ЛБ18 — И это всё, я думаю, происходит

Сначала я объявил Мавре, кто я.

ЛБ18 — Прежде всего [ясно] объявил

Я однако же старался ее успокоить, и в милостивых словах старался ее уверить [уверить ее] в благосклонности, и что ~ сапоги. ЛБ18;

Ар, П — нет

Я однако же старался ~ в благосклонности, и что я вовсе ~ сапоги. ЛБ18;

Ар, П — сказавши, что

Я однако же старался ~ вовсе не сержусь за то, что ~ сапоги.

ЛБ18 — не сержусь на то

Я однако же старался ~ за то, что она мне иногда дурно чистила сапоги.

ЛБ18 — она иногда мне

Она испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли в Испании похожи на Филиппа II.

а. Она, я знаю, думает, что в <Испании>

б. Она уверена

в. как в тексте ЛБ18

Но я растолковал ей, что ~ капуцина...

ЛБ18 — я растолковал

Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что ~ капуцина...

ЛБ18 — никакого нет сходства

Но я растолковал ей, что ~ сходства и что у меня нет ни одного капуцина... ЛБ18;

Ар, П — нет

В департамент не ходил. Чорт с ним!

ЛБ18 — В департамент я не ходил. Чорт с ним! и не намерен ходить.

Мартобря 86 числа.

ЛБ18 — Мартобря 86

Сегодня приходил наш экзекутор с тем, чтобы ~ на должность.

ЛБ18 — экзекутор из департамента

Сегодня приходил ~ в департамент, что уже более трех недель как ~ на должность.

а. что три недели

б. что более трех недель ЛБ18

Сегодня приходил ~ как я не хожу на должность.

ЛБ18 — не хожу в департамент

Я для штуки пошел в департамент.

ЛБ18 — Но люди несправедливо ведут счет неделями. Это жида ввели, потому что раввины их в это время моются. — Я однако же для штуки пошел в департамент.

Начальник отделения думал, что ~ равнодушно, не слишком гневно и не слишком благосклонно, и сел ~ не замечая.

ЛБ18 — ни гневно, ни благосклонно

Начальник отделения думал, что ~ благосклонно, и сел на свое место, как будто никого не замечая. ЛБ18, П;

Ар — сел на свое место

Начальник отделения думал, что ~ место, как будто никого не замечая.

ЛБ18 — как бы никого не замечая

Господи боже! какую бы вы ералаш подняли, да ~ директором.

а. Я думаю

б. как в тексте ЛБ18

Господи боже! какую бы вы ералаш подняли, да ~ директором. Ар;

П — какой бы вы ералаш

Господи боже! какую бы вы ералаш подняли, да и сам начальник отделения начал бы ~ директором.

ЛБ18 — начал бы перед мною кланяться в пояс так, как он обыкновенно кланяется перед нашим директором.

Передо мною положили какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт.

а. какие-то бумаги пере<писать>

б. что-то извлечь ЛБ18

Многие чиновники побежали наперерыв, чтобы показать себя перед ним.

ЛБ18 — побежали наперерыв в швейцарскую скидывать с него шинель

Когда он проходил чрез наше отделение, все застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего!

ЛБ18 — но я ни с места

Что за директор!

ЛБ18 — Что за директор, [какой] директор

Какой он директор? Он пробка, а не директор.

ЛБ18 — Он совсем не директор. Он пробка.

Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал. Ар;

П — Мне забавнее всего было

ЛБ18 — Но больше всего мне было забавно

Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал.

ЛБ18 — как подсунули

Они думали, что я напишу на самом кончике ~ не так?

ЛБ18 — что я по обыкновению подпишу

Они думали, что я напишу на самом кончике листа: столоначальник ~ не так?

ЛБ18 — на самом кончике бумаги

Нужно было видеть, какое ~ я кивнул только рукою сказав: “не нужно никаких знаков подданничества!” ЛБ18, Ар;

П — махнул только рукою

Нужно было видеть, какое ~ рукою сказав: “не нужно никаких знаков подданничества!”

а. говор<я?>

б. сказал ЛБ18

Лакей хотел меня не впустить, но я ему такое сказал, что он и руки опустил. Ар;

П — не хотел меня впустить

ЛБ18— меня хотел не впустить

Она сидела перед зеркалом, вскочила и отступила от меня.

а. Она встрев<ожилась>

б. как в тексте ЛБ18

Она сидела перед зеркалом, вскочила и отступила от меня.

ЛБ18 — встревожилась

Я сказал только, что счастье ее ~ вместе.

ЛБ18 — сказал ей только

Я сказал только, что счастье ее ожидает такое, какого она ~ вместе.

ЛБ18 — что ее такое счастье ожидает, какого [о каком]

Я сказал только, что ~ и вообразить себе не может, и ~ вместе.

ЛБ18 — вообразить не может

Я теперь только постигнул, что такое женщина.

ЛБ18 — теперь только то постигнул

До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это.

Еще никто до сих пор не знает [не узнал]

До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это.

ЛБ18 — Это я первый открыл.

Да, не шутя.

а. Да, это не шутя, она влюблена в чорта

б. как в тексте ЛБ18

Физики пишут глупости, что она то́ и то́ — она любит только одного чорта.

ЛБ18 — [Это] физики [всё] глупости пишут

Физики пишут глупости, что она то́ и то́ — она любит только одного чорта.

ЛБ18 — Она влюблена в чорта

Вы думаете, что она глядит ~ чорта, что у него стоит за спиною.

ЛБ18 — у него за спиною

Вон он спрятался к нему в звезду.

а. Вон он спрятался у него за спиною

б. как в тексте ЛБ18

Вон он спрятался к нему в звезду. ЛБ18;

Ар, П — во фрак

Вон он кивает оттуда к ней пальцем! Ар;

П — кивает ~ ей

А вот эти все, чиновные отцы ~ за деньги, честолубцы, хриstopродавцы! ЛБ18;

Ар, П — нет

Всё это честолубие и честолубие оттого, что ~ в Гороховой.

ЛБ18 — И отчего всё происходит? оттого

Всё это честолубие ~ делает какой-то цирюльник, который ~ магометанство. ЛБ18;

Ар, П — какой-то цирюльник ~ как его зовут, но достоверно известно, что он вместе с одною повивальною бабкою хочет по всему свету распространить магометанство и оттого

Проезжал государь император. Весь город снял шапки и я также; однако же ~ король. ЛБ18;

Ар, П — нет

Весь город снял шапки и я также; однако же я не подал никакого ~ король. ЛБ18;

Ар, П — однако же не подал

Почел неприличным открыться ~ ко двору.

ЛБ18 — Я почел

Почел неприличным открыться тут же при всех; потому, что ~ ко двору.

ЛБ18 — тут же при всех открыться

Почел неприличным ~ при всех; потому, что ~ ко двору.

ЛБ18 — Потому что высокой собрат мой верно бы спросил, отчего же испанский король [отчего же я] до сих пор не представился ко двору. И в самом деле, прежде нужно представиться ко двору

Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма.

ЛБ18 — Меня [Перед этим начато: Когда] останавливало только

Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма.

ЛБ18 — до сих пор я

Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма. ЛБ18;

Ар, П — испанского национального костюма

Хотя бы какую-нибудь достать мантию.

ЛБ18 — достать порфиру

Я хотел было заказать портному, но ~ работою, ударились в аферу ~ на улице.

ЛБ18 — они ударились

Я хотел было заказать портному, но ~ и большею частию мостят камни на улице.

ЛБ18 — и почти все теперь большею частию

Я решился сделать мантию из нового вицмундира, который надевал всего только два раза.

а. Я однако ж вспомнил перед<елать?>

б. Я решился сшить себе порфиру ЛБ18

Я решился сделать мантию из нового вицмундира, который надевал всего только два раза.

ЛБ18 — который надевал я

Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я сам решился ~ не видал. ЛБ18, Ар;

П — Но чтобы ~ испортить, я сам

Я изрезал ножницами его весь, потому что покрой должен быть совершенно другой.

ЛБ18 — Я весь совершенно изрезал ножницами, нужно было вовсе [нужно совершенно было] переделать и дать всему сукну вид горностаевых хвостиков

Мантия совершенно готова и сшита.

ЛБ18 — Порфира ~ готова

Однако же я еще не решаюсь представляться ко двору.

ЛБ18 — Но однако ж я всё не решаюсь

До сих пор нет депутации из Испании.

ЛБ18 — было: Меня удивля<ет>

Я ожидаю их с часа на час.

ЛБ18 — Я ожидаю с часа на час прибытия

Письма пишут аптекари...

ЛБ18 — Письма пишут аптекари, да и то прежде смочивши уксусом язык, потому что без этого всё лицо было бы в лишаях.

Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские и я вместе с ними сел в карету.

а. депутаты и потащили меня в карету

б. депутаты и я сел в карету ЛБ18

Мне показалась странно необыкновенная скорость. ред.;

Ар, П — Мне показалось и т. д. как в тексте

ЛБ18 — Мне только странно показалось, что мы ехали чрезвычайно скоро

Мы ехали так шибко, что через полчаса достигли испанских границ.

ЛБ18 — Так что

Впрочем ведь теперь по всей Европе чугунные дороги и пароходы ездят чрезвычайно скоро.

ЛБ18 — чрезвычайно скоро ездят

Странная земля Испания: когда мы вошли в первую комнату, то ~ головами.

а. в первую залу

б. как в тексте ЛБ18

Я однако же догадался, что это должны быть или доминиканы или капуцины, потому что они бреют головы. ЛБ18;

Ар, П — гранды или солдаты

Мне показалось чрезвычайно странным обхождение ~ охоту.

ЛБ18 — показалось чрезвычайно странно

Мне показалось ~ канцлера, который вел меня за руку; он ~ охоту.

ЛБ18 — вел меня

Мне показалось ~ тут, и если ты ~ охоту.

ЛБ18 — если ты будешь ~ то я тебя

Но я, зная, что это было больше ничего кроме искушение, отвечал ~
обычай. ЛБ18, Ар;

П — это было больше ничего, как

Но я, зная, что ~ канцлер ударил меня два раза ~ обычай.

ЛБ18 — меня ударил

Но я, зная, что ~ меня два раза палкою по спине так больно, что ~
обычай.

ЛБ18 — так больно палкою два раза

Но я, зная, что ~ больно, что я чуть было не вскрикнул, но удержался
вспомнивши, что ~ обычай.

ЛБ18 — чуть не вскрикнул и удержался

Но я, зная, что ~ при вступлении в высокое звание, потому что ~
обычай.

ЛБ18 — в звание

Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же ~
государства.

ЛБ18 — Китай и Испания это совершенно одна

Я открыл, что Китай ` по невежеству считают их за разные
государства.

ЛБ18 — считают за разные

Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет
Китай.

ЛБ18 — Вот, попробуйте нарочно

Но меня однако же чрезвычайно огорчало событие, имеющее быть
завтра. П;

ЛБ18, Ар — событие, имеющееся быть

Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет
о луне.

ЛБ18 — Делал ее

Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне.

ЛБ18 — понятия не имел

Он положил смоляной канат и часть деревянного масла; и оттого ~ нос.

ЛБ18 — и деревянное масло

Он положил ~ земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос.

а. вонь такая, что нельзя показать

б. вонь страшная ЛБ18

И оттого самая луна такой нежный шар, что ~ только одни носы.

ЛБ18 — одни носы. Да, всё носы

И потому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне.

ЛБ18 — И мы не можем сами оттого ~ что они

Капуцины, которых я застал в зале ~ канцлер. ЛБ18;

Ар, П — Бритые гранды, которых я застал

Капуцины, которых я ~ бросились исполнять мое монаршее желание ~ канцлер.

ЛБ18 — исполнять мое монаршеское

Капуцины, которых я ~ на стену с тем, чтобы достать луну, но ~ канцлер.

ЛБ18 — нет

Капуцины, которых я ~ вошел великий канцлер.

ЛБ18 — с палкою канцлер

Увидевши его, все разбежались.

ЛБ18 — Все, увидевши его, разбежались

Я, как король, остался один.

ЛБ18 — Я один только как король <остался>

Январь того же года, случившийся после февраля.

ЛБ18 — Януарий

Январь того же года, случившийся после февраля.

ЛБ18 — после февраля

Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны.

ЛБ18 — совершенно для меня непонятны

Сегодня выбрили мне голову, несмотря на то, что я кричал изо всей силы о нежелании быть монахом.

ЛБ18 — что не хочу быть папой

Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда ~ холодной водою.

ЛБ18 — Но я не знаю, что было со мною

Но я уже не могу и вспомнить, что ~ мне на голову капать холодной водою.

ЛБ18 — сверху капать

Такого ада я еще никогда не чувствовал.

ЛБ18 — нет

Я готов был впасть в бешенство, так что едва могли меня удержать.

а. Я впал

б. Я готов был впасть в такое бешенство ЛБ18

Я не понимаю вовсе значения этого странного обычая.

ЛБ18 — Я ровно не понимаю

Для меня непостижима безрассудность королей, которые до сих пор не уничтожают его.

ЛБ18 — и я не понимаю безрассудности королей, которые до сих пор не выведут его. Я целый час думал для чего он? Но не мог, никак не мог надумать, совершенно потерялся в догадках

Судя по всем вероятиям, догадываюсь: не попался ли я в руки инквизиции, и ~ великий инквизитор.

ЛБ18 — Я думаю, что я, по всем вероятиям, попал в руки инквизиции. Но как же может король по<двергнуться?>

Судя по всем вероятиям, догадываюсь: не попался ли я в руки инквизиции, и тот, которого ~ великий инквизитор.

ЛБ18 — и что тот

Судя по всем вероятиям, догадываюсь: не попался ~ за канцлера, не есть ли сам великий инквизитор.

ЛБ18 — есть никто другой, как сам

Оно, правда, могло со стороны Франции и особенно Полиньяк.

ЛБ18 — Мне кажется, что здесь мешается Франция и что всё это штуки Талейрана

О, это бестия Полиньяк! Поклялся ~ водит англичанин.

ЛБ18 — а если сказать по правде, то тайною пружиною здесь англича<нин]>

Число 25.

ЛБ18 — Числа 25

Он, увидевши, что нет меня, начал звать.

а. начал кричать

б. как в тексте ЛБ18

Сначала закричал: Поприщин! — я ни слова.

ЛБ18 — нет

Сначала закричал: Поприщин! — я ни слова. Потом: Аксентий Иванов! титулярный советник! дворянин!

ЛБ18 — нет

Фердинанд VIII, король испанский!

ЛБ18 — Фердинанд II

Я хотел было высунуть голову, но после подумал: нет, брат, не надуешь!

ЛБ18 — но после думаю, нет брат!

Знаем мы тебя: опять будешь лить холодную воду мне на голову.

ЛБ18 — лить ~ на темя

Однако же он увидел меня и выгнал палкою из-под стула.

ЛБ18 — Но однако же

Однако же он увидел меня и выгнал палкою из-под стула.

ЛБ18 — [опять] увидел

Чрезвычайно больно бьется проклятая палка.

ЛБ18 — больно бьет ~ палка

Впрочем за всё это вознаградило ~ она у него находится под перьями.

ЛБ18 — находится у него

Впрочем за всё это вознаградило ~ находится под перьями.

а. под перьями не так далеко от хвоста

б. под перьями возле хвоста ЛБ18

Но я совершенно пренебрег его бессильною злобою, зная, что ~ орудие англичанина!

ЛБ18 — я совершенно пренебрегаю

Но я совершенно пренебрег ~ машина, как орудие англичанина!

ЛБ18 — орудие Испании

Февраль 349.

ЛБ18 — нет

Нет, я больше не имею сил терпеть.

ЛБ18 — нет

Они льют мне на голову холодную воду!

ЛБ18 — Они всё льют

Они льют мне на голову холодную воду!
ЛБ18 — на самое темя мое

Они льют мне на голову холодную воду!
а. воду. Льдом и вод<ой>
б. страшную воду. Она как стрела расщеливает череп мой ЛБ18

Они не внемлют, не видят, не слушают меня.
ЛБ18 — нет

Что я сделал им?
ЛБ18 — Что сделал я им

Что могу дать я им?
ЛБ18 — Что получают от меня

Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя и всё кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней!
ЛБ18 — нет

Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней!
ЛБ18 — давайте мне тройку

Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней!
а. быстрых как тройку
б. как в тексте ЛБ18

Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света!
ЛБ18 — несите меня

Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего.
ЛБ18 — нет

Вон небо клубится передо мною; звездочка ~ под ногами; струна

звенит в тумане; с одной ~ виднеют.

ЛБ18 — нет

Дом ли то мой синеет вдали?

ЛБ18 — Дом ли мой

Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку посмотри, как мучат они его!

а. Матушка ~ как мучат они меня!

б. Матушка моя, за что они мучат меня! Голова [Перед этим начато: Царица] моя светлая. Ты видишь, [Взгляни] как жестоко поступают со мною за любовь. Ты видишь ли, [Ты знаешь ли] как обижают меня.

А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?
ЛБ18;

Ар — А знаете ли что́: у алжирского дея под самым носом шишка?

П — А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?

РИМ

Станет ли профилем — благородством дивным дышит профиль, и мечется красота линий, каких не создавала кисть. ПМск, 1842;

П — дивным благородством

Никакой гибкой пантере не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений. ПМск, 1842;

П — Никакой гибкий пантер не сравнится

В праздничный ли день, когда темная древесная галлерей, ведущая ~ в гороховом непроницаемом макинтоше, скорчившего ~ без нее. ПМск, 1842;

П — непромокаемом макинтоше

Италийский университет, где наука влачилась, скрытая в черствых схоластических образах, не удовлетворял ~ Альпы. ПМск, 1842;

П — в черствых схоластических формах

Французское влияние становилось заметно ~ произведениями необузданной французской музыки, чудовищной, горячей, но местами не без признаков таланта.

ПМск, 1842 — необдуманной французской музыки

Как ошеломленный, не в силах собрать себя, пошел он ~ тысяч шумевших шагов сплошно ~ зеркалами. ПМск, 1842;

П — стучавших шагов

В девять часов утра, схватившись с постели, он уже ~ в руке. ПМск, 1842;

П — вскочивши с постели

Даже страх чувствовал италиянец, читая их, думая, что завтра же ~ этот груз. ПМск, 1842;

П — читая их и думая

Он зевал перед лавками, где останавливаются по целым часам парижские крокодилы, засунув руки в карманы и ~ в стеклянных вазах.

ПМск, 1842 — руки в карман

Разом, в один и тот же день, беззаботное зеванье ~ для двадцатилетнего юноши! ПМск, 1842;

П — двадцатипятилетнего юноши

Италия казалась ему теперь каким-то темным, заплеснелым углом Европы, где заглохла жизнь и всякое движение. ПМск, 1842;

П — казалась ~ заплесневелым углом

В движении вечного его кипенья и деятельности виделась теперь ему странная недеятельность. ПМск, 1842;

П — страшная недеятельность

Он видел, как всякой француз, казалось, только работал ~ своих супротивников, еще не зная ~ италиянцу. ПМск, 1842;

П — противников

Всё, казалось, нагло навязывалось ~ без зазыва, как непотребная женщина, ловящая человека ~ нищих.

П — непотребная женщина, что ловит

В самой науке, в ее одушевленных лекциях, которых ~ целого.

ПМск, 1842 — В самых науках

Несколько раз на неделю наведывался к своему банкиру и всегда получал один и тот же ответ, что из Рима нет никаких известий. ПМск, 1842;

П — Несколько раз на неделе

В двое суток он уже был в Марселе, не хотел отдохнуть часу, и того же вечера пересел на пароход. ПМск, 1842;

П — и в тот же вечер

Он не знал и не мог передать их; он оглядывал всякой холмик и отлогость. ПМск, 1842;

П — не умел и т. д. как в тексте

Старик побежал отворять ставни и освещать мало-помалу старинные

величественные залы. ПМск, 1842;

П — странные ~ залы

Грустное чувство овладело им, — чувство, понятное ~ на сердце.
ПМск, 1842;

П — овладело князем

Всё это слушал молодой князь рассеянный, не принадлежа мыслью ни
к чему. ПМск, 1842;

П — слушал ~ рассеянно

Ему нравилась самая невзрачность улиц ~ торжественной тишины,
обнимавшей человека. ПМск, 1842;

П — тишины, обнимающей человека

Они были высоко прекрасны, эти ~ живописью в сей плодотворный
век, когда ~ вместе. ПМск, 1842;

П — в этот плодотворный век

Ибо высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и
красоту чудную движениям души. ПМск, 1842;

П — придавая благородство и чудную красоту

При таких рассуждениях невольно приходило ему на мысль: не оттого
ли сей равнодушный хлад, обнимающий ~ чувств. ПМск, 1842;

П — этот равнодушный хлад

Чем более он всматривался, тем более поражала его сия
необыкновенная плодотворность века, и ~ наделать! ПМск, 1842;

П — эта необыкновенная плодотворность

Ему неприятно бы было выйти после всего этого ~ святотатственным.
ПМск, 1842;

П — Ему бы неприятно было

Ему неприятно бы было выйти после всего этого в модную улицу с
блестящими ~ святотатственным. ПМск, 1842;

П — на модную улицу

Самые разговоры и ~ вовсе противоположны или не похожи на те, которые слышались ему в городах Европы. ПМск, 1842;

П — противоположны и не похожи

Тут не было толков о понизившихся фондах, о ~ статуе, о достоинстве кистей великих мастеров, раздавались ~ из лиц. ПМск, 1842;

П — о достоинстве кисти великих мастеров

Тут не было толков о понизившихся фондах, о ~ и, наконец, частные разговоры, в которых раскрывался человек, вытесненные из Европы ~ из лиц. ПМск, 1842;

П — частные разговоры ~ и которые вытеснены

Прекрасны были эти немые ~ храмов, с невыразимым спокойствием расстилавшиеся ~ мака. ПМск, 1842;

П — с невыразимым спокойствием

В чудную постепенность цветов облекал ~ в светлую мглу пылившихся вдали чуть приметных рощ. ПМск, 1842;

П — мглу ~ рощей

Сияли резко и ясно углы и линии ~ властительно остающийся наконец один на всем ~ город. ПМск, 1842;

П — остающийся ~ одним

Сияли резко и ясно углы и линии ~ один на всем полгоризонте, когда уже совершенно скрылся весь город. ПМск, 1842;

П — на всем полугоризонте

Среди сей жизни почувствовал он, более нежели ~ записки. ПМск, 1842;

П — Среди этой жизни

Когда же и век искусства сокрылся, и к нему охладели погруженные ~ певцам.

ПМск, 1842 — и для него охладели

И самое это чудное собрание отживших миров, и прелесть ~ душу, — вырывала бы его оттуда, блеснув ему ~ человеком... ПМск, 1842;

П — вырвала бы его оттуда

Он сам хочет быть участником, его насилу ~ вихорь всех от сорокалетнего до ребятишки: последний ~ кучу. ПМск, 1842;

П — всех от сорокалетнего до мальчишки

Наконец, народ, в котором живет чувство ~ совратить наезды ~ по трактирам и дорогам ~ народе. ПМск, 1842;

П — наезды иностранцев развратителей пребывающих в бездействии наций, наезды, порождающие по трактирам

Притом здесь, в Риме, не слышалось что-то умершее; в самых ~ нации. ПМск, 1842;

П — не слышалось чего-то умершего

Тут противоположное чувство: тут ясное, торжественное спокойство. ПМск, 1842 — торжественное спокойствие

Он ими наслаждался, как наслаждался ~ и насылавшими свежительную дрожь на душу. ПМск, 1842;

П — насылающими свежительную дрожь

Внимание толпы занял какой-то смельчак, шагавший на ходулях равне с домами, рискуя ~ о мостовую. ПМск, 1842;

П — на ходулях наравне с домами

Но об этом, кажется, у него не было забот. ПМск, 1842;

П — не было заботы

Тут не нужно было иметь какой-нибудь ~ были сойтись, все ~ божества. ПМск, 1842;

П — сойтись

Князь принимался было спрашивать у близ стоявших около себя, кто была такая чудная красавица и откуда. ПМск, 1842;

П — у стоявших подле него

Недвижный, утаив дыханье, он поглощал ее глазами. ПМск, 1842;

П — притаив дыханье

И в одну минуту с ног до головы был он обсыпан белой пылью, при громком смехе всех обступивших его соседей. ПМск, 1842;

П — усыпан

Толпа народа и мальчишек тесно валила ~ трубку вышиною в колокольню. ПМск, 1842;

П — вышиною с колокольню

Полная красота дана для того в мир, чтобы всякой ее увидал, чтобы идею о ней сохранял навечно в своем сердце. ПМск, 1842;

П — сохранял вечно

Едва только блеснет утро, уже открывает окно и высовывается съора Сусанна, потом из другого окна выказывается съора Грация, надевая юбку. ПМск, 1842;

П — потом из другого

Изредка только вставляет свое слово муж, стоящий ~ пускать под нос себе дым. ПМск, 1842;

П — себе под нос

Тут нет никаких магазинов, кроме лавчонки, где продавался хлеб и веревки, с стеклянными ~ под именем: Авроры. ПМск, 1842;

П — где продаются хлеб и веревки

Тут нет никаких магазинов, кроме ~ кафе, находившегося в самом углу ~ под именем: Авроры. ПМск, 1842;

П — находящегося

Тут нет никаких магазинов, кроме ~ боттега, разносивший синиорам ~ под именем: Авроры. ПМск, 1842;

П — разносящий

Э! куды ушел! повторила съора Грация, приклонив голову к плечу. ПМск, 1842;

П — куда

Если хочет принчипе что-нибудь ~ Барбаручья, надевая в то же время

серьгу в свое ~ передам. ПМск, 1842;

П — вдевая ~ серьгу

Он был самый радушный исполнитель ~ улицы, пергаментные книги
разорившегося ~ день. ПМск, 1842;

П — пергаминные книги

Сон этот произвел большие толки ~ взял того же утра все три нумера.
ПМск, 1842;

П — в то же утро

И хотя он подчас болтун и рассеянная голова, но, если обязать его
словом настоящего римлянина, он сохранит всё втайне. ПМск, 1842;

П — однако, если обязать его

Но здесь князь взглянул на Рим и остановился: пред ним в чудной
сияющей панораме предстал вечный город. ПМск, 1842;

П — Но тут князь взглянул

И над всей сверкающей сей массой темнели Ё стволами. ПМск, 1842;

П — над всей сверкающей массой

Последний мелкий архитектурный орнамент, узорное убранство
карниза — всё вызначалось в непостижимой чистоте. ПМск, 1842;

П — всё означалось

Солнце опускалось ниже к земле; румянее и жарче стал ~ пинны; еще
голубее и фосфорнее стали ~ воздух... ПМск, 1842;

П — голубее и фосфорнее

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ

Семь повестей, образующих основное содержание данного тома: “Невский проспект”, “Нос”, “Портрет”, “Шинель”, “Коляска”, “Записки сумасшедшего”, “Рим”, объединил и расположил в указанной последовательности сам Гоголь — в третьем томе своего первого собрания сочинений (1842 г.), придав им, таким образом, тот же характер цикла, что “Вечерам” и “Миргороду”. И в самом деле, семь перечисленных повестей цикличны как с точки зрения жанрово-тематической, так и в хронологическом отношении, по времени и обстоятельствам своего возникновения.

Из семи повестей, включенных в третий том, три (“Невский проспект”, “Портрет” и “Записки сумасшедшего”) были ранее напечатаны в “Арабесках” 1835 г.; две — в пушкинском “Современнике” 1836 г. (“Нос” и “Коляска”). По сравнению с “Арабесками” “Портрет” заменен был новой редакцией, незадолго до выхода в свет собрания сочинений напечатанной в “Современнике” 1842, кн. 3; “Рим” был впервые напечатан в “Москвитянине” 1842, № 3; “Шинель” в третьем томе появилась впервые.

“Невский проспект”, “Портрет” (первая редакция) и “Записки сумасшедшего” попали в “Арабески” со страниц одной и той же рукописной тетради, именно — второй аксаковской тетради (РА2, согласно номенклатуре Тихонравова), ныне принадлежащей Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; здесь эта тетрадь обозначается РМ4. С нее-то и начинается литературная история интересующего нас цикла. Из содержания этой тетради [Описание ее, сделанное В. И. Шенроком (см. Соч. Гоголя, 10 изд., VII, стр. 900–905), мало удовлетворительно: гоголевские записи часто не отличаются от не-гоголевских, в цитатах ряд ошибочных чтений и т. п.] видно, что “Портрет”, непосредственно предваряя началом своим весь текст “Невского проспекта”, начат, во всяком случае, раньше, чем последний: мало вероятно, чтобы такая большая повесть, как “Портрет”, была начата за две страницы перед вписанной в тетрадь другой повестью. Очевидно, начав одну повесть (“Портрет”), Гоголь на второй же странице ее оставил и приступил к другой (“Невскому проспекту”). Начало “Портрета” близко к началу “Невского проспекта” не только по месту в тетради, но и по времени: это доказывается полной

тождественностью чернил и почерка (основного) там и тут.

Прерванная на стр. 50-ой работа над первой повестью (“Портретом”) возобновлена была и закончена на стр. 165–172 и 182–199; отсутствие сколько-нибудь длительных перерывов в этом периоде работы доказывается, кроме тождественности чернил и почерка, еще тем, что переход со стр. 172-ой на стр. 182-ую несомненно обусловлен был, при непрерывности текста, чисто внешней причиной: десять промежуточных страниц уже были заполнены более ранними записями, частью гоголевскими (“Гетьманом”), частью не-гоголевскими.

К прерванной работе над “Портретом” Гоголь вернулся еще до того как “Невский проспект” был закончен. Вглядываясь в текст “Невского проспекта”, нетрудно заметить, что весь заключительный эпизод с Пироговым (начиная со слов на стр. 64-ой: “Мы, кажется, оставили поручика Пирогова”, ср. выше факсимиле), как и эпилог, по сравнению с предшествующей историей Пискарева-Палитрина, вписаны другим (или вновь очиненным) пером; тут и мог, следовательно, быть какой-то перерыв в работе; что он, действительно, был, доказывает одна многозначительная описка: на стр. 66-й Пирогов назван Чертковым (“Черткову очень неприятно было”), один лишь раз, с переходом в смежной же фразе снова к нигде больше не варьирующейся настоящей фамилии; этим доказывается неумышленный характер замены. А в таком случае та часть второй повести (“Невского проспекта”), где эта ошибка допущена, была вписана в тетрадь позже той части первой повести (“Портрета”), где герой ее впервые и получил имя Черткова. Но герой “Портрета”, — Корчев, Коблин, Коблев, Копьев в начале рукописного текста, — впервые назван Чертковым лишь на стр. 182-ой, оставаясь затем с этим именем до конца. Ясно, что возобновление и завершение работы над “Портретом” предшествовало окончанию “Невского проспекта”. Доведя вторую свою повесть до развязки эпизода с Палитриным-Пискаревым (стр. 64) и прежде чем перейти к комическому его антиподу (Пирогову), Гоголь вернулся к трагической судьбе другого своего героя-художника и, назвав его теперь Чертковым, всю первую повесть довел до конца (стр. 165–172, 182–199). Лишь после этого он снова обратился ко второй повести, с окончанием которой (стр. 64–70) и кончена была вся вообще перемежающаяся эта работа над двумя повестями сразу.

Конец этой работы в целом, поскольку на него приходится эпилог

“Невского проспекта”, датируется упоминаниями в нем “лютеранской кирки” [Заложенной (по проекту Брюллова) в мае 1833 года и доступной поэтому суждениям “об ее архитектуре” не ранее 1834 г. См. Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 586, 591.] и вождя французской республиканской партии Лафайета: упоминание о “главной ошибке” Лафайета (умершего в мае 1834 г., тотчас после подавления в Лионе восстания рабочих против признанной им июльской монархии) могло быть сделано не ранее мая 1834 г. В августе того же года был составлен перечень содержания “Арабесок”, куда включен и “Невский проспект”. [См. Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 558.] Следовательно, эпилог “Невского проспекта”, а вместе с ним и обе повести в целом, были завершены между маем и августом 1834 г.

Труднее установить дату начала работы. Данные творческой истории “Портрета” не позволяют отодвигать его далее 1833 года назад (см. комментарий к “Портрету”). Последовательность текстов в тетради указывает, что “Портрет” был начат в ней (стр. 49–50) после окончания “Скульптуры, живописи и музыки” на предыдущей стр. 48-ой, а это, в свою очередь, произошло по окончании статьи о Пушкине (стр. 47–48). Оказывается, что статья, датированная в “Арабесках” 1831-м годом (“Скульптура, живопись и музыка”), написана позже, чем статья, датированная там же 1832-м годом (“Несколько слов о Пушкине”). Это дает право отказаться от обеих дат, признав их, подобно гоголевским датам под статьями “Жизнь” и “Об архитектуре”, вымышленными, самые же статьи, судя по почерку, отнести, по крайней мере, к 1833-му г. Тогда к этому же году (к концу) надо будет, в самом деле, отнести и первые страницы “Портрета”, поправки к которым (на стр. 48-ой) вписаны между строками “Скульптуры”. Не раньше как к концу 1833 г. относим начало “Портрета” еще и потому, что весь текст обеих повестей, судя по почерку, писался без больших перерывов и, следовательно, не так уж долго: вероятно, не больше полугода.

Наконец, третья повесть (“Записки сумасшедшего”) вписана в ту же тетрадь РМ4 в сентябре-октябре 1834 г. (см. комментарий).

—

Три повести из “Арабесок” одинаково выдержаны в новом для Гоголя городском колорите, все они — петербургские в самом точном смысле этого слова. Петербургская улица служит местом действия не только в

“Невском проспекте”: подобно Пискареву, и Чарткова подстерегает судьба на улице, — “Портрет” тоже начат уличной сценой; с случайной встречи на Невском (с генеральской дочкой) начинается и неудачный роман Поприщина. Затем в каждой из трех повестей видна та же склонность к изображению не только типических лиц, а и целых социальных слоев или групп: это — и немцы-мастеровые с Мещанской в “Невском проспекте”, и “дробь и мелочь” обитателей Коломны в “Портрете”, и “наш брат чиновник” в “Записках сумасшедшего”. Да и фабула каждой из трех повестей одинаково коренится в социальном расслоении николаевского Петербурга. Ежедневной сменой — по часам дня — сословий охарактеризован Невский проспект в одноименной повести, эта “главная коммуникация Петербурга”, главный виновник гибели Пискарева; нужда городских подонков и соблазны коломенского ростовщика создают тот же фон для Чарткова; в атмосфере социального неравенства рождается, наконец, и безумная мечта “испанского короля”. Характерно, что судьбы всех трех героев оканчиваются безумием, а все три безумца — и Пискарев, и Чартков, и Поприщин — изображены “вне гражданства столицы”, которое или заведомо исключает их из своей среды как слугителей ненужного ему искусства (Пискарев и Чартков до приобретения портрета), или губит, втягивая в свой омут (Чартков после приобретения портрета), или доводит, наконец, своим гнетом до бунта (Поприщин). Одинаково трагичен исход всех этих трех приключений. Одинаково присущ всем им трем еще один, в высшей степени характерный, признак — тема “столкновения мечты с существенностью”.

При таком единстве во всех трех повестях исходной художественной точки зрения не удивительна их родственность между собой и в смысле историко-литературной их биографии.

Повести размещены были в “Арабесках” так: в первой части — “Портрет”, во второй — “Невский проспект” (на третьем месте) и “Записки сумасшедшего” (на последнем). Цензурное разрешение обеих частей датировано 10 ноября 1834 г. При прохождении через предварительную цензуру урезкам подвергся “Невский проспект”, что предвидел ознакомившийся с ним еще по рукописи Пушкин (ср. его письмо к Гоголю осенью 1834 г.). Перед выпуском книги цензура потребовала новых изменений, — на этот раз в “Записках сумасшедшего”, о чем сам Гоголь писал Пушкину в недатированном письме (“Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре” и т. д.). Вышли в свет “Арабески” не

позднее 22 января 1835 г., когда Гоголь извещал Максимовича о посылке ему их в Киев. Во всех критических отзывах, как бы враждебны Гоголю они ни были в целом, три петербургские повести служат критикам (Булгарину, Сенковскому) предлогом для сочувственных оговорок. Известная же статья Белинского (“О русской повести и повестях Гоголя”) уделяет им всем трем большое внимание, наряду, правда, и попеременно с повестями “Миргорода”, т. е. не выделяя особо как новый цикл.

Почти одновременно с тремя повестями для “Арабесок” писался и “Нос”, близкий трем повестям “Арабесок” своим петербургским колоритом; а борьба с Гофманом, начатая в “Невском проспекте”, тут доведена уже до пределов пародии (см. ниже комментарий). Отличает “Нос” от трех основных повестей анекдотичность его сюжета. Зато как раз этот признак сближает с ним, а через него и с циклом вообще, несколько особняком стоящую “Коляску”.

Две последние повести из семи — “Шинель” и “Рим” — писались значительно позже предыдущих. Но замечательна и тут одновременность работы над ними (ср. ниже комментарий к этим повестям) с переработкой “Портрета” и “Носа”. Вторые редакции этих двух ранних повестей создавались несомненно тогда же, когда писалась “Шинель”: этим, вероятно, и объясняются совпадения “Шинели” с двумя эпизодами “Носа” (о посещении героем частного пристава и о разглядывании в окне магазина картинки) и с одной мелкой, правда, но характерной деталью в “Портрете” как раз второй редакции (в описании “черной лестницы” Петровича и Чарткова). В “Шинели” поэтому и приходится видеть синтез бытоописательных и обличительных тенденций предыдущих повестей. Что касается “Рима”, то и его нельзя совершенно обособить от петербургского цикла: историко-литературный анализ и в нем вскрывает, в виде первоосновы, романтическую новеллу о художнике, т. е. жанр, к которому принадлежат “Портрет” и “Невский проспект”, не говоря уж о теме большого города, перекликающейся в “Риме” с тем же “Невским проспектом”.

Весь цикл из семи повестей, частью в первоначальном издании, частью — в рукописях, передан был Прокоповичу (редактору первого издания Сочинений), видимо, самим Гоголем при заезде на несколько дней в Петербург, летом 1842 г., перед отправлением за границу. Через два дня после отъезда Гоголя (6 июня) Прокопович уже сообщал Шевыреву: “С

будущей недели приступаю к печатанию сочинений Гоголя”; и указывал затем тут же: “в 3-м (томе) — повести”; а в следующем письме к Шевыреву же (от 6 августа) жаловался: “Беда мне... с рукописными сочинениями: в них, чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш (т. е. Гоголь) и оставил, а я должен пополнять по догадкам” (см. Вас. Гиппиус. “Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях”. М., 1931, стр. 249). — В числе этих “рукописных сочинений”, пополнявшихся Прокоповичем “по догадкам”, была, конечно, “Шинель” (печатавшаяся впервые) и, вероятно, “Нос” (в исправленной редакции печатавшийся тоже впервые). “Портрет” в новой редакции перепечатывался из “Современника” 1842 г., “Коляска” — из “Современника” 1836 г., “Рим” — из “Москвитянина” 1842 г., “Невский проспект” и “Записки сумасшедшего” — из “Арабесок”. Исправления, на которые Прокоповича уполномочил сам Гоголь (см. Письма Гоголя), в третьем томе в общем немногочисленны, по качеству же не отличаются от его поправок в других томах (например, во втором, где печатался “Миргород”).

Прохождение через цензуру и на этот раз не обошлось без затруднений: как раз третий том чуть не навлек запрещение на всё издание в целом. После предварительной цензуры в сентябре—декабре 1842 г., “новое издание сочинений Гоголя”, по словам цензуровавшего его Никитенко, “решено было напечатать” [Цензурное разрешение 3-го тома датировано 15-м сентября 1842 г. и подписано цензором А. Никитенко.] (см. его “Записки и дневник”, I, СПб., 1905, стр. 332–333). Это свое решение цензурный комитет признал, однакоже, нужным пересмотреть перед самым выпуском отпечатанного издания в продажу, — так как был напуган арестом цензоров Никитенко и Куторги (см. об этом в статье М. И. Сухомлинова: “Появление в печати сочинений Гоголя”, в “Исследованиях и статьях”, т. II, стр. 319–320).

Критические отзывы о Сочинениях (вышли в свет в конце января 1843 г.) были немногочисленны: внимание критики было сосредоточено на незадолго перед тем вышедшем первом томе “Мертвых душ”. Да и дальнейшие отзывы Белинского о повестях петербургского цикла затрагивали их лишь вскользь (напр., в статье “Петербургская литература”).

Вторичному авторскому пересмотру текст петербургских повестей подвергся в 1851 г., когда готовилось второе издание Сочинений. Гоголевские корректурные поправки к третьему тому (того же состава, что

в издании 1842 г.) использованы были лишь после смерти Гоголя, в первом посмертном издании его Сочинений под редакцией Трушковского (1855 г.). Правка Гоголя в 1851 г. оборвалась, по свидетельству Трушковского, в третьем томе “на тринадцатом листе”, т. е. на 316-ой его странице, оканчивающейся следующими словами “Записок сумасшедшего”: “Фарфоровой вызолоченной чаш<ки>”. Ни продолжение “Записок сумасшедшего”, ни “Рим” Гоголем в 1851 г. прочитаны не были. В предшествующих же пяти повестях исправления 1851 г. не однородны: в “Невском проспекте” и “Коляске” они часто совпадают с рукописными вариантами повести и поэтому принадлежность их Гоголю — вне сомнения; в “Портрете” же, например, мелочный — грамматический и даже орфографический — характер исправлений заставляет приписывать их скорее Шевыреву или М. Н. Лихонину, читавшим первые корректуры, до Гоголя. — См. Соч., 10 изд., т. I, стр. XIII.

В согласии с принципами настоящего издания, для каждой из семи повестей за основу взят текст первопечатный, как свободный от посторонних поправок, если только он не претерпел потом (как в “Портрете” и в “Носе”) существенных редакционных изменений, — в последнем случае берется за основной опять-таки первопечатный текст окончательной редакции данной вещи. Поправки Прокоповича (из издания 1842 г.) в наш основной текст, как правило, не включаются, кроме лишь исправлений явных опечаток или описок. Поправки же из издания Трушковского, в контексте свободном от исправлений Прокоповича, и, вместе с тем, тождественные (или сходные) с соответствующим вариантом рукописи, вводятся в основной текст в тех случаях, когда соответствующее чтение первопечатного текста есть основание признать дефектным. Но и эти случаи — единичны. Равно и из рукописей то или иное чтение берется в основной текст лишь в исключительных случаях, когда явная описка или опечатка удержана, по недосмотру, во всех печатных текстах. Цензурные же купюры, напротив, как правило, восстанавливаются по рукописям. Если купюра сделана в набранном уже тексте (как в “Записках сумасшедшего”) и легко восстанавливается по рукописи, где при этом сохранился одинаковый с печатным контекст, — купюра из рукописи переносится в текст прямо без изменений. Если же цензурный вычерк имел место до поступления рукописи в набор и заменен был в ней самим автором чем-то новым, с иным, чем в сохранившейся рукописи, контекстом (как в “Носе”), — рукописный вариант цензурного вычерка при восстановлении выверяется по принятой для него автором цензурной замене. Наконец, в тех случаях,

где отличие печатного контекста от рукописного совершенно препятствует восстановлению цензурных пропусков (как в эпилоге “Шинели”), рукопись, хотя бы той же редакции, что и печатный текст, но свободная от цензурной правки, печатается особо, как “другая редакция”.

Варианты к основному тексту из других авторизованных изданий и из рукописей, не печатающихся отдельно, собраны в разделе “Варианты”. При этом опущены варианты чисто орфографические (типа “красный — красной”) и две слишком часто встречающиеся (в изд. Прокоповича и Трушковского) стилистические поправки: “надо” вм. гоголевского “нужно” и “перед” вм. “пред”.

Гораздо разнохарактернее, чем самые повести, печатающиеся вслед за ними “Отрывки”. Только часть отрывков примыкает к повестям в качестве их первоначальных редакций. Таковы два отрывка из повести “Страшная рука”, отрывки “Дождь был продолжительный” и “Семен Семенович Батюшек”, представляющие из себя ранние наброски будущих “Невского проспекта”, “Записок сумасшедшего” и “Коляски”. Остальные же, при всей их фрагментарности, носят самостоятельный характер, т. е. фиксируют замыслы, которые начали было воплощаться, но потом были оставлены. Но и эти отрывки сильно, в свою очередь, отличаются друг от друга степенью завершенности: тут и рукописные наброски в несколько строк (об “одном чрезвычайно замечательном человеке” или “девицах Чабловых”); тут, с другой стороны, и вполне законченные главы, оставшиеся лишь без продолжения, в виде ли белой рукописи (“Ночи на вилле”), в виде ли появившегося в печати отрывка (“Учитель”); или, наконец, в виде цикла как рукописных (беловых и черновых), так и печатных фрагментов одного и того же большого замысла (“Гетьман”). Такие фрагменты от отрывков-набросков отличены тем, что печатаются перед ними. В отличие же от семи основных повестей, и те и другие расположены в порядке хронологическом, поскольку его можно установить; исключение сделано только для отрывков к роману “Гетьман”, которые объединены вместе. Датой для романа в целом взят 1834 год, позже которого отрывки из “Гетьмана” при жизни Гоголя в печати не появлялись.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже указаны работы, специально посвященные петербургским повестям как циклу или уделяющие этому циклу значительное место; библиография работ об отдельных повестях или замыслах (напр. “Гетьмана”) указана в конце соответствующих комментариев, как равно и современные Гоголю рецензии или критические статьи.

1. В. И. Шенрок. “Материалы для биографии Гоголя”, т. II, М., 1893 г. главы: “Гоголь в период Арабесок и Миргорода” и “Петербургские повести Гоголя”.

2. Н. Котляревский. “Гоголь”, I изд., 1903; 4 изд., 1915; О повестях “Арабесок” — глава VI.

3. Ad. Stender-Petersen. Gogol und die deutsche Romantik, “Euphorion”, В. 24, Н. 3. Leipzig und Wien, 1922; о петербургских повестях — главы III, IV, V.

4. Василий Гиппиус. “Гоголь”, изд. “Мысль”, Л., 1924; о петербургских повестях — главы III, VI, VII и VIII.

5. И. Кубиков. “Гоголь и Петербург”, “Русский язык в советской школе”, М. 1929, кн. 2, стр. 5—23.

6. Л. П. Гроссман. “Гоголь-урбанист”, “Н. В. Гоголь. Повести”, Гослитиздат 1935. Вступительная статья.

7. М. Храпченко. “Н. В. Гоголь”, ГИХЛ, М., 1936; о петербургских повестях — гл. III, IX.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

I.

Рукопись “Невского проспекта” (описание см. Соч. 10 изд., VII, стр. 903; “Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев за 1896 год”, стр. 16), сохранившаяся в РМ4, занимает там стр. 51–70 включительно, между началом повести “Портрет” (стр. 49–50) и реестром тетрадей и пр. на стр. 71.

Текст рукописи в значительной степени испещрен поправками обычного для Гоголя характера. Все они не имеют характера позднейших исправлений по законченному тексту, делались в процессе работы и тесно связаны с последующими фазами текста. Таким образом выделить позднейшие наслоения на первоначальный текст невозможно. Впрочем, среди исправлений черновой редакции одно должно быть отмечено особо. Первоначально повесть начиналась словами: “Невский проспект единственная улица в Петербурге, где сколько-нибудь показывается наше таинственное общество”. Позднее эта фраза была почти целиком вычеркнута и над нею, начиная с самого верха страницы, были тесно вписаны фразы: “Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге ~ и тот в восторге тоже от Невского проспекта”. Так как зачеркнутая фраза не была заменена никакой другой (что не редко в черновых рукописях Гоголя), то нам пришлось при воспроизведении первой редакции оставить ее в тексте во избежание смыслового разрыва. Общий характер этой поправки, как уже было указано, заставляет предположить, что она была сделана не непосредственно в процессе работы, а несколько позже, быть может, уже по окончании всей повести.

Текст тетради РМ4 значительно отличается от текста “Арабесок”. Помимо целого ряда творческих изменений, имеющих тематико-сюжетное значение (о них будет сказано ниже), текст “Арабесок”, сравнительно с текстом черновой редакции, имеет целый ряд и менее существенных отличий. Все эти исправления можно разбить на следующие группы: 1) поправки цензурного характера; 2) композиционные исправления, выражающиеся в перестановке целых абзацев и отрывков, в целях

прояснения или ускорения развития действия. Таких исправлений особенно много в рассказе о снах Пискарева; 3) исправления синтаксического характера, направленные к прояснению и облегчению синтаксического строения фразы; 4) поправки, относящиеся к работе над эпитетом в широком смысле этого слова, типа: “щегольской” вм. “щегольской, яркой”, “светлый” вм. “зеркальный” и пр.

В настоящем издании в текст “Арабесок”, принятый за основу, внесены некоторые, в общем незначительные, поправки: 1) по изданию 1842 г. (П), исправляющие явные орфографические погрешности текста, опiski и т. п.; 2) по изданию 1855 т. (Тр) те поправки, которые соответствуют тексту черновой редакции и потому с большой долей вероятия могут быть отнесены за счет самого Гоголя; 3) вставки — из черновой редакции — мест, пропущенных в окончательном тексте по соображениям явно цензурного порядка. Здесь, прежде всего, нужно отметить знаменитую сцену “секуции” и упоминание в эпилоге о “главной ошибке Лафайета”. Несмотря на то, что между печатным текстом “Арабесок” и сохранившейся черновой редакцией явно имелась еще одна переработка повести самим Гоголем, давшая утраченный беловой автограф, с которого повесть печаталась, мы решились перенести оба эти места — чрезвычайно важные для сюжетно-тематического развития повести — в печатный текст непосредственно из черновой редакции, так как включение это можно было произвести без всякой ломки или изменения основного текста.

Кроме этих основных групп исправлений, в тексте имеется и целый ряд других, не поддающихся точной классификации. В целом они все направлены на уточнение и улучшение образной стороны рассказа и имеют, прежде всего, стилистическое значение.

Точная датировка повести представляет значительные затруднения. Цензурное разрешение “Арабесок” последовало 10 ноября 1834 г. Но еще до отправления “Арабесок” в цензуру Гоголь давал “Невский проспект” на прочтение Пушкину, — как это видно из ответной записки последнего: “Прочел с удовольствием. Кажется, всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она мне кажется необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось бог вынесет. С богом”. [Пушкин. Переписка, изд. Академии Наук, т. III, СПб., 1911, стр. 168–169.] Из этой записки видно, что Пушкин располагал той редакцией повести, где сцена “секуции” была сохранена. К

сожалению, записка не датирована; во всяком случае, она должна быть отнесена к концу октября или первым числам ноября, и мы можем определенно утверждать, что именно к этому сроку у Гоголя имелся уже беловой автограф повести, и при том со сценой “секуции”, так как трудно предположить, чтобы Пушкин прочел ее по черновику.

При печатании черновой редакции оказалось необходимым ввести пропущенные слова, руководясь по возможности текстом “Арабесок”.

II.

“Невский проспект” имеет сложную творческую историю, будучи связан с другой, только намеченной повестью Гоголя “Страшная рука”. Для изучения этой истории мы располагаем следующими материалами: 1) отрывком неоконченной повести “Страшная рука”; 2) вторым отрывком той же повести: “Фонарь умирал”; 3) черновой редакцией “Невского проспекта”; 4) его печатным текстом в “Арабесках”. Связь этих отрывков и редакций не подлежит сомнению. Что касается первых двух отрывков, то здесь мы имеем дело с простым вариантом одного и того же начала; связь же этих отрывков с “Невским проспектом” устанавливается простым сопоставлением характеристики главных героев обеих повестей — студента и художника. Первый отрывок датируется 1831–1833 гг.; отрывок второй — 1832—33 гг.; черновая же редакция 1833—34 гг. Таким образом, мы имеем здесь дело с замыслом, разрабатывавшимся на протяжении более четырех лет. Первый отрывок, правда, дает только заглавие и несколько начальных строк. Однако, уже само это заглавие представляет значительный интерес: “Страшная рука. Повесть из книги под названием: Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16 линии”. Название повести “Страшная рука” восходит к традициям повести и романа “ужасов”. Однако, уже подзаголовок разрушает эти ожидания. Взятый сам по себе, он несколько напоминает “Уединенный домик на Васильевском” Титова — Пушкина. Гоголь, без сомнения, знал эту повесть, появившуюся в “Северных Цветах” за 1829 г., знал, вероятно, и ее историю. Возможно, что и самый выбор места действия повести — Васильевского острова — был произведен не без влияния “Уединенного домика” и пушкинского художественного осмысления этой окраины столицы. Возможно, что и фигура в черном фраке (в отрывке втором) — какая-то параллель к Варфоломею пушкинского замысла, как третья сторона

“треугольника”: героиня, герой и враждебная сила.

Второй отрывок дает уже завязку повести: приезжий студент, красавица и таинственная фигура в черном фраке. Можно думать, что тема Невского проспекта, т. е. Петербурга как такового, не играла еще здесь особо выдающейся роли.

Установить, как далеко удалось Гоголю развить этот первоначальный вариант повести, нельзя. От него ничего не сохранилось, кроме двух указанных отрывков... Но, с другой стороны, нет никаких оснований утверждать, будто всё дело и ограничилось этими первоначальными строками. Ясно лишь, что повесть в первоначальном варианте не была закончена, а при вторичном обращении Гоголя к теме о бедном мечтателе он обработал ее уже по-иному. Фантастический элемент был устранен; повествованию придан строго реалистический характер; выступила на передний план проблема изображения города, как фона и рамки для повествования о бедном художнике и его веселом приятеле. Такая коренная переработка первоначального замысла определялась, прежде всего, внутренним развитием самого Гоголя.

Пробуя свои силы в различных жанрах, молодой Гоголь намечает путь к реалистической трактовке действительности на основе своей собственной, совершенно оригинальной литературной системы. Но именно в этот период исканий он особенно доступен различным литературным влияниям.

Гоголь дебютировал и завоевал себе литературную известность как “сказочник”. Но фантастический элемент, который играет такую роль в “Вечерах”, не имеет ничего общего с субъективно-идеалистической фантастикой популярного в те годы в России Гофмана; Гоголь никогда не признавал за фантастическим хотя бы субъективно значимой реальности; для него это был либо сон, обоснованный психологически, либо фольклор, т. е. система фантастического, объективно данная автору в совокупности народных верований, либо, наконец, чисто литературный, композиционный прием. Но, тем не менее, перешагнуть от насыщенной фантастикой сказки к реалистической повести, еще мало развитой в русской литературе, представляло, конечно, значительные трудности. И здесь ему оказали помощь молодые французы, — так называемая “неистовая школа” и, прежде всего, Ж. Жанен.

Нет никаких сомнений, что Гоголь был знаком с произведениями “неистовых”. Помимо того, что русские журналы того времени пестрели их именами, ими чрезвычайно интересовался Пушкин, с которым Гоголь в эти годы находился в тесном общении. Среди лозунгов, выдвигаемых “неистовыми”, Гоголю должен был быть особенно близок лозунг о “фантастическом в действительности”, наиболее резко и отчетливо сформулированный Ж. Жаненом. Действительность — неоднократно возглашает этот писатель — сама по себе дает художнику столько необычайного и фантастического, что ему нечего гоняться за фантастикой в тесном смысле этого слова. В самой природе, в реальной жизни есть много такого, что, будучи подано в известной манере, в определенной композиционной связи, может образовать самое причудливое, самое фантастическое произведение, где, однако, не будет ничего сверхъестественного. Для Гоголя в период после “Вечеров” этот тезис был очень плодотворен; он мог послужить ему как бы мостом к чисто реалистической трактовке сюжета. И вот, используя некоторые приемы Жанена, он переключает замысел повести о бедном мечтателе из плана гофмановской фантастики в план изображения “необычайного в действительности”, мотивируя всё действие “Невского проспекта” бытовыми “диковинками” большого города.

Из произведений Жюль Жанена на “Невском проспекте” сказалось влияние: во-первых, нашедшего в свое время романа “Мертвый осел и гильотинированная женщина” (*L'Ane mort et la femme guillotinée*. Paris, 1829), а во-вторых, ряда очерков в пятнадцатитомном сборнике “Париж или книга ста одного” (*Paris ou le livre de cent et un*. Paris et Bruxelles, 1832), посвященном описанию Парижа. Первый роман, трактующий ту же, что и у Гоголя, тему любви мечтательного юноши к падшей женщине, помог Гоголю перенести в реалистический план историю Пискарева. [См. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма, стр. 178–186 и сл.] Что касается сборника “*Paris ou le livre de cent et un*”, то в предисловии к нему и в очерках “Асмодей” (*Asmodée*) и “Мелкие профессии” (*Les petits métiers*) [Две последние статьи появились в “Моск. Телеграфе” 1832, кн. I, рецензия Полевого на весь сборник там же, ч. 50 (1833 г.), стр. 127–141, 248–269.] Жанен за обыденным образом Парижа стремится вскрыть его таинственную внутреннюю жизнь, то есть изобразить его по принципу необычайного и фантастического в обычном и бытовом. И нет никакого сомнения, что Гоголем использован ряд приемов Жанена для описания

Петербурга в “Невском проспекте”.

Таким образом тема любви бедного мечтателя к легкомысленной женщине дважды обрабатывалась Гоголем. Первоначально она была задумана в плане гофмановской фантастической повести, что видно из отрывка “Фонарь умирал”. Но эта установка оказалась для молодого Гоголя, стремившегося к реалистической трактовке действительности, неприемлемой. Тогда, используя приемы французской неистовой школы, он развернул ее в плане реалистического изображения “необычайного в обыденном”. Недаром в последней редакции “Невского проспекта” (в “Арабесках”), в отличие от черновой, усилен реалистический тон снов Пискарева (подробностью об испачканном сюртуке), развита естественная мотивировка этих снов (введен эпизод с покупкой опиума у персиянина) и, наконец, исключен эпизод с офицером в последнем свидании с красавицей, живо напоминающий соответствующее место в гофмановской повести о бедном студенте (“Повелитель блох”). Эти поправки явно свидетельствуют о стремлении Гоголя к освобождению от гофмановского влияния и к усилению реалистических моментов в повести.

Наконец, в изображении Пирогова и в юмористических и реалистических сценах в квартире немца-ремесленника Гоголь свободен от всех романтических воздействий. Эти элементы “Невского проспекта” являются существенным этапом в эволюции Гоголя от романтизма ранних произведений к критическому реализму “Ревизора” и “Мертвых душ”.

Критика сразу же оценила повесть именно с этой стороны. За несколько дней до первого представления “Ревизора”, в анонимной рецензии “Современника” на второе издание “Вечеров на хуторе”, “Невский проспект” выделен был из всех появившихся к тому времени повестей Гоголя как “самое полное из его произведений”. Автором столь дальновидного замечания был Пушкин. Но и раньше, тотчас по выходе “Арабесок”, не менее высокую оценку “Невскому проспекту” дал в “Молве” (1835 г. № 15) Белинский: “две его (Гоголя) пьесы в “Арабесках” (“Невский проспект” и “Записки сумасшедшего”) доказывают, что его талант не упадает, но постепенно возвышается”. Эту мысль развивает затем Белинский в статье “О русской повести и повестях Гоголя” как раз применительно к Пирогову, образ которого Белинский восторженно оценивает как “тип из типов, первообраз из первообразов” (соч. Белинского, т. II стр. 95, 225).

Самый ранний набросок начала повести записан Гоголем в б. аксаковской тетради РЛ1, на 6-ой странице, в верхней ее половине. [См. Соч. 10 изд., VII, стр. 906.] Записи “Носа” предшествует черновик статьи “Взгляд на составление Малороссии”, занимающей первые 4 страницы тетради. После начала “Носа” следует чистая страница, вслед за которой, на 9-ой странице, — запись отрывка “Мне нужно видеть полковника” с вариантом (“Мне нужно к полковнику”) на обороте. “Взгляд на составление Малороссии” датирован был Гоголем в “Арабесках” 1832-м г., отрывки, следующие за началом “Носа”, относятся к роману “Гетьман”, над которым Гоголь работал в 1832–1833 г.; таким образом этот первоначальный набросок “Носа”, судя по его местоположению в тетради, скорее всего может быть отнесен к концу 1832 г. или к началу 1833 г. Следует отметить, что характер почерка и чернила в записи “Носа” отличаются от смежных набросков. Чистые страницы, оставленные после наброска “Носа”, говорят о том, что Гоголь, записав начало повести, предполагал вскоре вернуться к продолжению ее, но в течение ближайшего промежутка времени этого не сделал.

Помимо местоположения наброска в тетради, отнесение начала работы Гоголя над повестью к 1832 г., по мнению Н. Тихонравова, подтверждается указанием на этот год в самом тексте наброска: “23 числа 1832 года случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие” (см. Соч. 10 изд., II, стр. 566). Косвенным соображением в пользу отнесения замысла “Носа” к 1832 г. является и то обстоятельство, что как раз в 1831–1832 гг. появляются в журналах “носологические” сюжеты, и мотивы близкие к повести Гоголя, а также текст вывески, помещенный в “Молве” за 1831 г. (ч. VI, стр. 8–9), к которому восходит вывеска Ивана Яковлевича.

Первоначальный набросок начала повести (РЛ1) во многом близок ко всем последующим редакциям, отличаясь от них лишь значительной недоработанностью и рядом стилистических вариантов. Так, начальные

фразы повести совпадают везде почти буквально, исключая указания на время действия. Недоработанность этого наброска видна также и из внешних признаков рукописи, с рядом помарок. Имя и отчество цырюльника Ивана Яковлевича еще окончательно не установлено, и он называется то Иваном Ивановичем, то Иваном Федоровичем. Основная сюжетная ситуация — нахождение носа майора Ковалева запеченным в горячем хлебе — ясна уже в этой первоначальной редакции и остается неизменной во всех дальнейших.

Первая дошедшая до нас полная черновая редакция повести (автограф Погодинского древлехранилища РЛ2) [См. Соч. 10 изд., VII, стр. 873.] может быть отнесена к 1833–1834 г. Предельной датой окончания этой редакции следует считать конец августа 1834 г., поскольку в ней отсутствует полемическая концовка от автора, появившаяся, несомненно, лишь после рецензии “Северной Пчелы” на повести Пушкина в номере от 27 августа 1834 г. (о чем см. ниже). С другой стороны, за исходную дату (*post quem*) надо принять 21–23 сентября 1833 г., когда в той же “Северной Пчеле” появился другой фельетон Булгарина, отразившийся уже в рукописном тексте (о чем тоже ниже).

Черновая редакция “Носа” настолько отличается от первопечатной редакции (в “Современнике”), что заставляет предположить значительный промежуток времени между написанием той и другой. Это полностью и подтверждается приводимыми ниже фактами. Редакция РЛ2 (Погодинского древлехранилища) воспроизводится в настоящем издании в отделе других редакций.

Самая рукопись (РЛ2) представляет из себя небольшую тетрадь, переплетенную уже позже и заполненную целиком рукой Гоголя, почерком начала 30-х годов; в ней семь полулистов плотной серой бумаги, из них 5-й и 7-ой пустые; фабричный знак с датой 1832 г. на 4-ом и 5-ом полулистах: Ф. К. Н. Г. 1832; формат рукописи листовой, — такой же, как и во всех записных книгах Гоголя. Судя по характеру почерка и чернилам, рукопись писана в несколько приемов (4–5), но в течение непродолжительного промежутка времени между ними. Помарки и поправки в тексте по своему виду и характеру позволяют полагать, что они делались почти одновременно с написанием повести. Нумерация страниц позднейшая. Вверху первой страницы, на месте заглавия, написано с большими промежутками между словами: “сего нос сего”. По-видимому, заглавие

“Нос”, уже тогда данное повести, было okayмлено Гоголем в процессе работы случайными словами из текста повести.

К рукописи этой полной редакции “Носа” впоследствии приплетен отдельный лист, с беловым текстом начала повести, написанным крупным, каллиграфическим почерком Гоголя 30-х годов, оканчивающийся словами: “Он засунул палец и вытащил довольно крепкой, нельзя сказать чтобы горбатый, нельзя сказать чтобы и курносый, чело<веческий>”. Этот лист имеет фабричный знак “Б. У. 1835”, позволяющий установить, что это, возможно, начало не дошедшей до нас полной беловой редакции повести; относится, скорее всего, к марту 1835 г., т. е. ко времени отправки рукописи “Носа” в Москву Погодину. Однако, не исключена возможность и того, что переписка этой первой страницы предназначалась для “Современника”, и тогда ее следует отнести к началу 1836 г.

Текст РЛЗ представляет промежуточную редакцию между рукописью из погодинского древлехранилища (РЛ2) и редакцией, напечатанной в “Современнике”, сохраняя, с одной стороны, дату “сего 23 февраля”, имеющуюся в РЛ2, с другой уже окончательно устанавливая имя и отчество цырюльника “Иван Яковлевич”, до того колебавшееся как в наброске начала повести (в тетради РЛ1), так и в рукописи РЛ2.

К окончательной обработке повести Гоголь вернулся, по-видимому, лишь после завершения работы над подготовкой к изданию “Арабесок” и “Миргорода”, в начале 1835 г. К этому времени в Москве затевался друзьями Гоголя новый журнал — “Московский Наблюдатель”. Гоголь собирался принять в нем активное участие. 31 января 1835 г. он писал М. Погодину о начатой для журнала повести, которую соглашался прислать “к 3-ей книжке”. Дату этого письма и следует скорее всего считать возвращением Гоголя к работе над “Носом”, так как в следующем письме, от 9 февраля того же года, Гоголь опять сообщает Погодину, что пишет для “Московского Наблюдателя” “особенную повесть”. Этой “особенной повестью” мог быть только “Нос”, что подтверждается всей дальнейшей перепиской.

18 марта 1835 г. повесть была отправлена в Москву с сопроводительным письмом, где Гоголь предупреждал Погодина о возможных придирках цензуры: “Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что Нос не может быть в Казанской церкви, то,

пожалуй, можно его перевести в католическую. Впрочем я не думаю, чтобы она до такой степени уже выжила из ума”. Таким образом, работа над окончанием “Носа”, вернее, над написанием его второй редакции (поскольку Гоголь писал ее наново) определяется промежутком времени с конца января по середину марта 1835 г.

Рукопись (РЛ2), по-видимому, непосредственно предшествовала тексту, посланному Гоголем 18 марта 1835 г. в “Московский Наблюдатель”, являясь скорее всего тем черновиком, с которого сделан был беловой список для журнала. В пользу этого говорит и цитированное письмо Гоголя, свидетельствующее, что эпизод с Казанским собором имелся, подобно редакции РЛ2, также в редакции, посланной в “Московский Наблюдатель”.

Под влиянием слуха о том, что “Московский Наблюдатель” не осуществится, Гоголь через несколько дней после посылки повести, в письме от 23 марта, требует, чтоб Погодин прислал ее назад. Хотя слух о провале журнала оказался неверным, но повесть не была напечатана в “Московском Наблюдателе”, так как редакция его, по позднейшему свидетельству Белинского, отказалась от печатания повести по причине ее “пошлости и тривиальности”. [“Отечественные Записки” 1842, т. XXV, “Смесь”, стр. 107.]

Летом 1835 г., проездом из Петербурга через Москву на родину и обратно в Петербург, Гоголь виделся с Погодиным, но не взял у него своей повести, возможно не потеряв еще надежды на ее напечатание в “Московском Наблюдателе”. Лишь в январе 1836 г. вновь понадобился ему текст “Носа” и 18 января 1836 г. он затребовал его от Погодина под предлогом подготовки “небольшого собрания”. Объяснение это вряд ли соответствовало действительности: Гоголь занят был в это время печатанием и постановкою “Ревизора”, а повесть понадобилась ему в связи с началом издания пушкинского “Современника”, в 3-м номере которого, вышедшем в сентябре 1836 г., и был напечатан “Нос”.

Этим творческая история “Носа”, однако, не завершается. Для первого издания сочинений (1842 г.) Гоголь радикально перерабатывает финал повести. Эту новую переработку “Носа” скорее всего следует отнести ко времени непосредственного осуществления издания Сочинений, к 1841–1842 гг.

Беловая рукопись, посланная Гоголем в “Московский Наблюдатель”, не сохранилась. Единственным полным автографом повести является рукопись РЛ2. Различие между первоначальной редакцией РЛ2 (Погодинского древлехранилища) и редакцией, напечатанной в “Современнике”, сводится в основном к следующему:

1) В РЛ2 более кратко изложены события и отсутствует целый ряд эпизодов и ситуаций, подробно развитых в печатном тексте.

2) Совершенно отличается от рукописного окончание повести. Ее финальная часть подверглась не только сюжетной переработке, но — что еще более существенно — в печатной редакции изменена самая мотивировка “совершенно невероятного происшествия”.

Рукопись Погодинского древлехранилища примерно до середины повести близка к редакции, напечатанной в “Современнике”, кончая репликой квартального надзирателя: “...очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких...” В дальнейшем же текст рукописи и текст первопечатной редакции почти не совпадает.

“Нос” уже в силу сатирической направленности сюжета пострадал от цензурного вмешательства, пожалуй, больше всех остальных повестей Гоголя. Еще до прохождения повести через цензуру, при посылке ее М. П. Погодину, Гоголь сомневался, пропустит ли цензура эпизод о встрече майора Ковалева с носом в Казанском соборе, предлагая вариант с перенесением места действия в католическую церковь (см. выше, ср. письмо от 18 марта 1835 г.). Но цензурные требования превзошли его ожидания. Место встречи майора Ковалева с носом пришлось перенести из Казанского собора даже не в католическую церковь, а в Гостиный двор и сделать целый ряд других купюр и изменений. О цензурных затруднениях и вычерках свидетельствуют так же и письма цензора А. Л. Крылова к Пушкину, относящиеся ко времени прохождения третьего тома “Современника” через Цензурный комитет. В письме от 27 июля 1836 года А. Л. Крылов сообщает Пушкину, — по-видимому, в ответ на не дошедшее до нас ходатайство последнего об оставлении в повести Гоголя ряда вычеркнутых цензурой мест, — о повторном обсуждении некоторых купюр на заседании Цензурного комитета. Сообщая, что может быть он в состоянии будет “удержать и в статье г. Гоголя намеки о сахаре и

ассигнациях”, — Крылов просит Пушкина прислать ему “эту часть статьи <т. е. повести Гоголя>; завтра вечером я буду иметь честь возвратить ее с окончательным заключением”. На следующий день, в письме от 28 июля, извещая о решении Цензурного комитета, Крылов писал Пушкину: “Возвращая находившиеся у меня статьи, имею честь известить, что в сочинении г. Гоголя Комитет согласился допустить шутку на предпочтение Ассигнаций, оставив однако исключенным другое место о Сахаре”. [Пушкин. Переписка. Изд. Академии Наук т. III, стр. 353.]

Из этих писем А. Крылова к Пушкину можно заключить, что целый ряд других резких сатирических мест, направленных против полицейско-бюрократического строя и недопустимых с цензурной точки зрения (имеющихся в черновой рукописи, РЛ2, и не появившихся в первопечатном тексте), вроде сцены в Казанском соборе, или упоминания о взятке, данной Ковалевым квартальному, были сразу и безоговорочно исключены цензурой, так что Пушкин о них и не считал возможным просить.

Даже перерабатывая повесть для издания 1842 г. Гоголь всё по тем же цензурным причинам не имел возможности восстановить ранее запрещенные места. Впрочем, — за одним исключением: воспользовавшись переделкой финала, Гоголь восстанавливает следующее место, имеющееся в рукописи РЛ2, но выпущенное в “Современнике”, несомненно, по требованию цензуры: “Этот господин был один из числа тех людей, которые бы желали впутать правительство даже в их домашние ссоры с своей супругой”. Цензурные купюры нами восстановлены по черновой рукописи Погодинского древлехранилища (РЛ2).

Вот эти восстановленные по черновой рукописи подцензурные купюры и изменения печатного текста.

1. “разные полицейские обязанности” — вместо чтения всех прижизненных изданий: “разные обязанности” (см. в основном тексте и в вариантах).

2. Весь эпизод встречи Ковалева с Носом в Казанском соборе вместо Гостиного двора (см. в основном тексте и в вариантах). [Впервые подцензурный Гостиный двор устранен в издании ГИЗа 1928 г. под ред. Б. М. Эйхенбаума.]

3. “но имея в виду получить губернаторское место” вместо “но имея в виду получить...” (см. в основном тексте и в вариантах).

4. “вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции” вместо “вы должны служить по другому ведомству” (см. в основном тексте и в вариантах).

5. “Ярыжкин, столоначальник в сенате” вместо “Ярыгин” (см. в основном тексте и в вариантах).

6. “чрезвычайному охотнику до сахару ~ удовольствия мира” — в печатном тексте нет (см. в основном тексте и в вариантах).

7. “И не знаю ~ слишком радушно” в печатном тексте нет (см. в основном тексте и в вариантах).

8 “и что много есть на свете всяких майоров ~ непристойным местам” в печатном тексте нет (см. в основном тексте и в вариантах).

9. “Кавалев догадался ~ как раз на бульвар” в печатном тексте нет (см. в основном тексте и в вариантах).

Восстановление цензурных купюр (даже в тех случаях, когда они сделаны самим Гоголем из боязни перед цензурными затруднениями) на основе черновой редакции, вводимой в более поздний окончательный текст, — делается нами лишь в тех случаях, когда весь окружающий контекст обеих редакций совпадает, или когда восстановление купюр диктуется смысловым разрывом в печатном контексте. То обстоятельство, что текст, непосредственно примыкающий к цензурным купюрам, совпадает в “Современнике” и в изд. 1842 г. с рукописью РЛ2, отличаясь лишь незначительными стилистическими изменениями, позволяет восстановить эти места, не нарушая стилистического и композиционного единства повести, и этим максимально приблизить текст повести к авторскому замыслу.

Текст “Носа”, напечатанный в “Современнике”, отличается от первоначальной редакции как большей краткостью и другим финалом повести, так и рядом стилистических изменений. В первоначальной редакции (РЛ2) фантастичность событий (“необыкновенно странное

происшествие”) была мотивирована сном Ковалева. В редакции “Современника” не только совершенно изменяется окончание повести и приписывается пародийно-ироническое послесловие, но и отменяется самая мотивировка сном.

Эта коренная переделка, как и полемическая авторская концовка, является, скорее всего, откликом Гоголя на рецензию о повестях Пушкина, помещенную в “Северной Пчеле”, № 192 от 27 августа 1834 года, за подписью “Р. М.”, где имелись нападки на “неправдоподобие” Повестей Белкина, в особенности на неправдоподобие “Гробовщика”, по поводу которого рецензент писал: “Развязывать повесть пробуждением от сна героя — верное средство усыпить читателя. Сон — что это за завязка? Пробуждение — что это за развязка? Притом такого рода сны так часто встречались в повестях, что этот способ чрезвычайно как устарел”. При переделке “Носа” Гоголь присоединил к повести полемическое послесловие, являющееся, по-видимому, замаскированной пародией на рецензию “Северной Пчелы”. Гоголь здесь не только пародирует стиль рецензии и иронизирует над упреками в непонятности, но и насмешливо полемизирует с требованием морализующей установки (при переиздании “Носа” в 1842 г. Гоголь снял свое послесловие).

Изменив традиционно-правдоподобную мотивировку, Гоголь учел указание критики на ее “устарелость” и вместе с тем еще больше заострил полемический характер повести, умышленно подчеркнув ее сатирическую гротескность.

Печатаемая повесть в изд. Сочинений 1842 г., Гоголь вновь переделал и детально расширил финал, выделив его в особую третью главу. По-видимому, финал, данный в “Современнике” в виде краткого авторского послесловия, Гоголю показался недостаточно убедительным. С другой стороны, значительно сокращено было полемическое авторское послесловие, к этому времени естественно потерявшее свою актуальность.

В издание Трушковского внесены были незначительные и случайные разночтения, по-видимому, Гоголю не принадлежащие.

В настоящем издании в текст третьего тома “Сочинений Н. Гоголя” изд. 1842 г., помимо особо оговариваемых вставок цензурного характера из рукописи РЛ2, вносится еще ряд стилистических уточнений по

первопечатному тексту “Современника” (1836 г.) — во всех тех случаях, когда есть основания считать, что стилистическая и грамматическая правка в издании 1842 г. принадлежит издателю Н. Я. Прокоповичу.

Набросок начала повести в записной тетради (РЛ1), первоначальная черновая редакция (РЛ2) и финал “Носа” в редакции “Современника” — приводятся в разделе “Другие редакции” (стр. 380–400). Разночтения белового автографа начала повести (РЛ3), в виду его близости к печатному тексту, приводятся, наряду с печатными разночтениями, в разделе “Варианты”.

II.

Замысел “Носа” тесно связан с теми мотивами, которые были широко распространены в журналистике начала 30-х годов, т. е. как раз в то время, когда Гоголем была начата его повесть. [См. В. В. Виноградов. “Эволюция русского натурализма”, Л., 1929, стр. 7—88. На эту связь указывал еще Н. Г. Чернышевский в “Очерках Гоголевского периода русской литературы” (изд. Пб. 1892, стр. 141–142).] Это — заметки, анекдоты и даже целые рассказы об исчезнувших, отрезанных, восстановленных или вообще диковинных носах.

Следует особо указать переводный “французский анекдот” — “Нос” в “Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду” (1831, № 72 от 9 сентября), где передается трагикомическая исповедь человека, вызывавшего гонения и насмешки одним лишь видом своего лица, все черты которого “заслонены были чудовищно-большим носом”. Лицо, превратившееся в один большой нос, встречается у Гоголя в незаконченном отрывке 1832 г. “Фонарь умирал”.

Однако, наибольшее значение для Гоголя, несомненно, должна была иметь повесть Г. Цшокке “Похвала носу”, напечатанная в “Молве”. [“Молва” 1831 г., №№ 37 и 39. Отдел анекдотов. На связь “Похвалы носу” Цшокке с сюжетом “Носа” было указано Г. Чудаковым — “Отношение творчества Гоголя к западно-европейским литературам”, “Университетские известия”, Киев, 1908, № 8, стр. 167.] В повести Цшокке в шуточной форме подчеркивалось значение носа для “всякого человека” и намечался уже трагикомический эффект его потери. “В самом деле, отнимите нос у самого

приятного милого личика, и что останется? Совершенный кочан капусты”.

Подражанием “Похвале носу” Цшокке явился шуточный рассказ Карлгофа “Панегирик носу”, напечатанный в 1832 г. в “Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду” и свидетельствующий о том, что повесть Цшокке не прошла незамеченной. В рассказе Карлгофа упоминалось о том, что “с потерей носа теряется благородство человека, что нос есть олицетворенная честь, прикрепленная к человеку”.

“Похвала носу” Цшокке и “Панегирик носу” Карлгофа могли быть известным импульсом для сатирического замысла Гоголя, подсказывая близкую гоголевскому “Носу” тему о потере “олицетворенной чести” и последствиях этой потери, — тему, развитую Гоголем, конечно, с гораздо большей остротой и глубиной.

Следует также указать и на черты сходства “Носа” Гоголя с “Тристрамом Шанди” Стерна, [Л. Стерн. “Жизнь и мнения Тристрама Шанди”. СПб., 1804–1807, ч. III, стр. 86—113.] такой же как и “Нос” немотивированной сатирой-гротеском.

Ситуация с носом, запеченным в хлеб, скорее всего, явилась у Гоголя пародийным использованием эпизода с “печеной головой” из популярного тогда романа Морьера “Мирза Хаджи Баба”, вышедшего в начале 30-х годов в двух переводах. [“Мирза Хаджи Баба Исфгани в Лондоне”, 4 части, СПб., 1830; Морьер. “Похождения Мирзы Хаджи Бабы Исфгани в Персии и Турции или Персидский Жилбаз”. Перевод с английского, 4 части. СПб., 1831.] Кроме подбрасывания “печеной головы” к цирюльнику, можно отметить и в других деталях романа некоторое сходство с “Носом”.

Сюжет “Носа” не стоит особняком и в творчестве самого Гоголя. Связанные с носом мотивы и образы встречаются и в других его произведениях и даже в переписке: ср. эпизод в “Невском проспекте” с носом “жестяных дел мастера” Шиллера, которому сапожник Гофман собирался отрезать его. Этот эпизод представляет вариацию того же мотива, что образы и гиперболы, связанные с носом в “Заколдованном месте”, в “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”, в “Риме”, в заметке в альбоме Е. Г. Чертовой и, наконец, в письмах Гоголя (в особенности в письмах к М. П. Балабиной от 15 марта и от апреля 1838 г.).

В цикле петербургских повестей Гоголя “Нос” занимает особое место не только по своеобразию своего сюжетного замысла, но и по своей литературной направленности.

Фантастическая невероятность сюжета, необычность его для традиций русской повествовательной литературы в известной мере сближают повесть Гоголя с фантастикой Гофмана и русского “гофманианства” конца 20-х—начала 30-х годов. Можно привести и ряд отдельных мотивов, общих у “Носа” Гоголя с “Двойником” А. Погорельского и “Пестрыми сказками” В. Ф. Одоевского. [“Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ”, изданные В. Безгласным. СПб., 1833, цензурн. разр. от 19 февр. 1833 г.]

Наиболее существенным является совпадение “Носа” со “Сказкой о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем” В. Одоевского, где рассказывается о явлении владельца мертвого тела к приказному Севастьянычу. Потерпевший, подобно Ковалеву, диктует заявление о пропаже своего собственного тела (сравнить объяснение майора Ковалева с чиновником газетной экспедиции, которого он просит дать объявление о пропаже своего носа). При этом вопрос ничего не понимающего приказного: “Что же покойник крепостной что ли ваш был?”, совпадает с репликой чиновника у Гоголя: “А сбежавший был ваш дворовый человек?”

Неоднократно указывалось на связь “Носа” с “Приключениями в ночь св. Сильвестра”, с “Историей о потерянном отражении в зеркале” Гофмана [См. например И. И. Замотин “Три романтических мотива в произведениях Гоголя”, Варшава, 1902, стр. 3.] и “Петером Шлемилем” Шамиссо. Однако эти связи очень отдаленны и не позволяют говорить о каком бы то ни было заимствовании. Гораздо правильнее будет сопоставление “Носа” со всей гротескно-сатирической манерой Гофмана, с его игрой на неожиданном превращении вещей (“золотой горшок”, “Королевская невеста” и др.).

Но исследователи (Стендер-Петерсен и др.) уже отмечали, что “Нос” Гоголя не фантастическая повесть романтического типа, а “ироническая пародия на романтику”.

Гоголь, совпадая с Гофманом в фантастичности сюжета, реализует этот

сюжет не на фольклорном материале, а на материале реалистически показанной действительности. Но хотя Гоголь дает известную параллель романтическому мотиву о потере тени или отражения, — как символу потери полноценности личности, — однако самый выбор столь “тривиальной” и комически-подчеркнутой ситуации, как исчезновение носа, являлся прямым снижением романтической символики. Недаром в своем редакционном примечании Пушкин назвал “Нос” Гоголя “шуткой”, подчеркивая этим его “фарсовый” характер.

Если юмор Гофмана абстрактен, основан на символической двуплановости его повестей, то юмор Гоголя конкретен, социально направлен, реалистичен. Сцены домашнего быта цирюльника Ивана Яковлевича являются дальнейшим развитием мотивов пушкинского “Гробовщика”; образ же майора Ковалева и весь обличительный материал повести непосредственно связан с неоконченным “Владимиром 3-ей степени”, “Записками сумасшедшего”, наконец с “Ревизором”.

Реалистический, пародирующий принципы романтической эстетики, характер повести нагляднее всего подтверждается тем отрицательным к себе отношением, которое она встретила в лагере русских шеллингианцев, приверженцев немецкого романтизма. По свидетельству Белинского “один журнал (т. е. “Московский Наблюдатель”) отказался напечатать у себя повесть Гоголя “Нос”, находя ее грязною”. “Из существовавших прежде журналов”, говорит Белинский в другом месте, “первый оценил Гоголя “Телескоп”, а совсем не тот, другой московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя “Нос”, по причине ее пошлости и тривиальности”. [“Отечественные Записки” 1842.] При всей своей необычности и полемической заостренности повесть “Нос” не была отмечена критикой. В этом едва ли, однако, надо видеть сознательное замалчивание: отсутствие высказываний скорее объясняется случайными причинами. Появление повести в 1836 г. могло остаться незамеченным, так как критика только что исчерпывающе высказалась о “Миргороде” и “Арабесках”, а выход в марте 1836 г. “Ревизора”, возбуждившего оживленные споры, окончательно заслонил повесть, появившуюся несколькими месяцами позже. Перепечатка повести в собрании сочинений в 1842 г. также не обратила на себя внимания, так как критика была целиком занята появлением “Мертвых душ”. Чаще всего “Нос” зачислялся современной ему критикой в разряд “фарсов” и “анекдотов” Гоголя, рассматриваясь не иначе как со всей совокупностью других его произведений. Шевырев в

своей статье о “Мертвых душах” говорит о “Носе” даже как о неудаче Гоголя. [“Москвитянин” 1842, № 8. стр. 373.]

О. Сенковский, следуя своему упрощенному и враждебному истолкованию гоголевских произведений как фарсов, в статье 1842 г. о “Мертвых душах” полемизируя с Шевыревым, о “Носе” отзываясь однако так же как он. [“Библ. для чтения” 1842, август, Литературн. летопись, стр. 24–52.]

Единственно значительным и принципиальным был отзыв Белинского в его рецензии на 11 и 12 тома “Современника” 1838 г. Белинский подчеркивает как сатирическую направленность повести, так и социальную обобщенность и типичность образа майора Ковалева: “Вы знакомы с майором Ковалевым? — писал Белинский: отчего он так заинтересовал вас, отчего так смешит он вас несбыточным происшествием со своим злополучным носом? Оттого, что он есть не майор Ковалев, а майоры Ковалевы, так что после знакомства с ним, хотя бы вы зараз встретили целую сотню Ковалевых, — тотчас узнаете их, отличите среди тысячей”. [“Московский Наблюдатель” 1839 г., ч. 1, № 2; Полн. собр. соч. Белинского, т. IV, стр. 73.]

ПОРТРЕТ

I.

Никаких свидетельств ни самого Гоголя, ни его современников о творческой истории “Портрета” до нас не дошло. О датировке рукописи РМ4 см. выше (во вступительной статье). Самый же замысел “Портрета” вообще вряд ли может быть отнесен ранее чем к 1832 г.

Косвенные данные для датировки замысла “Портрета” можно извлечь из некоторых деталей в самом тексте повести. Так, по упоминанию о “портрете Хозрева-Мирзы” в картинной лавке начало действия первой части повести не может быть отнесено ранее чем к концу 1829—началу 1830 г., ибо персидское посольство, возглавлявшееся Хозревым-Мирзой, прибыло в Петербург 4 августа 1829 г. и выехало из столицы 6 октября того же года (“Отечественные Записки” 1829, ч. 40, стр. 118 и 138; ср. Записки П. А. Каратыгина, т. I, Л., 1929, стр. 283). На тот же период времени, т. е. на конец 1829—начало 1830 г., указывает и упоминание в черновой редакции о “портретах Забалканского и Эриванского”, исключенное из печатного текста. Ассоциация имен генерал-фельдмаршалов гр. И. И. Дибича-Забалканского и гр. И. Ф. Паскевича-Эриванского могла быть естественной после Адрианопольского мира, заключенного 14 сентября 1829 г.

По ходу действия в первой части повести история Чарткова занимает не менее 2–3 лет. Время действия второй части самим Гоголем указано очень точно и в полном соответствии с первой. Во второй части старик-художник говорит своему сыну, что сверхъестественная сила портрета не вечна, что она погаснет “по истечении пятидесяти лет”, “если кто торжественно объявит его историю”. Свидание художника с сыном происходит в тот момент, когда уже 30 лет прошло со времени написания портрета, вскоре после окончания русско-турецкой кампании, участником которой был Леон. Очевидно, в повести имеется в виду русско-турецкая кампания 1806–1812 гг. История ростовщика относится, следовательно, к екатерининской эпохе, а смерть ростовщика и написание его портрета датируется 1782 г. Никаких исторических черт в сценах с ростовщиком, указывающих на екатерининскую эпоху, в тексте не дано (екатерининская

эпоха раскрыта лишь во второй редакции повести), так же как не дано и прямых датировок. Но что эти датировки Гоголем обдуманы и сознательно предусмотрены — в этом не может быть сомнений. Завуалированная, но точная хронология является одной из существеннейших особенностей всей композиционной структуры “Портрета”.

Сын художника был отдан в кадетский корпус и расстался с отцом “десяти лет”; во время свидания с отцом ему было 40 лет, а когда он присутствовал на аукционе, то был уже 60-летним стариком. Насколько автор заботился о хронологической увязке действия повести, видно хотя бы из того, что Леон, появляющийся на аукционе, в черновике назван еще “молодым”, а в печатном тексте охарактеризован как человек “уже несколько пожилых лет”. Если по данным самой повести время написания портрета ростовщика относится к 1782 г., то теми же данными определяется и время его исчезновения на аукционе, через пятьдесят лет, т. е. в 1832 г.

Поскольку финал повести датируется 1832 г., постольку, следовательно, и время работы Гоголя над “Портретом” не может быть отодвинуто ранее 1832 г.

Черновик повести (РМ4) написан убористым густым почерком, без всяких абзацев, с большим количеством зачеркиваний, поправок и помарок. Многие слова не дописаны, в конце некоторых страниц — вставки к написанному на данной странице. Отдельные места текста с трудом поддаются прочтению. Заглавие повести в рукописи отсутствует, ее текст прямо начинается словами: “Нигде столько не останавливалось народа...” и обрывается в самом конце стр. 50 фразой: “Мысли рисовали перед ним другой предмет, и этот предмет были живые глаза”.

Написав это начало повести (на стр. 49 и 50) и возвратясь к ней в другом месте тетради, на стр. 165, Гоголь не позаботился о полной согласованности текста. Страница 165 начинается фразой, которая варьирует концовку уже ранее написанного им куска: “Мысли его были заняты этим необыкновенным явлением”. Обрываясь на стр. 172 словами: “он не знал даже имени его посетительницы”, повесть возобновляется на стр. 182 фразой: “Между тем с нашим художником” — и в начале стр. 199 заканчивается. Одно место текста повести свидетельствует о том, что Гоголь прерывал свою работу даже на полуслове, — конец стр. 196 оборван

незаконченной фразой: “я никогда не видел такого глубокого неб<есного? >”; следующая 197 страница написана уже, очевидно, после перерыва в работе — она начинается фразой: “После того отец мой рассказал мне”. В печатном тексте повести этой последней фразе предшествует целых две фразы, которых мы в черновом тексте не находим.

По своей сюжетной и композиционной схеме черновой текст “Портрета” не имеет никаких расхождений с первопечатным текстом. Эти расхождения, и при том в громадном количестве, мы имеем только в стиле повести и в смысловых частностях. Так, в черновом тексте РМ4 художник еще носит несколько фамилий: Корчев, Коблин, Коблев, Копьев; фамилия Черткова появляется впервые лишь на стр. 182, когда художник, написавший портрет дамы, делается уже знаменитостью. Ростовщик в черновом тексте также носит несколько имен: Пердомихали, Пертомихали, Мавромихал. Сын художника, написавшего портрет ростовщика, в черновом тексте вовсе не имеет имени; в печатном тексте он назван Леоном, при чем это имя упоминается всего один раз. В черновом тексте отсутствует характеристика живописных деталей и красок необыкновенного портрета, нет еще никаких упоминаний о “небольшом деревянном доме, на Васильевском острове, в 15 линии”, — адрес молодого художника вообще не указан. Камердинер художника — в черновом тексте — еще “мальчик лет 14”; описания его колоритного костюма не дано.

Подготавливая текст повести к печати, Гоголь ввел целый ряд новых описательных деталей, уточнил эпитеты, разработал и обогатил образную и ритмическую систему языка.

Следует отметить одну фразу черновика, которая в печатном тексте “Портрета” была заменена, может быть, из-за цензурных опасений, притом несомненно самим Гоголем. Во второй части повести, характеризуя “необыкновенную дробь и мелочь” Коломны, людей, населяющих этот район, — Гоголь писал, что “для наблюдателя так же трудно сделать перечень всем лицам, занимающим разные углы и закоулки одной комнаты, как перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю”. В печатном тексте последние слова заменены следующими: “как поименовать всё то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе”.

Сопоставление черновика “Портрета” с печатным текстом позволяет

заключить, что отмеченное место — единственный пункт, где возможно подозревать цензурные опасения Гоголя. Случаев цензурных извращений или купюр в печатном тексте повести, по крайней мере по сравнению с черновиком, установить невозможно.

Беловая рукопись первой редакции повести, а также ее писарская копия, с которой производился типографский набор, — до нас не дошли. Н. С. Тихонравов в своих комментариях к первой редакции “Портрета” (Соч. Гоголя, 10 изд., т. V, стр. 569–576) делает глухую ссылку, будто “неисправная копия писца (служившая оригиналом для “Арабесок”?) сохранилась в бумагах наследников”. Описание этой копии Н. С. Тихонравов, однако, не дает и в своих комментариях ею не пользуется. Сопоставление черновика “Портрета” с печатным текстом не оставляет никаких сомнений в том, что существовала недошедшая до нас беловая рукопись, принадлежавшая перу самого Гоголя. Во-первых, текст черновика настолько труден и по почерку, и по характерным для Гоголя особенностям письма (условные сокращения слов, незаконченные фразы и пр.), что допущение, будто писец мог сделать копию по такому оригиналу, — невероятно. Во-вторых, то огромное количество стилистических дополнений и исправлений, которое мы имеем в печатном тексте “Портрета” по сравнению с черновиком, технически очень трудно было бы сделать на каком-либо готовом тексте вообще, а значит — и на писарской копии в корректуре. Если и предположить, что всё же Гоголь сделал свои исправления на писарской копии или в корректуре, всё равно такая копия или корректура непригодны были бы для типографии и их пришлось бы заново переписывать.

Установить факт недошедшей до нас белой рукописи, принадлежавшей самому Гоголю, важно потому, что ошибочно и совершенно недопустимо вносить, как это сделано Н. С. Тихонравовым, без особых причин в печатный текст “Портрета” варианты из его черновика.

В настоящем издании текст первой редакции “Портрета” воспроизводится по тексту “Арабесок” с исправлением (без оговорок) лишь явных опечаток и извращений типографского порядка.

История опубликования второй редакции “Портрета” в третьем номере “Современника” за 1842 г. [С следующим примечанием редакции “Современника”: “Повесть эта была напечатана в “Арабесках”. Но вследствие справедливых замечаний была вскоре после того переделана вся и здесь помещается совершенно в новом виде”.] (том XXVII, № 3, цензурное разрешение от 30 июня) уясняется на основании писем Гоголя к редактору журнала П. А. Плетневу и при учете общественно-литературной обстановки первых месяцев 1842 г.

С 18 октября 1841 г. Гоголь, возвратившийся из вторичной поездки за границу, жил в Москве и был занят хлопотами по продвижению в печать первого тома “Мертвых душ”. В это время Гоголь был уже близок к московским славянофильским кругам, к редакции “Москвитянина” и поддерживал дружеское общение с С. П. Шевыревым, с которым особенно сошелся за границей. В статье Шевырева, напечатанной в первой книжке “Москвитянина” 1842 г. — “Взгляд на современное направление русской литературы”, автор подчеркивал, что по сравнению с 1835 г. (имелась в виду статья Шевырева “Словесность и торговля”) его взгляды на “современное направление русской литературы” не только не изменились, но что якобы истекшие годы еще более утвердили всю правоту выставленных им тогда тезисов. “Назад тому ровно семь лет” — писал Шевырев — “я осмелился против этого промышленного направления современной русской литературы сказать прямое слово и встретил много противоречий. Не странно было мне, что слова мои возбудили против меня главных героев этого промышленного мира; но, конечно, странно было встретить противоречие даже и в тех, которые не могли сочувствовать сим последним”. Указывая на тех, кто не мог сочувствовать “Библиотеке для чтения” и Сенковскому и от кого “странно было встретить противоречие”, Шевырев имел в виду, конечно, Гоголя, как автора статьи “О движении журнальной литературы”, где были сформулированы возражения Шевыреву.

Если статья в “Москвитянине” задевала Гоголя, оживляя старые споры и имея в виду журнальную позицию Гоголя 30-х годов, то и одновременное выступление Белинского так же касалось автора “Ревизора”. В статье “Русская литература в 1841 году”, в первой книжке “Отечественных Записок” 1842 г., Белинский давал обзор всей русской литературы послепетровского периода и заново аргументировал свои положения, приводившие в такое негодование Шевырева — об отсутствии русской

литературы. Белинский еще сильнее и резче обосновывал свои старые взгляды и уже из списка “бессмертных”, “гениальных” писателей вычеркивал теперь имя Державина, поэзию которого расценивал как “исполинское, но бесплодное проявление поэтической силы”. Зато в фонд “капитальных сокровищ” Белинский вводил новые имена и среди них имя Гоголя, давая характеристику его творчества.

Вряд ли можно сомневаться в том, что и статья Шевырева, и статья Белинского, каждая по-своему, побуждали Гоголя реагировать на них. Так, известно, что Гоголь отрицательно высказался о тезисах Белинского по поводу Державина, о чем В. П. Боткин из Москвы тотчас же сообщил Белинскому. [“Неуважение к Державину возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю” — отвечал Белинский В. П. Боткину 31 марта 1842 г.: “ты прав: в этом кружке он как раз делается органом “Москвитянина”. (Белинский. Письма, II, СПб., 1914, стр. 291)] Вскоре вышла мартовская книжка “Отечественных Записок” с знаменитым памфлетом Белинского против Шевырева. Как известно, “Педант” произвел потрясающее впечатление на литературную общественность и явился последней причиной разрыва между западниками и славянофилами. Началась ожесточенная идейная борьба. Только при учете напряженности и остроты литературно-общественных отношений, определившихся в связи с памфлетом Белинского, становятся понятными и настроения Гоголя, отраженные в письмах к П. А. Плетневу от 6 и 17 февраля 1842 г. — с обещаниями статьи “около семи печатных листов” — и от 17 марта 1842 г. к нему же. “Я силился написать для “Современника” статью, во многих отношениях современную”, писал Гоголь: “мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме тех беспутных страниц, которые тотчас же истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою “Портрет”. Она была напечатана в “Арабесках”, но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что всё вышито по ней вновь”. Думается, что нет никаких оснований не доверять самому Гоголю и соглашаться с Н. С. Тихонравовым, будто под “статьей около семи печатных листов” Гоголь разумел именно новую редакцию “Портрета” (Соч. 10 изд. т. II, стр. 598). — Для журнальной статьи “во многих отношениях современной” Гоголь имел серьезные причины. К этой статье, несомненно, побуждали Гоголя выступления Белинского и Шевырева. С другой стороны, исключительное обострение их борьбы по всей вероятности, и вызвало отказ Гоголя от написания этой статьи. Однако

переработанная редакция “Портрета” находится в несомненной связи с неосуществленной статьей.

Место работы Гоголя над второй редакцией “Портрета” указано им самим в цитированном письме к П. А. Плетневу. Гоголь упоминал что он “в Риме переделал “Портрет” вовсе или лучше написал вновь вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний”. Со времени отъезда Гоголя за границу — 6 июня 1836 г. — до его вторичного приезда в Россию — в начале октября 1841 г. — Гоголь посещал Рим неоднократно. Впервые он побывал там весной 1837 г. Очевидно, не ранее чем к этому сроку и может относиться начало работы Гоголя над второй редакцией “Портрета”; завершение же работы и окончательная отделка повести происходили, вероятно, уже в Москве, перед отправкой рукописи в “Современник”, т. е. в конце февраля — начале марта 1842 г. Н. С. Тихонравов допускал, что вторая часть “Портрета” писалась одновременно с началом 7-й главы “Мертвых душ” и с “Театральным разъездом”; Н. С. Тихонравов справедливо указывает на единство эстетических концепций, развернутых Гоголем и во второй части “Портрета”, и в начале 7-й главы “Мертвых душ” первоначальной редакции, и в “Театральном разъезде”. Однако, из этого еще не следует, что и работа Гоголя над всеми этими вещами проходила одновременно. Тихонравов, тем не менее, полагал, что “новая редакция “Портрета” вчерне была окончена (курсив Н. С. Тихонравова) в начале 1841 года” (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 597). Более убедительно другое допущение Н. С. Тихонравова, что окончательная обработка второй редакции “Портрета” происходила уже в Москве “в первые месяцы 1842 г.” Надо полагать, что выяснившаяся для Гоголя невозможность написать журнальную статью побудила его обратиться к своей повести, публикация которой могла казаться ему своевременной. Вероятно, черновики и заготовки новой редакции “Портрета”, сделанные еще за границей, были спешно мобилизованы в конце февраля—начале марта 1842 г. и в это время повесть была закончена и оформлена.

Из черновиков второй редакции “Портрета” до нас дошли только наброски двух мест самого конца повести РЛ4. [Описание см. в Соч. 10 изд., т. VII, стр. 872.] Эти наброски сделаны на полулисте почтовой бумаги в восьмушку с двух сторон, черными чернилами, очень убористым почерком, с большим количеством зачеркиваний. При переплете лист с набросками, вместе с другими бумагами Гоголя, оказался неверно подклеенным в общий корешок: первая страница листа сделалась

последней. На первой странице листа набросан черновик наставления старого художника сыну, начиная со слов: “Но велик тот избранник, кто владеет тайной создания”; страница оканчивается фразой: “Всегда природу изучай, но изучай и великий внутренний смысл всего, умей постигнуть тайну”. На второй (оборотной) странице листа набросан черновик самого конца повести, начиная со слов: “Одно произведение, сказал он со вздохом, мучит меня поныне”; страница обрывается незаконченной фразой: “Кто-то уже успел утащить его в то время, как посетители заслушались рассказа художника, и долго еще оставались все недоуме<вая?>”.

Некоторые слова обоих набросков, особенно зачеркнутые, настолько неразборчивы, что совершенно не поддаются прочтению. Оба наброска в соответствующих местах белой рукописи (РК2) были Гоголем изменены: первый значительно сокращен в сторону ослабления лиризма, второй — стилистически исправлен.

Беловая рукопись второй редакции (РК2) написана очень четко, рыжеватыми чернилами, в двух тетрадах из бумаги в четвертку, с клеймом “Знаменской фабрики”. Очевидно, впоследствии обе тетради были заключены в один переплет. Первая часть повести занимает листы 1—33, причем последняя страница оставлена незаполненной. Текст предшествующей страницы обрывается словами: “и вся превратилась наконец в один миг, плод налетевшей с небес на художника мысли, — миг, к которому вся жизнь человеческая есть одно только приготовление”.

Конец первой части “Портрета”, следовательно, оставлен недописанным; Гоголь ориентировался на текст первой редакции повести и предполагал заключение первой части “Портрета” дать по тексту “Арабесок”.

Действительно, печатный текст, начиная со слов: “Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей” и до самого конца первой части совпадает с текстом первой редакции и отличается от него только исключением нескольких фраз о чудесном исчезновении портрета, да тремя дополнительными вставками. Лист 34-й в РК2 и содержит эти три вставки, занумерованные самим Гоголем для включения их в текст. Вставки эти, написанные черными чернилами, как и некоторые стилистические поправки в тексте, сделанные, очевидно, уже после изготовления всей рукописи, — следующие: первая вставка, состоящая из пяти фраз,

начинается словами: “Досада его проникла” и кончается: “Но как беспощадно-неблагодарно было всё то, что выходило из-под его кисти”; вторая вставка, более обширная и состоящая из двух абзацев, начинается словами: “Но точно ли был у меня талант?” и кончается: “все чувства и весь состав были потрясены до дна”; наконец, третья вставка с упоминанием о Пушкинском демоне, состоящая из пяти фраз, начинается словами: “вечная желчь присутствовала на лице его” и кончается: “что она достаточно отравить потом весь день”.

Вторая часть “Портрета” занимает листы 35–54, при чем последний 55 лист тетради оставлен незаполненным. Рукопись снабжена заглавием и, несмотря на большое количество зачеркнутых фраз и отдельных слов, читается она совершенно четко. Несомненно, что именно РК2 послужила оригиналом для переписчика, ибо, конечно, в редакцию “Современника” была послана Гоголем недошедшая до нас копия, с которой и производился набор. Что касается до поправок и зачеркиваний в РК2, то нужно отметить три слоя: первый слой — рыжеватыми чернилами, несколько отличающимися от чернил, которыми написана вся рукопись; второй слой — карандашные поправки и зачеркивания; и, наконец, третий слой — поправки и зачеркивания черными чернилами, теми самыми, которыми написаны три вставки в текст первой части. Все эти зачеркивания и поправки — стилистического порядка и никаких выводов для истории создания “Портрета” извлечь из них невозможно. По своему характеру эти три слоя поправок друг от друга принципиально не отличаются.

Сопоставление текста РК2 с текстом “Портрета” в “Современнике” позволяет заключать, что, во-первых, недошедшая до нас писарская копия повести, с которой производился набор, перед отправкой ее в Петербург была выправлена самим Гоголем; во-вторых, повесть подверглась правке редакции “Современника” (в цитированном выше письме к П. А. Плетневу от 17 марта 1842 г. Гоголь, между прочим, просил: “Если встретите погрешности в слоге, исправьте”); наконец, в-третьих, при печатании повести в тексте ее были сделаны купюры и извращения цензурного порядка.

Читая рукопись по писарской копии и нанося в ней поправки, Гоголь, разумеется, не проделывал работы по сверке этой копии с белой рукописью. Поэтому в тексте копии остался, вероятно, какой-то процент ошибок или пропусков переписчика, которые Гоголь не заметил, но

которые перешли и в печатный текст. О подобных ошибках или пропусках мы можем высказываться только предположительно, не имея возможности точно их выделить и разграничить с поправками самого Гоголя.

При жизни Гоголя вторая редакция “Портрета” была перепечатана в Сочинениях Н. В. Гоголя 1842 г., а текст повести в этом последнем издании был принят за основной в Сочинениях Н. В. Гоголя, изданных Н. П. Трушковским и вышедших в свет уже в 1855 г. Если текст второй редакции “Портрета” в изд. 1842 г. не может считаться авторитетным, поскольку правка всех текстов сочинений Гоголя в этом издании, осуществленная Прокоповичем, вызвала недовольство Гоголя, — то текст повести в изд. 1855 г. находится в несколько особом положении. “Портрет” оказался в числе тех произведений Гоголя, которые были просмотрены им самим по корректурным листам 1851 г. Однако, отделить поправки самого Гоголя от не принадлежащих ему поправок издания Трушковского, принявшего к тому же в себя и все поправки Прокоповича, — не представляется возможным.

Совокупность всех отступлений текста Тр от П свидетельствует о небольшом количестве мелких стилистических поправок, большинство которых при этом принципиально не отличается от поправок Прокоповича. Совершенно несомненно, что никакой серьезной, хотя бы и стилистической, работы над текстом “Портрета” Гоголь при просмотре повести не произвел.

Н. С. Тихонравов в текст второй редакции “Портрета” без всяких мотивировок десятками вносил поправки и по тексту РК2, и по тексту П, и по тексту Тр.

В настоящем издании за основной принят текст “Современника”, в который, кроме не требующих оговорок нескольких мелких исправлений из П, внесено тринадцать следующих поправок по тексту РК2:

1. Свет месяца озарял комнату, заставляя выступать из темных углов ее, где холст, где гипсовую руку, где оставленную на стуле драпировку, где панталоны и нечищенные сапоги.

С, 1842, П: готовую руку

2. Если бы он был знаток человеческой природы, он прочел бы на нем в одну минуту начало ребяческой страсти к балам, начало тоски и жалоб на длинноту времени до обеда и после обеда, желанья побегать в новом платье на гуляньях, тяжелые следы безучастного прилежания к разным искусствам, внушаемого матерью для возвышения души и чувств.

С, 1842, П: в одном платье

3. Один требовал себя изобразить в сильном, энергическом повороте головы; другой с поднятыми кверху вдохновенными глазами; гвардейский поручик требовал непременно, чтобы в глазах виден был Марс; гражданский сановник норовил так, чтобы побольше было прямоты, благородства в лице и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: “всегда стоял за правду”.

С, 1842, П: гражданский чиновник

4. О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что ~ теперь, в нынешнем веке.

С, 1842, П: изъяснялся теперь редко

5. Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые и молятся и пьянствуют вместе; старухи, которые перебиваются

С, 1842, П: Тут есть старухи, которые пьянствуют, старухи которые перебиваются.

6. Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города.

С, 1842, П: существо ~ обыкновенное

7. Это было каменное строение вроде тех, которых когда-то настроили вдоволь генуэзские купцы, с неправильными, неравной величины окнами, с железными ставнями и засовами.

С, 1842, П: каменное строение вроде тех, которых когда-то построили

вдоволь

8. Это послужило ему вдруг орудием для всех возможных гадостей.

С, 1842, П: орудием для всех возможных подозрений

9. Родовые вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилия была в опале, и плохое положение дел его было известно всем.

С, 1842, П: фамилия была в немилости

10. Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых извергает из непочатого лона своего только одна Русь, художник-самоучка, ~ произведений, за которые получили титул невежи.

С, 1842, П: Это был художник, каких мало, художник-самоучка

11. Не в гостиную понесу я мои картины, их поставят в церковь. Кто поймет меня, поблагодарит, не поймет — всё-таки помолится богу.

С, 1842, П: Не в гостиную понесу я мои картины. Кто поймет меня, поблагодарит

12. Долго думал он над тем, какой дать ему образ; ему хотелось осуществить в лице его всё тяжелое, гнетущее человека.

С, 1842, П: какой дать ему оборот

13. “Экая сила!” повторил он про себя: “если я хотя вполтину изображу его так, как он есть теперь, он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила! он у меня просто выскочит из полотна, если только хоть немного буду верен натуре.

С, 1842, П: он убьет всю мою прежнюю работу

Мы полагаем, что расхождения текста С с текстом РК2 в пяти случаях (1, 2, 4, 6 и 7) объясняются ошибками переписчика или опечатками; в семи случаях (3, 5, 8, 9, 11, 12 и 13) — вмешательством цензуры и в одном случае (10) — вмешательством редакции “Современника”. Все случаи

расхождения текста “Современника” с рукописью РК2 и с текстом Сочинений 1842 и 1855 гг. приводятся в отделе Вариантов.

III.

По времени написания, по идейным заданиям и по общему характеру “Портрет” ближе всего стоит к “Невскому проспекту”. Как в “Невский проспект”, так и в “Портрет” перешла часть материала из неосуществленного Гоголем замысла “Страшная рука”. Как и “Невский проспект”, “Портрет” — повесть о “миражном”, “фантастическом” Петербурге.

В повести, несомненно, отразились идеи и образы знаменитых фрагментов Ваккенродера (“Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком”), переведенных на русский язык в 1826 г. и, конечно, известных Гоголю. Композиционная структура “Портрета” находится в очевидной зависимости от поэтики Гофмана. Как на пример аналогичных принципов композиции можно указать на такие вещи Гофмана, как “Der Sandmann”, “Der unheimliche Cast” и пр.

Однако в “Портрете” нет “игры” планами, реальным и фантастическим, нет гофмановских масок, — обе части повести выдержаны в напряженном трагическом ракурсе.

Центральный мотив повести Гоголя — необыкновенный портрет с живыми глазами, обладающий сверхъестественной силой — стоит ближе всего к основному мотиву знаменитого романа Р. Метьюрина (Матюрена) “Мельмот-скиталец”, русский перевод которого (с французского) в шести частях был издан в Петербурге в 1833 г. Не только основной мотив, но и некоторые сюжетные ситуации романа Метьюрина близки “Портрету” (см. об этом этюд И. А. Шляпкина в “Литературном Вестнике”, т. III, кн. I, 1902 г., стр. 66–68). [Б. В. Томашевский указал повесть Сарразена “Фамильный портрет” (“Вестник Европы” 1817, ч. 92, март, № 6, стр. 88–89), где герой, так же как и Чартков, находит сверток золота в рамках портрета.]

Следует подчеркнуть, что роман Метьюрина в литературе 30-х гг. воспринимался в кругу эстетических норм “кошмарного жанра” юной

Франции. Имя английского романиста стояло в ряду имен Виктора Гюго, Жюль Жанена, Бальзака и др. представителей “неистовой” школы, к которой Гоголь относился с напряженным вниманием и с которой вел идейно-художественную борьбу. Можно предполагать, что самый образ ростовщика, как носителя дьявольского начала, был подсказан Гоголю Бальзаком. Повесть Бальзака о ростовщике, вошедшая в состав “*Scènes de la vie privée*” (1830), должна была быть известна Гоголю. Что касается до реальных прототипов гоголевского ростовщика, то еще Н. И. Коробка указал на свидетельство Каратыгина о ростовщике индейце, известном в 20-х годах в Петербурге (см. П. А. Каратыгин. Записки, т. I, Л., 1929, стр. 264; ср. Н. Коробка “Оригинал ростовщика в Гоголевском “Портрете” — “Литературный Вестник” 1904, т. I, стр. 20–23).

Следуя за Бальзаком в постановке социальных и эстетических проблем, используя и “Мельмота-скитальца” в направлении, вероятно, подсказанном бальзаковской “фантастикой обывающего”, Гоголь оставался связанным в то же время с романтическими традициями. Если провиденциалистические и апокалиптические мотивы повести свидетельствуют о всей силе этих традиций, то, с другой стороны, в “Портрете” налицо и бальзаковская полемика (в фантастических формах) против “эгоизма”, против “раздробленности” и внутренней иррациональности наступавших буржуазных отношений. Постановкой социальной проблемы, основной для “Портрета”, — проблемы обогащения — Гоголь серьезно расходился с романтическими традициями Гофмана.

Идеологическая противоречивость “Портрета” констатирована была Белинским. В статье “И мое мнение об игре г. Каратыгина” Белинский упомянул повесть Гоголя в качестве примера того, как падает “талант природный”, когда “хватается не за свое дело”; Белинский отметил, что “г. Гоголь вздумал написать фантастическую повесть *à la Hoffmann* (“Портрет”), и эта повесть решительно никуда не годится” (“Молва” 1835, № 17; ср. Соч. Белинского, II, стр. 101). Критик имел в виду, главным образом, вторую часть “Портрета”, где романтические традиции выступали особенно резко. Именно вторую часть “Портрета” особенно порицал и осуждал Белинский в своей статье “О русской повести и повестях г. Гоголя”, где к “Портрету” он возвращался вновь. Указав, что “Портрет” “есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде”, Белинский, тем не менее, очень сочувственно оценил первую часть повести. “Но вторая ее часть — заключал Белинский — решительно ничего не стоит, в ней совсем

не видно г. Гоголя. Это явная приделка, в которой работал ум, а фантазия не принимала никакого участия” (“Телескоп” 1835, кн. 10; ср. Соч. Белинского, II, стр. 232).

Причины радикальной переработки “Портрета”, которая осуществлена была Гоголем, указаны им самим: в письме к П. А. Плетневу от 17 марта 1842 г. Гоголь замечал, что “Портрет” он “переделал вовсе или лучше написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний”. Печатных отзывов о “Портрете” принципиального характера, которые указывали бы на направление “для переделки”, ни в петербургской, ни в московской прессе не было, за исключением отмеченного выше отзыва В. Г. Белинского. Весьма вероятно, что новая редакция “Портрета” и была написана под воздействием критики Белинского, а указание Гоголя на Петербург следует понимать в том смысле, что в 1835 г. Гоголь жил в Петербурге и в Петербурге познакомился со статьей Белинского, на которую, по свидетельству П. В. Анненкова, он так сочувственно реагировал. Белинский подчеркивал, что “фантастическое как-то не совсем дается г. Гоголю”, а в “Портрете” порицал, главным образом, вторую часть. Действительно в новой редакции “Портрета” почти все фантастическое было устранено и особенно радикально, была переработана вторая часть.

Гоголь посылал новую редакцию “Портрета” в “Современник” как уже отмечено было выше, вместо неосуществленной большой журнальной статьи. Накануне выхода в свет “Мертвых душ” и в пору ожесточенной полемики Белинского с Шевыревым опубликование “Портрета” имело для Гоголя, конечно, особое декларативное значение. С. П. Шевырев в своей полемической статье поднимал старый спор о “словесности и торговле”. “Портрет” ставил аналогичные вопросы о “вдохновении” художника и развращающей силе золота. В. Г. Белинский в статье “Русская литература в 1841 г.” выступал с апологией творчества Гоголя, что было как нельзя более актуально для Гоголя накануне выхода в свет “Мертвых душ”. Гоголю памятен был глубоко его потрясший прием “Ревизора” в 1836 г., обвинения в “карикатурности”, “грязности” и “цинизме”, аналогичные тем, которые были предъявлены “Ревизору”, могли повториться и по поводу “Мертвых душ”. Если “зажигателем” и “бунтовщиком” сочли Гоголя в 1836 г., то и в 1842 г. Гоголь имел все основания предвидеть то же самое. Вопрос о защите и обосновании методов собственного художественного творчества в эту пору приобретал для Гоголя совершенно исключительное значение. Новая редакция “Портрета” и заменила неосуществленную журнальную

статью, так как фабульный материал “Портрета” такую замену делал возможной. В новой редакции “Портрета”, по сравнению с прежней, была изменена вся идейная концепция, а в связи с этим переработан и сюжет. Если в первой редакции эстетическая тема была подчинена социальной, — в новой редакции центр тяжести был перенесен именно на эстетическую проблематику, на самую методологию искусства. Вопросы о “презренном и ничтожном” в искусстве, о назначении художественного творчества и о необходимых качествах “художника-создателя” — таковы основные темы новой редакции “Портрета”. Н. С. Тихонравов справедливо указал на связь эстетических концепций новой редакции “Портрета” с высказываниями Гоголя о сущности художественного творчества, которые были сформулированы в первой редакции знаменитого начала 7-ой главы “Мертвых душ” и в “Театральном разезде”.

В новой редакции “Портрета” Гоголь отошел от прежнего мифологизма и апокалиптических образов. В эстетическом плане, в плане разработки и совершенствования собственного творческого метода, Гоголь, по сравнению с его позициями 30-х годов, прошел большой путь вместе с демократической мыслью, вместе с критикой Белинского. Но наряду с тем новая редакция “Портрета” свидетельствует и об углублении противоречий в мировоззрении Гоголя.

Единственный критический отзыв, который мы имеем по поводу новой редакции “Портрета”, принадлежит тоже Белинскому. В полемической статье “Объяснение на объяснение” 1842 г., направленной против К. Аксакова, по поводу его критики “Мертвых душ”, Белинский подчеркнул, “что непосредственность творчества у Гоголя имеет свои границы и что она иногда изменяет ему, особенно там, где в нем поэт сталкивается с мыслителем, т. е. где дело преимущественно касается идей”. Переходя далее к новой редакции “Портрета”, Белинский писал: “Первая часть повести, за немногими исключениями, стала несравненно лучше, именно там, где дело идет об изображении действительности (одна сцена квартального, рассуждающего о картинах Чарткова, сама по себе, отдельно взятая, есть уже гениальный эскиз); но вся остальная половина повести невыносимо дурна и со стороны главной мысли, и со стороны подробностей”. Детально проанализировав вторую часть “Портрета”, Белинский заключал: “А мысль повести была бы прекрасна, если б поэт понял ее в современном духе: в Чарткове он хотел изобразить даровитого художника, погубившего свой талант, а следовательно и самого себя,

жадностью к деньгам и обаянием мелкой известности. И выполнение этой мысли должно было быть просто, без фантастических затей, на почве ежедневной действительности: тогда Гоголь, своим талантом, создал бы нечто великое. Не нужно было бы приплетать тут и страшного портрета... не нужно было бы ни ростовщика, ни аукциона, ни многого, что поэт почел столь нужным, именно оттого, что отдалился от современного взгляда на жизнь и искусство". ("Отечественные Записки" 1842, кн. II; ср. Соч. Белинского, VII, стр. 439–440).

ШИНЕЛЬ

I.

Самый ранний из рукописных отрывков “Шинели” РМЗ [См. Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг., стр. 46–47; Соч., 10 изд., VII, стр. 867.], еще носящий другое заглавие — “Повесть о чиновнике крадущем шинели”, — в основной части написан, по верному определению Тихонравова, почерком М. П. Погодина; тот же почерк находим в тех письмах Погодина, где, как в данном случае, он старался писать возможно четче (ср. его письмо к гр. Уварову 1838 г., архив Пушкинского Дома, 21. 220. CXVIб).

Из немногочисленных поправок Погодина (они все сохранены в самом тексте отрывка) можно усмотреть, что текст не списывался им с другой рукописи, а записан под диктовку (как предполагал уж и Тихонраков); очевидно, всё написанное Погодиным ему продиктовал сам Гоголь, подобно тому как, например, диктовал он Анненкову “Мертвые души”. Как указал Тихонраков, эта диктовка могла иметь место только в 1839 г., в Мариенбаде, куда Погодин прибыл, согласно его “Дневнику”, 8 июля и, застав уж там Гоголя, провел вместе с ним, в одной комнате, целый месяц (до 8 августа), — “месяц спокойствия и праздности”, по собственным его словам. [См. “Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник М. Погодина” III, М., 1844, стр. 75–79.] Тут-то и мог быть им записан, под диктовку Гоголя, первый набросок “Шинели” (“Повесть о чиновнике”). Этому есть подтверждения и в “Дорожном дневнике” Погодина, и в содержании самого наброска. В Мариенбаде, как явствует из “Дневника”, Погодин и Гоголь застали множество русских, среди которых немало было как-раз чиновников. Потому-то тип чиновника в мариенбадских записях дневника Погодина и отмечен несколько раз. Таким образом, чиновничья русская среда, окружавшая Гоголя и Погодина в Мариенбаде и освежавшая воспоминания Гоголя о России, как нельзя ближе соответствовала среде, изображенной в “Шинели”, вплоть до совпадения самых мест службы: упоминаемый Погодиным горный корпус — едва ли не тот “департамент горных и соляных дел”, который упомянут в одном из ранних набросков повести. Надо еще прибавить, что оба, и Погодин, и Гоголь, особенно

сблизились там тогда с неким Бенардаки (прототипом, как думают, Костонжогло), занимательные рассказы которого Погодин называет “лекциями о состоянии России” и отмечает чисто художественный интерес к ним со стороны Гоголя. Из рассказов Бенардаки “об разных исках” мог быть почерпнут, между прочим, и материал для гоголевской повести, тем более что Погодину запомнился одновременно анекдотический характер этих рассказов. В самом содержании погодинской записи можно тоже отметить одну подробность, свидетельствующую о возникновении ее за границей, не раньше знакомства Гоголя с Римом. Имеем в виду “особенное искусство” безымянного пока героя-чиновника “идя по улице, поспевать под окно в то самое время, когда из него выбрасывали какую-нибудь дрянь”, — мотив, перешедший потом и во все дальнейшие редакции “Шинели”, но возникновением своим, несомненно, обязанный римским впечатлениям Гоголя, на что тоже есть прямое указание в “Дневнике” Погодина. “Нет города в Европе столько нечистого как Рим”, замечает Погодин, и затем продолжает: “Г.<оголь>, как я в первый раз пришел к нему, выплеснул воду из какой-то огромной чаши за окошко. Помилуй, что ты делаешь это? Ничего, отвечал он, на счастливого!” Погодин прибавляет: “Я, впрочем, старался ходить по середине улицы, чтоб не ороситься таким счастьем” (ор. cit., II, стр. 33). Использовать эту черту римской уличной жизни как карикатуру на счастье “довольного своим состоянием” петербургского чиновника Гоголь едва ли бы мог по возвращении в Россию (осенью 1839 г.); она тоже, значит, указывает на возникновение погодинской записи вскоре после отъезда из Рима, т. е. опять-таки в Мариенбаде.

Разительное отличие продиктованного в Мариенбаде начала повести в том, что герой именем не наделен пока вовсе, почему отсутствует и связанный с именем эпизод о рождении героя. Внешний вид рукописи таков: текст, продиктованный Погодину и оканчивающийся словами: “всяких других панталон и фраков”, заполняет собой тонкий лист почтовой бумаги, перегнутый пополам в виде двух осьмушек, первая из которых почерком Погодина заполнена вся с обеих сторон, вторая же — только с одной стороны и то не вполне: низ и обратная ее сторона заполнены уже почерком Гоголя (начиная со слов: “Об этом портном нечего и говорить”, до конца); поправки Гоголя есть и выше (чтоб отличить их от поправок Погодина, они все отнесены в подстрочные примечания). Что касается времени возникновения этих собственноручных поправок и приписок Гоголя, то, чтоб определить его, надо предварительно разобраться в

остальных рукописных отрывках повести.

Их, кроме рассмотренного, согласно подразделению Тихонравова, дошло до нас еще 14; но особо он выделил из них только один (содержащий начало), отнеся его ко “2-ой редакции”; а остальные 13 по редакциям не распределил вовсе, оставив за ними неопределенное название “разных редакций” и опубликовав в простой последовательности соответствующих мест печатного текста. Однако, и они, при ближайшем рассмотрении, поддаются хронологической классификации.

Из сличения четырех отрывков ленинградской коллекции (2-ой, 3-й, 4-ый и 10-ый, согласно нумерации Тихонравова [См. Отчет имп. Публ. библиотеки за 1862 г., СПб., 1863, стр. 48; Соч., 10 изд., VII, стр. 868.]) между собой и с отрывками Ленинской библиотеки в Москве [См. Отчет и т. д. за 1879–1882 гг., стр. 46–47; Соч., 10 изд., VII, стр. 867.] выясняется следующее.

Первые 3 отрывка (2-ой, 3-й и 4-ый) заполняют собой один и тот же лист белой, плотной, без всяких водяных знаков бумаги in 4°, в таком порядке: 2-ой отрывок (от слов: “Когда и в какое время”, до слов: “с лысинкой на голове”) заполняет верх лицевой стороны листка, отделяясь от дальнейшего чертой, ниже которой читается вторая половина отрывка 3-го (от слов: “Вряд ли где можно было найти человека”, до слов: “не оказывали внимания”) и далее — весь отрывок 4-ый (от слов: “Вне этого переписыванья”, до слов: “на середине улицы”); оборотная же сторона листка заполнена только до середины началом отрывка 3-го (от слов: “В этом голосе его”, до слов “коренной свирепой грубости”). Почерк и чернила везде одинаковы. Напротив, последний 10-ый (от слов: “Ну, нет, подумал Акакий Акакиевич”, до слов: “расположение к рассеянности”) заполняет собой обе стороны особого листа, того же впрочем размера и той же бумаги, что предыдущий; одинаков тут и там почерк, одинаковы и чернила; однако, подклейка, соединяющая оба листка вместе, Гоголю не принадлежит, как не принадлежит ему и их пагинация (52, 53), чему соответствует также отсутствие прямой связи в тексте второго листка с текстом первого.

Из этого видно, что, во-первых, оба листка Ленинградской коллекции заполнялись Гоголем в один и тот же период работы и что, во-вторых, отсутствие прямой связи между их текстом предполагает другие листки той

же редакции, соединявшие содержание первого с содержанием второго. Обращаясь, в поисках этих промежуточных звеньев, к отрывкам московской коллекции, мы находим ту же, что в ленинградских отрывках, бумагу, того же размера (22 см. X 17 см.) лишь у двух из них, — как раз у тех, которые по содержанию примыкают к началу и к концу отрывка 10-го; эти, согласно нумерации Тихонравова, отрывки 9-ый (от слов: “Так и оторопел”, до слов: “Что ж это говорит Петрович, чтобы шить новую шинель. Ведь”) и начало 11-го (от слов: “Один раз переписывая”, до слов: “какого Акакию Акакиевичу еще никогда”) заполняют собой перегнутый пополам, в виде двух указанного размера четверток, лист знакомой уже нам бумаги в следующей последовательности: отрывок 9-ый — большую часть лицевой стороны первой четвертки, низ и оборотная сторона которой оставлены пустыми; отрывок 11-ый — лицевую сторону второй четвертки. Очевидно, вслед за отрывком 9-м, как прямое его продолжение, записан был не отрывок 11 (на том же листке), а на особом листе (той же однако бумаги) отрывок 10-ый, сходный с 9-м отрывком и по почерку, тогда как почерк отрывка 11-го иной, более мелкий; значит, только закончив отрывок 10-ый, после известного перерыва, начал Гоголь записывать его продолжение, отрывок 11-ый, на оставленной было половине того листа, где отрывок 9. Не переходя затем на оборотную страницу этой четвертки, так как она ранее была уже заполнена отрывком о косноязычии Акакия Акакиевича (см. о нем ниже), отрывок 11-ый обрывается тут на половине фразы (“в лице его показалось выражение самое значительное, какого Акакию Акакиевичу еще никогда”), конец которой (“не случилось видеть”) перенесен на другой уже лист голубой бумаги, перегнутый тоже в виде двух четверток и содержащий окончание отрывка 11-го (до слов: “пошел вызвать”) тем же почерком, что и его начало. Несмотря на несходство бумаги, непрерывность текста вынуждает и этот конец отрывка 11-го отнести к наметившемуся выше циклу следовавших друг за другом записей одной и той же редакции. Нельзя не присоединить к нему и два последних отрывка (12-ый и 13-ый): 12-й (от слов: “частный как-то странно”, до слов: “некоторый страх”, на двух четвертках, перегнутых не обычным способом, а в виде столбца, причем вторая заполнена только с одной стороны, вверху) непосредственно продолжает отрывок 11-ый и записан одинаковым с ним почерком и чернилами, хоть и на другой (белой) бумаге; 13-ый же (от слов: “Акакий Акакиевич уже и не слышал”, до слов: “к Семеновским казармам”, на перегнутом в две больших четвертки листе белой плотной бумаги, с соколом на скале и литерами “F” “G” в филигрании) непосредственно продолжает отрывок предыдущий, будучи с ним сходен и почерком.

Особой оговорки требует отрывок 11-й. Лист, на котором записывалось его начало, еще раньше был заполнен (по одной стороне) описанием косноязычной речи героя (Соч., 10 изд., II, стр. 630–631). Это было распространение первоначальной более краткой редакции соответствующего эпизода (о первом посещении героем портного) в том виде, как передает его отрывок 5-й (от слов “Всходя по черной лестнице”, до слов: “колинкорца вставить”, на обеих сторонах первой четвертки перегнутого пополам листа голубой почтовой бумаги): описания косноязычья героя тут нет еще вовсе, а самая речь Акакия Акакиевича к Петровичу сильно разнится от окончательного ее вида; но замечательно, что на том же листе, где записан отрывок 5-ый, на второй четвертке его, другим более четким почерком (и, следовательно, едва ли одновременно с отрывком 5-м) записана речь к Петровичу, в редакции уже приближающейся к печатному тексту (Тихонравовские отрывки 6-ой и 7-ой). Таким же распространением отрывка 5-го (тоже с приближением к печатному тексту) надо признать и ту запись о косноязычии, которая предшествовала отрывку 11-му. Переработка ранней, более краткой редакции (засвидетельствованной пока что лишь отрывком 5-м), начинала собой таким образом ту, к которой мы выше отнесли отрывки 2–4, 9—13 и к которой надо теперь добавить, в качестве дополнительных распространений более ранних записей, Тихонравовские отрывки 6, 7 и особый отрывок о косноязычии героя.

Что касается отрывка 5-го, то он примыкает вплотную к упомянутым выше припискам Гоголя в мариенбадской рукописи Погодина. Чтоб убедиться в этом, достаточно как приписки эти, так самый отрывок сличить с соответствующим местом печатного текста. При сличении оказывается, что отрывок 5-ый начинается там, где на полуфразе обрывается одна из последних приписок в мариенбадской рукописи (“испустивши потом что-то подобное на рычание сквозь”) С несомненностью вытекает отсюда близость отрывка 5-го, и в редакционном и в хронологическом отношении, к припискам Гоголя в мариенбадской рукописи. Ту же близость к ним усматриваем в отрывке 8-м (на лицевой стороне листа in 8°, плотной с глянцем белой бумаги, с клеймом “Bath” в левом нижнем углу, с двумя вверху рисунками, — карандашом и чернилами, — изображающими кусты, и с записанными отдельно карандашом словами: “на благорассуждение”). Содержание его (от слов: “А ты, Петрович, заплаточку!”, до слов: “нужно новую делать”) непосредственно продолжает собой последнюю из

приписок в мариенбадской рукописи, начинаясь репликой Акакия Акакиевича на заканчивающие приписку слова Петровича (“посмотрите только сукно не выдержит”). Почерк и чернила при этом как в приписках мариенбадской рукописи, так и в отрывках 8-м и 5-м одинаковые. Итак, два отрывка более ранней, чем остальные, редакции непосредственно примыкают к припискам в мариенбадской рукописи или как их продолжение (отрывок 8-ой), или как дополнение к ним (отрывок 5-ый). В таком же отношении к указанным припискам стоит и тот набросок начала повести (на обеих сторонах листа голубой бумаги in 4°), который, под названием “2-ой редакции”, выделен был Тихонравовым особо. Начинается он с тех же слов, что и мариенбадская рукопись (“В департаменте податей и сборов”), т. е. в основе своей является простой ее копией (чему соответствует и четкий сперва почерк), переходящей, однако, тут же в самостоятельную переработку. Та же связь с мариенбадским текстом (включая Гоголевские в нем приписки) видна в этом отрывке и дальше: внесши в основной текст то, что в мариенбадской рукописи приписано было им на полях (“был он то, что называют вечный титулярный советник”), Гоголь теперь место это распространяет указанием фамилии и имени чиновника (Акакий Акакиевич Тишкевич), присоединяя затем, в пояснение, новый особый эпизод (о рождении героя).

Мариенбадская рукопись с приписками Гоголя одинаково служит, таким образом, первоосновой для дальнейших распространений как в отрывках 5-м и 8-м, так и в отрывке с началом повести; наглядное чему подтверждение — в том, что имя героя (Акакий Акакиевич), неизвестное основной погодинской записи, появляется, однако, сразу же не только в рассмотренном варианте начала и в отрывке 5-м, но и в гоголевских приписках к погодинской записи (ср. “Акакий Акакиевич очень понимал этот жест”, см. примечания). Приписка эта в конце мариенбадской рукописи предполагает уж, следовательно, в начале не погодинскую запись о безыменном чиновнике, а то ее видоизменение, которое мы только что рассмотрели. Одновременность его с приписками мариенбадской рукописи и с отрывками 8-м и 5-м может, поэтому, считаться доказанной.

Эту группу рукописного материала назовем, вслед за Тихонравовым, второю редакцией (считая, что первая — “Повесть о чиновнике” без гоголевских приписок). И если первая записана была, как мы знаем, между 8 июля и 8 августа 1839 г. (в Мариенбаде), то вторая возникла в Вене, в августе-сентябре того же года, как можно заключить из имеющейся на

последней (пустой) странице отрывка 5-го записи в четыре строки (карандашом): “Народ кипит и толкётся на площади” и т. д. Запись эта, как установлено, имеет прямое отношение к наброскам драмы из украинской истории, сделанным в Вене в августе—сентябре 1839 года. — См. Соч., 10 изд., II, 629; V, 677, 680. Она и сама поэтому едва ли могла быть сделана в другое время; а вместе с тем сделана она не раньше того, как первые две страницы листка заполнены были нашим отрывком 5-м. Его текст записан был, следовательно, тоже в Вене, тогда же, когда и самый набросок. А отсюда вытекает, что и одновременные остальные наброски и отрывка 2-ой редакции “Шинели” следует отнести к тому же периоду.

Итак, перебравшись в конце августа 1839 г. из Мариенбада в Вену и сразу же почувствовав “посещение” вдохновения, Гоголь в течение месяца (до отъезда с Погодиным из Вены в Москву 22 сентября), кроме набросков к задуманной тогда драме, продолжил начатую в Мариенбаде работу над повестью о чиновнике. И всё сделанное в этот венский период 1839 г., опираясь на более ранний погодинский текст, сводится, во-первых, к его продолжению (на 3 и 4 страницах погодинского листка и далее, в отрывках 5-м и 8-м) и, во-вторых, к поправкам и дополнениям собственно первой редакции (в новом вступительном отрывке и в приписках на полях к тексту Погодина). Поправки эти, в свою очередь, сводятся к следующему. Узко-анекдотический и вместе каламбурно-юмористический характер, приданный было сперва повести (в мариенбадском тексте), расширяется теперь до пределов художественного обобщения — путем ссылки на “сочиненья разных писателей”, острящих над чиновниками и тут же отвергаемых Гоголем, — писателей, которые имеют “похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться”. Такого разительное отличие второй (венской) редакции от первой (мариенбадской).

Но, как сказано, отрывок 5-ый хронологически предшествовал тем рукописным отрывкам, связь между которыми установлена выше. Предшествовала им, следовательно, и 2-ая редакция в целом. Назовем поэтому эти отрывки (2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12 и 13) третьей редакцией. Время возникновения ее определяется неупомянутой у Тихонравова записью белья вверху первой страницы отрывка 10-го. Приводим ее целиком:

Простынь — панталон [3]

юбки по 10 — чулок 10 S

фуфайки 3

полотенец 10.

“Юбки” в хозяйственном инвентаре одинокого Гоголя появились, конечно, только в тот сравнительно короткий период совместной его жизни с сестрами, когда, по приезде в Петербург (30 октября 1839 г.), взявши их из института, он поместил их сперва у княгини Репниной (18 ноября), а потом, в конце декабря, перевезя в Москву, сам поселился с ними у Погодина в мезонине, дожидаясь приезда матери, явившейся из Васильевки в первой половине апреля (1840 г.). Письма Гоголя за указанный период не раз касаются этой необычной для него темы — белья и платьев, “обмундировки сестер”. В воспоминаниях Аксакова отмечены также “записки нужных покупок”, которые сестры давали Гоголю и которые он “нередко терял”. [См. С. Т. Аксаков, “История моего знакомства с Гоголем”. М, 1890, стр. 20, 27, 30.]

Одна из таких или сходных по назначению записок и попала, очевидно, на тот листок, где записан отрывок “Шинели” (10-ый). Записан он тем же почерком и чернилами, что и перечень, к тому же непосредственно под ним, следовательно, и одновременно с ним, т. е. между 18 ноября (когда Гоголь перевез сестер из института к Репниной) и двадцатыми числами декабря, когда он и сестры, вместе с Аксаковыми, выехали из Петербурга. Около того же времени записывались, значит, и связанные с отрывком 10-м отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый и 9-ый. Отметим кстати, что описанная выше общая им всем бумага — выделки, несомненно, русской. Что касается до того, писал ли вообще что-нибудь Гоголь в Петербурге в 1839 году, то как раз к концу ноября в воспоминаниях Аксакова приурочен рассказ о литературных занятиях Гоголя в гостях у Жуковского. Почти наверное можно сказать, что писалась тогда как раз “Шинель”.

В Петербурге возобновилась, значит, прерванная было в Вена работа. И судя по тому, что с отрывками 9-м и 10-м бумагой и вместе почерком

сходны только еще отрывки 2-й, 3-й, 4-й и особый отрывок о косноязычии, отрывок же 11-ый, хоть и начат на том же листе, что и 9-ый, но другим уже почерком, да и продолжен на другой уж бумаге, — в петербургский период из отрывков третьей редакции написаны были лишь отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый, 9-ый (с отрывком о косноязычии) и 10-ый; 11-ый же и дальнейшие отделены от них, видимо, каким-то новым перерывом в работе.

Что внесли нового в ранее сделанное эти шесть отрывков третьей редакции петербургской записи?

Подобно второй редакции, и третья, продолжив ход рассказа далее от того места, на котором его застала, внесла одновременно ряд дополнений в то, что написано было раньше. Продолжением ранее написанного служат отрывки 9-ый и 10-ый, дополнением же к нему являются отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый и отрывок о косноязычии. И наметившаяся еще во второй редакции тенденция к филантропической переоценке комических повестей о чиновниках здесь, в дополнениях третьей редакции, как бы нарастает и углубляется: имеем в виду отрывок 3-й, содержащий, в виде дополнения к ранее наметившемуся комическому рассказу (о службе чиновника), знаменитую патетическую тираду о сострадании к обиженному. [Этим, кстати, опровергается утверждение В. Розанова, будто этот “плач” Гоголя над своим героем — только “какая-то приписка сбоку”, появившаяся в повести “когда собственно рисующая работа была уже окончена”. См. В. Розанова. “Как произошел тип Акакия Акакиевича” в приложении к книге “Легенда о великом инквизиторе Достоевского”, изд. 3, СПб., 1906, стр. 279.] Но вместе с тем каламбурно-юмористический элемент не только не ослаблен, а, напротив, усилен и заострен рядом новых анекдотических и стилистических “издевательствах” (в отрывке 4-ом). Окончательно, таким образом, выяснилось теперь контрастное, патетически-юмористическое построение повести. [Впервые отмеченное Б. М. Эйхенбаумом в его статье “Как сделана “Шинель” Гоголя”, см. “Поэтика”, I, Пгр., 1919, или книги назв. автора: “Сквозь литературу”, Лгр., 1924, стр. 171–176, и “Литература”, Лгр., 1927, стр. 149–165.]

Отъезд из Петербурга с Аксаковыми в конце декабря 1839 г. помешал Гоголю продолжить работу дальше: с переездом в Москву он всецело отдается “Мертвым душам” (см. Аксаков, *op. cit.*, стр. 34–37).

Принято думать, что “Шинелью” Гоголь был затем занят в Вене, летом

1840 г. Прямых об этом свидетельств, однако, нет, а косвенное, приводимое Тихонравовым (сходство бумаги в 13-м отрывке с бумагой одного из отрывков “новой редакции” “Тараса Бульбы”, см. Соч., 10 изд., II, стр. 619–620) едва ли надежно; напротив, непрерывность текста и сходство почерка в отрывке 13-м с предшествующими отрывками 12-м и 11-м не позволяют составление его отделять от этих последних.

“Шинель” была закончена, по-видимому, не в Вене, а уже в Риме и должно быть ранее конца апреля 1841 г. (когда прибыл в Рим Анненков и застал Гоголя всецело опять поглощенного “Мертвыми душами”). Последние отрывки третьей редакции — 11-ый, 12-ый и 13-ый, написанные один вслед за другим, — мы и датируем предположительно началом 1841 г. Косвенное этому подтверждение видим в том, что известно из переписки Гоголя о его литературных занятиях указанного периода. Еще в конце декабря предыдущего 1840 г. он извещал Погодина о каких-то побочных, кроме “Мертвых душ”, литературных планах на ближайшее будущее. Денежный долг вынуждал тогда Гоголя всё же считаться с просьбами Погодина о присылке ему чего-нибудь для журнала. И несмотря на нежелание отвлекаться от “Мертвых душ”, Гоголь 13 марта 1841 г. писал московским друзьям (Аксакову), что отыщет “какой-нибудь старый лоскуток” и просидит “над переправкой и окончательной отделкой его, может быть, две-три недели”. Очень вероятно, что, говоря о “старом лоскутке”, Гоголь имел в виду написанные к тому времени отрывки “Шинели”. Да и сам Погодин в это как раз время от Гоголя для своего журнала ожидал, по-видимому, скорей известную ему по началу “Повесть о чиновнике”, чем то, что мог из себя представлять тогда будущий “Рим”. Во 2-ой книге “Москвитянина” (1841 г.), в разделе “Смесь” (стр. 616), в статье “Литературные новости”, анонсированы имевшие появиться в печати новые произведения Гоголя, где, между прочим, читаем: “Есть несколько готовых повестей: О чиновнике укравшем шинель, Мадонна del fiori и пр”. Наконец, самая бумага, употребленная для отрывка 11-го (для второй его половины) — “голубоватая большого формата”, — та самая, по определению Тихонравова, которою Гоголь “пользовался в Риме”. — См. Соч., 10 изд., II, стр. 631.

Доведя повесть до конца в первые месяцы 1841 г., Гоголь тогда же, очевидно, приступил к переписке черновика набело. Свидетельство этому — последний из 15 дошедших до нас отрывков, согласно нумерации Тихонравова — 1-й. Это, несомненно, отрывок белой рукописи (на двух

половинках разрезанного полулиста белой бумаги), содержащий то самое начало (от слов: “В департаменте”, до слов: “дать никак было невозможно”), которое дошло до нас и в первой, и во второй редакции повести. Переписанное теперь в третий раз, оно впервые лишь тут наделено окончательным заглавьем: “Шинель”; но переписано было, несомненно, с известного уже нам вступительного отрывка второй редакции; первая не доведенная до конца фраза выписана оттуда: “В департаменте... не хочу сказать” — ср. начало второй редакции. — Зачеркнув не удовлетворивший его теперь конец фразы, Гоголь не удовлетворился и первой найденной ему заменой; лишь вторая замена удовлетворила его настолько, что почти без изменений перешла затем и в печатный текст, — ср. в отделе “Варианты”. — Такая правка вступительной фразы в этом отрывке беловой рукописи позволяет и его датировать теми же первыми месяцами 1841 года, что и последние три отрывка черновика. Дело в том, что отрывок 13-й, в отличие от печатного текста, содержит следующую, неуместную в конце большой повести ссылку на самое ее начало и свидетельствующую поэтому лишь о том, что начало это возникло одновременно со ссылкой (т. е. с отрывком 13-м): “Чиновник того департамента, которого не смею назвать по имени по сказанным выше причинам” — см. в отделе “Другие редакции”. — Разъяснению этих “причин” и посвящены как раз вступительные фразы отрывка 1-го.

Дальнейшие листы римской беловой копии 1841 г. до нас не дошли — потому, вероятно, что не подвергались уж такой правке, как первый, и, значит, поступили со временем прямо в распоряжение писца.

Писарскую (тоже не дошедшую до нас) копию “Шинели” Гоголь передал Прокоповичу, видимо, сам, при заезде на несколько дней в Петербург летом 1842 г., перед отправлением за границу, когда решен был вопрос о составе третьего тома задуманного тогда издания Сочинений. Рукопись эта, как видно из письма Прокоповича к Шевыреву от 6 августа 1842 г. (см. там же), имела пропуски, которые заполнил “по догадкам” сам Прокопович.

Далее понадобились было и иного сорта “поправки” — цензурные.

21 октября 1842 г. Прокопович писал самому уже Гоголю: “Никитенко... в “Шинели”, хотя не коснулся ничего существенного, но вычеркнул некоторые весьма интересные места. Впрочем Краевский взялся

и хлопочет об этом сильно, а Никитенко обнадежил меня, что всё сделает, что будет можно. В эту самую минуту, как пишу к тебе, судьба этих мест решается... Сообщу тебе, что совсем не будет пропущено, и надеюсь, что в этом же письме" (см. В. Шенрок "Материалы", IV, стр. 56). — Обещанного сообщения Прокоповичу сделать, однако, не удалось, и вопрос о том, было ли в самом деле что-нибудь выпущено цензурой в рукописи "Шинели" или хлопоты Краевского увенчались успехом, остается открытым. Сам Никитенко в своем Дневнике отметил лишь (под 24 декабря 1842 г.): "Я рассматривал новое издание сочинений Гоголя, где между старыми его вещами помещено несколько новых, например "Шинель" повесть... Пьесы эти я представлял комитету и решено было их напечатать". — См. А. В. Никитенко, "Записки и дневник", I, СПб., 1905, стр. 332–333. — Прокоповичу, как известно, вторично пришлось иметь дело с цензурой, — когда 3-й том был уже отпечатан, а выпуск его в продажу был задержан. До нас дошло "отношение" попечителя петербургского учебного округа (кн. Г. Волконского) на имя министра народного просвещения, от 4 января 1843 г., по поводу сомнений, возбуждаемых у цензора (Никитенко) сочинениями Гоголя, "нигде еще не напечатанными", причем приведено несколько мест из "Шинели", "представленных на особенное внимание цензурного комитета" (см. "Литературный музей. Цензурные материалы", I, СПб., стр. 51–52). Только в 20-х числах января 1843 г. 3-й том, содержащий "Шинель", был, наконец, разрешен и стал достоянием тогдашней читающей России.

Итак, за "Шинель" Гоголь принимался четыре раза и только в последний раз довел ее до конца. В Мариенбаде, в июле—августе 1839 г., он продиктовал Погодину вступительный отрывок первой ее редакции ("Повести о чиновнике крадущем шинели"), отличающейся от дальнейших своим ничем несмягченным комизмом. В августе—сентябре того же 1839 г., в Вене, продолжив и покрыв исправлениями погодинский текст, дополнив его одновременно отрывками 5-м, 8-м и переписав заново, с включением нового эпизода (о рождении чиновника), его начало, Гоголь создал вторую редакцию будущей повести, где имя и фамилия чиновника — Акакий Акакиевич Тишкевич. Третья редакция начала складываться в ноябре—декабре 1839 г. в Петербурге, — опять-таки из дополнительных приписок к ранее сделанному (таковы отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый, отрывок о косноязычии и, вероятно, тогда же написанные отрывки 6-ой и 7-ой) и из продолжения (отрывки 9-ый и 10-ый); отличительная черта как второй, так и третьей редакций — в постепенном усилении сентиментально-

патетического элемента за счет комического. С отъездом Гоголя из Петербурга (в конце декабря 1839 г.) работа прекращается до его возвращения в Рим, когда он, под давлением Погодина, в феврале—апреле 1841 г. дописывает повесть в один присест, начав с того, на чем остановился год тому назад в Петербурге и доведя теперь в первый раз работу до конца (отрывки 11-ый, 12-ый и 13-ый). Фамилия чиновника тут — Башмакевич (или, может быть, Башмаков).

Как сразу видно, при таком ходе работы подразделение рукописей на редакции условно: ни одна из них полностью не заменяла собой более раннюю, так как была собственно ее продолжением с попутными исправлениями. По отношению же к печатному тексту существенные отличия есть только в двух первых редакциях, которые и воспроизводятся поэтому в настоящем издании отдельно — в разделе “Другие редакции”: I — Повесть о чиновнике крадущем шинели” (с отнесением приписок Гоголя, как сказано, под строку); II — Отрывки второй редакции: 1. — вступительный отрывок тихонравовской “второй редакции”; 2. — тихонравовский отрывок 5-й; 3. — тихонравовский отрывок 8-ой. Что же касается отрывков третьей редакции, то по отношению к печатному тексту их надо признать просто его черновиком; редакционных отличий здесь указать нельзя, за исключением отрывка 13-го, содержащего эпилог; в нем, напротив, мы наталкиваемся на ряд таких отличий от печатного текста, которые свидетельствуют, с одной стороны, о позднейшем внесении в отрывок целого ряда новых подробностей, а с другой — и о некоторых, тоже позднейших, заменах и сокращениях, проще всего объясняемых требованиями цензуры. Например, предсмертный бред Акакия Акакиевича в рукописном отрывке не только резче охарактеризован (“выражаясь совершенно извозничьим слогом или тем, которым производят порядки на улицах”), но и сопровождается тут особым монологом протестующего характера: “Я не посмотрю, что ты генерал”. Несомненно, цензурного происхождения и замена в печатном тексте “Семеновских казарм” (к которым в рукописи направилось усатое “привиденье”) не имеющим отношения к военной службе “Обуховым мостом”, — недаром и в таком даже виде, за одни уцелевшие от цензурской правки усы — тогдашний признак военного — место это еще раз вынесено было перепуганным Никитенко на обсуждение цензурного комитета.

Исчезновение этих и других им подобных подробностей из печатного текста может поэтому объясняться или прямым вмешательством цензуры (о

котором писал Гоголю Прокопович), или предусмотрительностью самого Гоголя, исключившего их заранее при переписывании рукописи набело, в предвидении цензурных придирок. И в том, и в другом случае рукописные варианты указанного типа должны бы, казалось, в основном тексте “Шинели” занять место первопечатных. Этому, однако, препятствует или отсутствие в них даже чисто внешней законченности (как в первом примере), или слишком заметное расхождение соответствующего варианту контекста с контекстом печатным (как во втором). Словом, по всему судя, рукопись эпилога тем и отличается от остальных отрывков третьей редакции, что при переписывании набело подверглась еще раз новым, довольно существенным дополнениям и сокращениям, что и мешает, при отсутствии беловика, большинство цензурных замен просто выправить, как это сделано в других повестях, по имеющейся черновой рукописи. Только в двух совершенно бесспорных случаях, при полном почти тождестве контекста в рукописи с контекстом издания 1842 г., цензурная правка заменена в нашем основном тексте рукописным подлинником: это, во-первых, заключительные слова авторского монолога об умершем Акакии Акакиевиче: “как обрушивалось на царей и повелителей мира”, вместо продиктованного, несомненно, цензурой (в издании 1842 г.): “как обрушивается оно на главы сильных мира сего!”; и, во-вторых, там где речь идет о сдергивании мертвецом шинелей: “пусть бы еще титулярных, а то даже самих тайных советников” вместо “но даже и надворных советников” (изд. 1842 г.), — предельного чина, упоминания о котором в шутовском тоне допускались николаевской цензурой. [Ср. в письме Гоголя Прокоповичу от 25 января 1837 г. по поводу присылки Анненковым канцелярского анекдота: “Если действующие лица выше надворных советников, то, пожалуй, он может поставить вымышленные названия, или господин N. N.”]

Самый же отрывок 13-ый, в виду указанных его отличий от остальных отрывков третьей редакции, печатается самостоятельно — в отделе “Другие редакции”. Все остальные (вместе с сохранившимся началом беловика) подводятся к основному тексту в отделе “Вариантов”.

После 1842 г. “Шинель” при жизни Гоголя больше не переиздавалась. Но в корректурных листах подготовлявшегося Гоголем в 1851 г. второго издания Сочинений “Шинель” всё же подверглась, несомненно, авторским поправкам; впрочем, самая из них в этом смысле бесспорная (о выслуге чиновником гемороя) в основной текст введена быть не может, так как,

касаясь одного из тех мест повести, которые в 1842 г. отмечены были цензором (см. выше), рассчитана явно на то, чтоб и со вторым изданием не повторилось того же, что было с первым. — Ср. в отделе “Варианты”. Остальные же поправки — или орфографические, — и в этом случае принадлежность их самому Гоголю сомнительна (они большей частью отнесены в “Варианты”), или (в трех случаях) исправляют опечатки издания 1842 г. и поэтому, кому бы ни принадлежали, приняты в наш основной текст, не требуя особых оговорок.

Оговориться надо о нескольких исправлениях по рукописям. В виду засвидетельствованной Прокоповичем неисправности окончательной писарской копии, легшей в основу издания 1842 г., в нескольких случаях его текст пришлось исправить по сохранившимся черновикам; таких случаев, кроме указанных выше и связанных с цензурой, можно указать еще шесть:

1. Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир.

П, Тр: как-то свой разнообразный и приятный мир

2. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его.

П, Тр: и подсмеивал и подмигивал

3. Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем, и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки.

П, Тр: наклеено

4. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну

браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель.

П, Тр: Будочник отвечал, что он не видал никого

5. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей.

П, Тр: по причине частого сдергивания

6. Итак, значительное лицо сошел с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: “к Каролине Ивановне”, а сам, закутавшись весьма роскошно в теплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть, когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их.

П, Тр: сошел с лестницы, стал в сани

II.

Сюжет “Шинели” возводят обычно к рассказанному в воспоминаньях П. В. Анненкова анекдоту о чиновнике, потерявшем ружье. — См. П. В. Анненков. “Литературные Воспоминанья”, изд. Academia 1928, стр. 61–62. — Впечатление, произведенное, по словам Анненкова, на Гоголя анекдотом, надо отнести к 1833—36 гг., когда Гоголь, действительно, “жил на Малой Морской в доме Лепена”. Но заключать отсюда, что “Шинель” и начата в те же годы, нет оснований: история сохранившихся рукописей “Шинели” не дает ни малейшего на то права (см. выше). Анекдот Анненкова — устный образец популярного в литературе 30-х годов жанра повестей о бедном чиновнике, с их двумя разновидностями: сатирической (или комически-гротескной) и сентиментальной (или элегической). Такая дифференциация внутри жанра началась еще до вмешательства Гоголя в его судьбу (у Булгарина и Ушакова). Но как та, так и другая его разновидности сразу же использовали: одна — комически-сказовый стиль “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном

Никифоровичем”, другая — тематику и стиль личных признаний Поприщина в “Записках сумасшедшего”. Под знаком такого двустороннего воздействия Гоголя и оказывается повесть о бедном чиновнике во второй половине 30-х годов, когда живо начинает ощущаться потребность в демократизации литературных форм, в “очеловечении”, в поднятии на более серьезный и впечатляющий уровень наличных тогда в литературе жанров. По отношению к повестям о чиновнике решающая роль как раз и выпала на долю “Шинели”. Из других повестей того же жанра (комической разновидности) “Шинель” своею тематикой частично совпадает с “Гражданственным грибом” Булгарина (в “Северной Пчеле” 1833, № 213), “Лукою Прохоровичем” Гребенки (1838 г.), “Дочь чинового человека” И. Панаева (1839), “Демоном” Павлова (1839) и повестью “За стеной” Ничипора Кулеша (Лит. прибавл. к Русскому Инвалиду 1839, № 21). Сентиментальная разновидность жанра тоже представлена в “Шинели” отдельными чертами, сходными с “Записками гробовщика” В. Ф. Одоевского (в “Альманахе на 1838 г.”), его же “Живым мертвецом” (1838 г.), а также “Перстнем” Гребенки (1841 г.). Приемы комически-гротескного сказа, сложившиеся в законченную стилистическую систему еще в “Повести о том как поссорился”, претерпевают в “Шинели” существенное видоизменение в смысле сочетания с ними совершенно иных приемов повествования, восходящих в прошлом к “Старосветским помещикам”, прочней же всего связанных с “Мертвыми душами”. Для данной повести характерно постепенное высвобождение образа чиновника из-под власти сказового комического стиля, а также последовательно вторгающиеся в нее авторские патетические монологи. Но, по мере такого высвобождения, комизм по контрасту сгущается на окружении героя: на будочнике, кухарке, квартальном, на других департаментских чиновниках и, наконец, на “одном значительном лице”.

Комически изобразив “безчеловечье” среды, Гоголь тем самым “очеловечил” ее жертву (традиционного героя — чиновника), разрешив таким образом ту задачу, которая стояла тогда не перед ним одним, а перед всей русской литературой.

Идея социальной среды приобретала как раз в те годы особое значение в мировоззрении Белинского. Ее же выдвигала одновременно “Шинель” как новый объект художественно-сатирического изображения современного города. Отсюда вся исключительность роли этой повести, наравне с литературными манифестами Белинского, в образовании и развитии

“натуральной школы” 40-х годов.

Критические отзывы современников Гоголя о “Шинели” немногочисленны. Белинскому не удалось сколько-нибудь подробно высказаться о “Шинели”. Впрочем, он первый отметил в ней, еще до выхода ее в свет, “одно из глубочайших созданий Гоголя” (в статье 1842 г. “Библиографическое известие”; см. Соч. Белинского, VII, стр. 325, 606). В другой его статье (в рецензии на “Сочинения Николая Гоголя” в “Отечественных Записках” 1843 г.) сказано, что “Шинель” есть новое произведение, отличающееся глубиной идеи и чувства, зрелостью художественного резца” (т. VIII, стр. 90). Говорится о “Сочинениях Николая Гоголя” и в обзоре литературы за 1843 год, но опять лишь вскользь: более подробный разбор их Белинский и здесь откладывает до “особой статьи”, которая не была, однако, написана. И дальнейшие его отзывы о “Шинели” совершенно поэтому случайны. (См. соч. Белинского, т. IX, стр. 238–239 и др.)

Отзыв Шевырева (в рецензии на “Петербургский сборник” Некрасова) любопытен только указанием на возможность зависимости “Шинели” от “Демона” Павлова: “Павлов, в порыве раздраженной сатиры... изобразил в своем “Демоне” всё нравственное унижение, до которого могла дойти эта жертва общественных условий... Может быть “Демон” вызвал Гоголеву “Шинель”. — См. “Москвитянин” 1846, кн. I.

К 1847 г. относится первый из отзывов о “Шинели” Аполлона Григорьева: “В образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмеления божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя..., волос становится дыбом от злобно-холодного юмора, с которым следится это обмеление”. — См. Собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. В. Ф. Саводника, вып. 8-й, М., 1916, стр. 9. — Позже Ап. Григорьев не раз сближал именно с “Шинелью” односторонность “школы сентиментального натурализма”, — так он называл Достоевского и его последователей. — См. указанное изд., стр. 26–27; см. также Полное собрание сочинений Ап. Григорьева, I, Пгр., 1918, стр. 151–152; Ап. Григорьев “Воспоминания”, изд. Academia, 1930, стр. 318; “Н. В. Гоголь. Материалы и исследования”, под ред. В. В. Гиппиуса, 1936, стр. 252–253.

Чернышевский посвятил “Шинели” особый экскурс в статье “Не начало ли перемены?” (1861 г.), посвященной “Рассказам Н. В. Успенского” и трактующей о реалистическом изображении “народа”, “без всяких прикрас”.

“Упоминает ли Гоголь о каких-нибудь недостатках Акакия Акакиевича?” спрашивает Чернышевский: “Нет, Акакий Акакиевич безусловно прав и хорош; вся беда его приписывается бесчувствию, пошлости, грубости людей, от которых зависит его судьба. Как пошлы, отвратительны сослуживцы Акакия Акакиевича, глумящиеся над его беспомощностью! Как преступно невнимательны его начальники, не вникающие в его бедственное положение, не заботящиеся пособить ему! Акакий Акакиевич страдает и погибает от человеческого жестокосердия. Так подлецом почел бы себя Гоголь, если бы рассказал нам о нем другим тоном”. “Но Акакий Акакиевич имел множество недостатков... Он был круглый невежда и совершенный идиот, ни к чему неспособный. Это видно из рассказа о нем, хотя рассказ написан не с той целью. Зачем же Гоголь прямо не налегает на эту часть правды об Акакии Акакиевиче?.. Мы знаем, отчего. Говорить всю правду об Акакии Акакиевиче бесполезно и бессовестно, если не может эта правда принести пользы ему, заслуживающему сострадания по своей убогости. Можно говорить об нем только то, что нужно для возбуждения симпатии к нему. Будем же молчать о его недостатках... Таково было отношение прежних наших писателей к народу. Он являлся перед нами в виде Акакия Акакиевича, о котором можно только сожалеть, который может получать себе пользу только от нашего сострадания... Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — всё это насквозь пропитано запахом “шинели Акакия Акакиевича”. — См. Соч. Чернышевского, VIII, Пгр., 1918.

КОЛЯСКА

I.

“Коляска” впервые была напечатана в первой книге пушкинского “Современника”, вышедшей в апреле 1836 г. (цензурное разрешение от 31 марта). Рукопись, с которой печаталась повесть в “Современнике”, до нас не дошла. Сохранилась лишь первоначальная черновая редакция (КРМ6). [См. “Сборник общества любителей российской словесности за 1891 г.”, М., 1891, стр. 55; Соч., 10 изд., VI, стр. 367.]

В третьем томе Сочинений Гоголя изд. 1842 г. “Коляска” перепечатана с небольшими стилистическими изменениями; текст “Современника” почти в точности повторен и в издании Сочинений Гоголя 1855 г.

Время написания “Коляски” определяется положением ее первоначальной редакции в КРМ6, куда Гоголь начал вносить свои записи с 1835 г. Непосредственно за “Коляской” следует текст наброска исторической драмы “Альфред”, а несколько дальше (на листе 16) — рецензия на пьесу Загоскина “Недовольные”, вышедшую в начале 1836 г. Поскольку, таким образом, основной материал тетради относится к концу 1835 и началу 1836 гг., следует и первоначальную редакцию “Коляски” отнести не ранее чем к середине 1835 г. В начале октября 1835 г. повесть была Гоголем закончена и передана Пушкину — для проектировавшегося, но не осуществленного альманаха. Так, уже в письме от первой половины октября Пушкин сообщал П. А. Плетневу из Михайловского: “Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней альманах далеко может уехать, но мое мнение: даром Коляски не брать, а установить ей цену: Гоголю нужны деньги”. [Пушкин, “Переписка”, изд. Академии Наук, т. III, с. 238.]

Самое обращение Пушкина по поводу “Коляски” к Плетневу вызывает предположение, что рукопись ее была переслана в Михайловское Плетневым и прочтена Пушкиным непосредственно перед написанием письма. Гоголь 1 сентября 1835 г., т. е. за несколько дней до отъезда Пушкина в Михайловское, вернулся в Петербург из своей поездки на юг.

Вероятнее всего, что вписанная раньше, в черновой редакции, в тетрадь КРМ6, повесть была закончена и переписана для печати в течение сентября 1835 г., после возвращения Гоголя в Петербург, и в начале октября передана, для помещения в альманахе, Пушкину. Так как предполагавшийся альманах не состоялся, то “Коляску” Пушкин и напечатал в “Современнике”.

В виду значительного различия между первоначальной редакцией “Коляски” и текстом, напечатанным в “Современнике”, текст КРМ6 помещается в настоящем издании в разделе “Другие редакции”. Ссылки на эту редакцию в Вариантах даются лишь в тех случаях, когда они необходимы для обоснования принятого в основном тексте чтения.

Первоначальная редакция “Коляски” занимает в КРМ6 четыре страницы: листы 7 и 8 и верхнюю половину лицевой страницы 9-го листа. Текст “Коляски” не озаглавлен, написан убористым почерком с рядом помарок и поправок, в несколько приемов (вероятнее всего, в 3–4). После 9-го листа — следы вырезанных страниц; нижняя лицевая сторона 9-го листа и оборот его остались незаполненными. На обороте 6-го листа записаны две строчки, относящиеся к тексту 7-го листа: “да какой-нибудь помещик в нанковом сюртуке тащился вместе <с> своими мешками в какой-<то> полубрычке и полуповозке на гнедой кобыле с бегущим лошаком”. Эта фраза должна, судя по соответствующему месту первопечатного текста, предварять следующее место черновой редакции: “Самая рыночная площадь имеет немного печальный вид”; однако, включение ее в текст не представляется возможным, в виду явной бессвязности, которая получилась бы в этом случае.

Несмотря на то, что черновая редакция “Коляски” дважды публиковалась — Н. Тихонравовым в “Сборнике общества любителей российской словесности на 1891 год”, М., 1891, и В. Шенроком (Соч., 10 изд., VI), текст обеих публикаций страдает неточностями; кроме того в них не учтены зачеркнутые Гоголем варианты.

Черновой характер рукописи КРМ6 выражается между прочим и в том, что имя главного героя повести здесь еще не установлено, и он называется то Кропотовым в начале повести, то Крапушкиным — во второй ее половине. Сравнение первоначальной редакции с текстом, напечатанным в “Современнике”, свидетельствует о большой работе, проделанной Гоголем

при подготовке повести для печати. Эта переработка выразилась главным образом в стилистической отделке; ни сюжет, ни даже отдельные ситуации почти совершенно не изменены.

2 марта 1836 г. повесть, предназначавшаяся для первой книги “Современника”, была направлена в цензуру, о чем писал Гоголь Пушкину, советуя сцену “Утро чиновника” отправить “если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее взять в цензурный комитет вместе с “Коляскою”, ибо завтра утром заседание”.

Прохождение повести через цензуру встретило значительные затруднения. На заседании петербургского Цензурного комитета от 3 марта 1836 г. в присутствии председателя комитета, попечителя петербургского учебного округа кн. М. А. Дондукова-Корсакова, и цензоров П. И. Гаевского, В. Н. Семенова, А. Л. Крылова, А. В. Никитенко, П. А. Корсакова и С. С. Куторги было вынесено постановление об изменении четырех мест в повести, “признанных неприличными”. [“Н. В. Гоголь. Материалы и исследования”, I, 1936 г., стр. 306–308. Публикация В. В. Гиппиуса.]

Данные этого цензурного дела (ссылка на которое была сделана еще во “Временнике Пушкинского Дома”, СПб., 1914, стр. 30) не были использованы ни в одном из изданий “Коляски”, в то время как они дают возможность восстановить подлинный текст повести без цензурных купюр.

Приводим эти цензурные купюры, восстановленные нами в основном тексте на основании цензурного дела и черновой рукописи.

1. На лобном месте солдат с усами уж верно мылил бороду какому-нибудь деревенскому пентюху, который только побряхтывал, выпуча глаза вверх. — в печатных прижизненных текстах нет

2. Бездна бутылок, длинных с лафитом, короткошейных с мадерой, прекрасный летний день, окна, открытые напролет, тарелки со льдом на столе, отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров, растрепанная манишка у владельцев укладистого фрака, перекрестный разговор, покрываемый генеральским голосом и заливаемый шампанским, — всё отвечало одно другому. — “отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров” — в печатном тексте нет

3. У генерала, полковника и даже майора мундиры были вовсе расстегнуты, так что видны были слегка благородные подтяжки из шелковой материи, но господа офицеры, сохраняя должное уважение, пребыли с застегнутыми, выключая трех последних пуговиц.

— в печатных текстах нет

4. Когда я служил, то у меня в ящики помещалось 10 бутылок рому и 20 фунтов табаку, кроме того со мною еще было около шести мундиров, белье и два чубука, ваше превосходительство, такие длинные, как с позволения сказать солитер, а в карманы можно целого быка поместить. — вместо два чубука ~ самые длинные печатного текста.

Печатаая “Коляску” по тексту “Современника” с отдельными уточнениями по рукописи КРМ6 и по изданиям 1842 г. (П) и 1855 г. (Тр), мы в ряде случаев сохраняем текст “Современника” и тогда, когда последующие редакторы гоголевских текстов отступали от него. Так, например, сохраняем: “Один помещик, служивший еще в кампании 1812 года”, — место, измененное в издании 1842 г. на “один полковник” совершенно неправомерно, так как в повести несколько раз указывается, что на обеде всего был один полковник и “общество состояло из мужчин: офицеров и некоторых окружных помещиков”. Эта произвольная поправка Прокоповича перешла затем и во все последующие издания. Точно также сохраняем текст “Современника” в фразе: “Скоро всё общество разделилось на четверные партии в вист и рассеялось в разных углах генеральских комнат”, так как не видим оснований для конъектуры Н. Тихонравова “расселось”.

От текста “Современника” мы отступаем в тех случаях, когда исправления в изданиях 1842 или 1855 гг. совпадают с рукописью, или когда касаются явных опечаток. Так, например, вместо: “поставить тихомолком от генерала на карточку дрожки”, как читаем в “Современнике”, даем по изд. 1842 и 1855 гг. “поставить на карточку дрожки”, что совпадает с рукописной редакцией, полагая что в “Современнике” слова “тихомолком от генерала” вставлены Гоголем из цензурных опасений. В сцене обеда у генерала принимаем “выступал”, как в изд. Трушковского и в первоначальной рукописной редакции, вместо “выступает” “Современника” и изд. 1842 года, поскольку смысл и

грамматическое согласование контекста требуют именно этой формы.

II.

“Коляску” принято рассматривать как повесть, стоящую особняком среди произведений Гоголя первой половины 30-х годов. Тематически она выпадает из цикла “петербургских повестей” и, в то же время, по своей стилистической манере значительно отличается от ранних украинских повестей Гоголя, хотя в бытовой ее основе можно усмотреть черты украинской обстановки. [См. об этом Н. К. Пиксанов. Украинские повести Гоголя. “О классиках”, М., 1933, стр. 118–119.]

Сюжет “Коляски” восходит, скорее всего, к тому анекдотическому происшествию с гр. М. Ю. Виельгорским, о котором рассказывает в своих воспоминаниях В. А. Сологуб: “Он был рассеянности баснословной; однажды, пригласив к себе на огромный обед весь находившийся в то время в Петербурге дипломатический корпус, он совершенно позабыл об этом и отправился обедать в клуб; возвратясь, по обыкновению, очень поздно домой, он узнал о своей оплошности и на другой день отправился, разумеется, извиняться перед своими озадаченными гостями, которые накануне, в звездах и лентах, явились в назначенный час и никого не застали дома. Все знали его рассеянность, все любили его и потому со смехом ему простили; один баварский посланник не мог переварить неумышленной обиды; и с тех пор к Виельгорскому ни ногой.”] См. В. А. Сологуб, “Воспоминания”. М.—Л., 1931, стр. 297. [

Как личное сближение Гоголя с В. Сологубом в тот период, так и то обстоятельство, что Гоголь вообще охотно пользовался в своих замыслах анекдотами, — делают весьма убедительным предположение о зависимости сюжета “Коляски” от приведенного рассказа. Возможно, конечно, что этот анекдот мог стать известным Гоголю и помимо Сологуба, поскольку рассеянность гр. Виельгорского служила темой многочисленных анекдотов, распространенных в том бытовом и литературном кругу, в котором вращался Гоголь. [Так, например, П. А. Вяземский в своей “Записной книжке” сообщает: “В наше время отличается рассеянными своими граф М. Вьелгорский” (Собр. сочинений, т. VIII, стр. 92).]

Существенно, что “Коляска” писалась непосредственно перед началом

работы над “Мертвыми душами”, или даже параллельно с написанием трех первых глав “Мертвых душ”, о которых Гоголь сообщал Пушкину от 7 октября 1835 г. всё в том же письме. Переход к новой манере, осуществленный в “Мертвых душах”, намечается уже в “Коляске”; но и помимо этого можно найти общие мотивы в “Коляске” и “Мертвых душах”. В характере Чертокуцкого уже намечена обходительность Чичикова и хвастливость Ноздрева. Сходство повествовательной манеры особенно заметно в близких между собой ситуациях: например, при описании обеда у генерала в “Коляске” и завтрака у полицмейстера в “Мертвых душах” (в седьмой главе); близки подробности возвращения Чертокуцкого и Чичикова домой после попойки или описание обстановки уездного городка Б. и города NN в начале первого тома “Мертвых душ”. Можно сопоставить и ряд отдельных деталей, вроде упоминания о Ноздреве в “Мертвых душах”, где говорится: “чуткий нос его слышал за несколько десятков верст”, и о Чертокуцком, который тоже “пронюхивал носом, где стоял кавалерийский полк” и т. д. Следует указать также на сходство начала “Коляски” с описанием городишка Погара, в начале неоконченной повести “Семен Семенович Батюшек” (см. ниже, комментарий к отрывку). Переходное положение “Коляски” между ранними повестями и “Мертвыми душами” и определяет ее место в творческом развитии Гоголя.

Современная Гоголю критика почти не отметила “Коляску” по тем же причинам, что и “Нос”. Внимание критики было в начале 1836 года всецело занято “Ревизором”. Откликнулся на появление “Коляски” лишь Белинский в своем отзыве о первой книге “Современника”. Белинский определил ее как “мастерскую шутку”, в которой “выразилось всё умение Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г. Гоголя”. [“Несколько слов о “Современнике””, “Телескоп”, 1836. См. Соч. Белинского, III, стр. 3.]

Дальнейшая критика ограничивалась лишь беглыми указаниями на “анекдотичность” и “шуточность” повестей Гоголя, не выделяя “Коляски”, а чаще всего вовсе умалчивая о ней.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

I.

Единственная сохранившаяся рукопись “Записок сумасшедшего”, РМ4 в б. аксаковской тетради № 2, занимает там место между статьями “Арабесок”: “Последний день Помпеи. Картина Брюллова” (стр. 202–207) и “Ал-Мамун” (стр. 223–227); не имея собственного заглавия, текст “Записок” начинается непосредственно (на стр. 208) под выписанным было на эту же страницу заглавием статьи “Несколько слов о Пушкине”: буквы “ОП”, стоящие вверху этой страницы перед текстом “Записок”, находим и на странице 136-ой, где за ними, действительно, следует один из последних набросков статьи о Пушкине; в левом верхнем углу страницы 208-й — цифры: 30, 18, 30. Самый же текст “Записок” писан сплошную, одним почерком, довольно разборчиво, с малым сравнительно количеством вычерков и надстрочных приписок и перебит в одном только месте, на стр. 215-ой, вставкой, которая читается выше, на нижней части стр. 209-ой (“Чорт возьми я не могу ~ письма глупой собаченки”); кроме того, на пустой стр. 160-ой, вверху, отдельно записан на четырех строках один из вариантов эпилога: “Боже, что они делают ~ как обижают меня”. [См. Соч., 10 изд., VII, стр. 904; “Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев” за 1896 г., стр. 16.]

Время, когда описанный текст внесен в аксаковскую тетрадь, с известной точностью определяется из следующих данных.

Перечень содержания “Арабесок”, вписанный в ту же тетрадь, что и “Записки сумасшедшего”, на стр. 3, не раньше августа 1834 г. (см. Соч., 10 изд., V, стр. 558), отводит “Запискам”, в порядке статей, самое последнее место, и, что особенно важно, называет не “Записками сумасшедшего”, а “Записками сумасшедшего музыканта”, откуда и вытекает, что к моменту составления перечня, т. е. к августу 1834 г., “Записки сумасшедшего” в нынешнем виде еще не существовали и в аксаковскую тетрадь вписаны позже чем перечень. Если для них, таким образом, август 1834 г. является датой исходной (*terminus post quem*), то дата цензурного разрешения “Арабесок”, 10 ноября 1834 года, — их предельная дата (*terminus ante*

quiet); и, следовательно, дошедшая до нас рукопись “Записок сумасшедшего” датируется сентябрем—октябрем 1834 г., чему соответствует и местоположение “Записок” в аксаковской тетради: предшествующая им там статья о Брюллове написана в конце августа 1834 г. (см. Соч., 10 изд., V, стр. 604–605), а следующая за ними статья “Ал-Мамун” — в октябре того же 1834 г. (см. там же, стр. 587).

По содержанию рукописный текст “Записок сумасшедшего” весьма близок к печатному тексту “Арабесок”. [Впрочем в “Арабесках”, кроме заглавия на шмуцтитуле “Записки сумасшедшего”, повесть имеет перед текстом заглавие несколько измененное: “Клочки из записок сумасшедшего”.]

Отличия там и тут не таковы, чтобы можно было говорить об особой редакции повести, в том виде, как она представлена рукописью; ее отличия вовсе не затрагивают сюжета, ограничиваясь лишь стилистическими вариантами, да отсутствием дат перед отделами “Записок”, на которые они разбиты в печатном тексте. [Это лишает силы наблюдения В. В. Каллаша (в подтверждение более раннего происхождения “Записок сумасшедшего”) над совпадением этих дат с действительными календарными датами 1833 г. — см. Сочинения Н. В. Гоголя под ред. В. В. Каллаша, т. 3, изд. Брокгауз-Ефрон, 1915 г., стр. 336. Даты эти, внесенные лишь в окончательную несохранившуюся беловую рукопись, сами по себе ничего не говорят о возникновении черновика; если же и свидетельствуют о времени возникновения замысла, то лишь косвенно и не больше чем остальное содержание “Записок”, строго приуроченное к европейским политическим событиям последних месяцев 1833 г. (о чем см. ниже).]

Существенное отличие рукописного текста от текста “Арабесок” — в отсутствии цензурных вычерков и замен, имеющих в последнем. О них сам Гоголь писал Пушкину в декабре 1834 г.: “Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре по поводу “Записок сумасшедшего”; но, слава богу, сегодня немного лучше; по крайней мере я должен ограничиться выкидкою лучших мест... Если бы не эта задержка, книга моя, может быть, завтра вышла”. Последние слова (о выходе книги) не оставляют сомнения, что речь идет тут не о предварительной цензуре рукописи “Арабесок”, а о цензурном просмотре отпечатанного текста, из которого, следовательно, и произведена была Гоголем упомянутая в письме “выкидка лучших мест”. След ее есть в тексте самих “Арабесок”: тот

отрывок из переписки собачек, где говорится о получении ордена генералом, оканчивается в “Арабесках” не точкой и не многоточием (как другие подобные же отрывки), а неуместной тут запятой (“За столом он был так весел, как я еще никогда не видала,”), попавшей сюда однакоже не в качестве опечатки, а несомненно уцелевшей от фразы в том виде, как она набрана была до цензурной “выкидки” ее окончания (“За столом он был так весел, как я еще никогда не видала, отпускал анекдоты”). Но, кроме таких механических “выкидок”, могли быть проведены тогда же (или раньше, при цензуровании рукописи) и авторские замены того, что не пропустил цензор.

Некоторые из цензурных “выкидок” восстановил уже Тихонравов, внося, впрочем, заодно в текст “Записок” не мало и простых разночтений черновика; а с другой стороны, он оставил без исправления несколько явных искажений текста цензурой. Издание Коробки к исправлениям Тихонравова добавило еще лишь одно; последующие издания не добавили ничего.

Наше издание к ранее сделанным исправлениям добавляет еще 8 новых, что вместе с предыдущими составляет всего 20 исправлений (по рукописи) испорченных цензурой мест. Это, во-первых, следующие 12 купюр или вычерков, восстановленных еще Тихонравовым и Коробкой: “Правильно писать может только дворянин. Оно конечно, некоторые и купчихи-конторщики и даже крепостной народ пописывает иногда; но их писание большею частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога.”; “Ну, чего хотят они?”; “Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет.”; “Да и подлые ремесленники напускают копоты и дыму из своих мастерских такое множество, что человеку благородному решительно невозможно здесь прогуливаться.” (вм. “решительно невозможно”); “За столом папа был так весел, как я еще никогда не видала, отпускал анекдоты, а после обеда поднял меня к своей шее и сказал: “А посмотри, Меджи, что это такое”. Я увидела какую-то ленточку. Я нюхала ее, но решительно не нашла никакого аромата; наконец, потихоньку, лизнула: соленое немного.”; “Куда ж, подумала я сама в себе: если сравнить камер-юнкера с Трезором! Небо! какая разница! Во-первых, у камер-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокруг бакенбарды, как будто бы он обвязал его черным платком; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самом лбу белая лысинка. Талию Трезора и сравнить нельзя с камер-юнкерскою. А глаза, приемы, ухватки совершенно не те. О, какая разница! Я не знаю, что она нашла в своем

камер-юнкере.”; “Всё, что есть лучшего на свете, всё достается или камер-юнкерам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал. Чорт побери!”; “Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь...” (стр. 207); “Я однако же старался ее успокоить, и в милостивых словах старался ее уверить в благосклонности, и что я вовсе не сержусь за то, что она мне иногда дурно чистила сапоги.”; “Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капуцина...”; “А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору, и говорят, что они патриоты, и то и сё: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, бога, продадут за деньги, честолубцы, христопродавцы!”; “Проезжал государь император. Весь город снял шапки и я также; однакоже я не подал никакого вида, что испанский король.” А затем следующие восемь заимствований из рукописи вместо соответствующих мест в “Арабесках”, признаваемых нами за продиктованные цензурой:

1. Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько поляков! а нашей братьи, чиновников, как собак, один на другом сидит.

Ар, П: сколько кухарок, сколько приезжих!

2. Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин — и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь.

Ар, П: вельможа или барон или как его

3. Вон он спрятался к нему в звезду.

Ар, П: к нему во фрак

4. Но главная пружина всего этого турецкий султан, который подкупает цирюльника и который хочет по всему свету распространить магометанство.

Ар, П: но достоверно известно, что он вместе с одною повивальной бабкою ~ и оттого

5. Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма.

Ар, П: испанского национального костюма

6. Я однако же догадался, что это должны быть или доминиканы или капуцины, потому что они бреют головы.

Ар, П: гранды или солдаты

7. Капуцины, которых я застал в зале государственного совета великое множество, были народ очень умный, и когда я сказал: “господа, спасем луну, потому что земля хочет сесть на нее”, то все в ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желание и многие полезли на стену с тем, чтобы достать луну, но в это время вошел великий канцлер.

Ар, П: Бритые гранды

8. А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?

Ар, П: у алжирского дея под самым носом шишка.

“Поляков” (вместо “приезжих”) признаем более подлинным чтением ввиду цензурных гонений на всё, что связано было с Польшей после 1831 года. “Государь” (вместо “барон или как его”) предписывается двумя другими аналогичными случаями, где слово “государь” было цензурой просто исключено (см. выше); “в звезду”, а не “во фрак” подсказывает соответствующий контекст, — в “Арабесках” и в рукописи одинаковый, — где приманкой для “влюбленной в чорта женщины” служит “толстяк” именно “со звездою”. Перенесение магометанства с “турецкого султана” на “повивальную бабку” могло быть сделано, скорей всего, тоже под давлением цензуры; такого же происхождения замена “королевского костюма” “испанским национальным”: контекст как в рукописи, так и в “Арабесках” предполагает несомненно “королевский”, потому что покрой именно “королевского костюма”, а не “испанского национального” предписывал Поприщину то, что он проделал над своим вицмундиром: “изрезал ножницами его весь”, чтобы (как читается в рукописи) “дать всему сукну вид горностаевых хвостиков”. Неорганична с точки зрения

контекста и замена в “Арабесках” “доминиканов или капуцинов” “грандами или солдатами” (и дальше “капуцинов” — “бритыми грандами”): признак, по которому опознаются они героем: “потому что они бреют головы”, применим полностью конечно лишь к первым, тем более, что замена бритых монахов грандами даже не доведена в повести до конца. Ср.: “Сегодня выбрили мне голову несмотря на то, что я кричал изо всей силы о нежелании быть монахом”. — И наконец, подобно “государю” или “турецкому султану”: неприемлем был, конечно, не для Гоголя, а лишь для цензора и “французский король”, шишка которого поэтому передана была “алжирскому дею”. [В связи с завоеванием Алжира французами в 1830—34 гг. алжирский дей (и именно дей, а не бей) часто упоминался в те годы на страницах “Северной Пчелы”.]

Вторично при жизни Гоголя “Записки сумасшедшего” изданы были в 3-м томе Сочинений, в 1842 году. Текст “Арабесок” подвергся тут со стороны Прокоповича довольно значительному количеству исправлений не только орфографических и грамматических, но даже и стилистических. Из них лишь три-четыре приняты в основной текст — в тех случаях, когда соответствующий вариант “Арабесок” явно носит характер опечатки или удержанной в печати описки. Все остальные отнесены в варианты.

Несколько раз с той же целью (исправления ошибок первопечатного текста) приходилось обращаться и к рукописи.

В издании Трушковского “Записки сумасшедшего” авторских исправлений 1851 года не имеют совсем: чтение корректуры Гоголь прекратил тогда на их первой странице. — См. Соч., 10 изд., I, стр. XIV.

II.

Сюжет “Записок сумасшедшего” восходит к двум различным замыслам Гоголя начала 30-х годов: к “Запискам сумасшедшего музыканта”, упоминаемым в известном перечне содержания “Арабесок” (см. Соч., 10 изд., V, 610–611), и к неосуществленной комедии “Владимир 3-ей степени”. Из письма Гоголя И. И. Дмитриеву от 30 ноября 1832 г., а также из письма Плетнева Жуковскому от 8 декабря 1832 г. (см. Соч. и переписка Плетнева, III, стр. 522) можно усмотреть, что в ту пору Гоголь был увлечен повестями кн. В. Ф. Одоевского из цикла “Дом сумасшедших”,

вошедших позже в цикл “Русских ночей” и, действительно, посвященных разработке темы мнимого или действительного безумия у высокоодаренных (“гениальных”) натур: у отрешенного от всего, что не музыка, Баха (“Себастьян Бах”), у страдающего манией грандиозных построек чудака Пиранези (“Opera del Cavaliere Giambatista Piranesi”), у наделенного аналитической способностью “все видеть” импровизатора (“Импровизатор”), у настоящего, наконец, безумца Бетховена (“Последний квартет Бетховена”). Причастность собственных замыслов Гоголя в 1833—34 гг. к этим повестям В. Одоевского видна из несомненного сходства одной из них — “Импровизатора” — с “Портретом”. Из того же увлечения романтическими сюжетами Одоевского возник, очевидно, и неосуществленный замысел “Записок сумасшедшего музыканта”; непосредственно связанные с ним “Записки сумасшедшего” тем самым связаны, через “Дом сумасшедших” Одоевского, с романтической традицией повестей о художниках и искусстве (“Kunstnovellen”), усердно культивировавшихся в русской литературе 30-х годов и охотно разрабатывавших как раз тему безумия в освещении, приданном ей у Гофмана. Есть основания думать, что “Записки сумасшедшего музыканта”, их по крайней мере начало, сохранились в виде отрывка “Дождь был продолжительный”, текстуальные совпадения которого с “Записками сумасшедшего” сразу же видны и который можно поэтому рассматривать как вступительный набросок первоначальной редакции этих “Записок”. Герой отрывка, приветствующий расправу дождя над лицемерным благообразием “гражданства столицы”, несомненно, сродни Пискареву или Чарткову, — может быть, такой же, как они и как Крейслер у Гофмана, слугитель искусства.

“Владимир 3-ей степени”, будь он закончен, тоже имел бы героем безумца, существенно отличного, однако, от безумцев Гофмана и русских гофманианцев тем, что это был бы, по свидетельству современников, человек, поставивший себе прозаическую цель получить крест Владимира 3-ей степени; не получивши его, он “в конце пьесы... сходил с ума и воображал, что он сам и есть” этот орден. — См. Соч., 10 изд., II, стр. 743. — Такова новая трактовка темы безумия, тоже приближающаяся, в известном смысле, к безумию Поприщина.

Из замысла комедии о чиновниках, оставленного Гоголем в 1834 г., ряд бытовых, стилистических и сюжетных деталей перешел в слагавшиеся тогда “Записки”. Генерал, мечтающий получить орден и поверяющий свои

честолюбивые мечты комнатной собачке, дан уже в “Утре чиновника”, т. е. в уцелевшем отрывке начала комедии, относящемся к 1832 году. — См. Соч., 10 изд., II, стр. 448, 453, 744. — В уцелевших дальнейших сценах комедии (переделанных позже в “Лакейскую”) без труда отыскиваются комедийные прообразы самого Поприщина и его среды — в выведенных там мелких чиновниках Шнейдере, Каплунове и Петрушевиче. Отзыв Поприщина о чиновниках, которые не любят посещать театр, прямо восходит к диалогу Шнейдера и Каплунова о немецком театре. Особо при этом подчеркнутая в Каплунове грубость еще сильнее убеждает в том, что в него-то и метит Поприщин, называя не любящего театр чиновника “мужиком” и “свиньей”. В Петрушевиче, напротив, надо признать первую у Гоголя попытку той идеализации бедного чиновника, которая нашла себе воплощение в самом Поприщине. “Служил, служил и что же выслужил”, говорит “с горькой улыбкою” Петрушевич, предвосхищая подобное же заявление Поприщина в самом начале его записок. Отказ затем Петрушевича и от бала и от “бостончика” намечает тот разрыв со средой, который приводит Поприщина к безумию. И Каплунов, и Петрушевич — оба поставлены затем в те же унижительные для них отношения с лакеем начальника, что и Поприщин. От Закатищева (позже Собачкина) протягиваются, с другой стороны, нити к тому взяточнику “Записок”, которому “давай пару рысаков или дрожки”; Закатищев в предвкушении взятки мечтает о том же самом: “Эх, куплю славных рысаков... Хотелось бы и колясчонку”. Сравним также канцелярские диалектизмы комедии (напр., слова Каплунова: “И врет, расподлец”) с подобными же элементами в языке Поприщина: “Хоть будь в разнужде”, ср. еще канцелярское прозвище Шнейдера: “проклятая немчура” и “проклятая цапля” в “Записках”.

Связанная, таким образом, с первым комедийным замыслом Гоголя, картина департаментской жизни и нравов в “Записках” восходит к личным наблюдениям самого Гоголя в пору его собственной службы, из которых замысел “Владимира 3-й степени” вырос. Даже на свои собственные биографические подробности не поспешил в “Записках” Гоголь. “Дом Зверкова” у Кукушкина моста, куда ведет Поприщина след распутываемой интриги и который он, как оказывается, хорошо знает потому, что у него есть там “один приятель”, — это тот дом, в котором в 30-ых годах был приятель у самого Гоголя и где, кроме того, жил одно время и сам он. [См. А. Яцевич, “Пушкинский Петербург”, 1935, стр. 261–263.] Запах, которым встречает Поприщина этот дом, упомянут в письме Гоголя к матери от 13

августа 1829 года. О “ручевском фраке” — мечте Поприщина — говорится в письмах Гоголя 1832 г. к А. С. Данилевскому (кстати, тому самому “приятелю”, который жил в доме Зверкова). Прическу начальника отделения, раздражающую Поприщина, отмечает Гоголь и в “Петербургских Записках”, как черту, почерпнутую, видимо, из личных наблюдений.

“Испанские дела” 1833 г., за которыми следит Поприщин по “Северной Пчеле”, доведены Гоголем до провозглашения королевой малолетней дочери Фердинанда VII (“какая-то донна должна взойти на престол”) и, следовательно, лишь до первой вспышки вызванного этим движения карлистов, сторонников Дон-Карлоса, брата Фердинанда VII; право на престол племянницы Дон-Карлос оспаривал, опираясь на закон, возбранявший женщинам вступать на престол и отмененный перед смертью Фердинандом. Дон-Карлосу прямо и вторит Поприщин, говоря, что “не может взойти донна на престол. Никак не может”. [Об отмене указанного закона Фердинандом “Северная Пчела” сообщила еще в январе 1833 г. (в № 14, в отд. “Разные известия”); смерть Фердинанда отмечена в № 229 от 10 октября, где приведен и первый декрет королевы-регентши, называющий в качестве будущей королевы малолетнюю “дону Изабеллу”, откуда — упоминание Поприщина о “какой-то донне”; в том же выпуске газеты (от 10-го октября) еще раз излагается отмененный Фердинандом “закон салический, по коему женский пол не может наследовать престола”, и говорится, что в силу его отмены “чины королевства” (тоже упоминаемые Поприщиным) признали принцессу Изабеллу наследницей, а “брат короля, инфант Дон-Карлос, удалился из Испании”, чему тоже соответствует уверенность Поприщина, что испанский король “где-нибудь находится в неизвестности”; дальнейшая информация “Северной Пчелы” этому Дон-Карлосу уделяет с каждым днем все больше внимания, колеблясь при этом в оценке поднятого им движения: по существу реакционное, оно в освещении николаевской официозной печати принимало временами чуть ли не революционный оттенок, поскольку имело целью низложение вступившей уже на престол королевы. Ср. “Северную Пчелу” 1833, №№ 237, 239, 242, 245, 247, 249, 253, 257, 259, 261 и др.] Возможно, что по замыслу Гоголя Дон-Карлос 1833 года сливается в фантазии Поприщина с героем Шиллера, и что именно поэтому, попав в сумасшедший дом, Поприщин принимает его обитателей за доминиканских монахов, а больничного надзирателя — за великого инквизитора (Карлос у Шиллера отдан Филиппом в руки великого инквизитора).

“Записки сумасшедшего” именно как записки, т. е. рассказ о себе героя, не имеют в творчестве Гоголя ни precedентов, ни аналогий. И недаром: культивировавшиеся Гоголем и до “Записок”, и позже формы повествования к данному замыслу были неприменимы. Тема безумия во всех трех одновременно аспектах (социальном, эстетическом и лично-биографическом), которые находил в ней Гоголь, естественнее всего могла быть развернута прямой речью героя; именно, однако, героя со всей выразительностью социальной его физиономии, с установкой на речевую характеристику, с подбором острых диалектизмов ведущего свои записки чиновника. С другой стороны, эстетический иллюзионизм, подсказавший Гоголю первую мысль подобных записок, сделал возможным включение в них элементов фантастического гротеска (заимствованной у Гофмана переписки собак); естественна была при этом известная причастность героя к миру искусства. Однако, предназначавшаяся сперва для этого музыка не мирилась с определившимся окончательно типом героя, и место музыки в записках чиновника занял театр, — вид искусства, с которым одинаково удачно сочетались все три аспекта темы сразу. Александрийская сцена и занесена поэтому в “Записки сумасшедшего”, как одно из главных мест развертывающейся в них социальной драмы. [Упомянутый Поприщиным “русский дурак Филатка” — водевиль Григорьева “Филатка и Мирошка — соперники”, игранный в первый раз на Александрийской сцене в сезон 1831–1832 г. См. Вольф “Хроника Петербургских театров”, ч. 1, стр. 28. “Дон-Карлос” Шиллера игран был в первый раз в 1829 году и затем не сходил с Александрийской сцены все 30-ые годы. См. там же.] Но иллюзорный мир театрального эстетизма у Гоголя совсем иной, чем у Гофмана. Там он утверждается как высшая реальность; у Гоголя, напротив, он чисто реалистически низводится до сумасшествия в прямом, клиническом смысле слова.

Гофману, при всей своей зависимости от него, Гоголь противопоставляет, таким образом, собственное разрешение темы — с отказом от эстетизма в пользу реалистического изображения человеческого страдания, за незнание которого упрекал Гофмана Жюль Жанен.

Гофманианская форма “новеллы об искусстве”, присущая “Запискам” еще в ранней редакции, сохранилась, как видим, и в законченной их редакции. Но абстрактный (особенно в русской передаче) герой-фантаст Гофмана вырос в живого представителя нарождающегося “сословия

среднего»; [О “сословии среднем” и, между прочим, о роли театра в жизни этого сословия см. в статье Гоголя “Петербургская сцена в 1835–1836 г.”] его конфликт с “существенностью” тоже конкретизировался, приняв черты социально-политического протеста и подготовив, наряду с эстетическими, и чисто бунтарские мотивы в его безумии; а так как за всем этим, несомненно, скрывается личный и социальный опыт самого Гоголя, — то, надо думать, субъективен был и исходный творческий импульс этих “Записок”; и таким образом новое социальное осмысление, приданное Гоголем теме безумия, — как теме повестей о чиновнике, — ознаменовало в его творчестве наиболее протестующий момент, момент первого сатирического выступления против бездушной системы николаевского бюрократизма.

В современной “Арабескам” критике о “Записках сумасшедшего” высказаны были следующие суждения.

“В клочках из записок сумасшедшего”, по отзыву “Северной Пчелы” (1835, № 73), “есть... много остроумного, смешного и жалкого. Быт и характер некоторых петербургских чиновников схвачен и набросан живо и оригинально”.

Сочувственно отозвался и враждебный “Арабескам” Сенковский, усмотревший в “Записках сумасшедшего” те же достоинства, что и в “забавной истории” поручика Пирогова; “Записки”, по мнению Сенковского, “были бы лучше, если бы соединялись какою-нибудь идеею” (“Библиотека для чтения” 1835, февраль).

Несоизмеримо дальновидней отзыв Белинского (в статье “О русской повести и повестях Гоголя”): “Возьмите “Записки сумасшедшего”, этот уродливый гротеск, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмешку над жизнью и человеком, жалкою жизнью, жалким человеком, эту карикатуру, в которой такая бездна поэзии, такая бездна философии, эту психическую историю болезни, изложенную в поэтической форме, удивительную по своей истине и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит, и возбуждает сострадание”. — См. Соч. Белинского, II, стр. 226. — Повторил этот свой отзыв Белинский и в рецензии (1843 года) на “Сочинения Николая Гоголя”: “Записки сумасшедшего” — одно из

глубочайших произведений...” — См. там же, VIII, стр. 90.

РИМ

I.

Текст “Москвитянина” был дважды прокорректирован самим Гоголем, о чем свидетельствует ряд его записок к Погодину, относящихся к зиме 1841–1842 г. [См. Е. П. Казанович. “К истории сношений Гоголя с Погодиным”, Временник Пушкинского Дома 1914, стр. 69–87.]

Из этих записок видно, что хотя повесть прошла через руки С. П. Шевырева, но вслед за тем Гоголь держал две ее корректуры: первую “с важными поправками” и вторую “на сверку”. Это обстоятельство в сущности и решает вопрос о преимуществе текста “Москвитянина” перед текстом “Собрания сочинений” (П).

Отсутствие рукописей делает затруднительной точную датировку повести. Предельная дата устанавливается легко на основании этих же записок и авторитетного свидетельства С. Т. Аксакова, что повесть была окончена в начале февраля 1842 г, когда Гоголь “прочел ее предварительно у нас (Аксаковых), а потом на литературном вечере у кн. Дм. Вл. Голицина”; [С. Т. Аксаков. “История моего знакомства с Гоголем”.] наконец, дата цензурного разрешения третьего выпуска “Москвитянина” — 11-го марта того же 1842 года. Все эти данные ведут нас к началу февраля 1842 г. Гораздо труднее определить дату исходную. Первоначальный набросок ранней редакции повести, называвшейся “Аннунциата”, Гоголь привез с собой из Рима в свой предшествующий приезд в Россию (с 26 сентября 1839 г. по июнь 1840 г.). В начале февраля 1840 г. он читал первые главы этой повести у тех же Аксаковых. Предположить, что Гоголь еще в Москве, весной 1840 г., занялся переделкой “Аннунциаты” в “Рим”, трудно. Возможно, что он приступил к этой работе зимой 1840—41 г. в Риме, куда Погодин слал ему отчаянные требования “поддержать “Москвитянин””, подкрепленные просьбой об этом же С. Т. Аксакова. [Во 2-й книге “Москвитянина” 1841 г., в отд. “Смесь”, стр. 616, Погодин анонсировал, в числе новых произведений Гоголя, повесть “Мадонна del fiore” — следующее звено от “Аннунциаты” к “Риму”.] Однако, всего вероятнее, что к этой переработке он приступил уже по возвращении в Россию, зимой

1841–1842 г., во время пребывания у Погодина.

Гоголь сам назвал свою повесть “отрывком”, что должно было указывать на замысел гораздо более сложный и развитый, нежели тот, что дан в “Риме”. С другой стороны, Аксаков, слышавший начало “Аннунциаты”, категорически утверждает, что ““Рим” является переделкой этой чудной повести”. Сопоставляя эти данные, мы смело можем сказать, что “Рим” восходит к “Аннунциате”: к ней и должно обращаться при изучении творческой истории “Рима”. К сожалению, об этой ранней редакции повести мы знаем очень мало, да и то, главным образом, из вторых рук, из свидетельств современников. Нет точных и более или менее подробных указаний на нее и в переписке Гоголя. Нам известно только, что Гоголь, приехав осенью 1839 г. в Россию, привез с собою первые главы повести из итальянской жизни, что в январе — феврале 1840 г. он читал их у Аксаковых и других знакомых, что до марта 1841 г. (в Риме) он, по всем вероятностям, к ней больше не прикасался, а зимой 1841–1842 г. переделал ее в отрывок “Рим”. Сопоставление же “Рима” с итальянскими письмами Гоголя (см. ниже) заставляет предполагать, что впервые взяться за эту повесть Гоголь мог никак не раньше апреля—мая 1838 г. Таким образом, время написания “Аннунциаты” определяется приблизительно двумя датами: весна 1838 г. или осень 1839-го. Точно также предположительно можно говорить и о самом замысле “Аннунциаты.” Судя по тому, что уже гораздо позднее, по напечатании “Рима”, Гоголь в письме к С. П. Шевыреву [От 1 сентября 1843 г. из Дюссельдорфа.] называет это свое произведение романом, и что то же выражение применяет к нему и Т. Н. Грановский, слышавший чтение первых глав, можно заключить, что оно было задумано в форме обширного эпического повествования, с широко развитой сюжетной схемой, многочисленными персонажами и т. д. С другой стороны, некоторые указания в письмах Гоголя к друзьям из Рима дают основания предполагать, что и “Аннунциата” должна была быть “самой романической историей” о “взявшейся, один бог знает откуда, красавице”. Если это предположение верно, то тогда в “Аннунциате” мы имеем дело с повестью, так сказать, традиционного типа: с романической интригой на первом плане, с красавицей, влюбленным в нее князем, плутоватым посредником — слугой Пеппе и т. д.

Это всё, что можно сказать об “Аннунциате”; роман оборвался на первых главах, и Гоголь позже использовал написанное для “отрывка” “Рим”.

II.

Повесть эта является одним из наиболее автобиографических произведений Гоголя. Если Италия сыграла огромную роль в жизни и творчестве Гоголя, то “Рим” как бы суммирует и обобщает все его впечатления от этой страны. Но, само собой разумеется, что глубокая субъективность “Рима” отнюдь не исключает близости Гоголя к известным литературным традициям. Известно, что Гоголь довольно усердно изучал литературу об Италии: и первоисточники, и современных ему авторов. Из этих последних один мог оказать особое влияние на его оценку Италии: это — Стендаль. Среди книг, подаренных Гоголем своему другу Данилевскому, имеются *Promenades dans Rome* Стендаля; но Гоголю, конечно, была известна и другая итальянская книга Стендаля: “Рим, Неаполь, Флоренция”. Сопоставление “Рима” с этими произведениями Стендаля неопровержимо свидетельствует, что целый ряд суждений Гоголя об Италии и итальянцах, более того — самая антитеза француза и итальянца, Парижа и Рима — восходят к Стендалю. [См. В. А. Десницкий, “Задачи изучения жизни и творчества Гоголя” — в сборнике: “Н. В. Гоголь. Материалы и исследования”, II, 1936, стр. 58–59; или в книге “На литературные темы”, кн. 2, 1936” стр. 365–366.] Но, заимствуя от него отдельные суждения, оценки и антитезы, Гоголь давал им совершенно иную мотивировку, по-своему переосмысляя данный в произведениях Стендаля образ Италии и итальянца.

Критикой “Рим” был воспринят как нечто уже устаревшее, отсталое по своей форме и стилю, хотя и не лишенное элементов гоголевского реализма. Белинский не мог к тому же отнестись сочувственно к идеологии, которую он угадывал за тематикой “Рима”. “В статье “Рим”, говорит он, “есть удивительно яркие и верные картины действительности”, но “есть и косые взгляды на Париж, и близорукие взгляды на Рим, и — что всего непостижимее в Гоголе — есть фразы, напоминающие своею вычурною изысканностью язык Марлинского”. [Белинский. Полное собр. соч., VIII, 440.]

В статье “Русская литература в 1842 году” свою оценку “Рима” Белинский еще раз формулировал так: “В “Москвитянине” было напечатано начало новой повести Гоголя “Рим”, равно изумляющее и своими достоинствами, и своими недостатками”. [Белинский. Полное собр.

соч., VIII, стр. 22.]

Иначе отнесся к “Риму” В. П. Боткин: его восторженный о нем отзыв сохранился в письме к Краевскому (от 16 марта 1842 г.). [См. Отчет Публичной библиотеки за 1889 г., 46–47. Ср. еще отклик на “Рим” П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту от 1 апреля 1842 г. (“Переписка Грота с Плетневым”, I, стр. 512).]

Отзывов о “Риме” вообще было немного. Вышедшие в свет в мае того же 1842 года “Мертвые души” сразу поглотили всё внимание читателей и критиков, отодвинув на задний план всё остальное.